

европа

Эдуард

ШЕВАРДНАДЗЕ

КОГДА РУХНУЛ

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС

Эдуард
ШЕВАРДНАДЗЕ
КОГДА РУХНУЛ
ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС
ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

Москва
Издательство «Европа»
2009

УДК 32:354+929
ББК 63.3-8 (5Гру):66.2
Ш 59

Eduard Schewardnadse
Als der Eiserne Vorhang zerriss
Begegnungen und Erinnerungen
Mit einem Geleitwort von Hans-Dietrich Gensher
Copyright © 2007 by Peter W. Metzler Verlag, Duisburg, Deutschland
Alle Rechte vorbehalten

Директор Вячеслав Глазычев
Главный редактор Глеб Павловский

Предисловие Александра Бессмертных
Перевод с немецкого Галины Леоновой

Эдуард Шеварднадзе

Ш 59 Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания / Пер. с нем. Г. Леоновой. – М.: Издательство «Европа», 2009. – 428 с.

Жизнь Эдуарда Шеварднадзе – уникальный пример политического долголетия. История его карьеры – это серия бурных взлетов и катастрофических падений, неожиданных и вместе с тем вполне закономерных переходов из лагеря в лагерь, с одной политической сцены на другую. Жесткий коммунистический лидер союзной Грузии, в конце 1980-х Шеварднадзе становится одним из главных демократов в горбачевском политбюро, активным проводником «нового мышления», страстным сторонником союза с США и поборником идеи объединения Германии. В начале 1990-х, после свержения первого президента независимой Грузии, бывшего диссидента Звиада Гамсахурдиа, – он становится президентом Грузии, чтобы спустя 11 лет быть смещенным в ходе первого залпа инициированной президентом США «глобальной демократической революции».

Кто же он – Эдуард Шеварднадзе, один из самых стойких и самых опытных политиков нашего времени? Почему столь часто ему приходилось покидать политическое поле, и почему раз за разом он возвращался на него? Как складывались его отношения вначале с союзным, а затем с российским руководством? Когда и при каких обстоятельствах начался процесс осложнения отношений России и Грузии в 1990-е годы, достигший кульминации уже после отставки Шеварднадзе, в августе 2008 года? Обо всем этом интересующийся современной политической историей читатель сможет узнать из мемуаров экс-президента Грузии и бывшего министра иностранных дел СССР.

УДК 32:354+929
ББК 63.3-8 (5Гру):66.2

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть сохранена на электронном носителе, скопирована, использована или распространяться без разрешения издательства Петер В. Метцлер.

Alle Rechte vorbehalten. Kein Teil dieses Werks darf ohne Erlaubnis des Peter W. Metzler Verlags gespeichert, vervielfältigt, verwertet und verbreitet werden.

All rights reserved. No part of this book can be stored on electronic media, copied, used or distributed without permission of Peter W. Metzler Publisher.

ISBN 978-5-9739-0188-2

© Peter W. Metzler Verlag, Duisburg, Deutschland, 2007

© Леонова Г., перевод, 2009

© Издательство «Европа», издание на русском языке, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Жанр ухода. Предисловие к русскому изданию	7
Предисловие Ганса-Дитриха Геншера	15
От автора	19
Глава I	
Окончательный уход в отставку: ноябрь 2003 года . . .	23
Глава II	
Моя жизнь в Крцаниси	41
Глава III	
Встречи в Грузии и Израиле	47
Поддержка эмиграции в Израиль	49
Индира Ганди в Тбилиси	52
От «Покаяния» до крещения	54
Глава IV	
Новая «нравственная внешняя политика»	
в Советском Союзе	65
Мои сотрудники и соратники	74
Встречи с американским руководством	77
Встречи на высшем уровне	
между Рейганом и Горбачевым	87
Афганистан – бездонная бочка	90

Глава V	
Международная арена: встречи и решения	99
Комплимент от Ричарда Никсона	101
Визит к аятолле Хомейни	102
...И к Саддаму Хусейну	109
Начало конца холодной войны	112
Саммит на Мальте – рассерженный Горбачев	119
Вайоминг: победа здравого смысла	121
У Фиделя Кастро	122
«Советское наступление»	
в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане	124
Отношения с Японией, Филиппинами и Кореей	133
Отношения с китайским соседом	142
Британский опыт	144
Воссоединение Германии	150
Польское трио: Валенса, Ярузельский, Войтыла	169
Глава VI	
Внутриполитические проблемы Советского Союза	175
Волнения в Советском Союзе	177
В поисках пропавшего без вести пакта	181
Соперничество между Горбачевым и Ельциным	183
Глава VII	
Закат и распад	187
Мой первый уход в отставку	189
После отставки: битва за «Белый дом»	194
Крушение советской империи	205
Горбачев опаздывает	212
Взлет Бориса Ельцина	223
Распад Советского Союза	228
Трагедия имперского мышления	231
Глава VIII	
Возвращение в Грузию	235
Глава IX	
Сто дней одиночества	265
Стабильность и признание Грузии	276
Немецкий и российский министры иностраных дел в Тбилиси	278

Грузия на краю пропасти	284
Американский друг	290
Российские интервенции	296
Двойная игра в Грузии	301
Глава X	
Россия – Кавказ – Грузия	305
Глава XI	
Необъявленная война России против Грузии	317
Конфликты в Абхазии и Южной Осетии	319
Интриги, беспорядки, гражданская война	328
Война в Абхазии	333
Бомбардировки Сухуми	349
Изгнание грузин из Сухуми	361
Политика России	368
Глава XII	
Покушения и терроризм	379
Первое покушение	381
Второе покушение	385
Третье покушение	389
Глава XIII	
Терроризм – бич нашего времени	399
Эпилог	
Письмо потомкам	409
Алфавитный указатель упомянутых лиц	421

ЖАНР УХОДА

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Писать мемуары – дело весьма рискованное, особенно для политиков. И надо отдать им должное: риск не вынуждает их бросать перо. В результате история обогащается полезными свидетельствами и документами, помогающими лучше понять парадоксы той или иной эпохи или своеобразие интересной личности.

И все же, какими бы добрыми намерениями ни руководствовался мемуарист, в его текст незримым смысловым ароматом то и дело проникает нечто скрываемое: тщеславие или «подверстывание истины», отмщение недругам или оправдание собственных просчетов. Не всякому ищущему вход в историю бывает понятно, почему порой сама история вдруг набрасывает на него тень. Ей, видно, претит, когда кто-то переходит грань, отделяющую истинное искусство (включая искусство правды) от подделок. Редко кому удавалось в полной мере избежать этой подстраиваемой историей ловушки – будь то писатели, художники, артисты или дипломаты.

Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе, как бы к нему ни относились современники, принадлежит к числу ярких личностей последних десятилетий. Он обрел международную известность и, надо признать, обширную популярность в бытность министром иностранных дел СССР (1985–1990). После крушения бытовавших в стране необычайно высоких надежд, связанных с перестройкой, после шокирующего развала огромного государства его имя наряду с другими творцами во многом не оправдавшихся перемен обросло

противоречивыми оценками, в том числе негативными и не всегда справедливыми.

В условиях, когда еще нет надежных исследований деятельности Шеварднадзе, когда не все достаточно знавшие его раскрыли свое понимание этой политической фигуры, воспоминания и размышления его самого вызывают повышенный интерес. Бесспорно, он человек больших природных дарований, цепкого и изощренного ума; человек, впитавший в себя многие черты богатого духовными ценностями и традициями грузинского народа. Вовлеченность в сложные перипетии, через которые пролегла его переменчивая жизненная стезя, добавила его натуре повышенную осторожность, интуитивность, скрытность, расчетливость, умение ладить с друзьями и располагать к себе оппонентов.

Шеварднадзе выделялся из весьма однообразной череды грузинских и союзных партийных деятелей особенностью своей натуры. Такими же были М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин при всех их ментальных и мировоззренческих различиях.

Полную событий публичную жизнь Шеварднадзе условно можно разделить на три периода: домосковский грузинский, московский и послемосковский грузинский. О первом известно немного. До Москвы доходили его стилистически пышные речи на съездах и еще анекдоты – высшая российская мерка популярности – о его остроумных методах выведения на чистую воду коррумпированных чиновников. Однажды я поинтересовался у него, насколько правдивы эти истории. Хитро улыбнувшись, он ответил: «Как и все анекдоты». И в своих мемуарах он сообщает об этом периоде крайне скупо, ограничиваясь хронологией передвижения по служебной лестнице и немногочисленными эпизодами, такими, к примеру, как история его поддержки, «не без колебаний» оказанной известному кинорежиссеру Тенгизу Абуладзе в создании знаменитого фильма «Покаяние».

Неожиданное для всех решение М. С. Горбачева пригласить Шеварднадзе на должность министра иностранных дел СССР в 1985 году открыло, пожалуй, самый интересный,

наиболее насыщенный важными событиями московский цикл жизненного путешествия Эдуарда Амвросиевича.

В основном этому периоду он посвятил свою первую книгу «Мой выбор», вышедшую в 1991 году. К сожалению, мемуарная составляющая там уступала политической задаче – завершить борьбу с многочисленными критиками его министерской деятельности и обосновать свой выбор в пользу идей перестройки, демократического развития нашей страны, о которой он тогда писал как о «великом евразийском пространстве, которое зовется Советским Союзом». Он выступал за сохранение СССР, предупреждая, что разрушение его «внесет в жизнь миллионов людей колоссальные лишения и страдания». Поэтому считал важным «серьезный, терпеливый диалог между Центром и республиками».

Надо, однако, отметить, что Шеварднадзе исключительно тяжело перенес события апреля 1989 года в Тбилиси, где против демонстрантов была применена сила, что привело к жертвам. По моим наблюдениям, именно после того как Москва не дала объективной оценки и не осудила эти события, Шеварднадзе изменил свои взгляды на происходящее в стране, на роль Горбачева и даже на саму перестройку, которую ранее считал «линией на возрождение гуманистической идеи, возвращение к человеку, человеческому масштабу».

Тогда он и решился на отставку, объявив о ней 20 декабря 1990 года. Не знаю, рассчитывал ли он на то, что отставка не будет принята. Я видел его через месяц после этого. Он был подавлен, расстроен и даже, казалось, растерян. Неясный ответ зашифрован в загадочном замечании, оброненном по этому поводу в первой книге: «Иногда я думаю о том, что у человека нет более опасного недруга, чем он сам. И прежде чем находить друзей вокруг себя, надо обрести друга в самом себе». По стилю эта мысль могла быть подсказана многолетним с тбилисских времен помощником Шеварднадзе, талантливым журналистом, в течение всей карьеры Эдуарда Амвросиевича писавшим для него речи, статьи и книги, Теймуразом Степановым-Мамаладзе. Теймураз в доверительных разговорах со мной незадолго до его преждевременного ухо-

да из жизни давал понять, что не во всем соглашался со своим шефом, в том числе и с его настроением подать в отставку, но Шеварднадзе, как правило, предпочитал прислушиваться к своему внутреннему голосу.

О книге «Мой выбор» Шеварднадзе в послесловии к ней писал, что она – «не политические мемуары, их время еще не пришло. Мемуары – “жанр ухода”, а уходить я пока не собираюсь».

Представляемые читателю мемуары «Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания» принадлежат перу человека, который уже «ушел» из активной политической жизни, оставил пост президента Грузии под давлением охваченных «оранжевой революцией» бушующих улиц и площадей Тбилиси. Ушел покинутый и преданный бывшими союзниками. США и Европа ограничились ободряющими посланиями.

Когда в 1992 году Шеварднадзе возвращался из Москвы на свою «опустившуюся и одичавшую родину», он ставил перед собой цель научить людей «жить в независимой стране и в целях демократии». Однако, признается он, «его политика, нацеленная на либерализацию общества, оказалась недостаточно сбалансированной и не обеспечила твердого фундамента для реформы основ государственных структур».

Автор допускает немалую дозу самокритичности. Однако книга, судя по всему, задумывалась им прежде всего как документ, объясняющий пружины тех процессов в Грузии, которые привели к его поражению, к тем «ста дням одиночества» (так он назвал одну из глав), в которых он сейчас живет. Эта болезненная для него тема проходит фактически через все разделы книги, в том числе те, где он возвращается ко времени своего пребывания на посту министра иностранных дел СССР. В отличие от упомянутой первой книги воспоминаний Шеварднадзе на этот раз подчеркивает собственную роль в решении важнейших международных проблем (Афганистан, где «Советская армия потерпела поражение», сокращение ядерных вооружений, объединение Германии, кувейтский кризис и др.). Надо отдать ему должное: в течение пяти с лишним лет, когда он возглавлял советскую дипломатию, у нашей внешней политики были достижения,

особенно на таких направлениях, как отношения с Европой, Японией, Кореей, другими странами Азии, развитие ситуации на Среднем и Ближнем Востоке, сдвиги на переговорах с США по ограничению ядерных вооружений.

В книге есть интересные новые моменты, связанные с внутренней и внешней политикой СССР. В частности, впервые сообщается о содержании разговора Шеварднадзе с Дэн Сяопином в Шанхае в 1989 году, в ходе которого тот заявил, что Китай с Советским Союзом «ведет спор о больших областях, о территориях, исторически принадлежащих Китаю. Наступит время, когда Китай, возможно, вернет их себе».

Во внешнеполитическом наследии Шеварднадзе имеются и спорные решения, по поводу которых до сих пор не умолкают критические суждения, адресуемые то ему, то Горбачеву. В книге раскрываются интересные детали, показывающие, кому из них принадлежит наибольшая роль в подготовке или в осуществлении тех или иных дипломатических ходов, в том числе вызывающих неприятие в общественном или экспертном мнении.

До сих пор особенно остро воспринимаются тактические шаги Москвы в деле объединения Германии. В своих мемуарах Шеварднадзе активно отстаивает собственный вклад в достижение реализованных условий объединения. «Восстановление единства Германии, – пишет он, – стало для меня величайшей жизненной задачей. Это принесло мне мировое признание и верную дружбу Ганса-Дитриха Геншера» (тогдашнего министра иностранных дел ФРГ). Шеварднадзе ссылается при этом на то, что, начав обсуждение с США, Францией, Англией и ФРГ модели дальнейших переговоров о воссоединении (советская позиция изначально исходила из формулы: «Большая четверка» плюс две Германии), он, советуясь с Горбачевым («до сих пор мы с Горбачевым не вели между собой конкретных бесед на эту тему»), согласился на германский вариант: две Германии плюс «четверка» («2+4»). Это отодвинуло страны – победительницы во Второй мировой войне на задний план переговоров. При этом главным, по мысли Шеварднадзе, было «вывести армию (СССР)

из Германии и тем самым освободить путь к объединению Германии. Другой логики не существовало». И это не совсем соответствовало переговорной линии Москвы.

Отвечая на критику своего подхода к германскому вопросу, Шеварднадзе неожиданно заявляет, что причина критики кроется в том, что ему «как грузину не простили того, что было бы прощено русскому».

Читателю мемуаров нужно быть готовым пройти через полосу «мертвого дождя» – антироссийских высказываний, которых немало на страницах книги. Автор со странной настойчивостью пытается обвинить СССР и Россию фактически во всех страданиях Грузии и грузинской нации: «СССР – государство народов, объединенных с помощью хитрости и насилия», внутренние конфликты в Грузии происходят из-за «империалистических сил России», «умирающая империя все еще отравляет нам жизнь», «процесс экспансии и “коллекционирования” чужой земли со стороны России продолжается и в двадцать первом веке» и т. п. Некоторые высказывания автора по своей неоправданности просто запредельны.

В чем могут крыться причины такого поворота во взглядах Шеварднадзе на Россию?

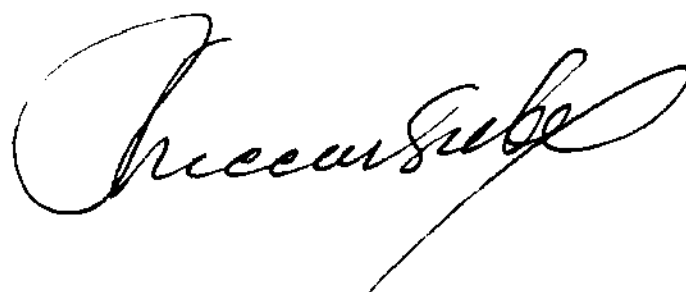
Рискну предположить следующее. Пришло время, когда Эдуард Амвросиевич начал писать свой «жанр ухода», подводить итоги политической карьеры. Венчать ее должно было президентство в Грузии – высшая форма служения своему народу. Не сомневаюсь, он делал все, чтобы добиться успеха, сделать страну счастливой. Но в силу причин, о которых он, к сожалению, не все рассказывает, этого сделать не удалось. Повторилась в чем-то история, случившаяся с М. С. Горбачевым: в нужный, отчаянный момент, когда вопрос стоял о спасении его власти, Запад, на который возлагались надежды, руки помощи не протянул. На следующий день после государственного переворота в Грузии, приведшего к отставке Шеварднадзе, ему вручили послание президента США Буша, в котором тот назвал «исполненный достоинства уход в отставку» – не поверите – «еще одним Ва-

шим достижением». У Запада уже был новый ставленник, которому помогли укрепить власть в Тбилиси.

В наступившей холодной «осени патриарха» нужно было найти объяснение случившейся жизненной катастрофе. Перед отъездом Шеварднадзе в Грузию в 1992 году я высказал ему сомнение в разумности этого шага. Он ответил: «Не поеду – народ не простит». И признать, что тот самый народ, прежде всего молодое поколение, ради которого он фактически рисковал жизнью, теперь отверг его, видно, было выше его сил. Нужно было найти какое-то иное объяснение трагедии. Легче показалось списать все на Россию. И это, на мой взгляд, вторая сторона трагедии, ибо в российской душе продолжают храниться теплые чувства к Грузии и ее народу.

Еще одна возможная причина – книга писалась для издания на Западе, в частности в ФРГ (в США она до сих пор не опубликована). Критиковать Советский Союз и Россию было когда-то модно. Однако чрезмерность нападок на них в новые времена невольно воспринимается даже на Западе как необъективность и несправедливость.

В завершающем мемуары «Письме потомкам» Эдуард Амвросиевич пишет, что при мысли о настоящем и будущем Грузии ему становится больно и горько. Но он уже ничего не может изменить и отвести беду. Потому что «новому времени нужны новые люди».

*Александр Бессмертных,
чрезвычайный и полномочный посол,
председатель Всемирного совета бывших министров
иностраннных дел,
президент Внешнеполитической ассоциации,
Москва, 30 июля 2009
года*

ПРЕДИСЛОВИЕ ГАНСА-ДИТРИХА ГЕНШЕРА

В историческую летопись двадцатого века имя Эдуарда Шеварднадзе вписано большими буквами. Вместе с Михаилом Горбачевым Эдуард Шеварднадзе принадлежит к числу выдающихся личностей – приверженцев нового мышления, которых в Советском Союзе было не так уж много. Особенно среди политиков. Однако им удалось изменить не только свою страну, но и весь мир – и изменить к лучшему.

В течение жизненного пути Эдуард Шеварднадзе прошел по карьерной лестнице Коммунистической партии от первой до последней ступени. Можно сказать, что до вершины он добрался как раз вовремя – диктатура партии была разрушена революцией, происходившей в верхах и открывшей для народов Советского Союза дорогу к лучшему будущему.

По своей национальной принадлежности Эдуард Шеварднадзе – грузин, и об этом он никогда не забывал. Эдуард Шеварднадзе – патриот Грузии. Вот почему в 90-е годы он последовал зову Родины, оставил Москву и вернулся в Грузию. Он видел, что берется за почти невыполнимую задачу, и тем не менее принял на себя ответственность за собственную страну. По-видимому, Шеварднадзе ясно осознавал, что в сложившейся ситуации только он сможет помочь своему народу избежать роковой кровавой гражданской войны.

Занимая с 1985 года пост министра иностранных дел Советского Союза, Шеварднадзе постепенно сумел добиться доверия во всем мире не только к себе как к политику, но и к новому руководству Москвы. Искренность Шеварднадзе, его открытая манера вести беседу производили благоприят-

ное впечатление на всех, кто с ним встречался. Он обладал способностью поставить себя на место собеседника, понять чужие проблемы и совместно отыскать путь для их решения.

Как и Горбачев, Эдуард Шеварднадзе столкнулся с огромным недоверием со стороны окружающих его людей. И так же, как Горбачев, подвергся критике, нараставшей в Советском Союзе день ото дня, встретил сильное сопротивление. И, конечно, настоящим мучением (как если бы его прогнали сквозь строй, избивая шпицрутенами) стал для Шеварднадзе партийный съезд, проходивший в начале лета 1990 года. Эти болезненные воспоминания наверняка мучают его и сегодня.

* * *

В своей книге, которая называется «Когда рухнул железный занавес», Эдуард Шеварднадзе приглашает нас пройти вместе с ним трудный путь. Прочитав его книгу, мы получим возможность заново пересмотреть и пережить все перипетии борьбы за власть, происходившие в те времена в Кремле, понять, с каким мощным сопротивлением со стороны партийцев пришлось столкнуться новому руководству страны, и сможем наконец осознать, сколько мужества, сил и понимания потребовалось от нового руководства. Мы поймем, каким образом и почему именно так Шеварднадзе создает собственную картину западного мира, высказывает свое представление о выдающихся личностях, игравших в то время решающую роль в политике. Вместе с автором почувствуем удовлетворение от его успехов и проникнемся сочувствием к его разочарованиям. На равнодушного читателя произведут глубокое впечатление те ясность и твердость, с которыми человек, выросший в Советском Союзе, с глубоко укорененным партийным сознанием, стремится к новым берегам. Его беспокоит не усиление собственной власти, а поиск большей человечности и справедливости. Бесспорно, многие из наших скоропалительных суждений будут откорректированы при чтении книги Шеварднадзе. События, казавшиеся нам хорошо изученными и знакомыми, мы увидим в новом свете. Тот, кто захочет написать об истории того пе-

риода, о 80-х и 90-х годах прошлого века – этих «решающих десятилетиях», – не сможет обойти стороной эту книгу.

Название книги имеет подзаголовок: «Встречи и воспоминания», который, впрочем, далеко не исчерпывает ее содержания. Скорее это произведение можно назвать политическим завещанием Шеварднадзе. «Мне хотелось бы, чтобы мои читатели узнали, что и как тогда происходило», – пишет он в послесловии. И добавляет: «Без исторической памяти не может быть ни будущего, ни настоящего». «Человеколюбие всегда начинается с любви отдельного конкретного человека».

Прочитав эти слова, я вспомнил статью нашей Конституции: «Достоинство человека неприкосновенно». И тут же перед моим внутренним взором явился памятный день 1990 года, когда мы вместе с Эдуардом Шеварднадзе были на кладбище в Бресте у памятника павшим советским солдатам и вместе прочитали имя его брата, который погиб на следующий день после нападения гитлеровцев на Советский Союз.

На всем протяжении своего трудного жизненного пути Эдуард Шеварднадзе черпал силы в памяти о былых годах своей собственной семьи – это было важно для него прежде, остается важным сейчас, будет важным всегда. Что касается моего личного отношения к Эдуарду Шеварднадзе, то для меня этот человек навсегда останется просто верным другом.

*Ганс-Дитрих Геншер
Бонн, август 2007 года*

ОТ АВТОРА

Книга «Встречи и воспоминания» была написана мной после ухода с поста президента Грузии (ноябрь 2003 года). Этим записям предшествовала долгая жизнь в политике – чаще успешная, но иногда без успеха, жизнь, наполненная взлетами и падениями, разочарованиями и политическими отставками.

Работая над книгой, я хотел поделиться мыслями и воспоминаниями со своими современниками, вместе с ними освежить в памяти события, происходившие в прошлом. Мне хотелось дать краткий очерк наших отношений с соседями, и прежде всего отношений между Грузией и Россией, кроме того, мне хотелось показать, какой вклад внесен мною как представителем Грузии в развитие политических процессов на мировой арене за прошедшую четверть века. Я считаю, что мир коренным образом изменили следующие вещи: новая «нравственная внешняя политика», окончание холодной войны, вывод советских войск из Афганистана, объединение Германии, крушение Советского Союза, независимость центрально- и восточноевропейских государств, обретение Грузией независимости и построение демократического государства в нашей стране.

Я расскажу о глобальных проблемах, о государствах, в которых был, о людях, с которыми встречался, о примечательных личностях, с которыми меня сводила судьба.

Еще в юности, знакомясь с некоторыми писателями, я замечал, что им присуща некая общая характерная особенность: в своих произведениях они меняют не только окружающий мир, но и собственную персону и изображают себя в иной перспективе. При написании мемуаров происходит то же самое. Автор показывает себя (осознанно или непреднамеренно) в благоприятном свете, как правило, более положительным персонажем по сравнению с тем, каким он был или каким является. Работая над книгой, я пытался не поддаваться этому искушению. Я твердо решил сохранить объективность в отношении собственной персоны и прожитых лет.

Я рассказал о своей жизни то, что, как мне кажется, может представить интерес для читателей, и теперь Вы можете вынести обо мне свое суждение – без снисхождения и без компромиссов.

* * *

«Встречи и воспоминания» базируются на материалах, собранных в свое время мною и моими сотрудниками Теймуразом Степановым-Мамаладзе и Сергеем Тарасенко. Значительная часть документов принадлежит архиву Министерства иностранных дел Советского Союза, доступ к которым мне предоставил Игорь Иванов, занимавший в то время пост министра иностранных дел. Выражаю ему свою благодарность.

Особенно хочу поблагодарить Кобу Имедашвили, который поддерживал меня в тяжелые времена. Только благодаря его поддержке мне удалось собрать самую разнообразную документацию, мои написанные от руки заготовки и аудиозаписи. Я очень обязан еще двум людям – Цицо Чихладзе и Марине Давиташвили, которые уже много лет заботятся о моем архиве.

За подготовку книги от всего сердца благодарю издателя Петера В. Метцлера, моего научного консультанта – профессора, доктора наук Петера Альтера. Спа-

сибо переводчице Нино Сологашвили за редакторское сопровождение, спасибо переводчику – профессору, доктору наук Александру Картоциа.

В завершение я бы хотел поблагодарить мою семью, и особенно мою покойную жену Нанули, которая и сейчас остается со мной – в каждом слове и в каждой строчке этой книги.

*Эдуард Шеварднадзе
Тбилиси, июль 2007 года*

*В память о моей супруге
Нанули Цагареишвили-Шеварднадзе*

ГЛАВА I

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ УХОД
В ОТСТАВКУ:
НОЯБРЬ 2003 ГОДА

– Куда вы сейчас пойдете, господин президент?

– Домой...

В течение довольно долгого времени – с 1972 по 2003 год – я находился на самой вершине политической жизни Грузии (исключением стали семь лет, проведенные в Москве на посту министра иностранных дел Советского Союза). Надо сказать, что за эти годы мне не раз приходилось переосмысливать свои политические взгляды. Вполне естественно, что результатом такого переосмысления стало возникновение предубеждений против меня как политика. Предубеждения росли и накапливались, несмотря на то, что я всегда старался найти общий язык со своими согражданами, и это обычно удавалось. К сожалению, не могу сказать того же о последнем периоде моего руководства – тогда я почувствовал отчуждение между мной и значительной частью грузинского общества. В этот момент обозначились и обострились противоречия между мной и политиками, которые благодаря именно моей поддержке начали работать в правительстве. Когда в 1992 году я возвратился на родину, Грузия находилась в политической изоляции. В то время только Украина получила государственную независимость. Наша страна была погружена в хаос, экономика разрушена, бушевала гражданская война между так называемыми братствами, полным ходом шло разграбление республики, царил произвол. Не

знаю, насколько успешно, но мне удалось вывести Грузию из тяжелейшего положения.

С той поры прошло много лет, события тех дней для многих людей утратили остроту, стали не столь важными и интересными, какими ощущались когда-то. Это не удивительно, ибо память тяготеет к забвению.

За долгие годы обо мне сформировались весьма противоречивые мнения. Часть населения грузинского общества, чьи суждения нельзя не учитывать, с подозрительностью наблюдала за изменением моих политических взглядов и не могла относиться ко мне с настоящим доверием. И я тоже, по-видимому, уже не понимал людей, а особенно молодое поколение – тех, для кого мои заслуги перед Грузией и миром, по сути, ничего не значили.

Событиям ноября 2003 года* предшествовали акции, хорошо спланированные оппозицией. К тому времени мы уже убедились в том, что государственный аппарат в Грузии слишком слаб. Теперь в дополнение к этому некоторые высокопоставленные государственные чиновники, которым я доверял, были готовы вести переговоры с оппозицией ради сохранения собственной власти.

В конце концов в Грузии разыграли «югославский сценарий», впрочем, со специфическими национальными элементами, с региональной режиссурой и инспирацией. При этом я даже сейчас уверен, что моя отставка с поста президента не являлась целью этого сценария, во всяком случае сначала она не подразумевалась. Все происходившее скорее напоминало борьбу за будущую власть, за те властные позиции, которые должны были освободиться в «постшеварднадзевскую»

* Имеется в виду «революция роз». – Здесь и далее звездочками отмечены примечания переводчика.

эру (мой президентский срок приближался к концу, в должности президента мне оставалось пробыть всего шестнадцать месяцев).

Оппозиция подготовилась очень обстоятельно. Однако не следует также забывать и о некоторых российских и американских организациях, принимавших в этих процессах активное участие. Многие реакционеры в России расценивали мой уход из политики как мою личную неудачу и приветствовали его как заслуженное возмездие. По их мнению, Эдуард Шеварднадзе принадлежал к «гнусной банде», развалившей Советский Союз и навлекшей на «великую державу» множество «бед и несчастий».

Отношение ко мне американцев, а точнее администрации США, даже в это время оставалось положительным и даже доброжелательным. Американские власти знали, что прогрессивный политический курс, изначально избранный мной, с течением времени не претерпел бы никаких изменений. Факт, что перед ноябрьским переворотом 2003 года действия оппозиции в Грузии соответствовали нормам демократии, имел для меня принципиальное значение. Тем не менее, насколько мне известно, некоторые американские неправительственные организации участвовали в мероприятиях оппозиции. В связи с этим следует упомянуть Фонд Джорджа Сороса, который вложил весьма значительные финансовые средства в кампанию, развернутую против меня. Долгое время между мной и Джорджем Соросом поддерживались хорошие отношения. Мы вместе основали в Грузии организацию «Образовательная программа Сороса», просуществовавшую более десяти лет. Благодаря деятельности «Образовательной программы» нам удалось спасти от голода многих грузинских ученых и учителей, уберечь их детей от жестокой участи – не дать им оказаться выброшенными на улицу. Стипендии, выплачиваемые в рамках программы, давали возможность

содержать семью. По моей рекомендации Сорос финансировал Антикоррупционный совет, приступивший к работе именно в это время, а также многочисленные программы научного и культурного характера, организованные фондом «Открытое общество – Грузия».

Возвращаясь на свою опустившуюся и одичавшую родину (шел 1992 год), я видел перед собой две цели: заложить основы рыночного хозяйства и обеспечить нормальное функционирование демократических механизмов, вопреки установкам Военного совета, правившего тогда страной. В то время в Грузии, как, впрочем, и на всем постсоветском пространстве, к западной идее демократии относились как к «заморскому плоду» – подобного опыта здесь никогда не было, мы не понимали, что делать с демократией, как применить на деле ее основы. Я бы даже сказал, что единственной группой, кто не придерживался такого мнения, было движение постсоветских диссидентов, в Грузии оно с самого начала, по понятным причинам, носило националистический характер. Чтобы усвоить новые важные правила – легитимность правительства, возможность демократических выборов, свободу слова и свободу мнений, развитие независимых средств массовой информации, а также возможность создания свободного пространства для формирования гражданского общества, – нам нужно было учиться жить в независимой стране и в условиях демократии. К концу 90-х годов мы отчасти этого достигли. Так, по общему количеству неправительственных организаций Грузия на постсоветском пространстве оказалась одной из первых. В то же время процесс демократизации в Грузии был еще далеким от завершения, да он и не мог считаться завершенным до тех пор, пока не появились государственные структуры и институты, которые могли бы обеспечить стабильное развитие страны. Результатом стало появ-

ление хрупкого государства при сильном и динамичном гражданском обществе. К сожалению, политика, проводимая мной и нацеленная на либерализацию общества, оказалась недостаточно сбалансированной и не обеспечила твердого фундамента для реформы основ государственных структур.

В качестве доказательства мне бы хотелось напомнить о событиях осени 2001 года. Тогда государственные органы, название которых всем известно и не нуждается в том, чтобы о нем напоминали, решили провести финансовую проверку одной независимой телекомпании. Проверка была подготовлена настолько плохо и так непрофессионально проведена, что вызвала массовые демонстрации в Тбилиси, столице Грузии. Частный случай перерос в государственный кризис, в ходе которого правительству в полном составе пришлось уйти в отставку – разрядить создавшуюся ситуацию оказалось возможным только таким демократическим путем и в соответствии с Конституцией.

Сейчас многие полагают, что протесты тех дней явились предупреждением к грядущим событиям ноября 2003 года еще и по той причине, что их поддержали некоторые высокопоставленные лица. Я придерживаюсь иного мнения – ход событий 2001 года представляется мне уроком демократии, произошедшим на практике. В том же ключе, и никак иначе, я расцениваю протесты против состава избирательной комиссии в июне 2003 года. Тогда во избежание политического кризиса был организован визит в Тбилиси моего друга Джеймса Бейкера, в прошлом – госсекретаря США. С той же целью мы приняли новые рекомендации по Закону о выборах.

Оглядываясь назад и размышляя над обстоятельствами, сделавшими возможным правительственный переворот в Грузии в ноябре 2003 года, я вспоминаю о секретаре Совета безопасности Нугзаре Саджая – выдающемся профессионале, моем друге и

союзнике, который с успехом координировал работу органов безопасности. И хотя устройство этих структур было далеким от совершенства и не все их замыслы удалось полностью реализовать, деятельность Нугзара оказалась чрезвычайно эффективной. С горечью констатирую, что весной 2002 года Нугзар покончил с собой. Я убежден, что его принудили к этому шагу. В деле были замешаны серьезные силы и интересы. Не исключаю, что не обошлось без иностранного вмешательства. Анализируя этот трагический случай, я со всей очевидностью понимаю, что после смерти Нугзара Саджая я стал все больше утрачивать контроль над своими доверенными лицами. В моем окружении непрерывно усиливался методически подаваемый поток дезинформации, достигший пика в ноябре 2003 года.

Второго ноября в Грузии состоялись парламентские выборы. День прошел вроде бы спокойно. Однако впоследствии выяснилось, что с обеих сторон, и в правительственном блоке, и в оппозиции, с голосами избирателей производились беззастенчивые манипуляции. Даже если нам и удалось успешно и повсеместно мобилизовать население для участия в выборах, осталась масса вопросов к сотрудникам проекта по созданию электронных списков избирателей. И на эти вопросы до сих пор нет ответа.

Как известно, главной причиной кризиса стали некорректно составленные списки избирателей. Но кто искажил списки, преследуя свои цели? Об этом почему-то не спрашивают. Очевидно, кому-то было выгодно, чтобы избиратель не обнаружил в списках своего имени. Можно было легко спрогнозировать, что этот факт может вызвать волнения.

На следующий день появилась информация о результатах опросов на избирательных участках, затем последовали сообщения о первых официальных результатах выборов. В количестве голосов между первыми и

вторыми отмечалась большая разница. Кроме того, поступило известие о тотальной фальсификации выборов в одном из регионов Западной Грузии, а именно в Аджарии, на что негативно отреагировали международные наблюдатели. За пару дней оппозиция организовала уличные митинги и демонстрации. Ситуация грозила выйти из-под контроля, и я предпринял попытку снять напряжение.

Утром 10 ноября 2003 года я направился к демонстрантам, собравшимся перед зданием парламента в Тбилиси. Их было около ста человек, в основном молодежь. Увидев меня, они встали и, вместо того чтобы поздороваться, стали кричать: «Уйди в отставку! Уйди в отставку!» Среди демонстрантов находилась и председатель парламента Нино Бурджанадзе. Когда я уходил, показался Михаил Саакашвили. Возгласы «Уйди в отставку!» я услышал впервые в жизни. Такое требование из уст молодых людей испугало меня. А как иначе? Фраза крепко засела в моей голове, я постоянно мысленно к ней возвращался. Я раздумывал о том, что не так давно я без колебаний решил уйти с должности министра иностранных дел Советского Союза, не испугавшись возможных последствий, и что в опасных для жизни ситуациях я всегда стремился установить диалог, пойти людям навстречу, но на этот раз обстоятельства складывались иначе. Крики «Уйди в отставку!» вызвали гнетущее ощущение, которого я никогда прежде не испытывал.

Помню, в 2002 году на военной базе Мухровани, недалеко от Тбилиси, один из батальонов отказался подчиняться приказам. Ситуация была крайне напряженной. Однако я не испугался, не спрятал голову в песок, а отправился непосредственно на место событий, хотя я знал, что против меня там готовилась какая-то акция. Вместе с офицерами меня встречали рядовые солдаты, их было около 150 человек. Мы расположились в служебном помещении командира ба-

тальона. После полуторачасовой беседы ситуация разрядилась, военные разошлись по своим подразделениям.

Приводя этот пример, я хотел показать, что всегда шел туда, где возникало напряжение, угрожающее нашей стране, – не с тем, чтобы найти опасность, а с тем, чтобы эту опасность избежать. До описанного выше момента мне вполне удавалось сглаживать конфликты. Но 10 ноября в возгласах «Уйди в отставку!» слышались незнакомые нотки: это были не просто политические требования, а неуступчивость, непримиримость, агрессивность, отвергающая компромиссы. И когда я принял решение об отставке, перед моим внутренним взором снова и снова возникали группы скандирующей ожесточенной молодежи.

Но возвращаюсь к 10 ноября. Тогда первым делом я поехал на встречу с главой правительства Грузинской автономной республики Аджария Асланом Абашидзе. Создавшееся в Тбилиси положение не просто отражало политическую ситуацию в стране, но и существенно осложняло ее, особенно в тех регионах Грузии, где располагались российские военные базы. С этими исторически проблемными регионами следовало обращаться с особой осторожностью. Именно так я и старался всегда действовать в отношениях с Абхазией, Аджарией, Южной Осетией и Джавахети*. Часто такую осторожность ставили мне в упрек. Однако думаю, что я поступал правильно.

Вот и на этот раз, когда предводители и активисты оппозиционного Национального движения собрались в Батуми, столице Аджарии, и там нача-

* Джавахети (Джавахетия, Самцхе-Джавахети, или, по-армянски, Джавахк) – историческая область в верховьях реки Кура, населенная по преимуществу армянами; русское название с середины XIX века – Духоборье.

лись уличные столкновения, я счел необходимым без отлагательств поехать туда, чтобы не допустить эскалации конфликта. Прежде чем выехать на место, я побеседовал с Асланом Абашидзе и затем еще несколько раз связывался с ним по телефону. Я был убежден, что, несмотря на свою крайне независимую политику, он не допустит нарушения единства страны. В конце концов Аслан был внуком Мемеда Абашидзе, выдающейся личности, сыгравшей ключевую роль в возвращении Абхазии в состав Грузии. При этом очевидным было и то, что иностранные агенты сделают все возможное, чтобы усилить сепаратистские движения и отколоть от Грузии этот регион. Одним словом, Грузии грозила реальная опасность разрушения, было необходимо раскрыть глаза оппозиционерам, чтобы те осознали истинное положение вещей.

Я был не единственным, кто понимал, какие опасности принесет с собой распад Грузии. В прессе тоже много говорилось об этом. И я попросил Аслана разъяснить руководителям оппозиции фактическое положение дел.

Сегодня, как и в те дни, многие придерживаются мнения, что я совершил ошибку, не вступив в диалог с оппозицией, а продемонстрировав альянс с Асланом Абашидзе. Внешне все так и выглядело, многим в Тбилиси очень не понравился факт наших переговоров. В действительности дела обстояли иначе. Аслан Абашидзе настоятельно требовал от меня признать легитимными результаты выборов в Абхазии – это усилило бы представительство его партии (партии «Возрождение») в государственном парламенте Грузии. В противном случае следовало ожидать попытки вывести Абхазию из-под юрисдикции Грузии. Такой ультиматум вносил дополнительную напряженность в процесс переговоров. Распада Грузии я не мог допустить! Джеймс Бейкер в одном из интервью упомянул, что во время

ноябрьских событий «аджарский фактор» не оставил мне свободы для маневра. Так оно и было.

22 ноября, в первый день заседания вновь избранного парламента, председатель избирательной комиссии выступила, как положено, с докладом о легитимности состава парламента и о том, что выборы прошли в соответствии с законодательством. Согласно регламенту открывать заседание должен был я. Начало моего выступления планировалось на 16.00. Мне пришлось ждать еще полчаса до тех пор, пока не появились опоздавшие парламентарии, без которых нельзя было зафиксировать кворум. И вот наконец открылось заседание. Я начал читать речь. Она была короткой, и читал я медленно. До конца текста оставалось буквально несколько строк, когда послышались громкие крики... Дверь зала заседаний с силой распахнулась, и я услышал все те же грубые возгласы: «Уйди в отставку!» Я посмотрел в зал и увидел знакомые лица в окружении неизвестных мне молодых людей и некоторых парламентариев. Несмотря на происходящее, я попытался закончить речь. Но в дверях зала заседаний началось волнение. Сначала ворвавшихся вытолкали из зала, затем, вероятно при помощи сторонников, они снова протиснулись в двери, и вся эта галдящая, дико размахивающая руками толпа стала продвигаться к трибуне. Зал заседаний опустел, парламентарии куда-то исчезли. Телохранители окружили меня и вывели из зала. Они исполнили свою обязанность, выполнили свой долг, чего я никак не могу сказать о тех, кто был обязан отвечать за порядок в парламенте. Впоследствии я узнал, что демонстранты проникли в здание, не встретив на своем пути никого, кто попытался бы им помешать.

Окруженный личной охраной, я вышел во двор. Мы сели в машины и выехали на улицы города через

левые ворота ограды здания парламента. Там нас встретили мои приверженцы из Тбилиси, а также люди, приехавшие из Абхазии и из Кахетии. Я обратился к согражданам и сказал, что расцениваю случившееся как попытку правительственного переворота. После совещания в резиденции с представителями органов безопасности я объявил о введении чрезвычайного положения. Я действовал в полном согласии с Конституцией.

Пока длилась формальная процедура и в последующие часы в моем воображении вновь возникали ужасные картины: столкновение демонстрантов с армией, кровопролитие в Тбилиси и в других регионах Грузии. Поскольку в то время я исполнял также обязанности верховного главнокомандующего, я нес двойную ответственность за происходящее. И для меня не имело значения, какой стороне и политической партии принадлежат погибшие люди. По ту и другую стороны баррикад находились граждане Грузии. Эти слова я сказал тогда своей жене и сыну Паате, который в сильном волнении позвонил мне из Парижа (он работает в ЮНЕСКО). Я успокоил их и сообщил, что передумал и принял другое решение: чрезвычайного положения не будет. Для страны, пережившей ужас и кровь в 1921, 1924, 1937, 1956 и 1989 годах, а недавно – и гражданскую войну, было бы величайшим бедствием пережить кровопролитие еще и от рук собственного правительства. Убежден, что руководители оппозиции были уверены в том, что кровопролития я не допущу. Поэтому они и позволили себе безбоязненно ворваться в здание парламента и государственную канцелярию. Впрочем, не исключая, что если бы кровь все-таки пролилась, это непременно было бы использовано для дискредитации моей персоны.

Вспоминаю курьезный факт: когда штурмовали государственную канцелярию, демонстранты вынесли из здания деревянное кресло, разломали его и со-

жгли. Один журналист гордо сообщил телезрителям в прямом эфире, что ему удалось раздобыть обломок моего служебного кресла – чем и снискал себе славу. Вынужден разочаровать журналиста: мое рабочее кресло было сделано из металла и пластика и из моего кабинета его никто не забирал. В тот день демонстранты сожгли обычный стул, один из тех, на которых сидели наши служащие. Это уточнение адресовано тем, кто склонен рассматривать стулья и кресла как символы власти.

Поздним вечером 23 ноября Михаил Саакашвили и Зураб Жвания приехали ко мне в правительственную резиденцию Крцаниси. К этому времени вокруг резиденции собралось около тысячи демонстрантов. Миша и Зураб заговорили о моей отставке, правда, не слишком решительно и категорично. Мой ответ был прост: «Не беспокойтесь. Я принял решение об уходе в отставку и не стану его менять. Вам лучше подумать о завтрашнем дне. Управлять страной – большое искусство и великая ответственность. Мне не хотелось бы, чтобы вы потерпели неудачу. Если вы захотите проконсультироваться со мной, я в вашем распоряжении». – «Да, конечно», – отвечали они¹. Затем я спросил: «На этом наш разговор исчерпан?». Для них это стало неожиданностью – вероятно, они ожидали, что я начну требовать каких-то уступок и настаивать на компромиссах.

В тот день я очень сильно устал, но на душе было спокойно. Противостояние завершилось без жертв и крови. Я предложил Мише и Зурабу первыми выступить перед журналистами. Они отказались. Было видно, что оба пребывали в угнетенном настроении.

¹ К сожалению, после революции события развивались иначе. Новая власть игнорировала либеральные ценности, последовали громкие «телешоу» с арестами, начались увольнения и отставки, отмечалось беспрецедентное давление на органы юстиции и в экономической сфере.

THE WHITE HOUSE
WASHINGTON

December 1, 2003

His Excellency
Eduard Shevardnadze
President of Georgia
Tbilisi

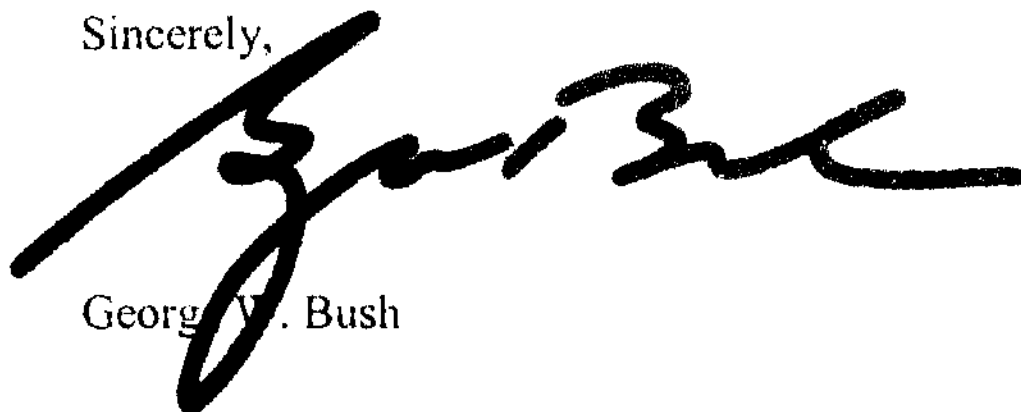
Dear Mr. President:

Thank you for your great accomplishments in the cause of freedom. You won the admiration of millions of Americans, and others throughout the world, for your leadership in helping end the Cold War, spreading freedom across the former Soviet Bloc, guiding Georgia from the darkness of civil war toward democracy and a market economy, and establishing a close friendship with the United States. I am grateful for your support on Iraq and your leadership on counterterrorism in the Pankisi Gorge.

The dignity with which you tendered your resignation on November 23, and your offer to share your experience and wisdom with Georgia's next generation of leaders, whom you helped cultivate, marks another great achievement. Your decision to resign rather than use force on the streets of Tbilisi was a crowning moment in an outstanding career.

I know that you, like the United States, will do everything possible to strengthen Georgia's independence, democracy, and prosperity.

Sincerely,

George W. Bush

Я распрощался и вышел к журналистам, собравшимся на нижнем этаже резиденции. Журналисты окружили меня и стали спрашивать, чем закончилась встреча. Я ответил, что ухожу в отставку, и это мое окончательное решение.

Кто-то спросил:

– Куда вы сейчас пойдете, господин президент?

– Домой...

– А потом?

– Это покажет жизнь...

Среди журналистов я видел много знакомых лиц, у меня всегда были особые отношения с прессой. Я задал встречный вопрос:

– Вы замечаете, как сильно вы изменились за эти годы?

Мне ответили:

– Да. И вы тоже изменились, господин президент.

Я поблагодарил их и отправился домой.

Когда, уже будучи в отставке, я начал писать эти воспоминания, то получил письмо от президента США Джорджа У. Буша-младшего. Вот оно:

Белый Дом
Вашингтон

1 декабря 2003 года
Его высокопревосходительству
Эдуарду Шеварднадзе
Президенту Грузии
Тбилиси

Уважаемый господин Президент,

Благодарю Вас за Ваши великие достижения во всем, что касается свободы. Вы снискали восхищение миллионов американцев и других людей во всем мире

тем, что сыграли лидирующую роль в окончании холодной войны, в распространении свободы на всем бывшем советском блоке. Вы вывели Грузию из мрака гражданской войны вперед к демократии и созданию рыночной экономики, Вы установили близкие дружеские отношения с Соединенными Штатами. Я приношу свою благодарность за Вашу поддержку по иракскому вопросу и за Ваше руководство антитеррористическими действиями в Панкийском ущелье. Еще одним Вашим достижением стал исполненный достоинства уход в отставку 23 ноября и Ваше предложение поделиться своим опытом и мудростью со следующим поколением грузинских лидеров, кому Вы помогли совершенствоваться. Ваше решение уйти в отставку, вместо того чтобы использовать силу на улицах Тбилиси, увенчало Вашу выдающуюся карьеру. Я знаю, что Вы, как и мы в Соединенных Штатах, делаете все возможное ради укрепления демократии, независимости и процветания Грузии.

Искренне Ваш
(подпись)
Джордж У. Буш

ГЛАВА II

МОЯ ЖИЗНЬ В КРЦАНИСИ

После возвращения в Грузию в 1992 году и моего назначения председателем Государственного совета нас, то есть мою жену Нанули и меня, разместили в доме для гостей в так называемой правительственной резиденции Крцаниси в Тбилиси.

Дом, где я живу сейчас, расположен недалеко от правительственной резиденции. Его передали нам позже, когда меня избрали президентом Грузии. В тридцатые годы прошлого века дом принадлежал тогдашнему руководителю Коммунистической партии (КП) Грузии Кандиду Чарквиани. Здание было очень старым, к тому же частично разрушенным землетрясением 2002 года, так что требовалась основательная реставрация. Ремонт стал возможным благодаря поддержке правительства и помощи американских друзей. Естественно, мы с женой тоже внесли свою лепту. В Москве, занимая пост министра иностранных дел, я получал высокий по тем временам оклад. И гонорары, которые мне впоследствии платили за публичные выступления за рубежом и за повторные издания моей первой книги, как и мои многочисленные интервью, приносили определенный доход – все это дало нам возможность собрать значительную сумму для восстановления дома. Три покушения, которым я подвергся, стали для моих американских друзей поводом помочь нам оборудовать наше

жилье с учетом основных требований безопасности. Техническое оснащение по обеспечению безопасности поставляли и друзья из Германии.

После моего ухода в отставку с президентского поста, произошедшего 23 ноября 2003 года, дом оставили за мной с согласия грузинского правительства. Помимо этого правительство приняло решение и в дальнейшем обеспечивать мне услуги персональной службы охраны, без которой моей жизни в Грузии, несомненно, грозила бы опасность. Можно сказать, что теперь у меня появилась отличная возможность для работы!

После отставки ко мне в гости часто приезжают представители различных государств, члены международных организаций и дипломатических служб, журналисты. Они знают о моем отношении к ним и не забывают меня.

Жилой дом окружен чудесным садом. Для меня это особенно важно. Детство я провел в Мамати, это деревня в Гурии (Западная Грузия), поэтому сельский ландшафт с его особой атмосферой для меня наилучшее место отдыха. Здесь, в Крцаниси, меня навещают дети и внуки.

У нас с супругой Нанули двое детей, девочка и мальчик. Когда дети были маленькими, я был по горло занят работой, так что заботы об их воспитании, школе, образовании легли на плечи моей жены. Нанули успевала не только вести дом и приглядывать за детьми, но и работать. Сначала учительницей, потом журналисткой, позже – в журнале «Женщина Грузии». После того как Грузия обрела независимость, Нанули стала президентом объединения «Женщины Грузии за мир и за жизнь» и до последних дней оставалась редактором газеты «Мир повсюду». Помимо того ее выбрали почетным президентом общества «Белый платок».

Наша жизнь проходила, как роман: с радостями и болью, счастьем и со своими бедами. Встречу с Нанули я не считаю простой случайностью. Мне кажется, нас

связало нечто очень значительное, что и придало особую прочность моим отношениям с женой.

Когда я познакомился с Нанули, мне показалось, что трудно представить себе человека, на долю которого выпало бы больше страданий. Ее отца арестовали и расстреляли в 1937-м, семья лишилась крова¹. Зато позднее у нас в жизни было очень много хорошего. Дарования, способности и трудолюбие помогли нам найти свой путь. Да, он был богат трудностями, изобиловал колючими шипами, но мы, тем не менее, преодолевали его во взаимной любви и при взаимной поддержке. Мы готовились встретить счастливую старость. Я уже начал писать воспоминания, а Нанули принялась за работу над романом о нашей семье.

Внезапно все рухнуло. 20 октября 2004 года, после пятидесяти лет совместной жизни, Нанули оставила меня навсегда. Я в тот день находился на конференции в Германии.

Много счастья нам подарили дети и внуки. Дочь Манана окончила Тбилисскую консерваторию. Она работала на грузинском телевидении и принимала участие в съемках множества фильмов. Сейчас она занимается рекламной и издательской деятельностью. Манана замужем за Гия Джохтаберидзе – он доктор технических наук и основатель грузино-американской телекоммуникационной компании. Их дочь Тамара Мосашвили-Шеварднадзе – дипломированный юрист.

Наш сын Паата, о котором я уже говорил, окончил факультет восточного языкознания в Государственном университете Тбилиси, он доктор филологии и сейчас работает в ЮНЕСКО. Паата женат, у него четверо детей. Его супруга Нино Ахледиани-Шеварднадзе совме-

¹ О трагедии 1937 года и о своем личном опыте в этой связи Нанули Цагарейшвили-Шеварднадзе написала в изданном позже, в девяностые годы, рассказе «Мама, я несу тебе мимозу».

щает воспитание детей с работой переводчицей – она прекрасно знает английский язык.

Мой внук Лаша учится в Лондоне, а внучка Софи работает в Москве ведущей англоязычных программ на одном из главных телеканалов. Другие мои внуки пока еще ходят в школу.

Есть у меня в Крцаниси и две собаки: Бомбора и Батура. Порода этих собак в свое время была выведена в Грузии. Рассказывают, что в девятнадцатом веке русские закупили на Кавказе более трех тысяч щенков породы «грузинская овчарка». Наши овчарки отличаются смелостью и силой, вступают в схватку с волками и в большинстве случаев одерживают победу. Мои собаки ночи напролет проводят без сна и безостановочно лают по любым пустякам. К их лаю я настолько привык, что наслаждаюсь им, словно музыкой. Я с самого детства люблю собак, они для меня – члены семьи. Возможно потому, что у нас дома собак всегда держали в большом количестве – мой отец был заядлым охотником.

У грузинского народа существует традиция: тот, кто в новогоднюю ночь первым переступит порог дома, становится меквле* (проводник, указывающий путь). По поверью, именно от меквле зависит, каким станет наступающий год для семьи. Однажды под Новый год меквле оказались две наши овчарки, чему мы с женой были очень рады. Собаки не обманули наших надежд, год оказался удачным.

* Меквле приносит удачу – или неудачу. Односельчане примечают, у кого «легкая нога», и люди, приносящие счастье, ходят в новогоднюю ночь поздравлять остальных. Меквле несет сумку с вином, сладостями и вареной свининой, а прежде чем войти в дом, произносит ритуальные поздравления.

ГЛАВА III

ВСТРЕЧИ В ГРУЗИИ И ИЗРАИЛЕ

Поддержка эмиграции в Израиль

В ходе своей деятельности на посту министра внутренних дел Советской Грузии (1965–1972) и впоследствии, на посту первого секретаря Коммунистической партии Грузии (1972–1985), я столкнулся с серьезной для того времени проблемой: эмиграцией евреев в государство Израиль. Советское руководство делало все возможное, чтобы затруднить евреям выезд на историческую родину, и это вопреки факту, что их присутствие в России традиционно воспринималось с крайним неодобрением. Советское руководство действовало так же, как в свое время поступало Соединенное Королевство Великобритания, отправлявшее суда с евреями на борту обратно к берегам Палестины, не разрешая евреям сойти с корабля на землю. В автобиографии «Моя жизнь», опубликованной в 1975 году, Голда Меир описывает эти равнодушие и бесчеловечность.

Я решил поддержать эмиграцию евреев. Сначала было выпущено всего семнадцать человек, однако эта горстка людей стала началом эмиграционного движения из СССР в Израиль.

Премьер-министр Израиля Эхуд Барак дал произошедшему следующую оценку: «Мы никогда не забудем, что Вы сыграли главную роль в том, чтобы двери Советского Союза распахнулись и евреям была предо-

ставлена возможность эмигрировать в Израиль»¹. «Некто иной, как Эдуард Шеварднадзе, поддержал эмиграцию советских евреев на историческую родину», – сказал и американский госсекретарь Джордж Шульц. Действительно, после моего назначения на пост министра иностранных дел Советского Союза в Москве состоялась встреча с Шимоном Пересом. По нашей инициативе было открыто израильское консульство, и это самым решительным образом способствовало процессу эмиграции.

Лично я чувствовал боль от того, что евреи покидают Грузию. Представители этого древнего народа жили здесь 2600 лет, и все это время как добропорядочные граждане сохраняли лояльность по отношению к грузинскому государству. Грубо говоря, за ними не числилось ничего дурного. Они покидали Грузию со слезами, оставляя друзей, дома и могилы предков. Но душевную тоску по родине утолить невозможно...

В Грузии и сейчас бережно ухаживают за еврейскими могилами, дома эмигрантов стоят нетронутыми. Население хранит добрую память о «еврейских братьях». Думаю, это многое говорит о характере нашего народа.

История проживания евреев в Грузии не запятнала себя антисемитизмом, здесь никогда не было погромов. Я думаю, этот уникальный исторический пример оказался возможным благодаря нашему менталитету, умению приходить к соглашению по самым разным вопросам и основополагающим принципам в отношениях между людьми. Нельзя не задаться вопросом: чем обусловлено такое характерное своеобразие бесконфликтной жизни бок о бок с другими народами? Ведь нельзя отрицать, что в других странах евреи вытерпели много горя только потому, что они евреи.

¹ Цициашвили А. Евреи и Грузия. Тбилиси, 2000. С. 308.

² Там же.

В июне 1995 года я впервые смог посетить государство Израиль с официальным визитом*. Тогда премьер-министром был Ицхак Рабин, а министром иностранных дел Шимон Перес, с которым я прежде неоднократно встречался. Меня встретили очень сердечно. Это было время, когда израильское правительство решило пойти на уступки палестинцам. В качестве ответного шага правительство получило гарантированный мир для своей страны. Ицхак Рабин говорил мне, что это решение оказалось очень болезненным для Израиля, однако продолжать войну не имело смысла. Во время визита я провел много встреч с гражданами Израиля, в том числе с гражданами грузинского и российского происхождения. Наряду с другими факторами встречи убедили меня, что опасения Рабина по поводу соглашения с палестинцами явились своего рода предчувствием, посетившим человека, которому судьба приготовила участь жертвы.

Особенно меня растрогало посещение Ашкелона, в котором диаспора грузинских евреев была весьма значительной. Наша встреча была похожей на долгожданное свидание близких родственников. Несмолкающие аплодисменты, приветствия, дружеские возгласы – едва ли я преувеличу, если скажу, что под конец моего визита ашкелонцы буквально носили меня на руках.

Вскоре после моего возвращения из Израиля подтвердились худшие опасения Ицхака Рабина. 4 ноября 1995 года его убили. Исторический опыт показывает, что убивают – подло, предательски, из-за угла – именно самых ярких и мужественных людей. Такой личностью был Ицхак Рабин. Разумеется, я отложил все дела, чтобы принять участие в траурной церемонии.

В феврале 1999 года с визитом в независимую Грузию прибыли премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху и министр иностранных дел Ариэль Шарон. Родители Шарона когда-то жили в Тбилиси, здесь они сыграли

* В качестве президента Грузинской Республики.

свадьбу. Отец Шарона учился в Государственном университете Тбилиси, бабушка похоронена на еврейском кладбище в Тбилиси. Шарон побывал там и своими глазами увидел, как хорошо ухаживают за ее могилой.

В пятом веке нашей эры в Израиле и на территории нынешнего сектора Газа вели свою деятельность грузинский философ Петре Ибери, создатель Ареопагиты*, и грузинский священник Иоанэ Лази. В Иерусалиме издавна были и по сей день существуют два грузинских монастыря: монастырь Св. Креста, где монашествовал великий грузинский поэт, представитель восточной ветви Возрождения Шота Руставели (сохранилась его фресковая живопись**), а также монастырь лазов***, открытый итальянским археологом.

Мое отношение к евреям определяется не только личной симпатией. Оно сформировалось под влиянием грузинской истории, веками совместного проживания, это плод моего воспитания и национального менталитета. В 1998 году мы вместе отпраздновали своеобразный юбилей: 2600-летие нашей дружественной совместной жизни.

Индира Ганди в Тбилиси

Грузинское гостеприимство широко известно, его часто упоминают. В связи с этим мне вспоминаются встре-

* Петре Ибери, согласно исследованиям академика Ш. Нуцубидзе и бельгийского ученого Э. Хонигмана, являлся автором философских трактатов «Ареопагитского сборника», которые ранее приписывались Дионисию Ареопагиту.

** В Крестовом монастыре (или монастыре Св. Петра), основанном Петре Ибери, сохранилось несколько фресок XIII века грузинской работы, одна из них, с подписью Шота Руставели, возможно, являлась его автопортретом. В 2004 году фреска была сильно повреждена, затем восстановлена.

*** Лазы – народность, проживающая на территории Грузии и Турции.

чи с Индирой Ганди. Она много раз бывала в гостях в Москве и дважды посетила Тбилиси. Первое посещение длилось недолго, она прибыла ночью, а ранним утром была уже на пути домой. Ее сопровождали советники и чиновники, и мы не смогли найти времени для беседы.

Второй визит Индиры Ганди в столицу Грузии состоялся в семидесятых годах и оказался более продолжительным и впечатляющим. Она прилетела с семьей – с двумя сыновьями и их женами. С грузинской стороны на приеме присутствовали председатель Президиума Верховного Совета Павел Гиладшвили и руководитель правительства Зураб Патаридзе. Это была дружеская встреча. О делах говорили совсем немного, гостям предложили отведать блюда грузинской кухни. Все вместе мы сидели до поздней ночи, по-моему, этот вечер удался на славу. На второй день визита мы, опять-таки вместе, провожали семейство Ганди в обратный путь. А в 1980 году сын Индиры Ганди Санджай погиб в авиакатастрофе.

В 1982 году меня как первого секретаря КП Грузии направили в Дели для участия в работе съезда компартии Индии. Я пробыл там с 21 по 31 марта. Съезд длился всего несколько дней, после его окончания я собирался немедленно возвратиться в Грузию. Вероятно, госпожу премьер-министра проинформировали о моем присутствии на съезде. Она попросила меня задержаться в Дели, чтобы лучше ознакомиться с индийской столицей и встретиться перед моим отъездом. Конечно, я согласился.

Прием у госпожи премьер-министра назначили на 10 утра того дня, когда я должен был улететь. В 9.30 в советском посольстве раздался телефонный звонок: нас уведомили, что прием переносится на 11 часов. Позже, когда я уже ехал в машине к резиденции Индиры Ганди, мне сообщили, что нынче утром жена погибшего сына Ганди в большом волнении покинула семейство и уехала из Дели. Скандал произошел на улице, на

глазах у множества людей, что сразу вызвало соответствующий резонанс. Это обстоятельство и стало причиной переноса встречи. Ситуация очень меня взволновала, я предложил передвинуть встречу на другой срок. Но Индира Ганди ответила решительным «нет».

Госпожа премьер-министр встретила нас на ступенях у входа в резиденцию, радушно приветствовала и провела в комнату для гостей. Наша беседа продолжалась почти целый час. Госпожа Ганди произвела на меня удивительное впечатление: ее самообладание, внешность, достоинство, чудесное одеяние – все это было незабываемым. На ее лице не было ни следа только что пережитых неприятностей. Мы разговаривали свободно и откровенно. Мы обсудили важные вопросы мировой политики, вспомнили о ее пребывании в Тбилиси. Прощаясь, Ганди сказала, что на будущий год хотела бы вновь посетить Москву.

Индира Ганди была образованной, разносторонне одаренной личностью и вызывала большую симпатию. Услышав, что 31 октября 1984 года ее убили двое ее личных телохранителей, я был потрясен. Казалось невероятным, что дочь Джавахарлала Неру пала жертвой убийц.

От «Покаяния» до крещения

Есть одна история, которая представляется мне особенно важной. Она наложила отпечаток на все последние годы моего пребывания в коммунистической Грузии. Я имею в виду фильм «Монаниеба» («Покаяние»), снятый грузинским кинорежиссером Тенгизом Абуладзе. Появление такого фильма оказалось возможным именно в Грузии. Режиссер вынес приговор авторитарной советской системе и тем самым сделал первые шаги на пути нашего общего покаяния. С самого начала всячески поддерживая создание фильма, я вместе с ним ка-

ялся перед Богом и людьми. Фильм прошел по экранам мира и был отмечен множеством наград.

История появления картины началась в 1981 году. Однажды в Тбилиси мне позвонил Тенгиз Абуладзе и сказал, что хотел бы меня увидеть. Мы договорились встретиться вечером. Для этого режиссера двери моего дома были всегда открытыми.

Тенгиз пришел к назначенному времени и выложил на стол стопку отпечатанных страниц: «Это сценарий моего нового фильма. Очень хочу, чтобы вы его прочитали. Сразу предупреждаю, что это будет “проблемный” фильм». Сценарий назывался «Монаниеба».

Я сказал, что непременно прочту, но предупредил: «Сегодня ночью я вряд ли смогу познакомиться с вашим сценарием. Утром мы с женой вылетаем в Москву, так что я, по-видимому, прочитаю сценарий уже в столице, завтра вечером».

И действительно, закончив дела, я к вечеру вернулся домой и принялся за сценарий. Я читал запоем, у меня перехватывало дыхание. Я представлял себе, как будут выглядеть на большом экране сцены, описанные Абуладзе, и думал о том, какое впечатление они произведут на обыкновенных людей, какой взрыв эмоций может вызвать картина, если она состоится. Моя жена Нанули заметила, что я едва дышу, и спросила: чем я так взволнован? Я протянул ей текст. Она начала читать, и была совершенно потрясена, потому что она и ее семья сами пережили подобное. Нанули разразилась слезами.

Мы уже два дня находились в Грузии, когда позвонил Тенгиз Абуладзе. Я сам так и не решился ему позвонить, поскольку все еще раздумывал, какое будущее может ждать такой смелый фильм, удастся ли вообще реализовать эту идею. Я оказался в трудной ситуации: надо было сказать Тенгизу правду, но так, чтобы его не обидеть.

Мы договорились встретиться на следующий день. Я еще раз перелистал сценарий. Некоторые строки и

абзацы врезались мне в память, я помнил их наизусть. При встрече я сказал Тенгизу, что вижу две большие проблемы: «Во-первых, Комитет по киноискусству в Москве не одобрит сценарий, это значит, что встанет вопрос финансирования. Во-вторых, если предположить, что нам все же удастся их убедить и ты снимешь картину, то ее положат на “полку” и несколько лет ее никто не увидит. Вот такая тебя ждет судьба, и тебе придется свыкнуться с этой мыслью. Но если ты не снимешь фильм, то останешься в неоплатном долгу перед Грузией и перед грузинским народом – и не только перед ним одним».

Абуладзе казался подавленным. «Так какой же выход, что мне делать?» – спросил он. Я ответил: «Единственный выход – снимать картину. Это наше самое главное дело. А там посмотрим... Давай встретимся еще раз завтра или послезавтра, подумаем над тем, какие еще возможны пути».

Резо Чхеидзе, директор киностудии в Тбилиси, видел лишь один выход из ситуации: начать съемки «Монаниебы» как телевизионного фильма. Председатель Госкомитета по телевидению и радиовещанию Грузии Нугзар Попхадзе поддержал эту идею и очень активно участвовал в ее обсуждении, но окончательное решение должны были принимать в Москве.

Председатель Гостелерадио СССР в Москве Сергей Лапин относился ко мне очень хорошо. Он в основном соглашался со всеми нашими предложениями и щедро финансировал грузинский кинематограф. Если память мне не изменяет, я попросил его выделить нам 600 000 рублей, чтобы начать съемки. Он дал согласие на требуемую сумму – и не спросил про сценарий.

Я пригласил к себе Тенгиза и сообщил: «Есть лишь один путь. Если это не оскорбительно для тебя, снимаем “Покаяние” как телевизионный фильм. А затем уж я постараюсь поговорить с ответственными лицами в Москве о том, сколь важное значение будет иметь твоя

картина». Он согласился: «Я все понимаю. Собственно говоря, я вообще ждал отказа». Я еще раз повторил: «Тенгиз, ты должен свыкнуться с мыслью, что этот фильм – года четыре примерно – никто не увидит».

Итак, начались съемки для телевидения. Финансовые средства поступали по плановому бюджету Комитета телерадиовещания, но производственный процесс проходил в съемочных павильонах киностудии. Это оказалось правильным решением.

В Москве у меня были самые тесные связи с Василием Шауро, заведующим Отделом культуры ЦК КПСС. Он сделал много хорошего для Грузии. Однажды, будучи в Москве, я встретился с ним и заговорил об уникальном сценарии: «Если хотите, я пришлю вам сценарий, но мы еще не перевели его на русский язык. Можете мне поверить, было бы очень жаль снимать такую картину для телевидения. Но нам пока удалось получить финансирование только средствами Комитета по телерадиовещанию. Вы просто обязаны помочь получить разрешение на съемки от Госкино, но так, чтобы они не затребовали сценарий на утверждение».

«А о чем идет речь в сценарии?» – спросил он.

«Когда фильм будет готов, вы сами убедитесь, что сделали важное дело для будущих поколений», – отвечал я.

В моем присутствии он позвонил Филиппу Ермашу, председателю Госкино СССР, и сказал: «Тут у меня Эдуард Шеварднадзе. Вы знаете, как я ему доверяю. Они в Тбилиси начали снимать новую кинокартину как телевизионный фильм. По-моему, будет лучше сделать настоящее кино». После этого наша картина была утверждена в плане киностудии, и начались полномасштабные съемки художественного кино для большого проката. Я обещал Тенгизу непременно быть на пробном показе. В съемочный процесс я принципиально не вмешивался, тем сильнее было мое волнение, когда я наконец получил от директора киностудии Резо Чхеидзе и

от Тенгиза приглашение на просмотр. Картина произвела на меня очень сильное впечатление. Со временем человек может ко многому привыкнуть, даже к чему-то чуждому и необычному, но первое впечатление остается неизгладимым. Началось обсуждение, и после нескольких мелких и несущественных замечаний от кинорежиссеров по поводу фильма я заметил, что все уставились на меня. В глазах у присутствующих читались вопросы: как воспримут картину, пройдет ли она, возьму ли я на себя ответственность за съемки? Я никому не говорил, что давно знал, какой фильм снимает Тенгиз. И он тоже хранил это в секрете.

Фильм окончательно был готов в 1985 году. Как раз в это время я был приглашен в Москву и назначен на пост министра иностранных дел СССР.

В Тбилиси, по-видимому, поторопились и, не поставив в известность тогдашнее руководство Грузии, показали картину в определенных кругах. И тут начался настоящий переполох. Реакция власти на появление картины, обличающей тоталитарный режим, оказалась очень жесткой. Некоторых людей сняли с должности, последовали исключения из партии. В результате «Монаниеба» пролежала на полке года два или три.

Оказавшись в 1985 году в Москве, я по вполне понятным причинам не мог сразу начать с Михаилом Горбачевым разговор о том, что у нас в Грузии есть «вот такой» не совсем обычный фильм. Я подумал: когда-нибудь придет время, и ситуация созреет, и мы сможем поговорить на эту тему.

Перестройка уже началась. Мы ждали, что процесс демократизации углубится, расширится и, возможно, вопрос с фильмом Абуладзе разрешится малой кровью. Мы ждали, что сможем разговаривать более откровенно обо всем и (не в последнюю очередь) о фильме, который со всей очевидностью стал бы одним из аргументов в поддержку новых демократических процессов, зреющих и развивавшихся в Советском Союзе.

И вот Джумбер Патиашвили (в то время он был первым секретарем ЦК компартии Грузии) рассказал Горбачеву о фильме «Монаниеба»: «Уже два или три года он лежит на “полке”. Как говорят специалисты, это очень хороший фильм». Патиашвили попросил Горбачева помочь выпустить картину на широкий экран. По его словам, Горбачев ответил, что «посмотрит картину». И действительно, в ту же ночь он смотрел картину вместе со своей супругой Раисой.

На следующий день Горбачев позвонил мне:

«Почему я ничего не знал о том, что в Грузии существует такой фильм?» (Михаил Горбачев, кстати говоря, был большим любителем и превосходным знатоком грузинского кино.)

«Я ждал подходящего момента. По-моему, сейчас настало время, когда мы должны подумать о том, чтобы выпустить этот фильм на экраны. Люди должны его посмотреть. Но для этого необходимы копии», – отвечал я. Горбачев порекомендовал обсудить ситуацию с Егором Лигачевым.

Я отправился к Лигачеву.

«Я пришел к вам по необычному делу. Я, конечно, министр иностранных дел и у меня нет лишнего времени, чтобы обсуждать вопросы киноискусства, но я должен поставить вас в известность, что съемки этого фильма были начаты при моей поддержке, и я совершенно убежден, что речь идет о высоком искусстве. Однако с идеологической точки зрения картина может вызвать разногласия, поскольку то, что в ней показано, характеризует коммунизм и социализм не самым лучшим образом».

«Чего вы от меня хотите? – спросил Лигачев. – Ждете, чтобы я посмотрел картину?» Я отвечал утвердительно. Он обещал, что посмотрит картину вместе со своей женой. У меня невольно возникло ощущение, что он уже в курсе дела.

Несмотря на то что Лигачев придерживался твердых идеологических позиций, фильм произвел на него

очень сильное впечатление. Впоследствии я узнал, что семья его супруги тоже пострадала от репрессий, в 1937 году ее отца арестовали и расстреляли. На просмотре фильма она плакала. На следующий день Лигачев позвонил мне и сказал, что если Горбачев ничего не имеет против, мы сможем выпустить картину на широкий экран. Это же мнение разделял и большой сторонник фильма Александр Яковлев, один из лидеров перестройки.

Я позвонил Горбачеву, и фильм доставили в Москву на копирование. Началась его демонстрация в кинотеатрах.

Реакция прессы оказалась противоречивой. Поколение, выступавшее за перестройку, которая открывала пути к демократизации и к обновлению страны, приветствовала появление картины. Вместе с тем раздавались голоса, клеймившие «идеологически опасный фильм».

Горбачев сказал, что это дело нельзя оставлять без внимания и надо принять соответствующие меры. Мы разыскали дружественно настроенных журналистов, и они подготовили ряд обсуждений «Монаниебы» в очень позитивном ключе.

А я вплотную занялся тем, чтобы фильм был выдвинут для участия на Каннском фестивале. Председателю Госкино Ермашу я заявил, что было бы большой ошибкой не представить картину в Каннах. В Госкомитете по кинематографии придерживались такого же мнения. Собственно, ничего лучшего они не могли предложить: с чем бы еще они выступили в Каннах? И с идеологической точки зрения этот фильм мог иметь большой вес. В нем отразились важные процессы, происходящие в Советском Союзе, а вместе с тем появление такого фильма являлось лучшим доказательством свободы киноискусства. Сам факт, что такая картина могла быть снята в Советском Союзе, свидетельствовал в пользу перестройки и всей нашей политики.

Фильм показали членам политбюро, и они единогласно решили, что «Монаниеба» должна быть представлена на Каннском фестивале.

И последовал огромный успех, всемирное признание фильма, а также – всеобщий ужас по поводу допущенных в Советском Союзе ошибок. Я убежден, что без «Монаниебы», без покаяния дальнейшая жизнь в стране для меня и для общества в целом сложилась бы гораздо труднее.

Некоторое время спустя, когда Грузия стала свободной страной, Тенгиз хотел реализовать свою новую идею «Монаниеба-2». До этого момента мне и в голову не могло прийти, что кому-то захочется снять второй такой фильм. Реалии «независимой» Грузии оказались для большого художника не менее ужасающими, чем «ужасы тоталитаризма». К сожалению, он не смог создать новый фильм. 6 марта 1994 года Тенгиз Абуладзе скончался.

* * *

Фильм «Монаниеба», оказавший глубокое воздействие на все советское общество, заканчивается принципиальным вопросом: «Зачем нужна дорога, которая не ведет к Храму?»

Это может показаться слишком простым и даже незамысловатым намеком, но, возможно, в атеистическом обществе было необходимо именно так поставить вопрос. Люди без Бога в душе должны были задуматься не только о дороге, заведшей их в тупик, но и о Всемогущем Творце, которого они с самого начала пути отвергали и отрицали.

Я был частичкой этого общества – как все, атеистом и сыном атеиста. А вот моя мать была верующей женщиной, она украдкой молилась.

Не хочу сказать, будто именно этот фильм с его прямым финальным вопросом задал новое направление моим мыслям. Для этого было много причин. Ра-

ботая в Москве, я стал серьезно задумываться над тем, зачем мы явились на этот свет, куда идем, чем определяются наши поступки и кто кроме человека дает оценку нашей жизни. Это был еще не осознанный поиск пути к Богу и одновременно – первые шаги на этом пути.

Когда в марте 1992 года я возвратился в Грузию, то прежде всего отправился к Его Святейшеству Илию II, Католикосу-Патриарху всея Грузии. Я был знаком с ним давно и всегда относился к нему с большим уважением. Беседы с патриархом придали мне сил. И я принял таинство крещения. Моим крестным отцом стал Илия II. При крещении я получил имя Георгий, оно имеет особенно важное значение для грузин. Его Святейшество Илия II подарил мне икону, образ святого Николая, с тех пор я всегда носил ее при себе. После третьего покушения, как только мы добрались до дома, моя жена Нанули, а она человек верующий, спросила: где же твоя икона? Икона исчезла, и никто не мог ее отыскать. Нанули отправила на ее поиски людей из охраны. Икону нашли в кустах, на том месте, где было совершено покушение. Положа руку на сердце, не могу утверждать, что я стал истинно верующим человеком, но в моей душе есть стремление к Богу; я хочу верить, и это дает мне силы и чувство удовлетворенности.

В 1995 году Илия II и я выступили с совместной инициативой начать в Тбилиси строительство большого собора Пресвятой Троицы (Самеба), который бы стал символом новой грузинской государственности. Ради этой цели мы основали оргкомитет по строительству собора. Ответственным секретарем и руководителем Фонда Самеба стал зодчий Ираклий Андриадзе, специалист по возведению храмов. Авторство проекта собора и строительных планов к нему принадлежит великолепному архитектору Арчилу Миндиашвили.

Я горжусь тем, что и мне удалось внести свой вклад в строительство церкви, которая воздвигалась с благо-

словения Католикоса-Патриарха на народные деньги, на многочисленные пожертвования грузинского населения. Место для храма в районе старого Тбилиси мы выбрали сообща. Сегодня церковь хорошо видна из любой точки города.

К началу строительства я выделил из президентского фонда 1,5 миллиона лари. Хотя многие люди внесли щедрые пожертвования, денег все равно не хватало. Не говоря уже о расходах на само строительство, возникла необходимость в сносе домов, а значит, надо было компенсировать людям потерю жилья – предоставить квартиры.

Я обратился к грузинским бизнесменам. Чтобы вступить с ними в контакт, я попросил помощи у мало тогда известного в Грузии, но успешно действовавшего в России грузинского финансиста Бидзины Иванишвили. У нас с ним были хорошие отношения, и я позволил себе заговорить об этом деле. Тогда я не мог себе даже представить, что он возьмет на себя основную часть финансирования проекта.

Он позвонил через два дня после нашей беседы, приехал ко мне и сказал: «Я профинансирую строительство церкви. Между прочим, это будет стоить значительно больше, чем вы можете вообразить». И в самом деле, строительство обошлось более чем в десять миллионов лари.

О его участии в проекте стало известно не сразу, поскольку Бидзина Иванишвили действовал, согласно традиции прежних грузинских меценатов (таких как Сараджишвили, братья Зубалашвили, Коштария, Лагидзе), поддерживавших грузинскую культуру и ее ведущих представителей, тихо, скромно, без шума. Подобно Иванишвили и некоторые другие граждане не захотели, чтобы их имена стали известными общественности. Свой вклад внесло и население, включая детей и солдат, – каждый в соответствии со своими возможностями. Возведение собора Пресвятой Троицы явилось воистину народным делом. Жертвователей было так много, что для

простого перечисления их имен потребовалось бы несколько книг. Когда 3 марта 1996 года заливали бетонный фундамент здания, собралось множество верующих, приехавших к назначенному дню в Тбилиси из разных регионов Грузии. Они заложили в фундамент камешки со своими инициалами.

Церковь строили девять лет. Для меня эта история имеет совершенно особое значение. Я хорошо помню, как после возведения купола я, словно юноша, исполненный радости, по узенькой лестнице забрался на самый верх.

Самеба прекрасна. У нее европейские пропорции. Ее высота (вместе с крестом) составляет 101 метр, длина (с вестибюлем и молодежным центром) – 125 метров, а ширина – 64 метра. Общая площадь – около 10 000 квадратных метров. Внутри храма размещается девять капелл и двенадцать алтарей. Позолоченный крест на куполе собора имеет высоту 7,5 метра. Для этой церкви в Германии было отлито девять колоколов, среди них – главный колокол весом 8200 килограммов.

23 ноября 2004 года состоялось торжественное освящение собора Пресвятой Троицы. Среди верующих, собравшихся в храме, стоял и я. Я молился за свою семью, за детей и внуков, за всю мою Грузию. Моя супруга Нанули очень ждала этого дня, но, к сожалению, не дожидала до него.

А 1

**НОВАЯ «НРАВСТВЕННАЯ
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА»
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ**

Второго июля 1985 года меня назначили на пост министра иностранных дел Советского Союза. Согласно советскому законодательству пленум Центрального Комитета компартии Грузии освободил меня от должности первого секретаря ЦК КП Грузии.

Назначение стало для меня абсолютным сюрпризом, этого никто не мог ожидать ни в Грузии, ни, пожалуй, во всем Советском Союзе. Ведущие политики мира и представители прессы не скрывали изумления. «Кто такой Эдуард Шеварднадзе? – спрашивали они. – У этого человека нет опыта, у него не было точек соприкосновения с внешней политикой, он не обладает навыками дипломатии. Как он мог оказаться на одном из главных постов сверхдержавы?» Вопросы, безусловно, жесткие, но по существу дела. Ведь министр иностранных дел должен уметь общаться с политиками и с прессой, иметь влияние на международной арене, принимать важнейшие решения по спорным вопросам мировой политики.

Когда мне позвонил генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев и сообщил, что меня назначают министром иностранных дел и надо срочно переезжать в Москву, я был настолько ошеломлен, что сначала не знал, что ответить. И все же я ответил отказом. Свое решение я обосновал позже, выступив на заседании по-

литбюро. Я сказал, что у меня нет опыта в сфере международной политики, кроме того, по традиции этот пост занимают русские. Не будучи русским, я могу оказаться несвободным в принятии решений. Время подтвердило правоту моих опасений. Впоследствии меня не раз упрекали в том, что своими решениями по тому или иному вопросу я якобы нанес вред интересам России. Впрочем, тот, кто хотя бы в малейшей степени знаком с механизмом принятия решений в таком государстве, как СССР, отлично понимает, что без согласования с первыми лицами государства я не мог принять ни одного из них.

Мои аргументы не принесли результата. Политбюро единогласно утвердило меня на посту министра иностранных дел, невзирая на то, что «часть российского общества в возбуждении задавалась вопросом: не слишком ли много “иностранцев” определяет внутреннюю политику России со времен Нессельроде»¹.

Моему назначению, следовавшему почти через четыре месяца после назначения Горбачева на пост генерального секретаря, предшествовала довольно красноречивая серия смертей. Мне кажется, это выглядело как символическое предупреждение, знак конца Советского Союза и коммунистической идеологии. Начиная с 1982 года в течение трех лет один за другим умирали главные руководители государства: Леонид Брежнев (1982), Юрий Андропов (1984) и Константин Черненко (1985). Три лидера несли на себе трагическую печать возраста – слабости, болезненности и истощенности.

Хотя Андропов и пытался «придержаться» ход советской истории, это ему не удалось. И не только потому, что он не сумел сделать все возможное, – нет. Просто наступило другое время. Чтобы спасти страну, если ее вообще еще можно было спасти, требовалось другое мышление, другие люди, принципиально иная полити-

¹ Млечин Л. Министры иностранных дел. М., 2001. С. 443.

ческая воля. Андропов собирался оказать влияние на многие процессы, в первую очередь – привлечь в экономику и в политику молодых людей. Доказательством тому служит его последняя воля: он выразил желание, чтобы на посту генерального секретаря его сменил Михаил Горбачев. Вопреки своему преклонному возрасту Андропов явственно ощущал необходимость перемен. А вот как их осуществить – это была проблема другого уровня, и он понимал это.

Вопреки последней воле Андропова после его смерти в феврале 1984 года престарелая партийная элита поддержала кандидатуру Константина Черненко, который, по общему мнению, считался наиболее управляемым. Однако через год после своего назначения Черненко принял независимое решение: существенно улучшить отношения с США. Его важной заслугой также стал факт возобновления Советским Союзом переговоров в Женеве по ядерному вооружению (в 1983 году по указанию Андропова советская делегация прервала переговоры).

Данное решение Черненко явно не совпадало с упрямой и жесткой позицией Андрея Громыко, тогдашнего министра иностранных дел Советского Союза. Можно сказать, что новый внешнеполитический курс, принятый нами в горбачевскую эру, брал начало в новой независимой политике Черненко. Со своей точки зрения – позиции обычного чиновника – он сумел понять очень важную вещь: прежний курс в русле старой внешней политики сохранить более невозможно.

Константин Черненко скончался 10 марта 1985 года. Он исполнял свои функции вплоть до самой смерти, можно сказать, как «часть государственного аппарата». Тяжело больной человек был вынужден выступать с речами, принимать участие в выборах и официальных мероприятиях. Это переходило границы человеческих возможностей. К тому же народ устал от старых и дряхлых руководителей. Когда генеральным секретарем

партии избрали Михаила Горбачева, 54-летнего энергичного политика европейского стиля, страна вздохнула полной грудью¹.

Я без преувеличения могу назвать Михаила Горбачева выдающейся личностью, советским политиком нового типа. Образованный, любящий поговорить, с хорошим вкусом. Он чувствовал веяния времени, его требования и вызовы. Все, что еще не утратило своей ценности, он перенимал у старших поколений. В то же время, действуя совместно со своим поколением политиков, он создал совершенно новую концепцию реформирования советского общества и государства. Эта концепция предусматривала основополагающие изменения во внутренней и внешней политике. Коммунистическая идеология подверглась ревизии впервые в истории существования Советского Союза. Многие тогда задавались вопросом: «Что же такое “перестройка” и “гласность”? Разве это не отказ от социализма?» По сути дела так оно и было, однако в те времена подобные умозаключения не рекомендовалось произносить вслух.

Когда в марте 1985 года пленум ЦК КПСС избрал генеральным секретарем Горбачева, Андрей Громыко сказал: «Товарищи, у этого человека хорошая улыбка и твердая рука». Горбачев умел обращаться с людьми, работал с полной отдачей и ценил уместные шутки.

Один эпизод из жизни Михаила Сергеевича получил широкую известность. Однажды Горбачев приехал в Ленинград, вышел на улицу, и вокруг него собралась толпа. Какая-то женщина пробилась вплотную к нему и крикнула: «Будьте ближе к народу, мы вас не подведем!» Он с улыбкой ответил: «Разве можно быть еще ближе?»

¹ После избрания Черненко обострился конфликт между так называемой московской группой и группой «реформаторов». Во главе московских «консерваторов» был первый секретарь Московского горкома КПСС Виктор Гришин. Им противостояли Горбачев и его сторонники, к которым открыто причисляли и меня.

Я уже упомянул о том, как сильно был удивлен, узнав о решении Горбачева назначить министром иностранных дел именно меня. Мне предстояло руководить министерством иностранных дел – и это после Андрея Громыко. А ведь Громыко, получивший известность в международных кругах под именем «Мистер Нет», представлял собой целую эпоху в советской внешней политике. Правда, теперь эта эпоха подходила к концу.

Громыко почти тридцать лет проработал на своем посту и действительно стал создателем советского дипломатического корпуса. Среди дипломатов, воспитанных Громыко, было много способных кандидатов на пост министра. Но Горбачев остановил свой выбор на мне.

Главный мотив Горбачева состоял в том, что в новых условиях и обстоятельствах решающим фактором он считал не профессионализм, а исключительно политические взгляды и умение регулировать текущий процесс. Помимо этого важную роль играло его личное отношение к новому министру. Такие доводы стоит учитывать! И еще у меня создалось впечатление, что при выборе нового министра иностранных дел Горбачев очень спешил.

Возможно, читатель заинтересуется: почему Михаил Горбачев придерживался обо мне столь высокого мнения? Во-первых, мы были знакомы уже много лет. Почти каждый год он приезжал в Грузию. Разумеется, я старался сделать все от меня зависящее, чтобы он познакомился с грузинским народом и с нашим активом¹. Во-вторых, Грузия в те времена была известной в Союзе своими новшествами, экспериментами, у нас действовали некоторые механизмы рыночной экономики. Население жило очень неплохо, а выплаты в союзный бюджет производились пунктуально и поражали своей солидностью.

¹ Активная часть членов партии, выполняющая особые задания.

Горбачев и его супруга Раиса – оба были прекрасными знатоками и ценителями грузинского искусства, и прежде всего они любили кино. Если Михаил Сергеевич проводил отпуск в Бичвинте*, в Абхазии, я непременно старался показать ему как можно больше новинок грузинского кинематографа.

Мы с Горбачевым много ездили по Грузии, побывали почти в каждом регионе, он своими глазами, а не только в виде сводок и отчетов, получил возможность увидеть, каких успехов за эти годы достигла Грузия в искусстве, науке и экономике.

Размышляя о кандидатуре на пост министра иностранных дел, Горбачев, как сказано выше, исходил из того, что ему нужен не столько дипломат, сколько политик, хорошо знающий жизнь, разделяющий образ мыслей генсека, его идеи и взгляды, человек, который станет его настоящим соратником. Думаю, эти факторы и определили столь необычное решение генерального секретаря.

Передо мной сразу же оказалось множество проблем, возникших не только по причине моей неопытности в международных делах. Главная проблема заключалась в том, что после Второй мировой войны наша планета так и не была «приведена в порядок». Мы не создали и не могли создать нормальных условий для мирной и созидательной жизни до тех пор, пока назревшие вопросы оставались нерешенными. Да, с фашизмом было покончено, это был существенный шаг к тому, чтобы установить между государствами и народами новые связи, однако конфронтация между Западом и Востоком сохранялась. Мир пребывал в состоянии холодной войны. Отношения между США и Советским Союзом становились все хуже. Нерешенным оставался немецкий вопрос. В центре Европы располагались 500 000 советских солдат. В интересах двух противостоящих лагерей сформирова-

* Бичвинта: по-грузински Пицунда.

ровались два мощных военных блока, угрожавших друг другу. Прибавим к этому находившиеся в Афганистане советские войска, противоречия между Вьетнамом и Китаем, конфронтацию Китая с Советским Союзом, гонку ядерных вооружений, стратегическую оборонную инициативу (СОИ) в космосе Рональда Рейгана... Короче говоря, к тому времени, когда СССР избрал новый курс в обустройстве жизни, известный как «перестройка», в мире накопилось достаточно актуальных проблем. Чтобы начать процесс демократизации внутри страны, требовалось самым существенным образом обновить внешнюю политику.

Горбачев и я встретились с советскими учеными, занятыми в сфере производства ядерного оружия, и получили подтверждение тому, что стратегическая инициатива (СОИ) Рейгана отнюдь не была оторвана от реальности. Производство космических вооружений представлялось вполне возможным, если экономика достаточно мощна, чтобы выдержать соответствующее напряжение.

Необходимо было принять реальные меры, чтобы ослабить и снять напряженность и конфронтацию не только в отдельных регионах, но и в масштабе всего мира. К счастью, во всем, что касалось глобальных проблем, наши с Горбачевым мнения полностью совпадали.

В ряду других проблем приоритетом для нас был, разумеется, вопрос объединения Германии. Но все-таки главной задачей стала разрядка напряженности в отношениях между Советским Союзом и США. Нам удалось достичь этой цели при поддержке Рональда Рейгана, Джорджа Шульца, Джорджа Буша-старшего и Джеймса Бейкера.

Я счастлив, что мне удалось внести свой вклад в дело окончания холодной войны. Это достижение стало возможным только благодаря полному согласию между Горбачевым и мной. Я должен подчеркнуть и активную политику наших международных партнеров, особенно –

политику немецкого правительства, без которой, вполне вероятно, холодная война могла превратиться в горячую войну.

По поводу моего назначения хочу добавить, что тогда меня терзали большие сомнения, поскольку мне не хватало соответствующего опыта и знаний. Но я был верным соратником Горбачева, а мой характер обладал качествами, необходимыми для дипломата: я говорю о даре убеждения и умении завоевать доверие партнера. Я имел возможность обнаруживать в себе эти качества и проявлять их всякий раз, когда принимал у себя в Грузии высокопоставленных гостей.

Разумеется, мой приход в министерство иностранных дел можно было считать оправданным только при одном условии: если я сумею распространить новое мышление и убедить сотрудников в том, что им для дальнейшей работы нужна новая политическая и идеологическая мотивация.

Мои сотрудники и соратники

При моем появлении в министерстве и позже, когда я начал процесс реформирования, введения принципиальных изменений и формулировки новых принципов международной дипломатии, сотрудники министерства включились в работу с убежденностью и оптимизмом. Все наши дальнейшие достижения оказались возможными благодаря их уму, интеллигентности, одаренности, настойчивости и энергии. За это я очень благодарен им – всем и каждому.

Можно с уверенностью сказать, что МИД в то время стал одним из мощнейших проводников перестройки в стране. В министерстве работало несколько тысяч сотрудников, и это были специалисты высочайшего уровня. На международной арене я один представлял политику страны и отвечал за нее, но эта полити-

ка являлась результатом совместной работы, и, что самое главное, она была взвешенной и разумной.

Я бы охотно написал о каждом сотруднике министерства, но это практически невозможно. Поэтому ограничусь кратким рассказом о моих помощниках Теймуразе Степанове и Сергее Тарасенко.

Теймураз Степанов-Мамаладзе родился в Тбилиси. В Грузии его знали как государственного функционера и талантливого журналиста. Мы работали в тесном сотрудничестве и всегда успешно.

Сергей Тарасенко считался выдающимся сотрудником сектора, занимающегося связями с США (он работал в администрации министерства). Тарасенко был чрезвычайно образованным человеком. Заместители министра, координирующие американский сектор, с большой неохотой «предоставили его в мое распоряжение», однако против воли министра никто не посмеет пойти.

Они были не просто моими подчиненными, а соратниками, советчиками и верными, искренними друзьями. Особую ценность сейчас для меня имеет и то, что они записывали мои беседы и впечатления от моих встреч с теми или иными людьми, даже мои телефонные разговоры (с моего согласия, разумеется).

К сожалению, в августе 1999 года, в Москве, Теймураз Степанов скоропостижно скончался. Согласно последней воле его похоронили в Тбилиси. Его записи о дипломатических встречах и наблюдениях мы найти не смогли. Некоторые важные моменты удалось отчасти реконструировать по рассказам Александра Бессмертных. Когда я занимал пост министра, Александр Бессмертных работал в аппарате министерства. Он отличался большим умом, человеколюбием и позднее стал моим преемником.

Что касается Сергея Тарасенко, он уехал из Тбилиси еще раньше, чем Теймураз, но свои записки, увесистый том, предоставил моему секретариату. Должен признать, что без этих записок было бы очень

сложно припомнить и описать многие мои встречи и впечатления.

Большинство сотрудников министерства поддерживали политику перестройки и мой стиль работы. Без их содействия и живого участия было бы невозможно найти решения по многим важным мировым проблемам, те решения, которые в значительной мере изменили наш мир в двадцатом веке и создали подходящий климат для вступления в век двадцать первый.

Сразу после назначения, в июле 1985 года, меня направили в Хельсинки. Я должен был присутствовать на торжественном заседании, посвященном десятилетию Хельсинкского договора – заключительного документа, подписанного на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 году. Именно там состоялось мое первое выступление в качестве министра иностранных дел Советского Союза.

В своей речи я сделал решительное заявление о том, что с 6 августа 1985 года Советский Союз в одностороннем порядке прекращает любые испытания ядерного оружия.

Каким увидели меня люди за рубежом? Какое впечатление я произвел на них как новый министр иностранных дел?

Здесь мне хотелось бы привести слова тогдашнего вице-канцлера и министра иностранных дел Федеративной Республики Германии Ганса-Дитриха Геншера: «Это была совершенно новая искренность, и я понял это, когда мы впервые встретились в день десятилетнего юбилея со дня подписания заключительного акта в Хельсинки. Эдуард Шеварднадзе стал министром иностранных дел всего за несколько дней до этого. Он подошел ко мне и сказал: “Вы понимаете, меня только что назначили министром. Я не могу сейчас выступить перед вами с готовой концепцией, но я хотел бы услышать от вас, каким вы видите положение в мире и наши отношения”. При этом я осознал две вещи. Первая касается человеческого аспекта. Я по-

нял, что у меня появился коллега, серьезно воспринимающий то, что я говорю, для которого важна не только своя собственная позиция, но и мнения других людей. Политический аспект появления Шеварднадзе означал, что грядет новая внешняя политика, потому что со старой концепцией он вполне мог бы выступить на том заседании. Однако ему было важно завоевать доверие, доверие к себе и к своей стране, и это ему удалось. Именно доверие и позволило нам впоследствии выстоять в трудной обстановке»¹.

От себя добавлю, что, преодолевая вместе разные сложные обстоятельства, мы стали друзьями.

Тогда в Хельсинки я впервые услышал выступление американского госсекретаря Джорджа Шульца, отвечавшего за внешнюю политику США. Он посвятил речь двум основным темам: «Трагедия разделенной Европы» и «Нарушения прав человека в социалистических странах».

Мы с ним представляли два разных политических блока, и мысль о том, что вскоре мы вместе начнем работать над объединением Европы, станем партнерами и друзьями, в тот момент показалась бы нереальной.

Встречи с американским руководством

В сентябре 1985 года я принимал участие в проходящей в Нью-Йорке сороковой Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций (ООН). Там я встретился с министрами иностранных дел из многих стран мира. Самая важная встреча, с президентом США Рональдом Рейганом, состоялась 27 сентября. В мою честь устроили завтрак, на котором с американской стороны присутствовали вице-президент, а в

¹ Геншер Г.-Д. Эдуард Шеварднадзе – строитель человеческой Европы будущего. Йена, 2003. С. 43.

дальнейшем и президент Джордж Буш-старший и госсекретарь Джордж Шульц.

В тот раз и в дальнейшем встречи с Рейганом проходили по одному сценарию: он читал до конца свою «шпаргалку», я отвечал ему, затем слово брал Шульц. Дальше мы приступали к ланчу. За столом все присутствующие слушали Рейгана – он был великолепным рассказчиком анекдотов. Он их помнил на удивление много и всегда был готов что-нибудь преподнести.

Анатолий Добрынин, наш посол в США (1962–1986), предупредил меня, что я тоже должен рассказать анекдот. Мне было неловко в присутствии Рейгана «травить анекдоты», но Добрынин настаивал: «Вы определенно знаете что-то такое, чего он не слышал». Тогда я припомнил политический анекдот, где Маргарет Тэтчер спорит с Господом Богом:

Господь Бог созвал к себе Рейгана, Горбачева и Тэтчер, чтобы они перед ним отчитались.

Спрашивает Рейгана: «Как идут дела?»

«Хорошо, – отвечает Рейган. – Я создал 5–6 миллионов новых рабочих мест».

Затем вопрос к Горбачеву: «А у тебя как дела?»

Горбачев: «Перестройка идет полным ходом, процесс демократизации углубляется и расширяется».

Наконец Господь обращается к Тэтчер: «Ну а как у тебя, дитя мое?»

«Хорошо. Но это не главное: во-первых, я не твое дитя, а во-вторых, ты сидишь на моем месте!»

Ничего потрясающего, но Рейган, похоже, еще не слышал этой истории. Он долго смеялся, и мне пришлось повторить анекдот чуть ли не десять раз.

Маргарет Тэтчер – великий политик двадцатого века, чрезвычайно сильная личность. Она большая любительница жарких споров и резких замечаний. В моей шутке Рейгана рассмешила точная характеристика поведения Тэтчер и ее неудержимой страсти выступать в роли лидера. Рейган и Тэтчер – политики мирового

масштаба, они всегда относились друг к другу с величайшим уважением.

Между мной и Рейганом во время упомянутой встречи возник первый чисто человеческий контакт, позволивший развить дальнейшие отношения. Американский президент производил яркое впечатление. Хороший собеседник, остроумный и наблюдательный человек, он вместе с тем был самым отъявленным противником Советского Союза. Нашу страну он называл «империей зла».

Рейгана уважали и ценили в Америке и в кругах мировой политической элиты. Подобной оценке соответствует и важное высказывание Маргарет Тэтчер, которым предваряется ее книга «Искусство управлять государством» (Statecraft): «Эта книга посвящается Рональду Рейгану, имеющему особые заслуги перед миром».

Мое первое выступление в Организации Объединенных Наций происходило в стиле, обычном для советской внешней политики. Но когда Шульц в своей речи заявил: «Уход Советской армии из Афганистана, которого постоянно требует Организация Объединенных Наций, решил бы проблему Афганистана», я от всего сердца с ним согласился, потому что Горбачев и я с самого начала были против того, чтобы туда вводили войска. Однако нас в то время никто не спрашивал. Решение о вводе войск в Афганистан приняли двое других людей: Леонид Брежнев и Дмитрий Устинов, министр обороны Советского Союза.

Самоуправное применение силы при вторжении советских войск в Афганистан и при кровавых переворотах в стране, которые предшествовали этой аванюре, явилось величайшей ошибкой. Вторжение причинило Афганистану огромный политический, экономический и военный ущерб, так же, как и Советскому Союзу. Чем скорее мы исправили бы эту ошибку, тем лучше было бы для тысяч людей, прежде всего женщин и детей, которых мы смогли бы уберечь от смерти и увечий, не го-

воря о том, что освободили бы Советский Союз от груза экономических потерь.

Можно без преувеличений сказать: решающее слово при выводе Советской армии из Афганистана было произнесено мной. Я горжусь этим фактом и говорю об этом без ложной скромности.

Выступление Шульца не стало для меня большой неожиданностью. Именно по поводу этой проблемы мы и американцы должны были прийти к согласию и сформулировать общую позицию. Генеральная Ассамблея ООН требовала от нас того же. На примере Афганистана можно было доказать миру, что Советский Союз действительно изменился. Однако мы еще были не готовы к взаимодействию с США на равных. Мы не могли разговаривать с Западом и при этом не видеть перед собой «образ врага», вести прагматичный, честный диалог с учетом общих интересов. Время таких бесед еще не настало. Сначала должны были произойти изменения во внутренней политике государства. Процесс протекал сложно, болезненно, но он позволил добиться необратимой демократизации общества, ослабить роль КПСС и создать базу для утверждения новых ценностей. Одной из главных являлась личная свобода гражданина страны. Другой важной целью была выработка нового отношения к Западу: мы смотрели на западные страны как на классового врага, а сотрудничество с классовым врагом – дело сомнительное.

Конечно, американцы прекрасно знали о том, как мы к ним относимся. И как они были удивлены, когда при приеме Джорджа Шульца в советской миссии ООН я нарушил строгий этикет! Хорошо помню, как это произошло. Я вышел из вестибюля здания и спустился по лестнице. А когда Шульц вместе с остальными членами делегации двинулся ко мне, я, вопреки обычным правилам, пошел навстречу по тротуару. В здание мы вошли вместе, и я в присутствии фотографов извинился перед госсекретарем США за то, что не смог в понедельник присутство-

вать при его выступлении на Генеральной Ассамблее Объединенных Наций. Собственно говоря, мое поведение должно было восприниматься как позитивный жест, однако никто не ожидал ничего подобного от министра иностранных дел Советского Союза. Поступив так, я хотел продемонстрировать, что в Советском Союзе признают необходимость в улучшении своей репутации в глазах мирового сообщества. Встреча между Шульцем и мной заняла более четырех часов. Затем мы вышли из здания и оказались перед журналистами.

«Нам не удалось найти согласия ни по одному из обсуждаемых вопросов, но мы с большим вниманием рассмотрели наши противоположные позиции, – сказал Шульц. – Советская сторона сегодня не внесла новых предложений. Теперь ожидается еще одна встреча Шеварднадзе, в пятницу, в Белом доме, на этот раз он встретится с президентом Рейганом». Шульц добавил, что встреча была полезной, атмосфера – искренней, а беседа – откровенной.

Я выразил согласие с его заявлением: «Как известно, честность является неременным условием, чтобы узнать правду. Наш сегодняшний диалог не последний. Мы запланировали встречу с президентом Рейганом, затем будет продолжен диалог с мистером Шульцем. В ноябре состоится встреча на высшем уровне. Как видите, дел у нас много, и мы увидимся еще не один раз».

Я уверен, что эта встреча – деловая, откровенная и вполне человеческая – коренным образом определила дальнейший характер, стиль и тон нашего общения. И хотя отношения между нами и нашими странами не всегда складывались гармонично, с тех пор я постоянно чувствовал непритворность отношения со стороны Джорджа Шульца.

В тот же день после нашей беседы я выступил с речью на Генеральной Ассамблее ООН. Джордж Шульц сидел в зале и внимательно слушал. Год назад его так возмутила речь Громыко, что он выступил с резким от-

ветом. Сейчас, слушая мою речь, а она была очень критичной, Шульц иногда улыбался: мне показалось, что лед действительно тронулся.

Взаимоотношения между Джорджем Шульцем и мной – это нечто особенное. Можно без преувеличений сказать, что наша дружба сыграла важную роль в установлении сотрудничества и в сближении между нашими государствами, а порой оказывалась решающим аргументом в спорах по поводу той или иной проблемы.

Мы оба исполняли указания руководителей наших стран и были, по вполне понятным причинам, ограничены строго определенными рамками при принятии решений. Но мы поддерживали друг с другом доверительные отношения, причем определяющим фактором всегда оставалось соблюдение государственных интересов. Думаю, эта дружба делала отношения между нашими государствами более прогнозируемыми. Она положительно повлияла на процессы, происходящие в мире. В советской дипломатии подобное оказалось совершенно новым явлением.

Некоторое время назад, когда я в последний раз ушел в отставку, Игорь Иванов, бывший тогда российским министром иностранных дел, услышал, что я работаю над книгой, которую вы сейчас читаете. Он прислал мне из Москвы архивные материалы о моей деятельности. В архивах можно найти текст заявления, с которым я выступил на встрече министров иностранных дел. Лейтмотивом речи была честность в межгосударственных отношениях. Такую же точку зрения в более широком аспекте мы увидели и в речи Горбачева на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшемся 7 декабря 1988 года. Содержание его выступления очень важно, потому что в нем были сформулированы абсолютно новые принципы отношений между странами. И эти принципы предоставили мне возможность высказывать собственные взгляды по самым принципиальным вопросам внешней политики. Повторюсь:

правда, доверие, искренность стали для меня самыми важными утверждениями. «Надо быть честными» – таково было мое основное требование к сотрудникам. Простое и вроде бы очевидное правило, что мы не должны вводить в заблуждение своих партнеров, выглядело новым и необычным во внешнеполитической практике Советского Союза. Я решительно отвергал прежний образ действий советской дипломатии, потому что его отличительной чертой было презрительное отношение к договоренностям и понимание дипломатии как умения вводить людей в заблуждение. Принципиально новым стало и то, что я отказался от тезиса классовой борьбы во внешней политике. Считаю, что это принесло пользу нашей стране.

Я вспоминаю, как в это время газета «Московские новости» (1988 год) опубликовала мое интервью, вызвавшее большой резонанс в Союзе и за рубежом своей «радикальной» прогрессивной направленностью. На Западе оно тоже произвело сильное впечатление. В то же время в Советском Союзе далеко не все положительно отреагировали на публикацию, в которой говорилось о правах человека и о прозрачности, необходимой для решения международных вопросов. Контраст между моей позицией и ментальностью советской номенклатуры оказался слишком велик. После этого интервью началась открытая конфронтация между мной и консервативной частью политбюро.

Британская газета The Times писала: «По тону и содержанию интервью Шеварднадзе, опубликованное в “Московских новостях”, можно признать самым честным, если сравнить его с высказываниями других советских лиц высокого ранга, сделанными за последние три года... Это интервью, несомненно, отличает Шеварднадзе от других членов советского правительства, включая Медведева и Лигачева, которые, по нашему мнению, проявляют наибольшую сдержанность в отношении затронутых тем».

Би-би-си прокомментировала интервью следующим образом (это произошло 22 декабря 1988 года): «В интервью Шеварднадзе содержатся самые честные высказывания из всех, какие когда-либо позволял себе член политбюро на международной арене, рассказывая о процессах, происходящих в Советском Союзе.

Заговорив о принципиальном соблюдении прав человека и о прозрачности в отношениях между государствами, он сделал еще один шаг вперед, по сравнению с выступлением Горбачева на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций 7 декабря 1988 года.

Высказывания Шеварднадзе подтверждают, что он принадлежит к той части политбюро, которая требует подлинной прозрачности. Впрочем, вполне возможно, что он, по их мнению, в своих высказываниях чересчур спешит и заходит слишком далеко».

Здесь нужно внести пояснения: я никогда не позволял себе спешки. Даже если со стороны мои действия выглядели торопливыми, на самом деле все мои слова и поступки были взвешенными и продуманными.

А теперь я хочу вернуться к отношениям между Шульцем и мной. Именно высоконравственная и одновременно прагматичная позиция с той и с другой стороны стала определяющей в наших переговорах по таким фундаментальным вопросам, как разоружение, региональные конфликты, права человека и двусторонние отношения между странами.

После второй встречи с Шульцем, предпринятой по моей инициативе, каждый наш последующий разговор начинался с обсуждения темы прав человека. Когда Шульца сменил Джеймс Бейкер, тематика обсуждений расширилась за счет новых транснациональных проблем. Мы обсуждали природные катастрофы, проблему наркотиков, международный терроризм – все эти темы выходили за рамки двусторонних отношений Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Мы обсуждали проблемы, касающиеся всего мира.

Впрочем, для США и Европы это не стало тем решающим аргументом, который позволил бы им безоговорочно поверить в наши благие и честные намерения. Оставался еще один камень преткновения: Советский Союз придерживался марксистской доктрины, согласно которой решающая роль в международных отношениях отводилась непримиримой классовой борьбе. В рамках этой доктрины последней и главной целью коммунистического государства являлось уничтожение капиталистического мира, нашего классового врага. От этого принципа мы должны были отказаться. И когда в интервью «Московским новостям» я заявил, что в международных отношениях мы отказываемся от принципа классовой борьбы и классовой непримиримости, Шульц сразу обратил на это внимание. Он незамедлительно отправил мой текст европейским коллегам. Если меня не обманывает память, тогдашний посол США в Советском Союзе Джек Мэтлок открыто выражал свою радость по поводу того, что ему посчастливилось дожить до осуществления его мечты, что наконец-то произошло то, чего американскому дипломату так не хватало во внешней политике СССР.

Второй секретарь ЦК КПСС Егор Лигачев заявил, что я нарушаю принципы марксизма. Горбачев тогда на это не отреагировал, поскольку поддерживал новый курс, что и подтвердил открыто, во всеуслышание, в речи на Генеральной Ассамблее ООН в декабре 1988 года.

«Советский Союз не намерен причислять США к своим врагам», – сказал Горбачев вновь избранному американскому президенту Джорджу У. Бушу-старшему на встрече в Кемп-Дэвиде. «Вы можете быть уверены в том, что Соединенные Штаты Америки никогда не станут угрожать безопасности Советского Союза», – ответил Буш. Открытое признание двумя сверхдержавами взаимных гарантий безопасности гарантировало безопасность остальному миру.

Среди многих встреч с Джорджем Шульцем и с другими министрами иностранных дел мне хотелось бы обратить внимание на встречу, состоявшуюся в Вене в ноябре 1986 года. Это была Конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе – после Венского конгресса 1814–1815 годов конференция стала крупнейшим форумом ведущих политиков мира. Ее целью являлось обеспечение дальнейшего развития процессов, способствующих разрядке напряженности в Европе. Основные положения для этого были заложены в 1975 году в Хельсинки, впоследствии та же линия была продолжена на переговорах в Белграде и Мадриде. В Венской конференции приняли участие делегации государств Европы, США и Канады. Я руководил советской делегацией.

Главными темами, обсуждавшимися в Вене, были разоружение, права человека, развитие транспорта и защита окружающей среды.

Особые ожидания были связаны со встречей лидеров советской и американской делегаций. После встречи Горбачева и Рейгана в Рейкьявике мы должны были, по словам Рейгана, «развить и упрочить» положительные результаты, достигнутые на переговорах. Таким образом, от нашей встречи зависел общий настрой всей Венской конференции.

Прежде чем встретиться с Джорджем Шульцем, я провел переговоры с Джеффри Хау, министром иностранных дел Великобритании, Жаном-Бернаром Раймоном, министром иностранных дел Франции, и с Гансом-Дитрихом Геншером, министром иностранных дел Федеративной Республики Германии.

Ганс-Дитрих Геншер передал мне письменное разъяснение немецкого правительства, сделанное по поводу неудачного высказывания Гельмута Коля, сравнившего Горбачева с Йозефом Геббельсом. Эту бумагу и соответствующее выступление Коля в германском бундестаге можно было считать официальным извинением. Таким образом недоразумение уладили.

Затем состоялась встреча между Джорджем Шульцем и мной. Она длилась более пяти часов, часть времени ушла на обсуждение трех конфиденциальных тем, запланированных заранее. Мы обсудили проблему прав человека, гуманитарные региональные проблемы, Стратегическую Оборонную Инициативу (СОИ), транспорт, контроль за ядерными вооружениями и т. д. Разговор был глубоким и откровенным, но все же мы не смогли прийти к единому мнению по некоторым важным вопросам. Мы договорились, что следующие переговоры по ограничению стратегических вооружений, по космической обороне и еще по некоторым деловым вопросам проведем вместе с экспертами в соответствующих областях.

Встречи на высшем уровне между Рейганом и Горбачевым

Одна или две встречи не могут помочь представителям государств договориться по поводу решения важной международной проблемы. Существенно другое: мы постарались доказать (и нам это удалось), что обе стороны намерены договориться, что мы начали доверять друг другу. Такая позиция была очень важна в начале переговорного процесса. Сам факт возобновления отношений, поиск путей развития диалога, возможность услышать друг друга – все это много значит и для простых человеческих взаимоотношений, и в отношениях между дипломатами.

В качестве иллюстрации расскажу о встречах Горбачева и Рейгана, происходивших в Женеве и Рейкьявике.

Девятнадцатого и двадцатого ноября 1985 года на встрече Горбачева и Рейгана в Женеве присутствовали только переводчики. Вместе с Шульцем мы ожидали наших боссов за дверью и обменивались мнениями по разным вопросам, приходя к выводу, что главное – факт

встречи, а достижение договоренности вполне можно отодвинуть на второй план.

Горбачев не испытывал особого желания лететь в Женеву. Он говорил, что их беседа займет не более получаса. Но встреча продолжалась почти три часа. Рейган и Горбачев вышли в сильном раздражении. Горбачев мне сказал: «Едем на дачу».

В машине он молчал. Мы приехали на виллу. Нас встретила Раиса Горбачева. «Как прошла встреча?» – спросила она. Но Горбачев обратился ко мне: «Пусть подготовят самолет. Мы улетаем. С этим американским правительством невозможно вести переговоры».

Я спокойно ответил, что прерывать переговоры не стоит. Раиса придерживалась того же мнения.

«Нет, нет, с этим человеком ни о чем договориться нельзя», – упорствовал Горбачев.

Мы целый час уговаривали его не покидать Женеву. На следующий день наша делегация вернулась за стол переговоров. Сначала говорили на общие темы. Но эти «общие темы» обсуждались на встрече в верхах. Один раз беседа чуть не оказалась прерванной, но положение удалось спасти. Женевская встреча, хотя и не слишком удачная, тем не менее была необходимой – как начало долгого и трудного пути, ради того, чтобы мир изменился и стал более безопасным. Впереди были новые переговоры.

В сентябре 1986 года Горбачев попросил меня: «Слетай в Вашингтон. Возможно, ты сможешь поговорить с Рейганом. Спроси его, не настало ли время для новой встречи».

Я отправился в Вашингтон. Джордж Шульц ожидал меня. Он не знал, зачем я приехал. Я рассказал ему о предложении Горбачева. Он тут же схватил телефонную трубку и позвонил Рейгану: «У меня сейчас мистер Шеварднадзе. Горбачев прислал его, чтобы спросить, не настало ли время для нового разговора?» Рейган что-то ответил. Шульц промолчал. Я понял, что дело не ладится.

На следующий день, 19 сентября 1986 года, Шульц пригласил меня к Рейгану. Мы вошли к нему вместе. Прежде Рейган всегда встречал меня дружелюбной улыбкой. Он благоволил ко мне. В своих воспоминаниях он писал: «Этот симпатичный министр иностранных дел Советского Союза». Но в этот раз он приветствовал меня с холодком: «Какие вопросы мы должны обсудить?»

«Горбачев полагает, что настало время для новой встречи».

«Я должен об этом подумать».

«Но я должен знать, какой ответ передать», – возразил я немного обиженно.

Тогда он ответил: «Я согласен, но где же нам встретиться? Он, наверное, не захочет лететь в Вашингтон, и я не хочу приезжать в Москву. А как насчет Рейкьявика? Это практически на полпути». Рейкьявик, столица Исландии, в самом деле представлял собой компромиссное решение. При перелете из Москвы в Америку самолет совершал в этом городе посадку, чтобы дозаправиться.

Вернувшись в Москву, я все рассказал Горбачеву. «Рейкьявик – это на полпути», – сказал Горбачев. И согласился.

Встреча проходила с 10 по 12 октября 1986 года в Рейкьявике. Горбачев и Рейган снова разговаривали один на один. Мы с Шульцем ожидали снаружи. Шульц заметил между делом, что чем дольше они будут с глазу на глаз, тем лучше – так они смогут привыкнуть друг к другу.

Затем они вышли и направились по лестнице вниз – каждый к своей машине. Рейган выглядел разгневанным. Горбачев, напротив, – спокойным. Прощаясь, Рейган сказал ему: «Вы не дали мне произнести ни слова, поэтому мы не смогли ни о чем договориться».

Горбачев ответил вопросом: «Не вернуться ли нам обратно?» Рейган отказался и уехал. Но отказ не беспокоил Горбачева.

Мы тоже сели в машину. Насколько я помню, с нами был Александр Яковлев. Мы пришли к единому мнению, что факт встречи заслуживает положительной оценки.

Нас привезли к зданию, где должна была состояться пресс-конференция Горбачева. Собралось много людей. Рейган давал свою пресс-конференцию в то же время, только на территории американской военной базы. Мы, конечно, не знали, что он скажет журналистам. Но и он не знал, о чем будет говорить Горбачев.

«Мои коллеги могут подтвердить – встреча состоялась и была удачной. Я бы даже назвал ее интеллектуальным прорывом в отношениях между Советским Союзом и США», – сказал Горбачев, и его высказывание вошло в историю.

Встреча в Рейкьявике положила начало будущим переговорам. Американский президент получил возможность убедиться, что с представителями «империи зла» вполне можно иметь дело.

Вообще налаживать и поддерживать взаимоотношения с Рональдом Рейганом было нелегко. Никогда не забуду слов тогдашнего вице-президента Джорджа Буша-старшего, сказанных перед нашей первой встречей с Рейганом в Вашингтоне: «Если хотите чего-то добиться, вам надо найти с Рейганом общий язык. Он действительно правый, правее него – разве только мошенники и негодяи».

Афганистан – бездонная бочка

Новая внутренняя и внешняя политика Советского Союза требовала принципиальных изменений. Самой важной проблемой, требовавшей безотлагательного решения, вне всякого сомнения, было окончание войны в Афганистане. Эта война вызывала сильное раздражение внутри страны и за рубежом.

В декабре 1985 года в Москву приехали генеральный секретарь КП Афганистана Бабрак Кармаль, шеф афганской госбезопасности Мухаммед Наджибулла и еще четыре или пять человек из высшего эшелона государственной власти. На встрече с ними присутствовали Михаил Горбачев, Андрей Громыко и я, тогда еще новичок на посту министра иностранных дел. Как обычно, члены афганской делегации доложили о положении дел в стране. Надо сказать, нарисованная ими картина оказалась довольно мрачной. К тому времени, когда происходила встреча, мы с Горбачевым уже не раз обсудили тему войны и договорились, что рано или поздно мы решим афганский вопрос, выведя армию из Афганистана. Было очевидно, что нам там нечего делать, нечего там искать. Афганистан превратился в бездонную бочку, вбирающую человеческие и финансовые ресурсы СССР. Наша страна больше не могла тащить груз войны, непосильной в политическом, гуманитарном и военном отношениях. К тому же внутренние проблемы страны тоже требовали внимания.

Обо всем сказанном выше мы с Горбачевым успели поговорить во время отпуска в Бичвинте (Пицунде) в Абхазии, однако тогда Михаил Сергеевич еще не был генеральным секретарем. Заняв этот пост, он стал очень осторожным. После того как я дважды напомнил ему о нашей договоренности, он наконец сказал афганским представителям: «Наша армия уйдет из вашей страны. Мы предоставим в ваше распоряжение столько оружия, сколько вы пожелаете, дадим вам все, чтобы вы смогли бороться самостоятельно». Гости не ожидали такого поворота. Они отвечали, что надо подумать, и в любом случае это будет чрезвычайно сложно.

Горбачев повторил еще раз и с нажимом: «Наша армия должна быть выведена из Афганистана. Оружие мы вам оставим. Дополнительно дадим еще – сколько пожелаете. Вооружайте свою армию и размещайте ее на местах, где сейчас дислоцирована наша армия».

Прошло два-три года, но ничего не изменилось. Ближился очередной XXVII съезд КПСС. Я попросил Горбачева включить предложение о выводе армии из Афганистана в доклад на съезде. Он согласился. Но затем раздались недовольные голоса среди членов политбюро. Вероятно, не все были согласны с этим решением, но никто не осмеливался открыто противоречить генсеку. Толки и разговоры вызвали у меня опасение: а не решит ли Горбачев вопреки уговору все-таки изъять афганский тезис из текста своего выступления?

Накануне партийного съезда 25 февраля 1986 года, около полуночи, нам представили последний вариант речи Горбачева. Существовало правило, что все члены политбюро должны заранее ознакомиться с текстом.

Я прочел речь. Но где же афганский вопрос? Его не было. Около часу ночи я позвонил Горбачеву домой. Конечно, было неловко беспокоить его в такое позднее время, но он всегда подходил к телефону, когда я пытался связаться с ним.

Я сказал: «Получил последний вариант доклада. Там ничего нет про Афганистан».

«Может, нам лучше немного подождать?» – спросил Горбачев.

Я ответил, что тогда я сам подниму этот вопрос в своем выступлении. Время определенно пришло. Население меня поддержит. А Михаил Сергеевич окажется не в лучшем свете. Я повторил, что говорю совершенно серьезно. «Все в порядке, – сказал тогда Горбачев. – Завтра я включу этот пункт в свою речь».

На следующее утро он позвонил мне по пути на работу. Я находился в кабинете и готовился идти на съезд. Примиряющим, доверительным и слегка ироническим тоном он произнес: «Твое поручение выполнено».

Хотелось бы, чтобы меня поняли правильно, поэтому я расскажу подробнее о том, что произошло.

Многие политические инициативы исходили в то время от министерства иностранных дел, однако суще-

ствовали еще политбюро и генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев. Все важные решения предварительно обговаривались – не детально, но в общих, принципиальных чертах – с ним и с политбюро.

Что касается Афганистана, то проблемы этой страны были мне хорошо известны. Я бывал в Афганистане минимум десять раз. В поездках меня обычно сопровождал заместитель министра госбезопасности Владимир Крючков.

В докладе, представленном Горбачевым на съезде, содержалось принципиальное заявление: «Мы хотим уже в самом близком будущем вернуть на родину советские войска, находящиеся в Афганистане». Это означало сохранение тысяч человеческих жизней.

С 5 по 7 января 1988 года я в очередной раз побывал в Афганистане вместе с секретарем ЦК Анатолием Добрыниным. Поскольку заявление о намечающемся решении афганского вопроса уже прозвучало, необходимо было действовать быстро и энергично. В Кабуле меня встретили глава афганского государства Наджибулла, председатель Совета министров Киштманд и другие министры высшего ранга. То, о чем они нам доложили, свидетельствовало об очень сложном положении. Но обо всем ли они рассказали?

Приветствуя меня, Наджибулла сообщил: «Среди бойцов-интернационалистов есть и ваши соотечественники: 1649 кавказцев, среди них – 314 грузин». Я сохранял невозмутимый вид. Я сознавал, что явился сюда не только ради всех советских солдат, которых тут убивают и которые убивают сами, и не только ради афганцев, но также и для спасения кавказцев и грузин. Я надеялся, что если мне удастся спасти хотя бы одну человеческую жизнь, это уже будет хорошо.

Позже в Москве, добиваясь поддержки, я пытался убедить в своей правоте членов политбюро. Я говорил откровенно: «Афганистан устал от войны. Население Афганистана нас не поддерживает, ничего хорошего

мы им не дали. В стране все разрушено, уничтожено. Люди голодают, армия ни на что не годна, она не бое-способна. Имеется много “мертвых душ”, деньги, пред-назначенные солдатам и офицерам, прикарманивают, полно дезертиров... Афганистан – это пропасть, там ис-чезает масса денег. Я сам не знаю, о каких суммах идет речь. Японцы и американцы, если доверять их подсче-там, полагают, что в год мы теряем около двух милли-ардов долларов. Там не просто погибают наши люди, там гибнет наш авторитет, война унижает наше досто-инство. Афганистан – трясина, и мы в ней тонем. Надо как можно скорее оттуда выбраться, но так, чтобы не бросить наших друзей и всю страну в одиночестве. Вы-вод войск из Афганистана в первую очередь необходим для безопасности Советского Союза и для решения проблем внешней и внутренней политики».

Однако самое тяжелое впечатление на меня оказа-ла встреча с нашими солдатами, так называемыми афганцами. Зал был переполнен, но говорил только я один. «Афганцы» слушали меня в тягостном молча-нии и не задавали вопросов. Никто не произносил ни слова. Создавалось впечатление, что часть генерали-тета не хочет уходить из Афганистана. Почему? Ведь люди там погибали! Там в огромных масштабах шла торговля оружием и продажа наркотиков. Трудно бы-ло об этом говорить, но и молчать я не мог. Должен упомянуть, что в зале сидели в большинстве своем че-стные, верные долгу офицеры, пережившие много го-ря. Но и они молчали. Они не хотели иметь ничего общего с этой грязью. Когда я сообщил, что скоро они вернуться на Родину, где их ждут семьи, ответом была гробовая тишина.

Определенно, я мог объяснить себе, что скрывается за этой тишиной. Никто не знал, какая судьба ожидает их на Родине. Можно предположить, что их ждала не-хватка жилья, бедность, утраченный авторитет потер-певшей поражение армии. Все это казалось ясным, но

ради того чтобы жизнь в стране получила правильное развитие, войну нужно было закончить.

Встреча с военными обеспокоила меня и еще сильнее утвердила во мнении, что в армии не все в порядке. Позже, сделавшись председателем Комиссии политбюро по Афганистану, которая была создана в декабре 1985 года, я стал чаще встречаться с солдатами. Я объяснял им, что принципиальное решение о выводе армии уже принято и мы должны приложить все силы, чтобы операция прошла по плану и обошлась без жертв.

Некоторое время спустя Горбачев и я встречались в Ташкенте, столице Узбекистана, с Наджибуллой и другими представителями его страны. Интересно, что параллельно с нашей встречей в Ташкенте афганский министр иностранных дел заявил в Женеве: «Я ничего не знаю о выводе армии. Я категорически против. С этим Афганистан никогда не согласится». Пришлось разъяснять недоразумение. Наджибулла позвонил своему министру иностранных дел и сообщил ему, что вопрос о выводе советских войск – дело решенное. Приводя этот пример, я хотел еще раз продемонстрировать и подчеркнуть, с какими трудностями политического и психологического характера мы столкнулись, когда покидали Афганистан.

Как известно, дороги в Афганистане тяжелые, труднопроходимые. Мы не исключали возможных диверсий и нападений. Но местные жители приветствовали наш уход, неприятных неожиданностей не случилось. При выводе войск не погиб ни один советский солдат. Оружие мы оставили нашим союзникам.

Многие солдаты прибыли из Афганистана в цинковых гробах, многие были искалечены. Среди афганского населения погибло бесчисленное количество человек, масса народа осталась без крова, обездоленной. Подводя итог, следует заметить, что некоторые генералы и офицеры, награв руки на торговле оружием и наркотиками, стали миллионерами. Выступив перед обще-

ственно, я указал на то, что до меня неоднократно доходила подобная информация.

Вывод войск прошел мирно. Мне поручили координировать поступление помощи в Афганистан. Начиная с поставок оружия и кончая транспортировкой гуманитарной помощи, проблем была масса. Казалось, что может быть общего у министра иностранных дел с транспортными делами? Но деваться некуда – я подчинился решению политбюро при условии, что мне дадут все, чего бы я ни потребовал. Я созвонился с афганским руководством и сказал, чтобы они как можно скорее сообщили, какие именно вещи и в каком количестве им понадобятся. Мы организовали поставки дважды. Затем я ушел в отставку с поста министра иностранных дел, а советское правительство пренебрегло Афганистаном. Страну бросили на произвол судьбы, в противном случае Наджибулла, без сомнения, сохранил бы свое влияние.

Мухаммед Наджибулла, в то время глава афганского государства, был мне хорошо знаком: примерно сорока лет, интересный человек, образованный, мужественный, хороший оратор, отец семейства. Его жена происходила из королевской династии Дуррани, к которой принадлежал и находившийся в ссылке король Захир-шах.

Король Захир-шах правил Афганистаном с 1933 года и был смещен своим родственником Мухаммедом Даудом в 1973 году. Он отправился в изгнание, жил в Италии, а Афганистан тем временем погружался в хаос.

Однажды, беседуя с Наджибуллой, я спросил: не пора ли вернуть короля, разумеется, при условии, что Наджибулла не станет его притеснять.

«Он не вернется», – был ответ.

Тем не менее я поехал в Италию, чтобы переговорить с Захир-шахом. Он принял меня на своей вилле и сообщил, что моя точка зрения в отношении Афганистана ему хорошо известна. Я предложил экс-королю вернуться на родину, взять бразды правления в свои руки и повести страну вперед. Он категорически отказал-

ся: «Ситуация неподходящая. Мое возвращение вызовет новые волнения. Никто не знает афганцев лучше, чем я. Что бы ни происходило, все зачислят на счет правителя, скажут, что вы приняли то или иное решение, а сделать ничего не смогли. На меня возложат ответственность за все, в чем я виноват и в чем не виноват. На меня и на вас тоже. Лично я не советую вам настаивать на своем предложении. И я сам не буду ему следовать».

И все же много позднее, в 2002 году, когда в Афганистан вошли американцы, король Захир-шах возвратился на родину – в качестве гражданина Афганистана. Похоже, прежние его слова были вызваны недоверием к Советскому Союзу. Мы и на самом деле утратили тогда доверие в глазах многих людей.

Пятнадцатого февраля 1989 года в соответствии с пакетом соглашений, принятых в Женеве, завершился вывод Советской армии из Афганистана.

Советская авантюра привела к катастрофическим последствиям. Обрушившимся на афганцев бедам не видно конца. Гражданская война, вызванная вторжением Советской армии, не затихает до сих пор. Мне уже тогда было ясно, что после ухода нашей армии в стране воцарится анархия, что с нашими союзниками начнут сводить счеты. Наджибуллу и его жену ожидала трагическая кончина: их повесили. И вина за гибель многих людей лежит на совести тех, кто отдал приказ о вводе Советской армии в Афганистан и тем самым вверг население страны в хаос.

Если кто-то пытается навязывать другим собственный стиль жизни, это непременно приводит к последствиям, которые невозможно искупить. Если в мировоззрении, культуре и религии народов нет согласия, а к тому же отсутствует желание познакомиться с особенностями чужой жизни, результат всегда разрушителен.

Вывод армии из Афганистана – в глазах всего мира, в глазах солдатских матерей в Советском Союзе и матерей афганских бойцов – стал моей заслугой. Но многие

протестовали против этого акта гуманности и обвиняли меня в предательстве интересов своей страны. По их мнению, виноват в случившемся был только я один. Горбачев и политбюро как бы не имели к этому отношения. Точно так же меня обвинили в выводе Советской армии из Европы, в объединении Германии и во многом другом. Я был вынужден ответить. В «Литературной газете», имевшей в те времена большое влияние, вышла моя публикация. «У нас великая страна, но в чем ее величие? – спрашивал я. – В огромной территории? В количестве населения? В оружии? В особых национальных несчастьях? В дезорганизации повседневной жизни? Нам надо гордиться тем, что у нас в стране самая высокая детская смертность? Кто мы и кем хотим стать: нацией, которую боятся, или нацией, которая пользуется уважением?»

Мое письмо предназначалось прежде всего учителям. Они оказывают решающее влияние на воспитание нового поколения, и мне хотелось, чтобы молодежь правильно поняла все, что с нами произошло.

МЕЖДУНАРОДНАЯ
АРЕНА: ВСТРЕЧИ
И РЕШЕНИЯ

Комплимент от Ричарда Никсона

Моя первая встреча с Ричардом Никсоном произошла следующим образом. Я отдыхал в отеле после очередного заседания Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, которое проходило в Нью-Йорке. Один из сотрудников сообщил, что с нами ищет контакта секретариат бывшего президента США Ричарда Никсона. Выяснилось, что экс-президент находился в то время в больнице, но, почувствовав себя лучше, захотел встретиться со мной. Я был изумлен, но, конечно, согласился, и Никсон прямо из больницы приехал ко мне в отель.

Наша беседа продлилась более часа. Мы начали обсуждать отношения между США и Советским Союзом, поговорили о глобальных проблемах. Затем Никсон сказал: «Я наблюдаю за вами уже давно. Мне кажется, что я помню тексты всех пресс-конференций, которые вы давали. Мне хотелось бы сказать, что вы обладаете очень важными качествами для политика. Во-первых, вы хорошо смотрите на телеэкране: в вашем лице много обаяния, а это очень много значит для большинства людей». (Предположив, что он, возможно, подразумевает женщин, я улыбнулся.) «Во-вторых, вы говорите всерьез и прямо, без околичностей. Вам не чужд юмор, что опять-таки привлекает телезрителей. Короче, у вас есть все качества, чтобы играть ключевую роль в современной мировой политике».

Должен признаться, этот разговор стал для меня большим сюрпризом. Передо мной сидел один из крупнейших политиков мира, познавший как радость успеха при взлете на вершину карьеры, так и горечь политических неудач. Я думаю, своим визитом он хотел оказать мне поддержку, но в то же время его речь походила на предупреждение: он словно хотел сказать мне, что путь политика – это не всегда и не обязательно путь вверх.

Что я должен был ответить на это – кроме как поблагодарить? И я сказал: «За вашим визитом в Советский Союз в 1972 году я наблюдал с огромным интересом. Не преувеличу, если скажу: вы были одним из главных инициаторов того, что лед в отношениях между двумя сверхдержавами начал таять».

Я заметил, что Никсон чувствовал себя польщенным. Что касается моих пресс-конференций и публичных выступлений, то вспоминается еще один случай. Президент Билл Клинтон сказал мне при первой встрече: «Когда у меня есть возможность, я непременно и с большим интересом смотрю ваши пресс-конференции. Я хорошо помню день, когда вы заявили о своем уходе в отставку с поста министра иностранных дел. Я стоял перед экраном телевизора – и аплодировал вам».

Оценки деятельности моей персоны республиканцем Никсоном и демократом Клинтоном совпали: аргументированность, речь без всяких «вокруг да около» и юмор вперемешку с серьезностью.

Ничто человеческое мне не чуждо. Не только женщины любят комплименты...

Визит к аятолле Хомейни...

Я познакомился со многими странами и регионами мира: с Америкой, Скандинавией, Японией, Африкой, Австралией. Между ними есть заметные различия, есть

разница даже в приветственных жестах. Ошибки в выражении и восприятии всех этих тонкостей поведения иногда могут стать причиной недоразумений.

В связи с этим вспоминается посещение Ирана в 1989 году, визит к аятолле Хомейни.

В это время у нас с Ираном были, если так можно выразиться, «переменчивые» отношения. Вот уже семь лет Иран пребывал в состоянии войны с другом Советского Союза – Ираком. Наша армия базировалась в Афганистане, и в результате вышло так, что за семь лет, прошедших после свержения шаха Реза Пехлеви, не состоялось ни одного официального посещения Ирана высокопоставленными лицами из Советского Союза. За все эти годы у нас не было никаких сколько-нибудь существенных контактов с этой страной. И вот последовало решение, что я должен посетить Иран, чтобы урегулировать отношения между нашими государствами. Моя поездка предполагалась в рамках ближневосточного визита, после посещения Сирии и Ирака.

Иранская сторона тоже демонстрировала желание нормализовать отношения, и очевидным признаком такого желания стало письмо на шесть или семь страниц, написанное от имени имама Хомейни Михаилу Горбачеву. Это письмо привез в Москву 4 января 1989 года личный представитель имама, аятолла Джавади-Амоли. Хомейни не занимал никаких государственных постов, но он был религиозным лидером Ирана, а по сути – первым лицом государства.

Письмо Хомейни заставило Горбачева серьезно задуматься. Он сначала не мог понять, как отвечать на это послание. И я тоже не знал.

В письме Хомейни положительно оценил мужество Горбачева, с которым он позволяет себе без прикрас видеть реальность. При этом аятолла замечал, что неудачи коммунизма теперь очевидны всему миру, однако для лидера Ирана несостоятельность нашей базовой идеологии отнюдь не является существенным моментом.

Послание имело глубокий философский характер. «Я хотел, чтобы Горбачев получил представление о высшем и вечном мире, существующем за пределами смерти. В этом заключается основной смысл моего письма», – подчеркивал имам.

Атеист и лидер компартии Советского Союза, конечно, не мог пуститься в теологические беседы с высшим религиозным лицом Ирана. Мы решили, что ответное письмо Горбачева должно ограничиться репликами по поводу отношений между двумя государствами, перспективами их будущего развития и региональными проблемами.

25 февраля 1989 года я прибыл в Иран с ответным письмом Горбачева к имаму Хомейни.

Для Ирана мой визит очень много значил, иранская пресса возлагала на него большие надежды.

Я планировал встретиться не только с Хомейни, но и с другими официальными представителями иранского руководства: с президентом Ирана Хаменеи, премьер-министром Мусави, главой парламента Рафсанджани и министром иностранных дел Велаяти.

По мнению иранских политических кругов, официальный визит советского министра иностранных дел был чрезвычайно важным, поскольку я вез Хомейни ответное письмо Горбачева. Для иранцев его ответ имел большое значение, от ответа Горбачева зависело многое в будущем развитии событий в регионе.

Мой визит в Иран был важен еще и потому, что на Западе, а особенно в США, очень резко критиковали Исламскую Республику Иран, и за последние десять лет Запад свел к необходимому минимуму свои отношения с Ираном.

Сразу же после моего прибытия министр иностранных дел Али Акбар Велаяти сообщил, что имам Хомейни готов меня принять. Я, в свою очередь, тоже ждал многого от этого визита и, исполненный радужных надежд, отправился в священный для Хомейни город Кум.

Хомейни был болен, по предписанию врачей он не принимал гостей. Тот факт, что он согласился меня принять, сам по себе был исключительным, и, конечно, его следует расценивать как жест уважения к Советскому Союзу. Возможно, для нашей встречи имелись и иные, не названные, но исторически обоснованные причины: давнишние интересы персов к Грузии. Не скрою, что такая мысль приходила мне в голову.

Шел снег. Дом Хомейни стоял на холме. При входе в дом я должен был, как в мечети, снять обувь. Мы вошли внутрь в носках, и возникло странное чувство: ты в строгой одежде согласно дипломатическому протоколу, но без обуви. При этом тебе предстоит не молитвенное уединение, а переговоры, когда надо в чем-то убеждать собеседника.

С самого начала мое внимание обратили на то, что я – единственный иностранец, которого имам согласился принять со времен революции, что его время ограничено и мы обязаны уложиться в отведенные нам пятнадцать-двадцать минут.

Мы сели и тихо ждали. Я осматривал комнату: Хомейни вел совершенно аскетичную жизнь. Судя по всему, главным для него были поиски смысла жизни. Ничто не должно отвлекать имама. Все тут было просто, без изысков. На полу лежал белый с серым ковер, из обстановки – только самые необходимые вещи. Помимо нас с переводчиком в комнате находилось несколько человек от принимающей стороны. В благоговейном молчании они ждали появления имама.

Мысленно я снова погрузился в историю. Как много грузин до меня сидели у дверей персидского шаха! Правда, я представлял в этот раз другое государство, но все же... Я ждал со смешанным чувством. Я припомнил и то, как в конце 1943 года грузинский вождь Советского Союза (Сталин) со своими коллегами из США и Великобритании сидел в Тегеране и распределял будущие

сферы влияния в мире. Тогда судьба Ирана зависела главным образом от этого грузина.

Снег в Иране выпадает не часто, но если такое случается, то бывает и сильный мороз. Сидя в одних носках, мы начали замерзать. Ожидание длилось уже около пятнадцати минут. Потом я узнал, что существует правило: встреча с иранским руководством всегда начинается с опозданием на десять-пятнадцать минут.

Прошло еще несколько минут, и мне наконец подали знак. Сначала вышел сын Хомейни. Со всей вежливостью он обратил мое внимание на то, что входит имам. В комнате появился маленький пожилой господин, симпатичный белобородый человек в традиционной черной шапочке на голове и в сером пальто. Он сел на край софы рядом с нашими креслами.

Меня представили. И хотя вокруг нас не было видно журналистов, впоследствии выяснилось, что каждый мой жест, каждое слово, даже беглый взгляд или шепот фиксировались.

Велаяти предупредил меня: единственный шанс добиться успеха при этой встрече – в том, чтобы за пятнадцать-двадцать минут доложить, о чем Горбачев сообщает имаму в своем письме.

Я поприветствовал Хомейни и сказал, что в ответ на его письмо Горбачев передает ему свое послание, и изложил содержание. Он слушал меня пятнадцать минут, при этом иногда кивал головой. Затем Хомейни погрузился в свои мысли. И наконец ответил: «Я разочарован. Мне известно, что Горбачев – интеллигентный, разумный человек. Не случайно я передал ему письмо с размышлениями о смысле существования человека не в земном бренном мире, а в мире небесном. Меня не интересует, что происходит на земле. Я смотрю в небеса, но пока я не получил ответа. Что же касается нормализации отношений, то я готов их поддержать».

На том все и закончилось. Он встал, попрощался и вышел из комнаты.

Мое настроение ухудшилось. Я вышел из дома и хотел надеть свои туфли. Но как их надеть? Они заледенели, стали негибкими! У меня создалось впечатление, что визит не принес желаемого результата. И я стал совещаться со своими сопровождающими: не следует ли нам отменить запланированную встречу с Рафсанджани и Хаменеи, а вместе с тем и официальный вечерний прием с ужином? Меня заботила единственная вещь – соображения престижа: не хотелось, чтобы пострадало достоинство министра иностранных дел Советского Союза.

Велаяти все понял и сказал, что свяжется со мной по телефону.

Для Ирана, бесспорно, было крайне нежелательно вызвать раздражение у Советского Союза. После нашего посещения Хомейни посол Ирана в Советском Союзе Хейрани Ноубари связался с моими сотрудниками и попросил их согласовать со мной оценку встречи с имамом.

«Иранская сторона предполагает дать положительную оценку беседе, характеризуя ее как дружественную. Иранская сторона подчеркивает позитивные аспекты этой беседы. Подчеркивается стремление иранского и советского руководства к улучшению взаимоотношений. Когда министр иностранных дел сообщил имаму о содержании письма Горбачева, имам сказал, что поддерживает высказанные соображения. В сообщении, которое готовит иранская сторона, эти слова имама приводятся дословно. К сожалению, согласно предписанию врачей, беседа не могла быть продолжена. Она и так продлилась дольше, чем разрешили врачи».

Я ответил, что согласен с оценкой Ирана состоявшейся встречи. И в самом деле, не прошло и получаса, как зазвонил телефон, и голос Велаяти произнес: «Имам очень доволен. Если при вас есть переводчик, включите телевизор!»

Включаю и вижу – повсюду сплошное ликование: «Эта историческая встреча открывает новую эру в отношениях с Советским Союзом! Состоялась часовая бе-

седа, беспрецедентный случай, какого еще не бывало! Имам сердечно приветствовал министра иностранных дел... Имам сердечно попрощался с министром... Имам придает большое значение письму Горбачева!» И новость покатила по телеканалам, прозвучала по радио, замелькала на страницах газет... Как будто теперь для этой страны распахнулись двери на Запад.

Я остался еще на два дня. На приеме за официальным ужином Велаяти повторил, что имам очень доволен, что встреча была особенной. Естественно, Велаяти не мог говорить таких слов, не согласовав их с имамом. Я хотел прояснить ситуацию и сказал: «Но имам произнес всего несколько слов. У меня создалось впечатление, что беседа не слишком удалась». – «Вы не заметили: он трижды кивнул вам головой. Знаете, что это значит для нас? Это величайшая честь и внимание», – отвечал Велаяти.

Каждый знак, каждый жест, любой культурный код нуждается в правильном прочтении и понимании. Этот визит по своим результатам действительно оказался историческим. В Иране и по сей день вспоминают его. Когда я возвратился обратно в Грузию, Рафсанджани прибыл с визитом в Тбилиси и сказал мне: «Вы были единственным иностранцем, которого принял Хомейни».

Своим письмом Хомейни прервал изоляцию, в которую он своими маневрами завел Иран. Парадоксально, но именно тогда были заложены основы для равноправных межгосударственных отношений между Грузией и Ираном. Спустя несколько лет мое посещение имама Хомейни стало определяющим в связях между главой грузинского государства и руководством Ирана – Рафсанджани, Хатами и другими руководящими лицами. Наши интересы не всегда совпадали (как, например, по вопросу о нефтепроводах), но тем не менее Грузия и Иран относились друг к другу вполне толерантно.

Поскольку в Ираке в то время работало двенадцать тысяч советских граждан, прежде чем ехать в Иран, я встретился с Саддамом Хусейном в Басре, где находилась его резиденция.

По моим представлениям, Басра наиболее подходила для ведения войны с Ираном, поскольку город располагался почти на самой границе. На вид резиденция была совсем неприметной, без всякой роскоши, но, разумеется, со всеми соответствующими защитными сооружениями. С Саддамом я разговаривал почти до рассвета, и он всячески старался оказать мне особую честь. Я говорил о бессмысленности ирано-иракской войны, пытался разъяснить, что эта война, по нашему мнению, является безрассудством и в конце концов отразится на позиции Советского Союза в отношении Ирака.

Хозяин резиденции производил впечатление довольно упрямого человека. Но я не мог себе даже представить, какие планы вынашивает Саддам относительно Кувейта.

Первые неприятные известия я получил от американского госсекретаря Джеймса Бейкера в Иркутске 2 августа 1990 года. Бейкер направлялся из Иркутска в Монголию, а уже 3 августа он прилетел в Москву. В аэропорту Внуково-2 Бейкер и я готовили план совместного американо-советского заявления. Выступая перед прессой, Бейкер сказал, что Ирак совершил нападение на Кувейт, в связи с этим большие державы созовут Совет Безопасности ООН. Он сказал, что благодарен советскому министру иностранных дел за поддержку.

В то время для того, чтобы выказать поддержку, мне пришлось преодолеть много преград, и это оказалось очень непростым шагом. Но другого пути не было – вместо обычного коллективного обсуждения я принял решение в одиночку. Разумеется, ответственность за

этот шаг мне пришлось принять на себя. Развитие событий показало, что я оказался прав.

Я отправил своего сотрудника в Ирак и потребовал от Саддама Хусейна немедленной эвакуации наших граждан. Если бы он этого не сделал, мы оказались бы втянутыми в конфликт, а американцы вошли бы в Багдад. Но всех наших граждан эвакуировали – быстро и без потерь.

Помимо официально заявленной позиции Советского Союза мы предприняли попытку «утихомирить» Саддама, найти с ним общий язык – ведь в то время он считался другом Советского Союза. Евгений Примаков, поддерживавший тесные отношения с Саддамом, взял на себя роль посредника и отправился сначала в Багдад, а затем в Вашингтон. Я был против и сказал Горбачеву: «Нельзя, чтобы наше государство вело двойную игру во внешней политике».

Поездки Примакова не привели к желаемому результату. Ему не удалось убедить Саддама «пойти на уступки». Президент Буш прервал заступника Саддама такими словами: «Саддам согрешил, как Гитлер; уступать ему и договариваться с ним невозможно!»

Когда началась военная операция под кодовым названием «Буря в пустыне», мне позвонил Бейкер. Казалось, он интересуется мнением своего партнера и хотел бы его учитывать в дальнейшем:

– До Багдада сотня километров. Как ты думаешь, нам стоит ввести войска?

– Если бы решение зависело от меня, я бы не стал.

– Почему?

– Для всего региона и для мусульман Багдад – совершенно особенный город, со своей историей, культурой и традициями. Если ввести войска, будут большие потери. Это бросит тень на вас, и правомерность ваших действий станет сомнительной.

Потом он позвонил еще раз и сообщил, что президент принял решение не вводить войска в Багдад. «На-

стало время для новых партнерских отношений между государствами. Сегодня мы переживаем решающий и уникальный исторический момент. Кризис в Персидском заливе, несмотря на связанные с ним угрозы, предоставил нам возможность перейти к партнерству», – подчеркнул в своем выступлении президент Джордж Буш-старший.

Позже Бейкер писал в своих мемуарах: «Период “холодной войны” завершился, когда мы с Шеварднадзе встретились в аэропорту Внуково-2 и Шеварднадзе поддержал нашу позицию. Наше совместное заявление стало, если можно прибегнуть к такой метафоре, последним гвоздем в крышке гроба “холодной войны”»¹. Так оно и было в действительности.

* * *

Американцы вошли в Багдад в марте 2003 года, что стало ответом на трагические события 11 сентября 2001 года. Саддама Хусейна казнили. В связи с этим хочу отметить, что казни даже в маленькой Грузии давно уже не применяются.

Главным аргументом для вторжения США в Ирак была гипотетическая попытка Хусейна производить ядерное оружие. Действия американцев основывались также на том, что Саддам совершил тяжкие преступления против собственного народа. Аргумент, что Саддам производит ядерное оружие, был правдоподобным. Реальность угрозы подтверждали высокопоставленные агенты ЦРУ, которых я знал лично. Совокупность фактов послужила основанием для моей официальной антииракской позиции и для решения о символической поддержке американской акции – от Грузии в ней участвовало двадцать человек. После того как американцы вошли в Ирак, выяснилось, что информация об ирак-

¹ *Baker J.A. Work hard, study... and keep out of politics! Adventures and lessons from an unexpected public life. New York, 2006. P. 294.*

ских предприятиях по производству ядерного оружия оказалась ложной. Непреложными фактами оставались массовые погромы, предпринятые Саддамом Хусейном против населения страны, и уничтожение оппозиции.

Начало конца холодной войны

Главное направление во внешней политике Советского Союза было сформировано в 1988 году после ряда успехов и неудач. Это направление отразилось в проекте, подготовленном в министерстве иностранных дел, о том же говорил в своих выступлениях Михаил Горбачев. Все вопросы требовалось согласовывать с политбюро, что на практике оказывалось крайне затруднительным и походило на тяжелые, выматывающие бои.

С 25 по 27 июля 1988 года в Москве в советском министерстве иностранных дел состоялось закрытое совещание, на котором я выступал с докладом по основному вопросу, а также с заключительным словом. В докладе разъяснялась суть новой советской внешней политики. Мои единомышленники и я дали серьезную оценку прежнему курсу внешней политики Советского Союза, указали на ошибки, приведшие нашу страну к изоляции.

Мы говорили о том, что в будущем лучше не допускать таких ошибок, как катастрофа в Афганистане, конфликт с Китаем, неправильная оценка процесса европейского объединения, дорогостоящая гонка вооружений, прекращение женевских переговоров в 1983 и 1984 годах, решение по поводу ракет СС-20, советская оборонная доктрина и классовый подход в международных отношениях. Насколько я знаю, мое выступление вызвало живой интерес в Советском Союзе и за границей.

Западные эксперты подробно исследовали тезисы выступления. Большинство из них отражено в фунда-

ментальной книге Генри Киссинджера «Дипломатия»¹. Я бы хотел подчеркнуть, что формирование новой советской внешней политики было прежде всего обусловлено изменениями в советской внутренней политике, также как и трансформацией советского общества. В новых условиях была уже принципиально неприемлема прежняя внешняя политика конфронтации, много лет подряд практиковавшаяся Кремлем.

В докладе я особо подчеркнул, что на рубеже двадцатого и двадцать первого веков начинается эпоха демократизации, демилитаризации и гуманизации, когда вопросы безопасности перейдут из сферы военно-политических решений в сферу политических взаимоотношений. В эту эпоху будут развиваться разносторонние и равноправные отношения между государствами и народами. И все это ради взаимного материального и духовного обогащения и ради упрочения международных структур, направленных на сохранение мира.

Для внешней политики Советского Союза три года перестройки (1985–1988) стали периодом принятия судьбоносных решений в Париже и Женеве, во Владивостоке и Рейкьявике, когда было сделано заявление от 15 января* и подписана Делийская декларация**. За эти годы удалось распутать, казалось бы, самые спутанные узлы в истории международных отношений. Внешняя политика стремительно развивалась. Все шаги, предпринятые нами, были тщательно продуманы. Но несмотря на это меня не покидало чувство, что мы могли достичь большего.

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 730.

* В заявлении Михаила Горбачева 15 января 1986 года подчеркивалось признание советским руководством приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми, приверженность новому мышлению, мирному разрешению конфликтов и разоружению, говорилось и о программе ликвидации ядерного оружия в мире.

** Делийская декларация (28 января 1985 года), призвавшая ядерные державы прекратить гонку ядерных вооружений и устранить угрозу ядерной войны, подписана Михаилом Горбачевым в 1986 году.

Чтобы полностью использовать интеллектуальный потенциал сотрудников московского МИДа, надо было оставить людям свободу для проявления интеллекта, пространство для полета мысли. И когда этого удалось достигнуть, мои ожидания реализовались. Доклад, который я сделал на совещании, тоже являлся плодом такого свободомыслия. В своем выступлении я подчеркивал, что от людей, занимающих в МИДе определенные посты, не должно быть никаких секретов и тайн – включая сумму военного бюджета, сведения о котором были прерогативой узкого круга посвященных.

«Оборонный бюджет должен быть открытым, это послужит интересам населения и интересам мира, – говорил я в докладе. – Необходимо создать законную процедуру, в соответствии с которой все учреждения, занимающиеся армией и военной промышленностью, окажутся под контролем у представительства, избранного народом. То же относится к использованию армии за пределами государства, к планам по развитию обороноспособности и к военному бюджету».

Конечно, военной элите не понравился мой доклад, и особенно решения, которые за ним последовали. Я говорю не только о выводе армии из Афганистана и из Германии. В докладе я сказал жесткое «нет» существовавшей десятилетиями монополии на бесконтрольное планирование и финансирование бюджета.

Со мной лично бывали случаи (например, при переговорах по разоружению), когда противоположная сторона знала о нашем вооружении больше, чем я. Тем самым я совершенно непреднамеренно оказывался в положении обманщика. Кто стал бы мне доверять после этого? Подобное повторилось, когда с тупой старательностью мы утаивали катастрофу на атомной электростанции в Чернобыле, случившуюся в апреле 1986 года. Стремление преуменьшить серьезность положения, характерное для советской бюрократии, которая оказывалась не прочь «пококетничать» перед самой собой, на

этот раз грозило разрушением государства. Уверен, что помимо других причин Чернобыль стал одним из факторов крушения Советского Союза. Мы не думали о политических и экономических последствиях, судорожно пытались сохранить в неприкосновенности старые догмы и слепо придерживаясь устаревших решений.

В докладе я привел еще такой пример: «После того как в 1969 году США прекратили производить химическое оружие, мы, вопреки всему, продолжали это производство еще шестнадцать лет, потратив массу денег, людских и прочих ресурсов. Теперь мы опять расходует массу денег на уничтожение накопленного арсенала. Долгие годы на глазах у мировой общественности мы производили оружие, которое сами считали варварским и от которого наш главный противник давно отказался. Какой огромный вред мы нанесли себе – с политической, экономической и моральной точки зрения! Разве в этом состоит забота о безопасности страны?»

Следующий пример – конфликт с Китаем. Мне кажется, мы до сих пор не разобрались, все ли возможное мы предприняли для того, чтобы избежать столкновения. Было бы целесообразно прояснить, какие экономические потери понесла наша страна в результате конфронтации с нашим великим соседом.

Вспоминаю, как в 1989 году, будучи с визитом в Китае, я спросил у Дэн Сяопина: почему в 1969 году из-за острова Даманский возникли такие резкие столкновения, зачем понадобилось так много жертв? Он ответил довольно странно: «Это не наше дело, об этом позаботятся другие. Я хочу подтвердить лишь одно: мы ведем спор о больших областях, о территориях, исторически принадлежащих Китаю. Наступит время, когда Китай, возможно, вернет их себе». У меня просто не было слов. Впоследствии, на встрече с Владимиром Путиным, я рассказал ему об этом разговоре. Он очень серьезно отнесся к моим словам.

* * *

Теперь я хотел бы снова вернуться к своему выступлению. «Истинные патриоты, рядовые, солдаты страны – а таких рядовых очень много – точно знают, что нельзя воевать со всем миром. Нельзя одновременно вести гонку вооружений с США, с Европой и Японией, если экономические показатели нашей страны явно уступают показателям каждого из этих регионов. Неравная борьба ослабила Советский Союз. Военные знают об этом, но также знают, что нашим офицерам среднего звена и солдатам очень плохо живется. Их профессиональные и социальные перспективы, будущее их семей – безнадежны. В это же время некоторые генералы в Афганистане, в Германии и еще кое-где за границей стали обладателями вилл и миллионов», – говорил я.

Страшно говорить правду отчаявшимся людям, все боялись, но кто-то должен был это сказать! Мы хотели уберечь Советский Союз и весь мир от насилия со стороны бедной голодной армии, вооруженной ядерным оружием.

Было совершенно необходимо контролировать военных. Конечно, все те, кто нажился за счет армии, были против того, чтобы менять сложившееся положение. Ненависть ко мне как к грузину у некоторых военных и политиков трагическим образом распространилась и на мою Родину, Грузию. После развала Советского Союза ненависть ко мне вылилась в травлю моей страны.

Впрочем, эта враждебность имеет и другую, более глубокую причину. Даже сейчас, когда я больше не являюсь президентом, для русских шовинистов Грузия остается предметом ненависти.

* * *

1988 год стал значительной вехой в истории внешней политики Советского Союза и всего мира. В 1988 го-

ду на заседании Генеральной Ассамблеи ООН Михаил Горбачев высказал искреннее желание прекратить холодную войну. Он заявил, что Советский Союз выведет наибольшую часть своих войск из Центральной Европы.

Его речь, все принципиальные заявления были подготовлены министерством иностранных дел. Как и мой доклад, речь Горбачева являлась результатом согласованных действий работников МИДа.

Мы хотели на словах и на деле показать, что больше не рассматриваем США и Запад как своих врагов. В свою очередь мы тоже перестали быть врагами для США. В эпоху ядерного оружия наше «новое мышление» отдавало приоритет общечеловеческим ценностям и отказывалось от классовой борьбы ради мирного сосуществования.

США и Запад поверили нам. Это стало важнейшим свершением на пути к окончанию холодной войны и к достижению взаимного доверия. Такова была и наша главная цель: менталитет советских руководителей должен был измениться.

Отказ от собственных догм и костных убеждений – вот что стало нашей величайшей победой. Разделив универсальные, общечеловеческие ценности, мы избавлялись от оков советской идеологической традиции. Мы действительно оказались победителями – в противоположность распространенному в те времена мнению (а в России некоторые и до сих пор продолжают так думать). Англичане говорят, что победа здоровой идеи – ценна и полезна. В этом случае нет проигравших, все только выигрывают. Победа нового мышления помогла преодолеть холодную войну в Советском Союзе. В результате возникло новое мироустройство, другая внешняя политика и новая философия.

Как новое мироустройство будет развиваться в двадцать первом веке? Это важный вопрос. Чтобы ответить на него, следует подчеркнуть следующее. В вось-

мидесятые годы прошлого века, сделав постулат «нет – холодной войне» основой переустройства мира, Советский Союз отказался от семидесятилетней приверженности коммунистическим идеям. Может ли сегодняшняя Россия отказаться от империалистических взглядов и догм, столетиями формировавших мировоззрение российских граждан? В основе этого мировоззрения – покорение соседних народов и присоединение территорий соседних государств, а это серьезно.

Ответ на этот вопрос в первую очередь важен для стран Европы. Европейским государствам придется защищать страны, отделившиеся от России после крушения коммунистической империи. Некоторые из этих стран смогли восстановить собственную государственность, другие – обрести ее с надеждой и верой, что двадцать первый век не возобновит традиционной агрессии. Если этого не произойдет, Европе с ее укладом постоянно будет грозить опасность.

Именно поэтому Грузия и Азербайджан в девяностые годы предприняли те политические и экономические меры, которые сделали наши страны значительными в глазах Европы, США и других государств мира. Грузия стала членом европейских структур, в настоящее время она стремится стать членом НАТО. Добиваясь этой цели, Грузия при помощи США приводит свою армию в соответствие с международными стандартами. Конечно, этот процесс неприемлем для имперского мышления России и вызывает у российских политиков непритворную боль. Поэтому Россия стоит за спиной региональных сепаратистов Абхазии и Южной Осетии. Все, как и прежде.

Полагаю, наступит время, когда Россия тоже изменится и станет сначала решать собственные проблемы. Нам не следует забывать о Чечне. Хочется верить, Россия осознает, что ей как государству сильнее всего угрожают внутренние проблемы. К ним Грузия не имеет никакого отношения.

Саммит на Мальте: рассерженный Горбачев

В 1988 и 1989 годах советско-американские отношения достигли уровня, оказавшего позитивное влияние на отношения во всем мире. В этом процессе особое место заняла встреча на Мальте, состоявшаяся 2–3 декабря 1989 года между Бушем и Горбачевым. События разворачивались следующим образом.

На корабле «Максим Горький» мы добрались до Мальты раньше, чем американский президент, и успели встретиться с мальтийским руководством. Джордж Буш-старший прибыл на крейсере со своими сопровождающими несколько позже.

Море сильно штормило. Шлюпка с трудом подошла к крейсеру так, чтобы американский президент смог в нее сойти. Сначала корабль покинул сотрудник охраны, затем президент. Внезапно Буш поскользнулся на металлической ступеньке трапа и повредил ногу. Тем не менее он добрался до нашего «Максима Горького». Всю ночь он провел на советском корабле, где и состоялись переговоры. В прежние времена подобное было невозможно представить. На нашем корабле было заключено знаменитое мальтийское соглашение. Главы обоих государств заявляли, что США и Советский Союз больше не считают друг друга антагонистическими государствами, что эпоха вражды между ними закончена.

Заявление государственных мужей, возглавлявших ядерные сверхдержавы, было в действительности равнозначно установлению мира во всем мире.

Вместе с тем на Мальте произошло событие, незаметное для других, но многозначительное для меня – возможно, это оно стало предвестником будущего.

Буш и Горбачев никак не могли прийти к единому мнению по поводу определенной информации. Горбачев хотел внести исправления. Буш не соглашался с поправкой и сказал: «Эта информация исходит от Ше-

варднадзе». Горбачев посмотрел на меня. А Буш добавил: «Мы доверяем Шеварднадзе».

Возникла крайне неловкая ситуация. Горбачев ничего не сказал, но, как говорится, «лицо его почернело» от раздражения. Услышать такое ему было явно неприятно. А Буш подумал, что доставил мне удовольствие.

В этот момент я почувствовал, что отношение Горбачева ко мне не будет таким, как прежде. И действительно – оно стало более прохладным. Он начал меня избегать. Очевидно, что его беспокоили мой растущий авторитет и популярность. После того как я ушел в отставку, Горбачев признался, что хотел назначить меня вице-президентом. Чем являлся вице-президент в Советском Союзе, знают все: в отличие от министра иностранных дел это функционер без функций.

В конце концов Горбачев стал относиться к делам, которые сам начал, и к своим старым союзникам совершенно иначе. Я совсем перестал узнавать его. Даже в нем сила реакции одержала верх над идеями перестройки, и именно это явилось причиной (или одной из причин), приведшей страну к путчу, реакционной попытке переворота.

Я сделал все, чтобы на своем посту достойно представлять и надежно защищать за рубежом интересы Советского Союза. Наряду с огромной ответственностью это означало большую душевную и психическую нагрузку. Если вспомнить, к примеру, 1988 год, то тогда я побывал с визитами в шестнадцать странах, где встречался с главами государств. В том же году в Москве я принял примерно двадцать пять министров иностранных дел и сорок послов. Это были совсем непростые встречи. С каждым человеком нужно было вести беседу, тщательно выбирая слова, чтобы добиться положительного результата для своей страны и из потенциального врага сделать друга.

Каким министром иностранных дел я был, пусть решают другие. Но чем больше успехов было у меня на

международном уровне, тем сильнее становилось недовольство моей персоной у меня дома. Мне приходилось защищаться едва ли не в одиночку. Это, среди других причин, сыграло роль в решении уйти в отставку с поста министра иностранных дел. Но главной причиной все же стало то, что внутри страны я замечал нарастающее сопротивление курсу перестройки. Я хотел, чтобы другие тоже это заметили.

Вайоминг: победа здравого смысла

В 1989 году между американским госсекретарем Джеймсом Бейкером и мной возникли своеобразные отношения. Мы были не только партнерами по переговорам, но и друзьями, и регулярно встречались. Наша дружба позитивно влияла на развитие отношений между нашими странами.

Однажды в сентябре 1989 года, когда я прилетел в Вашингтон и мы беседовали в госдепартаменте, Бейкер спросил: «А почему, собственно, мы всегда встречаемся в Вашингтоне или Нью-Йорке? Хочешь, я повезу тебя в чудесное место, где я построил себе виллу? Я знаю, что ваша страна очень красива, но это – особое место в Америке, и мне хочется тебе его показать». – «А где это?» – спросил я. Он ответил: «В Вайоминге».

Спустя четыре или пять часов лета самолет приземлился. На вилле мы оказались не одни, там гостили и другие люди. На следующий день мы провели переговоры под открытым небом. Погода стояла прекрасная. Мы находились в природоохранной зоне недалеко от озера. Вид напомнил мне поле у реки Алазани (если смотреть из города Сигнаги) в восточногрузинской Кахетии. На расстоянии 400–500 метров от нас можно было заметить диких зверей. Животные не боялись людей.

Мы оба пребывали в невероятно хорошем настроении. Возможно, это внесло свою лепту, как впрочем, и

уже достигнутые к этому времени договоренности. Так или иначе, мы пришли к соглашению. Настало время, когда отношения между нашими странами достигли нового уровня и действительно стали партнерскими в том, что касалось разработки основ для создания нового устройства мира. Наше соглашение было подтверждено соответствующим заявлением.

В самом деле, начался совершенно новый период в истории отношений между Америкой и Советским Союзом. Впервые в истории два государства договорились, что они больше не враги, а партнеры, и взяли на себя обязательство работать вместе. Вайоминг стал успехом того самого здравого смысла, к которому я неоднократно взывал. Признав друг друга равноценными партнерами, обе сверхдержавы оказались в выигрыше. Советский Союз, во всяком случае, не был ослаблен. Впервые после Второй мировой войны реформы, проведенные за три-четыре предыдущих года, и новая цивилизованная внешняя политика поставили СССР наравне с США. Это стало для нашей страны значительным успехом.

После переговоров мы с Бейкером отправились на рыбалку. Он подарил мне резиновые сапоги, которые я храню до сих пор. Он поймал одну рыбу, а я ни одной, но политический улов был, конечно же, важнее. Мы провели чудный вечер в окружении деловых людей. Все они чувствовали воодушевление – встреча в Вайоминге, по их мнению, должна была войти в историю. Думаю, они оказались правы.

У Фиделя Кастро

Будучи министром иностранных дел Советского Союза, я неоднократно бывал на Кубе и в Никарагуа. При посещении Кубы 27–30 октября 1985 года я убедился, что кубинский лидер Фидель Кастро пользуется поддержкой и уважением в Южной Америке.

Я тоже испытывал к Кастро большую симпатию. Возвращаясь с очередного заседания Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке, я частенько останавливался на Кубе. Разговоры с Кастро длились часами. Он любил поговорить на разные интересные темы. Я посещал Кубу и с официальными визитами – один раз вместе с Михаилом Горбачевым, это было в апреле 1989 года.

Хотя взгляды Кастро отличались от наших политических взглядов, мы старались поддерживать с ним хорошие отношения.

В 1962 году по приглашению Никиты Хрущева Фидель Кастро впервые приехал в Советский Союз. К этому времени Кастро увенчали нимбом легендарного вождя, а политическая репутация Хрущева, напротив, была подпорчена. XX и XXII съезды КПСС не принесли Хрущеву особой популярности среди населения. К этому добавилось множество экономических проблем. Хлеб, как и другие жизненно важные продукты, стал дефицитным товаром. Обострился политический кризис. Хрущев нуждался в уважении и признательности Фиделя, и я полагаю, что именно с этим и было связано приглашение Кастро в СССР. Хрущев привез Кастро и на мою родину. Они посетили Тбилиси и Западную Грузию. В беседах с Кастро мы неоднократно вспоминали некоторые моменты, связанные с посещением Грузии.

В ходе моих официальных визитов на Кубу Кастро всегда заботился о том, чтобы мы проводили встречи с населением и знакомились со страной. Мы осмотрели множество достопримечательностей, столица Кубы Гавана произвела на меня особое впечатление. Тогда на Кубе внедрялась новая система образования, а в здравоохранении – новая модель семейных врачей, проводились интересные медицинские исследования.

Атмосфера визитов была дружеской, мы дискутировали, спорили, но без негативного оттенка. Наши официальные беседы отличались искренностью и деловитостью. Кастро был отлично информирован обо всех

актуальных событиях, происходивших в мире, чему я удивлялся.

По рекомендации Фиделя в октябре 1989 года я отправился в Никарагуа, где встретился с Даниэлем Ортегой и его приверженцами. Государство Никарагуа находилось на начальной стадии процесса демократизации, и правительство внимательно следило за развитием страны в этом направлении. Подобно Кубе, Никарагуа обрела самых страстных сторонников прежде всего среди населения Южной Америки и пользовалась поддержкой многих государств.

Во время моего визита в Никарагуа шла подготовка к всенародным выборам. Позднее я узнал, что Даниэль Ортега не набрал достаточного числа голосов. Президентом избрали другого человека.

После моего визита формальные дипломатические отношения с Никарагуа превратились в реальные активные связи.

Я хочу еще раз вернуться к Фиделю Кастро. Он был чрезвычайно образованным человеком, отлично разбирающимся в литературе, и поддерживал тесные отношения с Эрнестом Хемингуэем.

Фидель и поныне пользуется большой популярностью в странах Южной Америки, а для кубинцев он – настоящий герой.

«Советское наступление» в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане

В 1987 и 1988 годах одним из основных направлений во внешней политике Советского Союза стала нормализация отношений с азиатскими и тихоокеанскими государствами от Китая и до Таиланда. Здесь дела были основательно испорчены. Мне нередко приходилось выстраивать отношения, начиная буквально с нуля.

Моя официальная поездка в Австралию и государства Юго-Восточной Азии была обусловлена также и тем обстоятельством, что развивающиеся страны Индокитай, входящие в АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии), и особенно Вьетнам, так безнадежно отстали в экономическом развитии, что наша помощь уже не приносила реальной пользы. Более того, для Советского Союза она даже оборачивалась реальным ущербом в экономическом, политическом и моральном аспектах. Помимо широкой военной помощи и финансовых средств мы экспортировали в государства Юго-Восточной Азии нашу собственную бесхозяйственность, политическую регламентацию экономики и утопические взгляды, от которых эти бедные страны становились еще беднее.

Я считал необходимым ознакомиться с положением на местах. Мы должны были действовать очень осторожно, а дел впереди было много, предстояло определить планы на будущее. Перед нами стояла еще одна важная задача: ограничить определенными рамками политические амбиции Вьетнама, серьезно беспокоившие весь регион. Таким образом, ожидалась сложная миссия со множеством проблем. Я знал, что самые большие трудности нас ждут во Вьетнаме, и именно к этому мне, как и принимающей стороне, следовало готовиться с самого начала.

Многодневный вояж главы МИД СССР, длившийся с 1 по 13 марта 1988 года, вызвал огромный интерес у международной общественности. Прежде чем ехать во Вьетнам, я побывал в Австралии, Индонезии и Таиланде, затем в Лаосе и Камбодже. Такая последовательность не случайна: было крайне важно познакомиться с точкой зрения теперешних и будущих партнеров по переговорам. Визиты давали мне оптимальную возможность для детальной оценки положения. Дело, которое беспокоило всех, должно было решаться во Вьетнаме, в самом конце поездки.

По нашей информации, вьетнамцы занимали весьма неблагоприятную позицию. Поэтому я очень взвешенно и постепенно давал ход тем или иным сведениям, характеризующим мою позицию относительно Вьетнама. Намеки, предназначенные для Вьетнама, достигали цели. Так, например, во время пребывания в Таиланде я сказал, что вывод советских войск из Афганистана мог бы служить примером для решения проблем в Камбодже. Я публично приветствовал политику Лаосской Народно-Демократической Республики в ее стремлении к нормализации отношений с Китаем и Таиландом. Для Вьетнама это было чрезвычайно важным заявлением.

Большие и мощные государства часто считают свои собственные взгляды, традиции и мировоззрение универсальными и навязывают их другим народам. Такие тенденции в свое время были характерны для французских и английских колонизаторов, для американцев и русских. Однако народы и страны отличаются друг от друга. Бог создал это разнообразие, и перемешивание и нивелирование стало бы огромной потерей для нашей земли. Впрочем, англичане, французы, русские и американцы, как ни старались, не смогли вытеснить культуру покоренных народов.

Мое пребывание в Лаосе длилось всего полтора дня. Там меня поразили спокойствие, сдержанность, серьезность и сердечность людей. Они говорили так тихо, что надо было очень внимательно слушать, чтобы понять, о чем речь. Лаосцам чуждо стремление к богатству. Среди прочего это проявляется в том, что они возделывают рис, свой основной продукт питания, лишь в таких количествах, сколько требуется для прокорма семьи. Кроме того, меня удивило, что у них день рождения – не повод для праздника. Зато особое значение они придают Новому году, который празднуют три дня ранней весной в начале сезона дождей.

Члены компартии Лаоса и даже партийные вожди являются приверженцами буддизма, что отнюдь не ме-

шает их членству в партии. Впрочем, ортодоксальными буддистами их назвать нельзя.

В Камбодже в музее жертв геноцида «Туол Сленг» я был потрясен при виде материалов, документов и экспонатов, показывающих, как Пол Пот и его окружение уничтожали свой собственный народ. Увиденное так сильно тронуло мою душу, что я произнес: «Мы должны помогать вам не только экономически и материально, мы должны поддержать вас морально, всей душой, чтобы вы снова обрели веру в собственные силы. Чтобы вы верили: ваше культурное наследие живо, и народ может преодолеть все трудности ради воскресения своей души».

Камбоджа – одна из старейших стран Юго-Восточного региона. В первом веке после Рождества Христова здесь существовало царство кхмеров. Трагично и возмутительно, что в семидесятые годы двадцатого века эта древняя страна и чудесный народ стали объектом социального эксперимента, когда после государственного переворота к власти пришла группа фанатичных коммунистов под предводительством Пол Пота и Ленга Сари*. Жертвами их бесчеловечной политики стали миллионы камбоджийцев, почти половина населения. Выжившее городское население переселяли в деревню, а деревенских жителей – в города. Семейные традиции истребили, экономику развалили. Камбоджийское общество было практически уничтожено. Но в 1979 году при помощи Вьетнама** народ сверг диктатуру Пол Пота. Однако полпотовцы, которых поддерживал Китай, не сложили оружия. Они ушли в джунгли, началась гражданская война.

* Ленг Сари – сводный брат Пол Пота, некоторое время он был полпотовским министром иностранных дел.

** Этнические вьетнамцы составляли немалый процент городского населения, они оказывали вооруженное сопротивление полпотовцам и были уничтожены в первую очередь; в декабре 1978 года, в ходе открытого военного конфликта, вьетнамская армия быстро добилась победы и заняла Пном-Пень.

Важной целью моей поездки было оказать содействие началу диалога между конфликтующими государствами Тихоокеанского бассейна. Это должно было привести к преобразованию региона в зону мира, стабильности и сотрудничества, где – как раз на территории Камбоджи – можно было бы прекратить конфронтацию между Китаем и Вьетнамом. Помимо этого предполагалось, что Камбоджа вернет себе место в Организации Объединенных Наций. Решение камбоджийского вопроса включало, не в последнюю очередь, предстоящий поэтапный вывод вьетнамской армии из Камбоджи. Но последний аспект можно было отложить на потом. Сейчас перед нами стояла задача начать сотрудничество с руководством Китая и Вьетнама.

Взрывоопасное положение в Камбодже, естественно, беспокоило соседние государства: Китай, Бирму, Таиланд и Лаос.

И в каждом из них люди питали надежду, что Советский Союз удержит Вьетнам от вооруженного вмешательства во внутренние дела Камбоджи.

На меня произвели большое впечатление слова тайландского министра иностранных дел Сиддхи Советсила. Говоря о стремлении Таиланда к установлению мира в регионе, он взволнованно, просто и выразительно сказал: «Вы можете посмотреть мне в глаза – и вы убедитесь, что я говорю правду!» Услышав это, я подумал, что правда – сильнейший аргумент в ходе мирного диалога. Передо мной была та самая, новая и честная дипломатия, появления и утверждения которой я добивался с начала перестройки.

По моему приглашению Советсила приехал в Москву, и мы продолжили диалог о восстановлении мира в Камбодже и в регионе. Я ему сказал: «Несмотря на разногласия, мы начинаем движение навстречу друг другу. Это многообещающий факт. Мы становимся ближе не только как два государства, но и как связанные между собой части большого мира, который можем спасти

только путем согласованных действий». И это были не просто слова.

Америка, европейские государства, Китай, Япония, Вьетнам, Индия, Иран, Ирак и другие страны защищали в первую очередь свои национальные интересы. На дипломатическом уровне я представлял Советский Союз и часто был вынужден говорить и действовать грубо, при этом не сомневаясь, что мы движемся по пути реального партнерства. Если выразиться прагматично, холодная война была больше не выгодна.

Приехав в Ханой, я заявил вьетнамцам, что «насилие с оружием в руках сегодня перестало быть универсальным средством для решения региональных и геополитических проблем». Подчеркнув, что перед прибытием во Вьетнам я посетил Таиланд, Австралию, Индонезию, Лаос и Камбоджу, я сказал, что правительства этих стран с уважением отнеслись к идее мира, которую высказал в своей речи Михаил Горбачев 28 июля 1986 года во Владивостоке. Лаос и Камбоджа поддержали все наши инициативы, направленные на реализацию концепции безопасности в Тихоокеанском регионе.

Как я уже говорил, моей задачей было остановить конфронтацию между Китаем и Вьетнамом. Эти два государства оказывали поддержку противоборствующим силам в Камбодже. Ключ к примирению сторон надо было искать в этом регионе. Думаю, я его нашел. Во всяком случае важные шаги к улучшению отношений между Китаем и Вьетнамом были предприняты. С этой точки зрения большое значение имели слова вьетнамского министра иностранных дел Нгуен Ко Тача, которые он произнес в своей речи на приеме по случаю моего визита: «Вьетнамский народ очень дорожит дружбой с братским китайским народом и стремится восстановить дружеские отношения. Наше правительство неоднократно доказывало свою готовность начать переговоры с китайским народом в любое время, в любом месте и на любом уровне, чтобы урегулировать все про-

блемы, касающиеся интересов двух стран, ради укрепления мира в регионе и во всем мире. Мы убеждены в том, что эти коренные и долговременные интересы по своей важности значительно превосходят временные противоречия, все еще стоящие между нами».

Это заявление означало также, что Вьетнаму придется отказаться от своих амбиций в Камбодже, которых у него, вполне вероятно, не возникло бы без нашей поддержки. В новой изменившейся ситуации Ханой должен был быть в курсе того, что мнение Советского Союза по поводу камбоджийского вопроса стало другим. Мы больше не поддерживали политику Вьетнама в Камбодже и, таким образом, не являлись противниками Китая. Правителям Вьетнама пришлось осознать, что их политика может оказаться взрывоопасной для всего региона.

Где бы я ни оказывался – в Таиланде, Австралии или Индонезии – повсюду я слышал одни и те же слова: «Ключ к решению проблемы Камбоджи в ваших руках».

В ходе последующих переговоров мы добились, что Вьетнам пошел на уступки. Проблемы Вьетнама и Камбоджи были фактором, угрожающим безопасности в Азии и нашему государству тоже. Несомненно, благодаря вмешательству Вьетнама во внутренние дела Камбоджи часть камбоджийского населения оказалась спасенной от геноцида, проводимого режимом Пол Пота. Но с правовой точки зрения вмешательство вьетнамских вооруженных сил во внутренний конфликт соседней страны было недопустимым. Существовали подозрения, что за спиной Вьетнама стоит Советский Союз и дергает, как кукловод, вьетнамских политиков за веревочки. Это подрывало наши мирные инициативы во всем мире и, без сомнения, приносило существенную выгоду Китаю и США, придававшим огромное значение афганскому и камбоджийскому вопросам. Они отлично понимали, что после Афганистана Вьетнам для нас – еще одна гиря, висящая тяжелым грузом. Освободиться от этого груза оказалось непросто. Политика конфронтации, которой при-

держивался дружественный нам Вьетнам, увеличивала риск военно-политического конфликта с Китаем, что, в свою очередь, обесценивало наши мирные инициативы. Одним словом, мы должны были помочь этим странам не для того, чтобы они окончательно уничтожили друг друга, но ради того, чтобы они смогли принять изменившееся положение вещей.

Переговоры во Вьетнаме продвигались тяжело и с большими сложностями. Требовалось огромное напряжение, чтобы преодолеть сомнения наших вьетнамских друзей по поводу предложений партнерства со стороны Таиланда и Индонезии. В усилении экономических связей вьетнамцы видели «троянского коня». Но перелом произошел и стал не менее важным для нашего собственного мышления. Можно сказать, что мы наконец явили странам Азиатско-Тихоокеанского региона свое «человеческое лицо». Несомненно, перед Азией в то время простиралось большое будущее, возросла ее роль и влияние на судьбы человечества. Не боясь ошибиться, можно было делать прогнозы о том, что рядом с промышленно развитой Японией скоро активизируются другие страны.

Отправляясь в поездку, я знал, что юго-восточные государства придерживаются разных взглядов в отношении Советского Союза, хотя живой интерес к перестройке отмечался повсюду. Надо было помнить о том, что Австралия является партнером США, а Таиланд и Индонезия будут относиться к нашим инициативам с изрядной долей недоверия, поскольку у власти там находились антикоммунистические режимы. Однако при всем этом мы представляли для них вполне удовлетворительную возможность обеспечить политический баланс при выстраивании отношений с США, Японией и Китаем. После нашей договоренности о партнерских отношениях с США в этих трех странах, без сомнения, появилось стремление вести политический диалог с Москвой. Это давало им возможность не только участ-

воват в большой политике, но и по-новому оценить свои собственные интересы.

При разработке внешнеполитической концепции мы, конечно, принимали это в расчет. Анализируя проблемы региона, мы учитывали интересы каждой страны и за каждой страной признавали право сыграть роль на мировой сцене.

Мы, например, поддержали Договор Раротонга*, чем фактически признали притязания Австралии на то, чтобы считать южную часть Тихого океана зоной своего влияния. Индонезия хотела укрепить свои позиции в АСЕАН и во всем регионе. Отношения с нами давали ей возможность соблюсти баланс между «китайским синдромом» и «японским комплексом». Что касается Таиланда, то наша инициатива в определенной мере защищала его от давления со стороны Китая и со стороны Вьетнама.

Все три государства лелеяли надежду, что в результате нашего активного участия можно будет решить камбоджийский вопрос. Это отвечало их интересам.

Мои беседы с вьетнамским руководством протекали очень напряженно. «При всем уважении» вьетнамские партнеры вежливо отклонили наше предложение решить камбоджийскую проблему таким же образом, каким был разрешен афганский вопрос. Неприемлемой для Ханоя оказалась и идея национального примирения. Переговоры не привели к желаемому результату. В знак протеста я нарушил этикет советско-вьетнамских отношений и отказался выступить по телевидению. Я также отказался от дальнейших запланированных встреч. По поводу возникшей ситуации я просил совета в посольстве. Обсудив положение, мы решили, что в экономическом, политическом и военном смысле Со-

* Договор о создании безъядерной зоны в южной части Тихого океана, подписанный в 1985 году представителями региональных государств на острове Раротонга и ратифицированный в 1991 году.

ветский Союз должен взять на себя в Тихоокеанском регионе функцию противовеса Соединенным Штатам.

В целом моя тринадцатидневная поездка по Азии оказалась чрезвычайно важной. Она сыграла решающую роль в утверждении позиций Советского Союза в этом регионе. Возможно, моя миссия не принесла блестящих результатов, зато положила начало «советскому наступлению» в Тихоокеанском регионе.

Отношения с Японией, Филиппинами и Кореей

Между 18 и 24 декабря 1988 года наше «наступление» было продолжено серией моих официальных визитов в Японию, на Филиппины и в Корейскую Народно-Демократическую Республику.

В то время мы оказались в ножницах двух противоречий по территориальным вопросам, казавшихся неразрешимыми. Так, в 1969 году на пограничной реке Уссури вокруг острова Даманский разразился кровавый конфликт между российскими и китайскими пограничными войсками.

Что касается Японии, то здесь поводом для территориального конфликта стали четыре маленьких и слабо населенных острова в Тихом океане. Эти острова являются продолжением Курильской островной дуги. Японцы называют их «северными территориями», это название принято и в их дипломатическом лексиконе. Собственно говоря, требование японцев возвратить им четыре маленьких острова было вполне понятным. При восстановлении дипломатических отношений в 1956 году Советский Союз заявил, что согласен вернуть Японии острова Шикотан и Хабомаи, если будет заключен мирный договор между обоими государствами, однако...

В 1960 году Советский Союз отказался вернуть острова. Когда в 1973 году японский премьер-министр Какуэй Танака встречался в Москве с Леонидом Брежне-

вым, Брежнев выразил согласие с позицией Японии и назвал вопрос о северных территориях «нерешенной проблемой». Но это было устное заявление, содержание которого не зафиксировали в совместно принятой декларации. Возвращение островов, даже ради улучшения отношений с Японией, оказывалось для Москвы тогда слишком высокой ценой. В рамках военной стратегии Советского Союза в Тихом океане маленькие острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, расположенные рядом с островом Хоккайдо, были чрезвычайно важны. Они защищали вход в Охотское море, где находились базы советского Тихоокеанского флота. С точки зрения СССР возвращение Японии этих островов означало бы, что там разместятся японские и американские корабли, и в случае кризиса советские корабли и подводные лодки будут атакованы в наших территориальных водах.

Однако новые технологии меняют и военную стратегию. Я полагал, что если советско-американские отношения улучшить настолько, что серьезные конфликты можно будет исключить, то стратегическая функция островов потеряет смысл. Но в те времена об этом можно было только размышлять. На уровне политбюро вопрос был давно решен, и я ничего не мог изменить.

Тем не менее улучшить отношения с Японией было необходимо. Между обоими государствами все еще не был подписан мирный договор. Предпосылки к его подписанию предполагалось создать во время визита Горбачева в Японию. Япония и Советский Союз должны были хорошенько подготовиться к переговорам.

18 декабря 1988 года я прибыл в Японию с официальным визитом. 19 декабря я посетил императорский дворец и высказал слова сочувствия по поводу болезни императора Хирохито. Затем состоялась беседа с министром иностранных дел Сосукэ Уно. Встреча продолжалась шесть часов. В центре внимания – вопросы глобальной политики, отношения между Японией и Советским Союзом и проблема мирного договора. Ключе-

вым вопросом, так или иначе, оставались северные территории.

Для Советского Союза эта тема была табу. Об этом не могло быть и речи, вопрос считался решенным. Такая жесткая позиция изначально исключала обсуждение с японцами и других тем.

Это был мой второй рабочий визит в Японию после 1986 года, когда я попытался оживить прерванные политические связи между нашими государствами. И тогда и сейчас попытки обсудить любые другие вопросы пресекались проблемой северных территорий. Я высказал свое мнение премьер-министру Нобору Такэсита. Было необходимо продемонстрировать, что Советский Союз готов развивать отношения. В конце концов мир менялся у нас на глазах, менялась политическая обстановка, и в полном соответствии с этим уменьшалась военная угроза. Поэтому накануне, имея в виду очень важный и болезненный вопрос о северных территориях, я сказал министру иностранных дел: «Советский Союз выступает за то, чтобы все сложности в отношениях между двумя государствами разрешались с учетом всех обстоятельств путем мирных, конструктивных и объективных переговоров».

Поскольку я не старался обойти проблему и не произнес категорического «нет», японская сторона восприняла заявление позитивно. В переговорах мы пришли к взаимопониманию по многим вопросам. Предложение строить отношения на новых принципах встретило одобрение японцев. Также был одобрен тезис, что отношения между государствами отныне не должны ставиться в зависимость исключительно от территориального вопроса.

В своей речи в Японском институте по изучению конфликтных ситуаций на этом предложении я остановился более обстоятельно: «Мы можем, и мы обязаны открыть новую главу в отношениях между Советским Союзом и Японией. Если некоторые проблемы не реше-

ны, мы должны их обсуждать, вести диалог, искать путь к их решению, но ставить все вопросы в зависимость от нерешенных проблем – недопустимо», – заявил я. Японцы правильно поняли мой намек. Я думаю, высказывание господина Такэситы: «Не бывает неразрешимых проблем, если есть воля к их разрешению», – стало их ответом.

Министр иностранных дел Японии Уно и я обсудили исторический аспект проблем, существующих в отношениях между нашими двумя государствами. Опираясь на соответствующие документы, мы вспомнили прошедшее – 1855, 1875, 1905 и 1950-е годы двадцатого века – и решили, что при написании коммюнике будем опираться на совместное заявление от 10 октября 1973 года. Затем последовала пресс-конференция. Я обратил внимание, что в одном из адресованных мне вопросов явно звучала «попытка ревизии» опубликованного коммюнике. Я ответил журналисту: «Если вам не нравится наше совместное заявление, вы можете обратиться к японскому министру иностранных дел Уно».

Процитирую соответствующий отрывок из коммюнике: «Обе стороны с пониманием относятся к историческим и политическим аспектам, которые связаны с преодолением трудностей в двусторонних отношениях».

На следующее утро по окончании переговоров я перелистал страницы местных газет. В некоторых из них сообщалось о победе японской дипломатии. Я же подумал, что победили мы. Разумеется, в конечном счете победила политика, учитывающая интересы обеих сторон.

Этот визит мыслился лишь как начало процесса, который должен привести оба государства к заключению мирного договора. Однако сегодня, как двадцать лет назад, вопрос об островах остается одной из причин, затрудняющих российско-японские отношения. Пока проблема не решена, Россия не может добиться фундаментальных улучшений в отношениях с Японией.

Государство Филиппины – это более 7 тысяч островов, расположенных в Тихом океане. В Азии Филиппины являются единственной католической страной, где уживаются испанская, местная и американская культуры. Местные жители шутят, что они «триста лет живут в католическом монастыре и последние пятьдесят лет – в Голливуде».

Филиппины – действительно проамериканская страна с американскими базами и с двумя государственными языками – тагалогским и английским. Американская культура, американская политика и американский образ жизни проявляются здесь повсюду. При этом вопрос об американских базах вызывал ожесточенные споры, так же как и назревшая проблема с повстанцами-коммунистами.

21 декабря 1988 года я посетил Филиппины с двухдневным визитом. Это был первый визит министра иностранных дел Советского Союза в островную республику. В центре внимания стояла встреча с госпожой Корасон Акино, президентом Республики Филиппины. Визит рассматривался как очередной шаг к нашей основной цели – развитию качественно новых отношений в Азии и в государствах Тихоокеанского бассейна. Нужно было начать диалог на новой демократической основе, диалог, свободный от идеологии и охватывающий глобальный спектр проблем.

Во время моего визита обсуждались три очень серьезных комплексных вопроса: отношения между Советским Союзом и Филиппинами, совместные действия наших государств в интересах безопасности и партнерства в азиатском бассейне Тихого океана и согласованные шаги в международных отношениях, цель которых – улучшение общей атмосферы в переговорных процессах.

За несколько дней до моего приезда одна филиппинская газета писала: «В воскресенье с рабочим визитом к нам прибывает советский министр иностранных дел

Шеварднадзе, что станет новым этапом в наступлении, развернутом Москвой, ведь всем известна сила его шарма и обаяния». Однако госпожа Акино, беседуя с корреспондентами, охарактеризовала меня следующим образом: «Он просто очень сердечный и приятный человек».

О том, есть у меня шарм или нет, решать не мне. Что касается переговоров, они, бесспорно, оказались успешными. Я вручил госпоже Акино письмо от Михаила Горбачева с приглашением приехать в Москву.

Перед началом переговоров я сказал госпоже Акино, что должен выразить восхищение ее легендарной личностью, и добавил, что «люди в Советском Союзе воодушевлены примером всей ее жизни, которая была столь трагична, а теперь складывается так прекрасно»*. Также я сказал, что «Советский Союз не станет вмешиваться во внутренние дела Филиппин. СССР никогда не поддерживал и впредь не намерен поддерживать Коммунистическую партию Филиппин и “Новую Народную Армию”**, но заявляю от имени советского руководства, что основные принципы нашей внешней политики – это взаимное уважение, равноправие и признание суверенитета».

Вопрос о присутствии на Филиппинах американских военных баз должны решать народ и правительство Филиппин, – добавил я. Советский Союз придерживается мнения, что рано или поздно в этом не будет необходимости. К тому же держать военные базы на территории других стран станет невыгодно.

И тут я узнал, что за двухлетний период пребывания на Филиппинах американских военных баз (военно-мор-

* Корасон Акино была женой лидера оппозиции Бенинго Акино, ревностной католичкой и многодетной матерью, а политикой не занималась. В 1983 году Бенинго Акино был расстрелян наемным убийцей на глазах у всего семейства. Заказчиком считали диктатора Маркоса. Возмущенный народ потребовал, чтобы вдова Акино стала президентом. Маркос бежал, и в 1986 году президентом избрали Корасон Акино.

** Повстанческая армия марксистов, маоистов и других левых сил.

ского флота в порту Субик Бэй, военно-воздушного флота в Кларк-Филд и на четырех других военных объектах) США выплатили Филиппинам 962 миллиона долларов.

Позволю себе отвлечься и сделать одно замечание по поводу нынешних споров между Грузией и Россией. Двадцать лет назад курс доллара был гораздо выше, чем сегодняшний. И если русские выставляют нам счет, то и мы, вероятно, тоже должны подсчитать, какие суммы придется на долю Грузии в качестве компенсации за присутствие русских баз на грузинской территории.

Но вернемся в Манилу. На переговорах я еще раз подтвердил наше намерение вывести Советскую армию из Афганистана, решимость нормализовать отношения с Китаем и начать новый период в отношениях с Японией, а также желание активно содействовать решению камбоджийской проблемы. Я сделал это сознательно. Если Советский Союз был намерен играть в регионе ту роль, на которую претендовал, он непременно должен был решить названные проблемы.

По окончании моего визита госпожа Акино заявила: «Визит Шеварднадзе мы рассматриваем как знак того, что сейчас Советская Россия, страна Азии, наконец-то займет свое место среди нас. Она возвращается к своим историческим корням и в то пространство, где мы станем свидетелями ее великого экономического и культурного прогресса».

Мою поездку положительно оценили и в США. Соединенные Штаты увидели в ней свидетельство изменений советской внешней политики. Это имело чрезвычайно большое значение для сближения двух супердержав. Таким образом, многократно упоминаемая мною «новая внешняя политика» приносила свои плоды.

* * *

Страной, которой завершилась серия визитов в государства азиатского Тихоокеанского бассейна, была Ко-

рейская Народно-Демократическая Республика. Я прибыл туда по приглашению высшего государственного руководства и с 22 по 24 декабря 1988 года встречался с президентом Ким Ир Сенем. На встрече присутствовал также секретарь ЦК Трудовой партии Кореи, сын Ким Ир Сена, теперешний президент Ким Чен Ир. В то время эта страна, безусловно, находилась под влиянием СССР и была его надежным союзником.

Между нашим руководством и Ким Ир Сенем существовали прекрасные отношения. Прежде я встречался с Ким Ир Сенем три раза. Он принимал нас с особой сердечностью, в беседах со мной отзывался о Сталине с теплотой и любовью. Он вспоминал, как из всех молодых кадров Сталин в качестве вождей пролетариата выбрал его и будущего генерального секретаря КП Албании Энвера Ходжу и сохранял с ними обоими тесные связи.

В беседах с Ким Ир Сенем я поддерживал его предложение добиться объединения обеих частей Кореи в Демократическую Конфедеративную Республику Корею. Осуществить объединение предполагалось к 1995 году. Я считал это предложение вполне приемлемым и достаточно продуманным: высокопоставленные представители Северной и Южной Кореи должны были бы провести переговоры по военно-политическим вопросам и объявить Корейский полуостров зоной, свободной от ядерного оружия. Предполагалось, что на переговорах обсудят вывод американских войск из Южной Кореи и пути решения камбоджийской проблемы. По многим вопросам наши мнения совпадали. В действительности Ким был обеспокоен нашими контактами с Южной Кореей.

Мой визит в Пхеньян имел для Советского Союза особое значение. Участие Советского Союза в Олимпийских играх в Сеуле и наше сотрудничество с Южной Кореей на неправительственном уровне явно раздражало вождя Северной Кореи. Ситуация казалась взры-

воопасной, и это не было преувеличением. Мне казалось необходимым поговорить с корейцами начистоту, объяснить, почему мы предприняли эти шаги и почему это означает выигрыш не только для нас, но и для них. Прежде чем лететь в Пхеньян, я побывал в Пекине, где провел с представителями Китая несколько консультаций по международным вопросам. Именно китайцы порекомендовали мне непременно совершить поездку в Пхеньян.

На этот раз в Пхеньяне меня встретили не так, как прежде. Встреча напоминала контакт между людьми из «прошлого» и «будущего». Народ Северной Кореи безнадежно отстал по своему мировоззрению. В отличие от них мы развивались и шли вперед, поэтому вполне сознавали необходимость учитывать иное восприятие мира. Приведу одну деталь, демонстрирующую разницу между нами.

Во время визита меня познакомили с бюллетенем Центрального телеграфного агентства КНДР от 23 декабря 1988 года. Сначала я прочитал его поверхностно, затем внимательно, с интересом. Стиль торжественного обращения к сыну Ким Ир Сена – будущему президенту – вызывал ощущение, что я попал в 1938 год.

В Советском Союзе мы почти полностью преодолели стиль такого выпяченного официоза... В СССР и социалистических странах Восточной Европы образ мысли уже изменился, но в Северной Корее все осталось по-прежнему. Эта страна с голодным населением и амбициями ядерной державы по сей день является причиной головной боли у людей всего мира. Официальный протокол не допускал, чтобы окружающие заметили мои чувства. На той встрече в Пхеньяне я сдержался и не позволил себе ни малейшего знака неуважения, даже улыбки.

Как я уже сказал, Ким Ир Сен был рассержен, однако выразил благодарность советскому руководству за оказанное внимание. Напряжение уменьшилось.

Отношения с китайским соседом

В начале февраля 1989 года я прибыл в Пекин с целью улучшить взаимоотношения между Советским Союзом и Китаем. Мне оказали сердечный прием и непременно посоветовали съездить в Шанхай и встретиться с Дэн Сяопином, который оставался чрезвычайно влиятельным и почитаемым человеком в Китае, хотя больше не занимал официальных постов.

Я хорошо помню встречу с Дэн Сяопином. Она произошла 4 февраля 1989 года. Дэн Сяопин был очень умным вождем. По моему мнению, именно ему китайцы обязаны своим сегодняшним благосостоянием.

Этот человек произвел на меня впечатление компетентного политика, готового обсудить практически любую тему и не жалеющего своего времени. Большое значение для нашего диалога имели два вопроса: нормализация китайско-советских отношений и достижение приемлемых для обеих сторон договоренностей о пролегании государственных границ. Обсуждение вопроса о принадлежности острова Даманский проходило крайне болезненно. Обе стороны претендовали на этот остров, причем претензии с той и другой стороны нельзя было назвать необоснованными. Мы долго дискутировали. Я придерживался своих аргументов, действовал по соответствующим, полученным мной директивам и был обязан защищать свою позицию.

Дэн Сяопин долго обходил проблему территорий, но наконец сказал: «Китаю принадлежат обширные земли, от трех до четырех миллионов квадратных километров, и я убежден, что будущие поколения займутся этой проблемой. Кому будет сопутствовать удача, сейчас невозможно предвидеть. Китайцы умеют терпеливо ждать. Но вот вы отказываете нам в обладании маленьким островом, где живет всего пара тысяч человек. Я прошу вас передать Горбачеву, что в отношениях между нашими странами останутся “белые пятна”, если

вопрос с островом не будет решен. Личной заинтересованности в этом вопросе у меня нет, это не принесет никакой пользы».

Продолжать дискуссию не имело смысла. Через несколько месяцев предстоял визит Горбачева в Китай, и мы намеревались, если будет возможность, обсудить территориальный вопрос.

Дэн Сяопин рекомендовал посмотреть старый и новый Шанхай. Поездка дала мне повод сравнить старый город с новым, отстроенным в соответствии с принципами рыночной экономики. Мне показалось, что разница огромна, как между небом и землей. Я воочию смог убедиться, что Дэн со своими соратниками закладывает экономические основы нового Китая.

С 15 по 18 мая 1989 года я вновь посетил Китай – на этот раз вместе с Михаилом Горбачевым. Во время нашего пребывания произошла массовая демонстрация студентов на площади Тяньаньмэнь в Пекине. Резиденция представителей Советского Союза располагалась неподалеку от площади, молодежь осаждала здание и скандировала: «Горбачев! Горбачев!» Они требовали, чтобы Горбачев поговорил с ними. Это было исключено. Нам пришлось немедленно покинуть Пекин.

Сейчас Китай стал совершенно другим государством. Я убедился в этом, когда в 1993 году приехал туда в качестве главы независимой Грузии. У меня произошла очень интересная встреча с тогдашним китайским вождем Дзянь Дземинем. Наша страна испытывала большие трудности, но я не просил о помощи. Мы подписали соглашение, создавшее основы для будущих отношений между новой Грузией и великим Китаем. Китай и сам тогда во многом нуждался, перед ним стояли серьезные проблемы, но тем не менее нам была предоставлена беспроцентная ссуда в размере трех миллионов долларов. Также Китай финансировал строительство двух гидроэлектростанций в Кахетии. Одна из них, Хадори ГЭС, в этом году была открыта нашим новым

президентом. Никому и в голову не пришло вспомнить, кто заложил основы для строительства этой электростанции. Кстати, в свое время я слышал одни лишь упреки: дескать, зачем нам нужны связи с Китаем? А сегодня Китай проявляет большой интерес к соглашениям по газу и нефти с Азербайджаном и тщательно исследует перспективы строительства автомобильных и железнодорожных магистралей через Грузию в Европу. «Шелковый путь» понемногу обретает те контуры, о которых я с осторожностью, с большой осторожностью, только мечтал.

Британский опыт

Сегодня, оглядываясь в прошлое, я замечаяю, что различные страны и люди остаются в памяти благодаря определенным событиям, в связи с какими-то деталями, которые произвели впечатление, возможно, на меня одного.

Особенно яркое воспоминание оставил у меня первый визит в Великобританию в качестве советского министра иностранных дел, длившийся с 13 по 16 июля 1986 года. Необходимо было учесть множество важных мелочей, таких как церемония дипломатического приема, резиденция с историческими традициями, приглашения – словом, сложный церемониал, отношение к которому усугублялось моим внутренним состоянием. Ситуация требовала щепетильности, и мне было немного тревожно. Как встретит Великобритания меня, неопытного министра? Как мне удастся провести визит в одну из старейших стран Европы, в общепризнанный центр дипломатии и демократии? Как примет меня политическая элита? Пресса? Было очень нелегко обдумывать так много всего и сразу, волнение усугублялось еще и тем, что за последние двадцать лет наш глава дипломатического ведомства ни разу не посетил Велико-

британию с официальным визитом. К тому же за прошедший весенне-летний период оба государства обменялись высылкой дипломатов противоположной стороны. Британо-советские отношения основательно «зазеленели». Положение необходимо было изменить самым радикальным образом.

Британское правительство ожидало моего трехдневного визита с большой заинтересованностью. Желание Великобритании улучшить отношения с Советским Союзом было очевидным.

В Москве я определил свои цели. Но каждый дипломат знает, что во всех переговорах важнейшую роль играет человеческий фактор, и все намеченные планы могут в любой момент измениться.

В Великобритании меня приняла премьер-министр, госпожа Маргарет Тэтчер. Состоялись две встречи с министром иностранных дел сэром Джеффри Хау, кроме того, я встречался с представителями оппозиции в парламенте. Беседовал я и с журналистами. Между Джеффри Хау и мной установились доверительные, дружеские отношения. Это был выдающийся государственный деятель, наделенный очевидным политическим чутьем.

Беседа с госпожой Тэтчер происходила 14 июля 1986 года в 15 часов. Она приняла меня в своей резиденции на Даунинг-стрит, 10 и встретила на ступеньках перед входом, что было очень необычно. Это заметили и британские средства массовой информации. Они сразу же сделали вывод, что госпожа Тэтчер этим маленьким, но весьма многозначительным жестом выразила свое желание улучшить отношения между Советским Союзом и Великобританией. По моей информации, такая деталь не была предусмотрена протоколом: встречать меня полагалось внутри здания. Я думаю, это было предопределено характером и результатами предшествовавших переговоров с сэром Джеффри. Переговоры вышли за рамки советско-британских отношений –

мы также смогли поговорить о различных аспектах в отношениях между Востоком и Западом.

Прощание с госпожой премьер-министром тоже прошло с нарушением протокола: Маргарет Тэтчер вышла из здания вместе со мной и спустилась по ступенькам вниз, где мы дали совместную пресс-конференцию. Погода – и политическая, и метеорологическая – стояла превосходная. Госпожа премьер-министр оценила переговоры как успешные. И в самом деле, мы не только изменили политический климат, но и подписали три договора. После стольких лет прохладных отношений это много значило. Беседу с госпожой Тэтчер я назвал «беседой огромной важности».

Я вручил госпоже Тэтчер письмо от Горбачева с официальным приглашением в Москву, и она его приняла. «Железная леди» выглядела искренне обрадованной. Она познакомилась с Горбачевым в 1984 году, когда Михаил Сергеевич еще не был генеральным секретарем. Тогда Маргарет Тэтчер сказала о нем: «С этим человеком можно вести разговор». Я пригласил в Москву Джеффри Хау. Он тоже охотно согласился.

Встреча с Маргарет Тэтчер длилась более двух часов. Как я уже упоминал, перед переговорами с главой правительства я провел трехчасовую беседу с сэром Джеффри. Беседа прошла в официальной загородной резиденции министра иностранных дел Чивнинг, находящейся в графстве Кент, в сорока или пятидесяти километрах от Лондона. Эта роскошная резиденция была построена в семнадцатом веке и превосходно отреставрирована в 1967–1973 годах. Здесь все пропитано духом истории, есть богатая библиотека и создается особое настроение, побуждающее человека к серьезной и полезной деятельности на благо государства. Во всем здесь чувствуется Великобритания – с ее величием, традициями и амбициями.

Мы подписали программу о сотрудничестве в экономике и промышленности, рассчитанную на пять лет,

соглашение о предотвращении инцидентов в открытом море и договор о финансовых и имущественных претензиях.

Не менее важной оказалась посредническая роль Великобритании в советско-американских отношениях. От «железной леди» тут действительно зависело многое. Участие госпожи Тэтчер состояло в том, что сначала она собиралась ускорить встречу между мною и госсекретарем США Шульцем, а затем – встречу Рейгана с Горбачевым. Несмотря на то, что и американцы, и мы желали встретиться, встрече многое мешало. Ключевая роль, которую собиралась сыграть Маргарет Тэтчер, состояла в том, чтобы по возможности исключить и сгладить факторы, мешающие установить контакт между нашими государствами.

Обе сверхдержавы ожидали соответствующего знака. Когда госпожа Тэтчер сообщила мне, что осенью 1986 года в Вашингтоне при новой встрече с Рейганом должен возобладать «дух Женевы», я одобрительно улыбнулся. Это было как раз то, чего я ждал и что отвечало нашим желаниям. Улыбка с моей стороны означала, что встреча «в духе Женевы» должна состояться.

16 июля 1986 года на конференции в Лондоне я обратил внимание на то, что: «Мы едины во мнении, что встреча глав американского и советского государств должна привести к ощутимым результатам, прежде всего в сфере безопасности и контроля за ядерными вооружениями». На это представитель Рейгана Эдвард Джереджан дал следующий ответ: «Мы готовы к тому, чтобы в ходе нашей встречи выслушать любые предложения по любым проблемам, включая мнение советской стороны о ядерных испытаниях».

Это заявление оказалось чрезвычайно важным. В 1980 году американцы ушли с переговоров, на которых совместно с Великобританией и Советским Союзом обсуждался вопрос о запрете испытаний атомного оружия.

Во время визита в Лондон стало очевидным, что британцы считают американско-советскую встречу в верхах абсолютно приоритетной. Несомненно, в этом заключались глубокие политические интересы Великобритании. Лондон не только желал добиться улучшений в американско-советских отношениях ради исполнения союзнических обязательств перед США, но в то же время руководствовался собственными амбициями, насчитывающими сотни лет, а именно – стремился оказать решающее влияние на все события в мире.

Именно поэтому Джеффри Хау обратил мое внимание на то, что советско-американская встреча в верхах может быть оправданной лишь в случае, если будут приняты конкретные решения. В случае неуспеха такое политическое событие, как переговоры на высшем уровне, теряет свой смысл. Я разделял это мнение.

В Москве на заседании политбюро я заявил, что Лондон не слишком напористо, но с нарастающей активностью пытается найти для себя достойное место в системе международных отношений. Я сказал, что Маргарет Тэтчер и Джеффри Хау, как и лидеры британской оппозиции, с долей недоверия наблюдают за развитием наших отношений с Францией и Германией. В Лондоне нам указали на то, что Великобритания может оказаться весьма неудобным партнером. Однако в том случае, если наши отношения станут развиваться стабильно, мы без всяких сомнений можем полагаться на содействие их страны. «Очевидно, нам необходимо внимательно и серьезно рассмотреть комплекс наших отношений с Великобританией, – заметил я. – Сегодня мы теряем слишком много времени на слова, за нашими заявлениями о стремлении к развитию отношений не следует никаких конкретных дел».

Кроме того, на политбюро я сказал: «Как вы знаете, незадолго до переговоров в Лондоне у нас побывали японцы и французы. На следующей неделе приезжает Геншер, затем Тэтчер и Хау. Как видите, мы целенапра-

вленно сотрудничаем с ведущими государствами Европы и мира. Наше сотрудничество с этими странами имеет очень важное значение, потому что американцы считаются с ними. А нормализация отношений с Америкой нам необходима».

В ходе двухчасовой беседы с Маргарет Тэтчер мы обсудили много вопросов. Права человека, контроль за вооружениями, запрет химического оружия, ракеты средней дальности, Афганистан и Чернобыль... Госпожа премьер-министр приняла наше предложение о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом и о том, чтобы советским и британским экспертам по борьбе с терроризмом была предоставлена возможность для встреч.

Мои беседы с Тэтчер и Хау показали, что хотя Великобритания и является верным союзником США, тем не менее она не всегда соглашается с мнением американцев по тому или иному вопросу. В большинстве случаев Британия действовала исходя из своих национальных интересов. Министр иностранных дел и госпожа премьер-министр дали мне это ясно понять. Поэтому мой визит в Великобританию был вполне оправдан.

По окончании переговоров Тэтчер спросила, бывал ли я когда-нибудь в британском парламенте. Я ответил отрицательно. Тогда она сказала: «Завтра утром у меня будет “час вопросов” в палате общин, и если вы поучаствуете, вам, наверное, будет интересно».

На следующее утро я поехал в палату общин. Маргарет Тэтчер прибыла за десять минут до начала «часа вопросов».

Этот «час» произвел на меня сильное впечатление. Такое я видел впервые. Премьер-министру Великобритании было задано двадцать пять вопросов, их задавали члены парламента, премьер-министр отвечала – за одну минуту. Это выглядело совсем не так, как у нас, когда тянется бесконечная полемика. Весь «час вопросов» закончился примерно через сорок минут. Считаю, что эта парламентская традиция демонстрирует высочайший уро-

вень культуры в политической жизни Великобритании и должна стать образцом для других государств. Я говорю не только о Грузии или России. Члены парламента должны задавать четкие конкретные вопросы и получать конкретные ответы. Маргарет Тэтчер – замечательная личность. Она может сформулировать самые сложные мысли в двух емких фразах – и вопрос исчерпан.

В Советском Союзе переговоры с Великобританией прошли после визитов делегаций из Франции и Японии. Спустя неделю после визита британцев в Москву прибыл министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер. Его приезд завершал картину. Отныне мы вели переговоры не только с США – спектр и сфера действий в нашей внешней политике существенно расширились. Вместе с этим усилилось наше влияние в международной политике. Советский Союз стал реальным действующим лицом на политической сцене. Все это было итогом моего первого визита в Лондон, когда я говорил себе: «Смотри – и учись».

В 1995 году с 14 по 19 февраля я побывал в Великобритании еще раз – теперь в качестве главы государства и председателя парламента Грузии. Меня принимал премьер-министр Джон Мейджор. Он посоветовал мне посетить лондонский «Винополис» («Винный городок»). Я отправился туда и был приятно удивлен. При входе в «городок» сообщалось о том, что родиной виноделия является Грузия, где люди впервые окультурили виноградную лозу, отжали виноградный сок и придали вину статус культурно-религиозного символа. Позднее грузинские и зарубежные ученые подтвердили, что все это соответствует действительности.

Воссоединение Германии

Моя первая в жизни встреча с Германией оказалась болезненной. В самом начале Второй мировой войны мой

старший брат Акакий погиб под Брестом. Потребовалось много времени, чтобы образ врага, то есть фашистской Германии, был вытеснен из моего сознания, для того чтобы я почувствовал, что народ Германии – это «другой народ» с великолепной культурой и уже с «другим государством».

Восстановление единой Германии стало для меня величайшей жизненной задачей. Это принесло мне мировое признание и верную дружбу Ганса-Дитриха Геншера. В 1992 году после моего возвращения в Грузию он сделал все, чтобы я сумел создать основы государства в стране, погрузившейся в хаос. Слабое государство, далеко не идеальное, но несмотря на это создавшее свою конституцию, свой парламент, юстицию, армию и финансовую систему. Можно сказать, что Грузию удалось основательно реформировать.

При этом не стоит забывать, что мое государство обрело независимость в 1918 году опять-таки благодаря поддержке Германии. Именно в этой стране многие мои соотечественники приобщались к науке, что впоследствии привело к расцвету грузинской культуры и науки.

Германия для меня – не только страна выдающихся ученых, философов и музыкантов, но и государство людей, отмеченных ни с чем не сравнимым усердием и свободолюбием, людей, которые смогли практически заново отстроить свою разрушенную родину. Побежденные, они стали сильнее. Если вождю Советского Союза Иосифу Сталину (грузину по происхождению) было суждено сыграть решающую роль в победе над этим государством, то я в меру возможностей на посту министра иностранных дел Советского Союза старался оказать помощь на пути воссоединения немецких государств.

Я был новичком на посту министра, когда в 1985 году познакомился в Хельсинки с Гансом-Дитрихом Геншером. В тот раз я встречался и с министрами иностранных дел многих других стран и совсем не предполагал, что наше дальнейшее общение с Геншером сде-

лает нас не только искренними партнерами в борьбе за европейскую безопасность и за воссоединение Германии, но и настоящими друзьями.

В характеристике Геншера, подготовленной моими сотрудниками (такая информация собиралась о каждом партнере по переговорам), было написано следующее. «Политическим взглядам Геншера свойственны патриотизм и консерватизм. Геншер отличается особой осторожностью, дипломатической ловкостью и тем, что быстро умеет приспособиться к изменившейся ситуации. Что касается личных качеств, то для него особенно типично искусное ведение переговоров, тактичность, точное чувство времени и большая работоспособность».

Описание полностью подтвердилось, но от внимания моих сотрудников-психологов ускользнуло еще одно качество, присущее Геншеру: способность подготавливать и принимать решения глобальной важности. То, что Геншер верный и образцовый друг, не могло быть запотоколировано ни в одном документе нашей канцелярии.

По прошествии долгих лет я могу утверждать: личные качества Ганса-Дитриха, его искусство ведения переговоров и его энергичное участие, без сомнения, сыграли решающую роль и в воссоединении Германии, и в процессе политической интеграции государств на всем евроатлантическом пространстве. Он прежде других распознал и, наверное, глубже других поверил в искренность Михаила Горбачева и в мое прямоту, он точнее других воспринял мою «новую внешнюю политику». Насколько хорошо мы с ним понимали друг друга, могут проиллюстрировать собственные высказывания Геншера: в своих мемуарах он написал, как сильно ощущалась солидарность между министрами иностранных дел даже по разные стороны от границы, разделившей системные блоки¹.

¹ *Genscher, Hans-Dietrich. Erinnerungen. Berlin, 1995. S. 494.*

Тема воссоединения Германии впервые возникла при первой встрече Геншера и Горбачева в Москве 21 июля 1986 года. Я присутствовал на встрече и думаю, что именно она положила начало новому этапу в отношениях между Германией и Советским Союзом. Эта тема выходила далеко за пределы двусторонних отношений между нашими странами и не ограничивалась Европой, она давала импульс нашим отношениям с Соединенными Штатами.

Мы уже отмечали, что правительство Федеративной Республики Германии в последнее время предпринимало все более явные попытки вернуть к жизни политическую концепцию «воссоединения Германии». В марте 1986 года канцлер Гельмут Коль в речи «О положении нации в разделенной Германии» заявил, что политика ФРГ ориентирована на «усиление процесса осознания немцами необходимости национального единения».

Американский президент Рональд Рейган высказал свое мнение следующим образом: «Европа должна стать единой». Это требование времени, насущное для всей мировой политики, было актуальным для многих стран. Все ждали соответствующей реакции Советского Союза.

На первой же встрече с Горбачевым Геншер сделал характерное уточнение. Цитируя крылатые слова Сталина, Горбачев не совсем точно выразился. «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается», – сказал Горбачев. Геншер немедленно дополнил цитату: «Гитлеры приходят и уходят, остаются немецкий народ и немецкое государство». Горбачев сознательно не упомянул о немецком государстве. Геншер так же намеренно восстановил концовку цитаты, напомнив о нем.

В ходе переговоров 22 и 23 июля наши беседы с Геншером, позволившие оценить происходящее с новых позиций и найти реалистичные решения больших проблем, складывались интересно и в совершенно новом ключе. В это время были заложены основы многолетних довери-

тельных связей между Геншером и мной, что внесло важный вклад в процесс воссоединения Германии и стало полезным для создания безопасности новой Европы.

22 июля 1986 года на завтраке в честь Ганса-Дитриха Геншера я сказал: «Мы должны серьезно и конструктивно трудиться для блага всего мира, ради общего будущего. Если нам удастся заложить фундамент новых отношений, это станет успешным итогом наших переговоров». Геншер согласился с моими словами.

В ходе переговоров мы пришли к соглашению по важным вопросам. В частности, подписали договор о научно-техническом сотрудничестве между СССР и ФРГ, которому не давали хода в течение тринадцати лет.

Насколько хорошо отзывалась наша советская пресса о значении переговоров между Геншером, Горбачевым и мной, сказать не могу, однако мне показалось, что Геншер был чем-то недоволен. На следующий день, 23 июля, он начал очередную беседу со слов, в которых мне слышался скрытый упрек: «Я читал “Правду”. Не могу утверждать, что я читаю “Правду” каждый день, но...»

Я догадался, что ему не понравились какие-то оценки, и, чтобы и дальше не распространяться по поводу «Правды», я его перебил: «Разница во мнениях подтверждает честность в переговорах».

Могу засвидетельствовать, что подобная искренность и такой стиль отношений навсегда остались характерными для наших человеческих взаимоотношений и политических переговоров.

На международной дипломатической сцене вопрос о воссоединении Германии обрел реальные контуры в феврале 1990 года. Это произошло на конференции под названием «Открытое небо», проходившей в столице Канады Оттаве по инициативе нескольких стран, в том числе Советского Союза. Я помню, что сидел в конференц-зале, когда рядом со мной расположился американский госсекретарь Джеймс Бейкер. После небольшого вступления он спросил: «Возможно, настало вре-

мя подумать о воссоединении Германии?» К этому моменту Берлинская стена уже не существовала. Конечно, вопрос Бейкера не стал для меня неожиданностью, поскольку я много размышлял об этом, взвешивая все «за» и «против». Да, нужный момент, очевидно, уже наступил. Немецкое население само подталкивало нас к принятию определенных политических решений. Я ответил согласием и сообщил Бейкеру, что чем скорее мы сформулируем наши общие принципы по этому вопросу, тем будет лучше. Не исключаю, что Бейкер предпринял этот шаг по просьбе Геншера. Затем я спросил: как отнесутся к такой новости наши коллеги? Прежде всего я подразумевал Англию, Францию и Польшу.

«Думаю, они воспримут ее хорошо, – отвечал он. – Геншер, во всяком случае, согласен, а остальным придется смириться с фактом». Впрочем, некоторые придерживались иного мнения.

Англия страшилась воссоединения Германии. Франция также смотрела на эту возможность с опаской. Исторический опыт вынуждал Миттерана и Тэтчер, не скрывая своего страха, противиться возникновению в центре Европы большого немецкого государства. Когда же мы посоветовались все вместе, то пришли к однозначному выводу: объединенная Германия станет более надежным гарантом мира для стабильной Европы, чем Германия разъединенная.

Бейкер сказал: «Тогда я поговорю с Геншером».

Затем мы обсудили эту тему с министром иностранных дел Великобритании Дугласом Хердом и с министром иностранных дел Франции Роланом Дюма – я встречался с каждым отдельно. «Большая четверка» – США, СССР, Великобритания и Франция – стали главнейшими партнерами по переговорам. Мы сошлись на том, что Германию представят две делегации: одна из Западной Германии и вторая из Восточной Германии. Родилась формула: «два плюс четыре». Так начались совещания по сути вопроса.

Американский госсекретарь хотел знать, как посмотрит на это Михаил Горбачев. Он не был уверен, поддержит ли генеральный секретарь КПСС в данный момент времени идею воссоединения Германии. До сих пор мы с Горбачевым не вели между собой конкретных бесед на эту тему. Каждый раз, когда на очередной пресс-конференции ему задавали вопрос о перспективах воссоединения Германии, он не давал на него прямого ответа. Горбачев не говорил, что подобное может произойти, но и не исключал категорически такой возможности. Я был убежден, что он все-таки не отнесется отрицательно к столь важной политической проблеме.

С Джеймсом Бейкером мы согласились о следующем: я должен переговорить с Горбачевым, остальных возьмет на себя он. В случае если будет получено согласие Михаила Горбачева, надо будет от лица «Большой четверки» созвать рабочую группу.

Я позвонил Горбачеву, он задумался. Затем сказал: «Вопрос должен быть рано или поздно решен. Конечно, возникнет большое противодействие, но наш долг и обязанность не упустить подходящий момент и не дать событиям выйти из-под контроля».

Я хотел бы напомнить о том, что с осени 1989 года в Германии, в Лейпциге, Берлине и в других восточногерманских городах, уже начались демонстрации. Я хорошо понимал, что осмотрительность Горбачева вызвана тем, что в Европе находилось полмиллиона советских солдат, оснащенных самым современным оружием. Он также не мог не думать о том, почему эта армия размещена в центре Европы. Горбачеву пришлось размышлять о решении Сталина разместить здесь войска – в ответ на американские атомные бомбы. В случае необходимости наша армия из Центральной Европы в стремительном марше опрокинула бы всех и вся до самой Атлантики.

В современном мире, когда безопасность Европы и мира больше не была связана с фактором устрашения и

с демонстрацией силы, Советский Союз должен был решиться на важный шаг: вывести армию из Германии и тем самым освободить путь к объединению Германии. Другой логики не существовало.

Немецкий вопрос для Советского Союза представлял главную проблему безопасности, поэтому из всей стратегии нашей внешней политики для Михаила Горбачева и для меня это оказалось важнейшим вопросом. Нетрудно представить, какое сильное беспокойство я чувствовал, когда еще в самом начале пути, осенью 1986 года, наши отношения с ФРГ были подвергнуты опасности – причем со стороны, откуда я не мог этого ожидать. Я имею в виду знаменитое интервью в октябрьском номере журнала Newsweek канцлера Федеративной Республики Гельмута Коля. Позже в интервью, напечатанном немецкой газетой Die Welt, он принес извинения за свои высказывания. Но история вызвала много шума, поскольку в журнальном интервью канцлера Коля генеральный секретарь компартии Советского Союза по уровню своей компетентности в выступлениях перед общественностью сравнивался с Йозефом Геббельсом.

Да, верно, что там шла речь только о компетентности, но это, мягко говоря, неудачное сравнение сыграло негативную роль в отношениях между нашими странами. Визит одного из министров Федеративной Республики Германии в Москву был незамедлительно отменен.

Коль повторил извинения еще раз, чуть позже, выступая перед бундестагом. 4 ноября 1986 года я встретился с Геншером. Мы попытались проигнорировать политические последствия массмедийного недоразумения, однако заявление Коля являлось не просто политическим ляпсусом. Не только Михаил Горбачев или я оказались оскорбленными таким сравнением, но и каждый гражданин Советского Союза, лично пострадавший в войне с Германией. Таково наше историческое наследие, и с ним необходимо считаться.

И тем не менее Горбачев и я хотели как можно скорее преодолеть последствия недоразумения, чтобы оно не стало помехой в установлении новых отношений с Германией. Столь же искреннее желание и такое же сожаление я почувствовал со стороны Ганса-Дитриха Геншера, а также в объяснениях самого Гельмута Коля. Независимо от того, что я высоко ценил канцлера, допущенное им в то время высказывание оправдать невозможно, оно было направлено против позитивного развития событий – считаю, что это мнение объективно.

Обе стороны пытались отыскать выход из создавшейся ситуации и благополучно его нашли. Так что описанный эпизод перестал сказываться на наших дальнейших отношениях. Более того, этот казус убедил немецкую сторону, что мы на самом деле желаем улучшения отношений и нацелены на принятие решений, важных не только в контексте двусторонних отношений, но и для безопасности всей Европы, включая аспект защиты прав человека.

Это искреннее желание и последовательные, хорошо продуманные шаги навстречу друг другу стали основой для решения немецкого вопроса. Они подготовили советское руководство и население Советского Союза к тому, чтобы освободиться от комплексов, связанных с Германией.

Налаживание отношений поддерживалось процессом ускоренной демократизации, что делало советское общество более свободным и открывало сердца к прощению. Когда 12 июня 1989 года Михаил Горбачев с супругой и я летели самолетом на переговоры в Федеративную Республику Германию, мы являлись представителями уже другого государства, с принципиально иными взглядами на Германию и Европу. Тогда в беседе с Гансом-Дитрихом Геншером я сказал: «Вероятно, в ближайшее время мы начнем разговор о будущем континента. Берлинская стена падет. И для этого придет

время». Произнося эти слова, я выражал не только мое личное мнение, но и позицию своего государства, согласованную с высшим руководством. Однако я никак не ожидал, что события начнут развиваться с такой молниеносной быстротой.

Учитывая случившееся, любая попытка замедлить текущий процесс оказывалась нежелательной, да и вряд ли возможной. Было бы несправедливым приписывать инициативу по разрушению Берлинской стены мне или Горбачеву, не принимая во внимание волю населения Германии, политическую обстановку в мире и решения нашего политбюро. Принципиальные решения принимались с согласия политбюро. Там тоже понимали, что нельзя удержать на месте колесо истории. А со мной произошло именно то, что я предвидел при назначении на пост министра иностранных дел. Мне как грузину не простили того, что было бы прощено русскому, хотя всем было хорошо известно, что любые важные решения в Советском Союзе всегда принимаются путем согласования с генеральным секретарем и политбюро. Однако русские националисты предпочитают считать, что в воссоединении Германии, в выводе войск из Афганистана, в разоружении и в укреплении безопасности Европы – во всех решениях, которые, по их мнению, нанесли вред России, виноват я.

Я не просто беру на себя часть ответственности, я горд своим вкладом в это общее дело. Однако приписать все заслуги себе означало бы недооценивать совокупную задачу, выполнить которую помогли решения Михаила Горбачева и других советских руководителей (например, Александра Яковлева), заложивших фундамент нового государственного мышления. Решения глобальной важности.

Я рассчитывал, что рано или поздно оба немецких государства объединятся, также я знал, что Советский Союз распадется. Несмотря на то, что Ганс-Дитрих Геншер в 1988 году говорил нам, что в ГДР процесс едине-

ния разделенной нации пойдет быстрее, чем все мы предполагаем, мне было трудно поверить, что все произойдет настолько стремительно.

История преподнесла нам замечательный и уникальный урок. 2 и 3 декабря 1989 года по инициативе США на острове Мальта встретились Джордж Буш-старший и Михаил Горбачев. Главной темой встречи являлось воссоединение Германии. Мы и другие европейские союзники сопротивлялись попыткам ускорить процесс, а Буш хотел убедиться – и убедился – в том, что Советский Союз из-за воссоединения Германии не начнет войну.

9 ноября 1989 года открылась граница Германской Демократической Республики. Немецкий народ воссоединился. Факт объединения еще не был подтвержден юридически, но люди опередили политиков и решительно продиктовали нам свою волю. Вслед за падением Берлинской стены стало необходимо как можно быстрее предпринять соответствующие политические шаги.

12 сентября 1990 года в Москве был подписан договор между членами группы «два плюс четыре». 13 сентября Ганс-Дитрих Геншер и я парафировали Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве, который позднее подписали Михаил Горбачев и Гельмут Коль. Этот договор открывал новые перспективы в советско-германских отношениях.

Воссоединившаяся Германия отказывалась от производства ядерного, химического и биологического оружия, от его размещения и хранения и обязывалась исполнять требование договора о нераспространении такого рода вооружений. Помимо этого Германия взяла обязательство ограничить численность бундесвера до 370 тысяч человек и гарантировала неприкосновенность государственных границ.

Благодаря переговорам по формуле «два плюс четыре», проходивших в Бонне, Берлине, Париже и Москве,

удалось существенно стабилизировать безопасность в Европе и Советском Союзе. Двадцать лет назад проблеме бы решили иначе: ввели на территорию ГДР советские танки, была бы большая кровь. Сейчас все пошло по-другому. Советский Союз включился в ход событий. Благодаря активному участию Советского Союза в процессе воссоединения Германии человечеству, по моему мнению, удалось избежать третьей мировой войны. Не стоит забывать, что Советская армия все еще стояла в Германской Демократической Республике, и пока она была там, сохранялась вполне вероятная опасность мирового конфликта.

По окончании трудного переговорного процесса, когда было решено, что из Германии выведут союзнические войска, и прежде всего Советскую армию, канцлер Коль посетил расположения советских войск. Он не хотел, чтобы люди отправились домой, испытывая недовольство. Было очевидно, что немцы прощались с представителями западных армий сердечнее, чем с советскими военными. Тем не менее памятные места, связанные с Советской армией, в Германии по сей день содержатся в образцовом порядке.

После вывода Советской армии из Германии в Советском Союзе так и не удалось создать нормальные условия для жизни офицеров и солдат, возвратившихся домой. Предоставленные Федеративной Республикой Германией на эти цели 15 миллиардов марок были израсходованы, так же как и 5 миллиардов марок, предварительно взятых в кредит. Я не знаю, на что их израсходовали. Остается только гадать. Легче во всем обвинить меня, чем разбираться с этим непростым вопросом. Легче обратиться к изменчивым людским чувствам и использовать их, нежели восстанавливать истину. Не секрет, что некоторая часть российского общества имеет особое отношение к «лицам кавказской национальности», к грузинам. И эта неприязнь не просто имеет место, она растет.

* * *

В июле 1986 года в Москве состоялись переговоры между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германией. СССР представлял я, а ФРГ – вице-канцлер, министр иностранных дел Ганс-Дитрих Геншер. По приглашению советского правительства Геншер прибыл с официальным визитом в Москву. Без нормализации отношений с Германией представить безопасность Европы было невозможно. Наши страны оказались перед необходимостью открыто, ни о чем не умалчивая, ознакомиться с точкой зрения друг друга и сделать все ради безопасности Европы и мира. Без партнерских отношений с Германией добиться этого было бы невозможно. Если говорить об экономике и политике, эта страна играла важную роль в Европе и во всем мире.

Геншер и я встречались 22 и 23 июля. Хорошо помню наши беседы. Можно было заметить, что немцы уже тогда осознали себя единым народом и начали мысленно процесс воссоединения.

По информации, полученной от моих сотрудников, к моменту нашей встречи с Геншером Федеративная Республика Германия стала крупнейшим среди западных государств кредитодателем Германской Демократической Республики. С 1983 по 1985 год банки Федеративной Республики Германии выдали ГДР двухмиллиардный кредит. Большое значение имела также производственная кооперация. Впечатляло стремление населения жить сообща. Это выражалось в том, что, вопреки ограничениям, в 1985 году ГДР посетили пять миллионов человек из ФРГ и Западного Берлина. ФРГ посетили 1,6 миллиона жителей ГДР. Из Федеративной Республики в ГДР за 1985 год отправили 60 миллионов писем, а из ГДР в ФРГ – 90 миллионов. Потрясало и число телефонных переговоров – 30 миллионов, и 45 миллионов посылок и бандеролей из Федеративной Республики в ГДР, и 9 миллионов посылок и бандеролей из Германской Демократической Республики в ФРГ. Такая

статистика не могла не произвести на меня глубокого впечатления.

Познакомившись ближе с проблематикой отношений между ФРГ и ГДР, я подумал о том, что эти люди живут все вместе. Однако в процессе переговоров с Геншером я не подал вида, что уже размышлял об этом. И без того было ясно: все идет к объединению Германии. Если бы мы уклонились от решающей роли в этом историческом событии, Советскому Союзу это бы не принесло выгоды. Советский Союз обязан был принять на себя роль движущей силы в решении этой проблемы.

За прошедшие годы мы не раз заключали с Германией договоры по важнейшим вопросам, но о воссоединении Германии не было сказано ни слова. Для этого требовалось время. Главы государств обеих стран должны были установить друг с другом тесные взаимоотношения для того, чтобы советское население перестало видеть в немцах врагов. Своеобразным знаком изменений, происходящих на чисто человеческом уровне, стало поручение, которое дал мне Михаил Горбачев. В Советском Союзе возникли тяжелые финансовые проблемы. Мы испытывали такую потребность в деньгах, что с трудом могли выплачивать заработную плату. Нам срочно требовалось, чтобы правительство Федеративной Республики Германии в сжатые сроки предоставило Советскому Союзу кредит в размере пяти миллиардов западногерманских марок. Насколько я знаю, врага о кредите не просят и врагу кредитов не дают.

Гельмут Коль принял меня в начале мая 1990 года. При нашей беседе присутствовал советский посол Юлий Квицинский. Ганса-Дитриха Геншера с нами не было. Я передал канцлеру просьбу о кредите. Сказал, что мы были бы очень признательны за такую помощь. Казалось, Коль пребывал в растерянности, потому что не имел возможности решить проблему немедленно.

Наша просьба была полуофициальной, и во всей этой встрече особую роль играл человеческий фактор. Но так или иначе, я вернулся в Москву обнадеженным.

Через некоторое время нам ответили согласием. Это стало началом новых отношений.

Ну а теперь о том, как происходил вывод Советской армии из Германии. Для переговоров по этому крайне затруднительному вопросу 15–16 июля 1990 года Коль, Горбачев, Геншер и я собрались в Ставропольском крае, в горном районе, в чудесном райцентре под названием Архыз. С нами был тогда Сергей Ахромеев, высокопоставленный генерал из штаба Советской армии, отличный эксперт, высокообразованный человек, мыслящий реалистично, при этом человек крайне упрямый, каким и положено быть генералу.

Мы с ним часто спорили, но в конце концов спорный вопрос все равно решался Горбачевым. Если мне надо было поговорить с Ахромеевым по какому-то делу, я сначала пытался узнать у Горбачева, поддержит ли он меня. Когда мы встречались у Горбачева, он обычно кивал Ахромееву и говорил: «Ахромеев прав». Потом он принимался говорить на разные темы и в итоге объявлял, что вопрос так или иначе должен быть решен, и поэтому нам все же придется поддержать точку зрения Шеварднадзе.

Привлечение к переговорам такого человека, как Ахромеев, не было случайностью, поскольку на повестке дня стоял вопрос о выводе армии из Германии. Именно этот упрямый бескомпромиссный эксперт был необходим, чтобы избежать проволочек и осложнений в процессе вывода войск и исключить все возможные провокации, которые могли привести к столкновению между вооруженными силами Германии и советскими солдатами. Самые важные вопросы обсуждались Горбачевым и Кодем наедине, а я разговаривал с Геншером. Иногда они вызывали к себе Ахромеева. Встреча длилась до двух или трех часов ночи. Я помню, что Геншер

тогда страдал от сердечных недомоганий и привез с собой полный самолет медикаментов и аппаратуры. Затем мы собрались вместе.

Мы требовали за вывод армии из Германии и на расходы по ее размещению на родине 20 миллиардов западногерманских марок. Немцы согласились на 15 миллиардов, к которым приплюсовали кредит на 5 миллиардов. Деньги должны были быть израсходованы на обустройство солдат, офицеров и их семей. Насколько я знаю, в этом отношении было предпринято немного.

Куда делись деньги – вопрос совсем не риторический. Утверждения, будто мы вывели армию, не получив компенсации, – ложь. В конце концов это подтверждено соответствующей документацией. Вопрос о выводе армии был, как обычно, поставлен на политбюро. Михаил Горбачев вынес его на обсуждение, и ему никто не возражал. Лишь некоторые члены политбюро высказали опасение по поводу того, что мы слишком торопимся, поскольку демонстрации в Германии скоро прекратятся сами собой. Но порыв энтузиазма оказался настолько мощным, что погасить его было бы невозможно.

Вывод армии из Афганистана и из Германии стал причиной того, что определенная часть российских военных по сей день в отношении меня настроена агрессивно. И это понятно, поскольку на переговорах они всегда видели только меня. Горбачев принимал непосредственное участие в переговорах по германскому вопросу лишь однажды, на заключительном заседании «шестерки» («два плюс четыре»). Важно, однако, не только уметь видеть, но и иметь самостоятельное мышление.

В советском правительстве вопрос решался болезненно. После успешного завершения встречи в Бонне и перед второй встречей в Берлине на заседании политбюро обсуждался текст моей речи «Процесс активной поддержки». Егор Лигачев и другие члены политбюро в пух и прах раскритиковали первоначальный текст: как это может быть, чтобы мы ушли из Германии?..

От меня потребовали, чтобы я выдержал свое выступление в более строгом тоне. А требование политбюро – закон. Мои попытки что-то объяснить оказались совершенно напрасными. Такими же бесполезными были мои аргументы о том, что и Европа, и НАТО в ходе диалога с нами поменяли свои исходные позиции, что именно предпринимаемые нами шаги обусловили их ответное движение нам навстречу.

Я оказался между двух огней: Геншеру я уже сказал, что в Берлине выступлю с конструктивной речью, с позиции активной поддержки объединения Германии – эта позиция была известна по другим моим выступлениям. Джеймс Бейкер знал, что моя речь будет выдержана в позитивном ключе: в поддержку воссоединения Германии. Но теперь, под давлением политбюро, я был вынужден говорить нечто совсем иное*.

По-человечески я чувствовал себя крайне скверно. Впрочем, и Бейкер, и Геншер оказались достаточно проницательными, чтобы понять подоплеку вещей, и хорошо, что мое выступление уже не могло стать помехой на пути к объединению страны. Думаю, оба они представляли, какое сильное сопротивление мне приходилось преодолевать. Сопротивление правительства, населения и членов «самого политбюро»! Поэтому я был очень благодарен Гансу-Дитриху Геншеру, когда он, с присущей ему тактичностью, намекнул: «Интересы наших стран по многим вопросам совпадают. Экономический потенциал нашего будущего сотрудничества практически неисчерпаем».

Советская армия покинула территорию ГДР только через некоторое время. Подписанный в 1990 году договор в формате «два плюс четыре» вступил в силу

* Вероятно, имеется в виду представленный Э.А. Шеварднадзе 22 июня 1990 года в Берлине советский проект договора об окончательном урегулировании, где были сформулированы весьма жесткие требования к Германии.

15 марта 1991 года, однако российская армия ушла из Германии только в 1994 году в соответствии со сроком, указанным мною в письме, которое я тогда направил правительству Федеративной Республики Германии (пять-шесть лет).

Годы спустя Ганс-Дитрих Геншер в своих воспоминаниях¹ наглядно опишет сомнения и страхи наших внешнеполитических партнеров, которые в значительной мере отражали и мое внутреннее состояние. В те дни он терзался самым важным вопросом: кто бросится в бой на предстоящем, решающем, съезде партии?* Шеварднадзе в полном одиночестве? Пользуется ли он еще поддержкой Горбачева? И если да, то не окажутся ли они оба в меньшинстве? Не подтвердятся ли, в конце концов, худшие предположения американской администрации о том, что Горбачев может предоставить деликатный вопрос о воссоединении Германии и связанные с ним аспекты безопасности своему министру иностранных дел? Или можно исходить из того, что распределение ролей между Горбачевым и Шеварднадзе останется неизменным? Какими за это время на самом деле стали личные отношения между двумя важнейшими фигурами советского руководства?

Ответ на все вопросы давно известен: тяжелое бремя критики возложили только на мои плечи.

Я уже говорил и повторю еще раз: я был распят именно за то, что стало причиной присуждения Горбачеву Нобелевской премии мира.

Впрочем, меня обвиняли не все. В своей книге «Министры иностранных дел» Леонид Млечин приводит цитату из беседы с выдающимся дипломатом Александром Бессмертных, ставшим моим преемником на посту главы МИДа: «Дипломатия Шеварднадзе была на-

¹ *Genscher, Hans-Dietrich. Erinnerungen. Berlin, 1995. S. 804 f.*

* Имеется в виду XXVIII съезд КПСС, состоявшийся в начале июля 1990 года.

шей общей дипломатией... Он работал рука об руку со всем аппаратом министерства, и основополагающие идеи, такие, например, как идея о том, что наша безопасность зависит от безопасности других, были нашим общим детищем»¹.

Оценки Александра Бессмертных и Леонида Млечина чрезвычайно важны для меня. Первый из них принял от меня министерский пост, а в то время у нас редко хвалили своих предшественников. Помимо того, он являлся представителем общепризнанной школы дипломатии и был уважаемым экспертом в этой области.

Что касается Млечина, он имел возможность досконально проштудировать историю советской внешней политики, сравнить каждого отдельного министра с его предшественником и преемником и сделать объективные выводы.

Каждому человеку хотелось бы, чтобы кто-то непредвзято оценил его деятельность, и если оценка оказывается положительной, это приятно... Не знаю, относится ли это к человеческим слабостям, но не могу скрыть своих чувств по этому поводу.

* * *

Спустя несколько лет в июне 1993-го, будучи председателем парламента Грузии и главой грузинского государства, я приехал в Берлин на вручение премии Иммануила Канта*. Это чрезвычайно почетная награда. После вручения и соответствующей церемонии правящий бургомистр Берлина Эберхард Дипген устроил бал, на котором он выступил с речью и сказал следующее: «Судьбе было угодно, чтобы один грузин, Сталин, раз-

¹ Млечин Л. Министры иностранных дел. Москва, 2001. С. 475.

* 26 июня 1993 года Эдуарду Шеварднадзе в Берлине была вручена премия им. Иммануила Канта за особые заслуги в деле укрепления мира в Европе.

делил Германию, а другой грузин, Шеварднадзе, объединил ее». Я поблагодарил его за такие слова и сказал, что оценка моих заслуг кажется мне несколько преувеличенной, и в шутку добавил: «Если хотите знать: без грузин не бывает большой политики».

Польское трио: Валенса, Ярузельский, Войтыла

Без решения проблем, накопившихся между Германией и ее соседями, не могло быть мира в Европе, а без свободы в странах Восточной Европы весь мир не мог сделаться более безопасным. В связи с этим главную проблему представляла собой Польша, где начиная с лета 1980 года профсоюз «Солидарность» под руководством Леха Валенсы увеличивал темпы демократизации страны. Согласно советским обычаям в Москве «Солидарность» воспринимали как основную причину дестабилизации в государстве.

В этот крайне напряженный период на острие польской политической жизни находился генерал Войцех Ярузельский. Могу оценить его следующим образом: Ярузельский – настоящий польский патриот, мужественный и умный. «Солидарность» пользовалась поддержкой всей Польши, и таким образом политическая судьба Ярузельского была предрешена. В нашем же руководстве имелись такие персоны, которые не желали «сдавать Польшу» и не исключали, что потребуются ввод войск.

Дважды или трижды я бывал в Польше у Ярузельского, который просил нас не прибегать к вводу армии в Польшу. Кроме меня против использования военной силы выступал Михаил Горбачев. Я отправился в Рим, чтобы встретиться с папой Иоанном Павлом II, поляком по происхождению*. Генерал Ярузельский

* Кароль Войтыла был первым в истории Католической церкви поляком, избранным на папский престол под именем Иоанн Павел II.

тоже встречался с папой римским. Нужно иметь в виду, что Иоанн Павел II пользовался огромным авторитетом в Польше, и лишь его слово могло предотвратить гражданскую войну. Результатом нашей (моей и Ярузельского) поездки в Ватикан стало то, что папа принял наше предложение. В 1987 году он отправился в Польшу. Благодаря его судьбоносному визиту конфронтации удалось избежать. Ярузельский мирно ушел в отставку, а Польша освободилась от навязанного коммунистического режима и стала демократической страной.

Примеру Польши последовали другие страны социалистического лагеря. Процесс демократизации в основном проходил мирно.

До серьезных эксцессов дело дошло только в Румынии. Здешний диктатор Николае Чаушеску не понял, что наступили другие времена. За это ему пришлось заплатить собственной жизнью, жизнью жены и кровопролитием, затронувшим весь румынский народ. Чаушеску и его супругу Елену расстреляли в конце 1989 года. То был жестокий урок.

Кровавая революция в Румынии подходила к своему завершению, когда я заявил Горбачеву, что было бы очень важно поддержать Румынию в стремлении построить демократическое государство. Я считал, что министр иностранных дел обязан нанести им визит именно в такой момент. Горбачев согласился со мной. В начале 1990 года я отправился в растревоженный Бухарест. Новый глава румынского руководства, Ион Илиеску, принял меня на окраине Бухареста, в не приметном доме, окруженном танками. Мой жест поддержки был воспринят с большой благодарностью, и позже, став президентом Грузии, я всегда ощущал симпатию со стороны румын. Хочу напомнить, что румыно-грузинские отношения были заложены много столетий назад грузином: Антимос Ибериели, выдающийся религиозный деятель и крупная историческая

фигура в Румынии, был причислен Румынской церковью к лику святых*.

Я хотел бы вернуться к необыкновенной личности папы. Иоанн Павел II не только сыграл чрезвычайно важную роль в мирном решении польских проблем, но и оказал благотворное влияние на разрешение других острых вопросов в Европе и в мире. Я хорошо его знал: будучи министром иностранных дел, я встречался с ним трижды – один раз вместе с Михаилом Горбачевым, 1 декабря 1989 года. Мы вели долгие и интересные беседы.

Я был поражен тем, что глава католического мира прекрасно информирован обо всех событиях, происходивших в Советском Союзе. Он знал такие детали, о которых нельзя было узнать из прессы или из других средств массовой информации. Он приветствовал инициативы Горбачева и его личный вклад в перестройку. Папа подчеркивал, что необходимо обладать большим личным мужеством и отвагой, чтобы превратить диктаторский режим в демократию и упорядочить жизнь по-новому, мирно. Он полагал, что перестройка и демократизация Советского Союза – это событие, которое должно дать толчок и другим диктаторским государствам к избранию аналогичного пути развития.

Без сомнения, было очень важно, что папа получал информацию о процессах, идущих в Советском Союзе, непосредственно от инициаторов и организаторов этих процессов. У меня создалось впечатление, что в 1989 году он тщательно готовился к встрече с советским руководством и многое, о чем он узнал от нас, не стало для него новостью. Помню, что после одной из встреч я сказал: «Римский папа – гражданин мира номер один!»

После возвращения в Грузию в 1992 году мне очень хотелось, чтобы папа посетил мою родину. Мое жела-

* Митрополит Антим Ивериану (Антимос Ибериели) 350 лет назад сыграл важную роль в становлении православия в Румынии.

ние исполнилось 8 ноября 1999 года. В стремлении его осуществить меня поддерживал Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II.

Визит Иоанна Павла II в Тбилиси длился два дня. Его здоровье уже тогда было сильно подорвано, но тем не менее наш диалог оказался живым и интересным. Мы разговаривали на самые важные темы, представляющие глобальный интерес, и в том числе об истории российско-польских отношений. Папу отличали очень точные знания древней и новой истории Грузии. Он интересовался положением в соседних странах. С большим вниманием слушал он и мои рассказы о тех трудностях, с которыми столкнулся процесс эмиграции евреев из Грузии и из Советского Союза в Израиль.

Папа выступал за мирное сосуществование всех религий. Услышав, что я задумал начать широкий диалог по вопросам взаимоотношений государств и религий, он был очень доволен. К сожалению, его второй визит, как и его участие в запланированных встречах, уже нельзя было осуществить. Однако мы с ним подробнейшим образом обсудили мои намерения, и Иоанн Павел II дал мне множество мудрых дружеских советов, которые способствовали успешному ведению диалога. Он не скрывал, как сильно страдает из-за того, что не может посетить православные страны, в том числе Россию.

Если учесть, что ни в Россию, ни почти во все остальные православные страны визит папы римского так и не состоялся, то для нас, грузин, его посещение стало крупнейшим, совершенно особым событием. Тем самым Грузия в очередной раз доказала свое многовековое стремление вновь занять историческое место в европейской цивилизации. Похоже, мечта выдающегося грузинского ученого восемнадцатого века Сулхан-Саба Орбелиани о том, чтобы Грузию снова начали воспринимать как часть христианской Европы, воплощается в жизнь. Известно, что в 1054 году Грузия не присоединилась к расколу между Константинополем и Римом,

вследствие чего на европейском пространстве она оказалась изолированной страной.

Иоанн Павел II знал не только историю Грузии, но и историю православия. Он выражал сожаление, что предпринятое в восемнадцатом веке путешествие Сулхан-Саба Орбелиани в Рим оказалось безуспешным.

Через два дня после смерти папы Иоанна Павла II (2 апреля 2005 года) одна из ведущих французских газет опубликовала фотографию, где я снят вместе с папой в тбилисском аэропорту в момент прибытия папы римского в Грузию. Снимок вызвал во мне множество воспоминаний, я был глубоко тронут.

Важно, что традиции, завещанные Иоанном Павлом II, нашли достойное продолжение в деятельности нового папы Бенедикта XVI. Тот факт, что родом он из Германии и является высокообразованным человеком, позволит ему еще больше расширить сферу приложения своих сил. Я всем сердцем приветствовал состоявшийся в 2006 году чрезвычайно успешный визит Бенедикта XVI в Турцию, страну, соседствующую с Грузией.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Волнения в Советском Союзе

Незадолго до моей отставки с поста министра иностранных дел Советского Союза, последовавшей, как я уже говорил, 20 декабря 1990 года, в стране произошло несколько кровавых событий, которые позволили многим людям, и мне в том числе, утвердиться во мнении, что параллельно с процессом демократизации предпринимаются попытки насильственного сохранения советской системы. События в Сумгаите, Тбилиси, Баку, произошедшие в 80-е годы и позднее – в Вильнюсе, несомненно, подтвердили это. Регулярные части Советской армии были использованы против мирного населения.

Уже во время перестройки, в 1986 году, смена руководящих персон в партийном руководстве Казахстана вызвала массовые протесты студенчества. Выступления студентов подавили силами милиции и армейских частей. Пролилась кровь. Однако политбюро, как обычно, ограничилось выводом, что зачинщиков беспорядков следует считать националистами и экстремистами.

В 1988 году последовали события в Сумгаите (Азербайджан) и эскалация конфликта в Нагорном Карабахе; можно сказать, что перестройка снова оказалась беспомощной и снова оказалась в тупике. На этот раз из-за столкновений на национальной почве.

Осенью того же года в разных республиках Советского Союза активизировались многочисленные «народные движения» и «народные фронты». Их предводители, заметив признаки слабости коммунистического центра, начали пропагандировать «революцию сверху» как свою программную цель. «Наверху», однако, возник страх, что эти движения превратятся в националистические и антисоветские, поэтому были приняты превентивные меры. В некоторых республиках срочно создавали альтернативные неформальные объединения, контролируемые партией. В это же время Москва заявила о намерении внести в Конституцию Советского Союза изменения, результатом чего должно было стать дальнейшее ограничение даже тех минимальных прав, которые еще сохранялись за республиками. По мнению некоторых ведущих политиков, все это являлось бескровной попыткой сдержать рост национализма. В ответ последовали новые демонстрации протеста.

Массовые демонстрации в Тбилиси продолжались с ноября 1988-го и были подавлены 9 апреля 1989 года самым кровавым образом, с использованием Советской армии. Девятнадцать человек были убиты (и оплаканы нами), тысячи людей получили отравления газом. Трагедия Тбилиси оставила след и в моей душе, хотя в то время я находился в Москве и не был непосредственным очевидцем событий. 9 апреля нашу нацию наказали в назидание остальным.

Даже в зените славы Советский Союз оставался в национальном вопросе государством народов, объединенных с помощью хитрости и насилия. Единство обеспечивали коммунистическая идеология и централизованное управление экономикой. К счастью, ассимилировать и русифицировать нации, которые я бы назвал титульными, или основными, не удалось. Однако более мелкие нации исчезли, растворившись в русском этносе.

Стремление к национальной независимости особенно остро ощущалось в республиках, имевших в про-

шлом многолетнюю традицию собственной государственности и насильно включенных в «сплоченный и нерушимый союз».

Перестройка позволила интеллигенции и лидерам национальных движений опубликовать и сделать общедоступными документы, явившиеся доказательством несправедливости, творимой в их странах сначала царским правительством, а потом коммунистической властью. Грузинам это дало возможность выдвинуть свои обвинения в связи с нарушениями Георгиевского трактата 1783 года* и российско-грузинского договора 1920 года**.

В это же время в Прибалтике начались открытые дебаты, на которых обсуждался преступный характер так называемого пакта Молотова – Риббентропа 1939 года и относящегося к нему секретного дополнительного протокола. Вплоть до 1989 года Советский Союз скрывал факт его существования. В секретном дополнительном протоколе 1939 года и германо-советском пакте о ненападении Германия предоставляла Советскому Союзу право на Финляндию, Литву, Эстонию, Латвию, Бессарабию и некоторые области польского государства. Этим пактом и дополнительным протоколом независимость трех балтийских республик оказывалась аннулированной. Как и Грузия в 1921 году, они были оккупированы Советской Россией.

* 4 августа (24 июля) 1783 года в крепости Георгиевск на Северном Кавказе был подписан договор (Георгиевский трактат) о переходе Восточной Грузии под покровительство (протекторат) России, а в 1801 году по Указу об аннексии Восточной Грузии страна стала частью Российской империи.

** В ноябре 1918 года в Грузии было создано собственное правительство. В 1920 году оно заключило мирный договор с Советской Россией, но в феврале 1921 года Красная армия вторглась в независимую Грузию. Правительство пало. 25 февраля 1921 года была образована Грузинская ССР, вошедшая в 1922 году в составе Закавказской Социалистической Федеративной Республики в Советский Союз.

Празднование двухсотлетней годовщины подписания Георгиевского трактата в 1983 году в определенной мере подстегнуло интерес к правовым аспектам взаимоотношений Грузии и России. Сам юбилей и опубликование трактата стали поводом для того, чтобы поговорить о нарушении договора и о национальной проблематике. Это позволило обнаружить неправомерность манифеста, выпущенного российским царем в 1801 году*. Манифест аннулировал Георгиевский трактат и, нарушая все и всяческие юридические нормы, устранил Грузинское царство и превратил независимую страну в российскую губернию. Подобное случилось и в 1921 году, когда, невзирая на подписанный в 1920 году договор между Грузией и Россией, 11-я русская армия оккупировала независимую Грузию.

Голос истины заглушить невозможно. И когда о проблемах, которые раньше скрывали, стали говорить открыто, это привело к началу развития национального движения и к требованию предоставить Грузии независимость.

События в Прибалтике развивались по аналогичному сценарию. Национальные движения в Прибалтике и Грузии перекликались друг с другом, оказывались в тесном контакте. И все это происходило в атмосфере перестройки.

Прибалты настоятельно требовали публикации пакта Молотова – Риббентропа вместе с секретным дополнительным протоколом. Советизация Прибалтики была признана легитимной далеко не во всем мире. Соединенные Штаты, к примеру, эту легитимность не признавали.

Представители Прибалтийских государств часто бывали в Москве и заявляли о своих требованиях. Поначалу Прибалтика соглашалась с преобразованием Советского Союза в конфедерацию (прибалты встречались с

* Имеется в виду царский манифест и Указ об аннексии Восточной Грузии Александра I.

Михаилом Горбачевым, Александром Яковлевым, со мной и с другими членами политбюро).

На встречах с представителями Прибалтийских республик по вполне понятным причинам реакция Горбачева была значительно более резкой, нежели у Яковлева или у меня. Горбачев ездил в Прибалтику, встречался в Эстонии с партийным активом республики. После этой встречи он вернулся в Москву очень довольным. Я помню, как на заседании политбюро он с удовлетворением рассказывал об этом визите в Эстонию. Но встреча с партийным активом – это одно, а реальные настроения людей – совсем другое.

Было очевидно, что мы должны принять решение, соответствующее духу времени. На политбюро стали часто поговаривать о том, что в Прибалтике нужно провести опрос населения. Проблемы уже нельзя было решать насильственным путем. Однако 8 марта 1990 года накануне провозглашения независимости Литвы опять возникла опасность, что вопрос в Прибалтике будет решен с применением силы. Тогда я сказал послу США Джеку Ф. Мэтлоку: «Джек, я уйду в отставку, если обнаружу, что возвращаются диктаторские методы правления. Я не останусь членом правительства, на руках которого будет кровь». Тбилисские события 9 апреля 1989 года продемонстрировали всем и каждому, что насилие над народом – тяжкое преступление и что оно равно политическому самоубийству. Мир изменился, и Советский Союз тоже не мог оставаться прежним. Можно сказать, что за это время мы сами тоже стали другими людьми.

В поисках пропавшего без вести пакта

Поскольку мы хотели, чтобы перестройка не захлебнулась и чтобы мир не потерял к нам доверия, мы во что бы то ни стало должны были опубликовать пакт Моло-

това – Риббентропа вместе с секретным дополнительным протоколом и дать им свою оценку. Существуют правила, по которым важнейшие документы такого рода должны храниться в архивах министерства иностранных дел. Там мы и ожидали их найти. Но столкнулись с трудностями – оригинал пакта и дополнительного протокола найти оказалось невозможным, они исчезли без следа.

Согласовав свои действия с Михаилом Горбачевым, я созвал специальную комиссию под руководством Леонида Ильичева, моего заместителя. Ему надлежало выяснить обстоятельства пропажи документов. Во времена Никиты Хрущева Ильичев, человек либеральный и образованный, был секретарем ЦК КПСС и заместителем министра иностранных дел при Громыко и при мне. Он внимательно изучил все вопросы, имеющие отношение к интересовавшим нас документам, но обнаружить оригиналы ему тоже не удалось. В отсутствие оригиналов любая дискуссия по этому вопросу оказывалась юридически неправомерной.

Комиссия принялась разыскивать прежних сотрудников министерства, работавших во времена подписания пакта. Вся наша надежда была на них – может быть, они что-то знают? И тут выяснилось нечто поразительное: в 1956 году перед увольнением с министерской должности Вячеслав Молотов делал запрос именно на эти документы – пакт и протокол. С уходом Молотова из министерства оба документа исчезли. Не исключено, что Молотов унес их с собой.

Благодаря таким розысканиям министерству иностранных дел удалось-таки представить отчет, подтверждавший факт существования подлинных пакта и протокола. В отчете также упоминалось, что оригиналы документов найдены не были и их обсуждение должно вестись на основании копий. Мой заместитель Анатолий Ковалев показал еще не подписанный отчет комиссии Александру Яковлеву, который координировал в

ЦК КПСС деятельность внешнеполитических ведомств. Яковлеву пришлось созвать еще одну комиссию, однако и они не смогли отыскать оригиналов.

Совещание по этому вопросу не обошлось без тренировок. На первом заседании значительная часть депутатов не поддержала нашего предложения, поскольку оригиналы документов отсутствовали. Но в результате переговоров, обсуждений, убеждений и даже некоторого нажима на депутатов вопрос согласовали. Выводы из отчета Яковлева, базировавшегося на отчете Ильичева, были названы убедительными. Эти выводы «не исключали» существования оригиналов пакта и протокола.

Спустя некоторое время парламент РСФСР подтвердил, что страны Прибалтики стали жертвой сговора между Сталиным и Гитлером в 1939 году. Прибалты остались довольными таким решением вопроса. Однако теперь в Прибалтийских странах обострилось национально-освободительное движение. Теперь их требования не ограничивались образованием конфедерации: на повестку дня был поставлен вопрос о полном суверенитете Прибалтийских республик. Это стало мощным импульсом в борьбе за независимость и для других советских республик.

Что касается оригиналов пакта и дополнительного протокола, их* после досконального изучения вопроса нашли в Германии, в стране, где надежно хранится каждый листок бумаги, имеющий историческую ценность.

Соперничество между Горбачевым и Ельциным

Я чувствовал, что распад Советского Союза неизбежен, однако предполагал, что это случится только лет через десять-пятнадцать. Многие политики, настроенные весьма реалистично, считали тогда, что единственным

* Видимо, здесь речь идет о документах немецкой стороны.

выходом из кризиса является преобразование Союза в конфедерацию.

Что же привело к тому, что окончательный распад СССР стал необратимым? Возможно, то, что мы упустили время, когда прибалты были согласны на образование конфедерации. Люди требовали принципиальных обновлений и перемен. Даже в советском правительстве существовали силы, поддерживающие такие требования: отказ от однопартийной системы, предоставление большей независимости республикам и т. д. Одновременно с этим действовала мощная группа политиков, требовавших сохранения советской системы насильственным путем. Так страна приближалась к путчу ГКЧП.

Государству не хватало стабильности, руководство оказалось дезориентированным. Одной из главных причин тому стал судьбоносный для российской империи конфликт между Михаилом Горбачевым и Борисом Ельциным.

Горбачев и Ельцин (в личном плане и по мировоззрению) представляли собой полные противоположности. На октябрьском пленуме ЦК КПСС 1987 года Ельцин выступил с резкой критикой политики Горбачева, критикой, во многих отношениях несправедливой. Он критиковал генсека за медлительность процесса перестройки и демократизации. 11 ноября 1987 года Ельцина сняли с поста – он возглавлял партийное руководство Москвы – и назначили заместителем министра по строительству. Мне тоже доводилось тогда публично критиковать Ельцина. Я считал и продолжаю считать, что он был несправедлив к Горбачеву.

В конце мая 1990 года Борис Ельцин стал председателем Верховного Совета, а вместе с тем – президентом РСФСР, соперничество между ним и Горбачевым усилилось.

Решающую роль в решении вопроса – быть или не быть Советскому Союзу – сыграли президенты трех республик: России, Украины и Белоруссии. Идея неза-

висимости и славянского единства давно грела душу Борису Ельцину, президенту Украины Леониду Кравчуку и президенту Белоруссии Станиславу Шушкевичу. Остальные республики усматривали здесь шансы для обустройства собственного будущего – с минимальными потерями и при сохранении своего национального и экономического потенциала. Это было очевидным и не скрывалось. Прибалтика наблюдала за происходящим с радужными надеждами.

Михаил Горбачев сохранял присутствие духа и пытался спасти империю. Он предложил создать Союз Независимых Государств – так сказать, СССР в преобразованной форме. В июне 1990 года на открытом заседании Горбачев выступил с речью на эту тему. Я присутствовал на этом заседании, и у меня осталось безрадостное ощущение, что Горбачев безнадежно опоздал. Собравшись в охотничьем домике неподалеку от Минска, Ельцин, Кравчук и Шушкевич не стали рассматривать письменное предложение Горбачева даже в качестве рекомендации.

Слушая речь Горбачева, я чувствовал, что Советский Союз не спасти. Мы могли лишь немного ослабить тяжесть процесса его распада. Межнациональные конфликты, сопровождавшие крушение централизованного государства, непременно должны были вызвать цепную реакцию: сепаратизм, потоки беженцев, жертвы, изгнание населения из мест традиционного проживания, этнические чистки и геноцид.

Ответом московского правительства на эти проблемы вновь оказался испытанный метод: применение силы. Это стало началом конца.

Когда закончилась перестройка? 20 января 1990 года – так отвечает российский историк Михаил Гефтер (1918–1995). Очевидно, он имеет в виду кровавую баню, которую устроила армия в ответ на мирную демонстрацию населения в Баку, в Азербайджане. Но этой акции предшествовала резня армян в Баку. С тем

же основанием можно утверждать, что перестройка была «зарезана и заколота» жестокими действиями советских войск 9 апреля 1989 года в Тбилиси или в Вильнюсе и Риге – в 1991-м. Конечно, это все были отдельные причины, вызвавшие крушение Советского Союза.

Мой прогноз в значительной мере оправдался. И в этом была историческая закономерность.

ГЛАВА VII

ЗАКАТ И РАСПАД

Мой первый уход в отставку

Хочу еще раз вернуться к страхам и сомнениям, которые волновали мир, когда речь заходила о реакции Москвы на предстоящее воссоединение Германии. Все ждали решающего партийного съезда, чтобы увидеть, как поведет себя Горбачев. Всех интересовало, как на самом деле складываются отношения между генеральным секретарем ЦК КПСС и его соратником, советским министром иностранных дел. Предоставит ли Горбачев разбираться с жизненно важной проблемой воссоединения германского государства мне одному, таким образом назначив меня на роль громоотвода, или решит вопрос как-то иначе?

Признаки отчуждения между Горбачевым и мной ни для кого не составляли секрета. Когда начался процесс отчуждения между нами, друзьями? Собственно говоря, не так давно. Возможно, после встречи на Мальте в начале декабря 1989 года. Можно сказать точнее: именно тогда у многих возникло ощущение, что авторитет советского министра иностранных дел поднялся слишком высоко и что министр, при всех необходимых согласованиях с Горбачевым по принципиальным вопросам, добился определенной самостоятельности и свободы действий. Судя по всему, я стал неудобным Горбачеву. Считалось, что большинство проблем я

«имел честь» разрешать вместе с генеральным секретарем. Тем не менее имелся и ряд вопросов, которые я мог легко решить сам. Между мной и ведущими политическими фигурами мира выстраивались новые отношения. Вероятно, это беспокоило генсека. И еще его раздражало то, что я не был русским. Я уже говорил, что именно по этой причине я и не хотел занимать пост министра иностранных дел СССР.

Если на первых порах мы с Горбачевым вместе начали перестройку и плечо к плечу делили успехи и неудачи, теперь я оказался в одиночестве. Следовательно, основания для отставки у меня были – и личные, и другие. Эмоции смешивались с соображениями прагматического порядка, нравственные побуждения – с заботой о будущем. Достаточно многочисленная группа депутатов Верховного Совета СССР главным образом была занята тем, что систематически и целенаправленно дискредитировала министра иностранных дел, очерняя меня при любой возможности в Верховном Совете, на пленуме ЦК КПСС, при рабочих встречах, на радио, на телевидении, в газетах. Дважды партийная организация министерства обороны обращалась к Горбачеву с просьбой возбудить судебное дело против меня по статье «государственная измена». И как прореагировал Горбачев? Он ни слова не сказал в защиту своего министра иностранных дел, ничего не сказал даже в министерстве обороны. В конце концов, я входил в кабинет министров, не считая того, что был невиновен в том, в чем меня обвиняли.

«Горбачев старался публично не брать под защиту своих соратников. В этом он руководствовался лишь ему известными принципами», – пишет Александр Яковлев в своих мемуарах.

Так, однажды дошло до того, что депутат Галина Старовойтова¹ в своем выступлении на Верховном Совете

¹ Галина Старовойтова была убита в конце декабря 1998 года.

подвергла самой резкой критике президиум и лично Горбачева. Она спросила Горбачева: кто еще, кроме Шеварднадзе, работает по двадцать четыре часа в сутки и кто еще может сказать, что достиг реального успеха? Она потребовала прямого ответа на вопрос: почему Михаил Сергеевич настолько безучастен и не развеет повисшие в воздухе клеветнические обвинения против министра иностранных дел? Собственно, именно от Горбачева, а не от других, я ожидал выступлений в свою защиту, поскольку с ним я всегда согласовывал свою позицию по ключевым вопросам внешней политики. Я, конечно, отвечал на каждое оскорбление и на каждый выпад в мой адрес соответствующим образом, но в один прекрасный момент чаша моего терпения переполнилась. Я подумал: так не может длиться до бесконечности – ведь это бьет по репутации всего министерства. Постоянные «проработки» шефа и непрекращающиеся попытки подорвать его авторитет ставят сотрудников МИДа в незавидное положение. В то же время нападки на меня были проявлением скрытых процессов, направленных против перестройки и против Горбачева лично. Те, кто скрывался за всем этим, имели целью разобщить перестроечную команду, оторвать меня и Александра Яковлева от Горбачева, чтобы он оказался в изоляции.

Положение стало критическим. Я получал тревожные вести как от КГБ, так и из наших посольств в других государствах. И у моих сотрудников набралось достаточно информации, которая вызывала серьезную озабоченность. Все свидетельствовало о формировании организации, которая готовит государственный переворот. Я сообщил об этом Горбачеву и другим. Горбачев сделал вид, будто внимательно слушает, но...

Я размышлял так: «Я являюсь министром иностранных дел и забочусь о безопасности государства. Я привожу аргументы, но никто не желает их слышать. Какой смысл оставаться на этом посту? Мне не доверяют,

мои слова пропускают мимо ушей, за мной исподволь следят и прослушивают мой телефон».

Я чувствовал, что мне лично угрожает реальная опасность, если «они» одержат победу. Даже квартира, где я жил со своей семьей, была уже предназначена другому лицу. На одном этаже со мной проживал секретарь ЦК КПСС, член политбюро Лев Зайков. На том же этаже имелась еще однокомнатная квартира. И вдруг туда въехал новый вице-президент и будущий председатель ГКЧП Геннадий Янаев. Я удивился: зачем ему однокомнатная квартира? Со временем я сообразил, что в политическом отношении положение моего нового соседа было многообещающим, а мое, наоборот, мрачным. В случае победы ГКЧП мое физическое устранение было делом решенным. (Имелся особый список, где моя фамилия стояла в самых верхних строках.) Тогда моя квартира освободилась бы и ее можно было бы присоединить к однокомнатной. Короче, я превратился в мишень. Я понимал это, да и «они» не делали из этого особой тайны. Кто еще должен был защитить меня в таких обстоятельствах, если не первое лицо в государстве и мой самый близкий друг?

Кроме личного аспекта проблемы имелся другой, более важный: интересы государства. Стране угрожала огромная опасность, общественность ничего не замечала и ни о чем не подозревала. Я считал, что при сложившихся обстоятельствах нет ничего важнее, чем разбудить людей... Я располагал детальной информацией о готовящихся действиях заговорщиков. Мои предупреждения, к сожалению, не вызвали никакой реакции у Горбачева. В знак протеста против грозящей диктатуры я решил уйти в отставку.

Мое заявление об отставке на IV съезде народных депутатов 20 декабря 1990 года было коротким. Полный вариант речи – тот, с которым я должен был выступить, – мои сотрудники по моей личной просьбе распространили среди народных депутатов. Заявление же должно было

прозвучать, как удар грома. Как сигнал тревоги. С самого начала я сказал, что эта речь станет самой короткой в моей жизни. Ядром заявления было следующее: «Надвигается диктатура... Никто не знает, что это будет за диктатура, какой диктатор придет, какие порядки станут вводиться... Моя отставка, если угодно, это протест против грозящей нам диктатуры». (Основной месседж: нас атакуют, на перестройку готовится нападение, диктатура на подходе – а мы отсиживаемся на задворках. Так больше нельзя!) Я закончил выступление и вернулся на свое место в правительственном ряду. Я отчетливо понимал, какая опасность нависла надо мной и моей семьей, но должен был сказать то, что считал необходимым.

Выступил Дмитрий Лихачев – член академии, выдающийся ученый, представитель ленинградской интеллигенции: «Я глубоко уважаю Эдуарда Амвросиевича и прошу его от имени многих людей остаться и продолжить работу».

Но я не мог остаться. Мне тогда исполнилось шестьдесят два года – идеальный возраст для государственного деятеля, когда хорошо знаешь, чего хочешь и что нужно делать.

Затем выступал Горбачев. Как и следовало ожидать, он не стал петь мне хвалебные песни. «Я не знаю ни о какой опасности, – сказал он. И удивленно продолжил. – Как это может быть, чтобы я не знал об опасности, если она на самом деле существует?»

Ушел в отставку и Александр Яковлев. Можно сказать, что Горбачев остался совсем один, а Ельцин, напротив, набирал силу. Угроза диктатуры не исчезла.

Не могу поверить, чтобы Горбачев ничего не знал. Я не верю, что кто-то отважился утаить информацию от генерального секретаря партии. Я не мог понять, как это он не видит опасности, почему он не принимает соответствующих мер, если он ее все-таки видит?

О том, что Горбачев был прекрасно осведомлен, свидетельствует его заявление, которое он сделал, вы-

ступая перед партийным активом в Минске в начале 1991 года, через несколько месяцев после моей отставки: «Опасность диктатуры реальна, и я обращаюсь к каждому, кто поддерживает перестройку: будьте бдительны». Так говорил Горбачев. И что он сделал? Уехал отдыхать в Крым.

После отставки: битва за «Белый дом»

С декабря 1990 по ноябрь 1991 года, за время, пока я находился не у дел, я ни разу не был один. В нашей московской квартире в Плотниковом переулке, как и в бюро Ассоциации по внешнеполитическим связям, созданной мной вместе с моими сотрудниками, меня часто навещали люди, которых я называю друзьями. Не только сограждане, но и бывшие коллеги, министры иностранных дел других государств, приезжавшие с официальными визитами в Москву.

Мы с женой очень радовались их появлению. Это не просто обогащало нашу жизнь – они нас подбадривали и давали понять, что, как и прежде, они ценят во мне дружелюбного собеседника и коллегу. Благодаря встречам с Джеймсом Бейкером, Гансом-Дитрихом Геншером, Роланом Дюма и Джеффри Хау я чувствовал, что по-прежнему участвую в большой политике.

Я очень хорошо помню визит к нам мэра Парижа Жака Ширака. Беседа с ним окончательно убедила меня в том, в чем я, собственно, и не сомневался: никакой другой кандидат в президенты не смог бы его превзойти. Так оно и вышло. Ширака избрали президентом Франции. Я побывал у него с визитом в Париже – уже в качестве президента Грузии. В этот раз мы проработали основы взаимоотношений между нашими странами. Среди прочего решили открыть в Грузии французское посольство. Госпожа посол Мирей Мюссо впоследствии действовала чрезвычайно эффективно: она ак-

тивно участвовала в мирном урегулировании абхазского конфликта. Мы много работали вместе над продвижением французского языка у нас в стране и затем, после визита французского министра, отвечающего за это направление, создали детально проработанную программу. Госпожу Мюссо отличали глубина и чуткость в осознании проблем, стоящих перед национальной культурой в эпоху глобализации. Мирей Мюссо обратилась ко мне с официальной просьбой поддержать позицию Франции на предстоящих в ЮНЕСКО дискуссиях по этому вопросу, и мы пошли ей навстречу. В процессе глобализации грузинская культура сталкивается с теми же опасностями, что и французская культура, только в гораздо большем масштабе.

Однажды из надежного источника я узнал, что уже после моего ухода в отставку с поста президента Грузии в 2003 году один из моих соотечественников в Париже распускал обо мне слухи. Президент Франции резко оборвал его и сказал: «Эдуард Шеварднадзе мой друг, и у меня нет ни малейшего желания слушать о нем нечто порочащее». И меня не удивляет такая его реакция.

Я возвращаюсь к 1991 году, к нашим московским застольным беседам, которые преимущественно вращались вокруг одного вопроса: что станет с Советским Союзом? Обеспокоенность моих собеседников была обоснованной: крушение Советского Союза не предвещало ничего хорошего ни для затронутых этим процессом союзных республик и отдельных регионов, ни для мира в целом.

В связи с этим хочу вспомнить о Генри Киссинджере. Однажды ноябрьским вечером 1991 года он посетил меня вместе с послом США в Советском Союзе Бобом Страусом. Киссинджер огляделся по сторонам, осмотрел комнату и заметил, что Андрей Громыко, хоть и был очень гостеприимным человеком, принимал его всегда в официальной обстановке. «То были другие времена. Андрею Андреевичу нельзя было поступать ина-

че», – ответил я гостю. Мы обменивались воспоминаниями и постепенно приблизились в разговоре к современным делам. «Я однажды спросил у Громыко: в чем состоят его функции как председателя президиума Верховного Совета СССР? – сказал Киссинджер. – Я очень удивился, когда он ответил, что одной из функций председателя президиума является сглаживание разногласий между союзными республиками. Какие еще разногласия могут быть между союзными республиками в Советском Союзе, подумал я тогда, они же все спаяны между собой, из этой бочки со стальными ободами ни капли разногласий просочиться не может. А теперь выясняется, что вы накопили так много “конфликтного потенциала” – с самими собой и с миром, обода не выдерживают, и бочка раскалывается».

«Но можно это представить себе и иначе: бочка трещит потому, что Горбачев и компания ослабили хватку, не правда ли?» – перебил я его. «Да, – отвечал он. – И те, кто критикует меня, вправе сказать: вы, господин Киссинджер, их в этом поддерживали». – «Каждый имеет право интерпретировать события на свой лад. И это тоже хорошо», – сказал я.

На это Киссинджер ответил: «Семьдесят лет мы видели в Советском Союзе врага номер один и пытались всеми средствами разрушить ваше государство. Признайтесь, у нас были все основания для того, чтобы испытывать страх перед советской угрозой. Ваша идеология и политика по всему миру являлись неприкрытой декларацией насилия. Каждое ваше доктринерское заявление о мирном сосуществовании двух систем было всего-навсего пустой фразой. На практике ничего подобного не было. И вот, когда Советский Союз со всей очевидностью уступает нам поле боя, мы не испытываем ни удовлетворения, ни радости. Мы с сожалением убеждаемся, что Запад не готов к тому, о чем он так сильно мечтал и к чему стремился. Мы попали в ловушку, которую сами и подготовили».

Киссинджер поднял свой стакан с грузинской эстрагоновой водкой и стал рассматривать его на свет. Этот напиток Джордж Шульц однажды окрестил «зеленой молнией». Казалось, что Киссинджер своим острым взглядом пытается разглядеть будущее сквозь магический кристалл. Затем он поставил стакан на стол и продолжил, словно говоря сам с собой: «В Соединенных Штатах есть много влиятельных политиков и ученых, которые не испытывают к теории баланса сил ничего, кроме ненависти. Сейчас, когда равновесие нарушено, они будут вынуждены забыть о своей партийной принадлежности и вообще отказаться от партийной политики – в пользу классической дипломатии. Я вижу, это будет трудное десятилетие, время больших испытаний для мира, для вас, для нас. Нам надо бы обсудить это более обстоятельно».

И тут я подумал о том, как однажды в Нью-Йорке, будто между делом, он мне сказал: «Я не знаю, где находится Грузия, однако знаю, что вы родом из Грузии». Он видел, что я крепко связан со своей родиной. Он ощущал эту связь, эту взаимную зависимость. То же самое чувствовали и мои друзья Джеймс Бейкер и Ганс-Дитрих Геншер. Я от всего сердца благодарен им за постоянную поддержку моей страны и меня лично.

Киссинджер попал в точку – я все чаще думал о возвращении к себе на родину. Когда меня спрашивали, в качестве кого я мог бы вернуться, я отвечал: «Как частное лицо». Но даже в таком качестве мое возвращение было никому не нужно. Тем, кто кричал мне, что родина никогда не примет меня, я тихим голосом отвечал: «Если возникнет необходимость, я вернусь, и ничто не сможет меня остановить». Я знал, что иначе быть не может.

Грузия была частью Советского Союза, и это не принесло ей счастья. Но когда в результате перестройки и национально-освободительной борьбы Грузия получила независимость, то перед ней во весь рост встала реальная и грозная опасность, от которой в победонос-

ном «Союзе республик свободных» мы все были застрахованы: опасность внутренних конфликтов и гражданских войн.

Я сказал своим гостям, что США должны были бы признать Грузию. Боб Страус дипломатично заметил: «Насколько мне известно, госсекретарь Бейкер уже в общих чертах обрисовал, при каких обстоятельствах это стало бы возможным». К сожалению, до «таких обстоятельств» было еще очень далеко.

Чтобы замять возникшую неловкость, Киссинджер сказал: «В политике очень трудно, почти невозможно вывести людей из того состояния, в котором они в настоящий момент пребывают, показать им другой путь, трудный, наверное, но надежный. Искушение продолжать двигаться по натопанной тропинке чересчур велико, чтобы сменить нечто привычное на новое, неизвестное. Но ведь вы с Горбачевым сделали это. Освободив собственную страну от сомнительной чести быть “всемирным пугалом”, вы сослужили великую службу своей стране и всему человечеству».

Я, однако, подумал, что Советский Союз в своем нынешнем, а вполне вероятно и в будущем состоянии или новое государство, грядущее ему на смену, могут оказаться более страшным чудовищем. Почему? Что, собственно, произошло? Что мы сделали? Мы сделали следующее: систему ценностей, действовавшую в Советском Союзе, мы перестроили так, что она потеряла свой антагонистический характер относительно всеобщих человеческих норм. Мы сделали свои установки приемлемыми для остального мира, у которого еще недавно вызывали сильнейший страх. Мы предпочли норму тем «ценностям», которые привели нас к конфронтации с остальным миром.

Все это было лишь малой толикой того, что мы считали необходимым. Но именно эта малость привела к тому, что система воспротивилась и начала крушить все подряд. Советский Союз мог бы стать иным, но не

стал. Почему? Потому что в конце концов темпы реформ сильно замедлились.

Один западный политолог утверждал, что «люди из окружения Андропова» (Горбачев, Шеварднадзе и другие) слишком долго готовились к роспуску Советского Союза и затем, когда пришли к власти, слишком медленно действовали. И это, дескать, привело к столь печальным результатам.

Не вижу ошибки в том, чтобы говорить о «слишком медленных действиях». Но главное: Горбачев не хотел, чтобы Советский Союз был «расформирован». И многие западные политики этого не хотели. Некоторые из них боялись новых опасностей, которыми может обернуться для мира крушение такого монстра. Я утверждаю: до самого последнего момента многие пытались предотвратить распад Советского Союза. Не выдам никакой тайны, если скажу, что осенью 1991 года некоторые люди, например Джеймс Бейкер, совершенно серьезно спрашивали меня: не знаю ли я, кто на Западе поддерживает сепаратистские устремления отдельных союзных республик?

Если Горбачев и стал притормаживать, то снижение темпа касалось по преимуществу сферы национально-государственного переустройства Советского Союза. Но я не могу бросать в него камни: в политбюро он был так сильно зажат своим окружением, что это лишало его всякой возможности действовать быстро и решительно.

Я был убежден, что демократизация советского государства, инициатором которой стал Горбачев и в которой я принимал участие, в конечном счете должна привести к самостоятельности союзных республик. Грузии в том числе. Это была моя тайная мечта. Горбачев и другие, напротив, рассматривали демократизацию и перестройку как единственный путь к укреплению Советского Союза. Мой прогноз был другим: я был уверен, что для осуществления моей мечты понадобится много времени, гораздо больше, чем потребовалось

в реальности, и что у нас в распоряжении есть достаточный срок для маневрирования. Так же рассуждали и некоторые незаурядные мировые политики. Но этого времени нам отпущено не было. Как говорится: «Человек предполагает, а Бог располагает». Именно так получилось и с нами.

Мои мысли в то время были заняты преимущественно поисками ответа на вопрос, каким образом можно создать за рубежом атмосферу, благоприятствующую преодолению внутреннего кризиса в Советском Союзе? Для этого прежде всего требовалось преодолеть конфронтацию двух лагерей. Нам нужно было убедить своих противников в том, что мы больше не считаем их врагами, но желаем стать их партнерами. Я старался доказать, что мы всерьез заинтересованы в том, чтобы стать государством, свободным от геостратегического мессианства. Ибо этот самообман мог оказаться смертельным – для нас и для всего мира. Верховенство права, преимущество этических норм над идеологическими догмами и свобода выбора тогда уже имели для меня абсолютный приоритет. Иногда мне и самому было трудно осознать в полной мере, как сильно я изменился.

Неправда, что эти принципы использовались только как «экспортный лейбл». С того самого дня, как в беседе с Джорджем Шульцем я признал важность проблемы с правами человека в Советском Союзе, я пытался последовательно, и отчасти успешно, обращать внимание людей на существование этой проблемы, на ее важность и правовую актуальность.

Конечно, я понимал, что система, в основе которой лежит абсолютное подчинение прав человека интересам государства, начинает расшатываться, что конструкция находится на грани слома. Но я был бы совершенно безумным, если бы желал ее лавинообразного крушения. Напротив, требовался рациональный, внятный и ясный план постепенного демонтажа системы. Мое требование правового государства вовсе не было лицемерным. За-

кон и право на самом деле были для меня наиважнейшими вещами. Право каждой союзной республики на свободное принятие решений, право каждого советского гражданина иметь возможность делать то же самое.

Как я уже упоминал, при помощи сотрудников министерства иностранных дел я основал Ассоциацию по внешнеполитическим связям. Ни одно официальное должностное лицо нас не поддерживало. Частные лица, напротив, помогали. Я помню, как в наше бюро приходили молодые предприниматели (среди них Аркадий Вольский, руководитель Союза предпринимателей*), поддерживавшие нас в финансовом плане и платившие нам хорошие деньги за интервью. В конце каждого месяца мой ассистент Тимур Степанов-Мамаладзе распределял средства и выдавал нам оклады. За эти месяцы Горбачев стал мне чужим. Он ни разу не позвонил, не спросил, как мои дела, на что я живу и не нужно ли мне чего. Это причиняло мне боль, ведь мы были друзьями. Не я был обязан звонить. В конце концов это я нуждался в помощи.

Несколько позже Александр Яковлев, Анатолий Собчак, Гавриил Попов, главный редактор «Известий» Иван Лаптев, я и другие – общим числом около пятнадцати человек – основали организацию под названием «Движение демократических реформ». Вместе с Александром Яковлевым я стал ее председателем. Со всех концов Советского Союза мы получили положительные отклики. Ельцин мне сказал: «Чтобы придать организации еще больше веса, вы могли бы, наверно, взять Руцкого в президиум. Его авторитет может быть вам полезен. Он, в конце концов, вице-президент России». Я не возражал. Но впоследствии возникли определенные несогласия во мнениях с Александром Руцким, и он покинул организацию.

* Автор неточен: до декабря 1991 года это был еще Научно-промышленный союз.

Когда мы устроили свое первое заседание, зал был полон. Присутствовало около шестисот человек. Я выступил с речью, ее текст, к сожалению, уже невозможно восстановить. Я никогда не хранил важных документов у себя дома. Моя жена Нанули о них ничего не знала. Я принципиально держал ее подальше от своих профессиональных дел. О многом она узнавала только из сообщений прессы. Даже о своем решении уйти в отставку я сказал ей вечером накануне публичного выступления.

В речи на первом заседании Движения демокреформ я проанализировал ситуацию в стране. Несколько раз повторил, что надвигается опасность. Яковлев тоже сказал об этом.

За несколько дней до начала путча в августе 1991 года мы собрали совет. Пригласили из Ленинграда Анатолия Собчака. Совет публично заявил: «Если не сегодня, так завтра начнется штурм “Белого дома”». В зале поднялся шум. Позвонил Борис Ельцин. Он о многом был информирован лучше, чем Горбачев. Наша организация выступила с предупреждением вовремя, ясно и недвусмысленно. Через день после нашего заявления, 19 августа 1991 года, на улицах Москвы появились танки, двигавшиеся по направлению к «Белому дому».

К этому моменту Ельцин был уже президентом РСФСР и достаточно хорошо владел ситуацией. Горбачев находился в Форосе, в Крыму. Со стороны Бориса Ельцина, Леонида Кравчука и Станислава Шушкевича уже подавались сигналы о том, что они хотят выйти из состава Советского Союза.

Я поехал к Ельцину, вошел в кабинет и спросил: «Вы знаете, что готовится нападение на “Белый дом”?» Ельцин это знал. Он взял со стола лист бумаги и прочел вслух проект указа о «переподчинении союзной армии, дислоцированной на территории России, президенту России».

«Должен я это подписать?» – спросил он. «Вы должны подписать это немедленно. Потом будет поздно», – отвечал я.

Он подписал и стал главнокомандующим над всеми войсками, дислоцированными в Москве и в России. Это была огромная власть. Фактически указ решил все. Власть ушла из рук Горбачева.

Когда танки шли к «Белому дому», я находился у себя. Со мной рядом были Тимур Степанов-Мамаладзе, Гурам Мгеладзе и Нугзар Попхадзе. «Мы должны пойти туда», – сказал я им тихо, так, чтобы не услышала моя жена. «Нанули! – обратился я к ней. – Нас, мужчин, пригласили на обед. Но я там не останусь надолго». Мы отправились к «Белому дому». Понадобилось около получаса, чтобы добраться туда пешком. На улицах были толпы людей.

Мы вошли во двор «Белого дома». Как известно, в такие моменты люди с особой глубиной ощущают свое единство, становится особенно важным, кто рядом, кто выступает с тобой заодно. «Шеварднадзе с нами!» – закричал кто-то, заметив меня. Другие присоединились к нему, и возгласы повторились. Все хором радостно приветствовали меня.

Один образ из воспоминаний об этих днях глубоко запечатлелся в памяти людей: Ельцин на танке. Я был там, когда он, опираясь на плечи молодых людей, взбирался на танк. В этом было что-то символическое. Это напоминало о революционном прошлом России, о Ленине на броневике. Ельцин и собирался основать новую Россию. Во всяком случае явственно ощущалась воля и надежда на новую жизнь. Ельцин пользовался большим авторитетом, и это многое решало. Но новая Россия была другой.

ГКЧП в полном составе¹ тогда отправилось на юг, чтобы привезти Горбачева, который в этот историче-

¹ Путчистами, вошедшими в состав ГКЧП, были «исполняющий обязанности президента» Геннадий Янаев (вице-президент СССР), председатель Совета министров Валентин Павлов, министр обороны Дмитрий Язов, председатель КГБ Владимир Крючков, министр внутренних дел Борис Пуго.

ский момент, когда должна была решиться судьба страны, отдыхал в Крыму. ГКЧП и почти все члены политбюро поехали к Горбачеву, но он не вернулся с ними обратно. Он остался в Крыму и лишь позже вылетел в Москву вместе со своей семьей. В приемной Ельцина я сказал: «Если Горбачев знал, что нам угрожает такая опасность, и если, несмотря на это, он отправился в Форос, тогда он тоже преступник». Разве это не были его собственные слова, произнесенные в Минске, что нам действительно грозит опасность диктатуры? Тем временем Ельцин вышиб почву у него из-под ног, так что для Горбачева даже пройти в Кремль стало чуть ли не проблемой.

В «Белом доме» было много народа, люди из разных слоев общества – те, для кого судьба демократии в России, да и судьба России, значила в жизни все. Я оказался свидетелем сцены, которая и сегодня стоит у меня перед глазами: Мстислав Ростропович уснул, сидя на стуле, крепко прижав к груди автомат.

Стоя на танке, Ельцин заявил, что реакционеры не смогут победить, их дни сочтены, нарождается демократическая Россия. Его слова определяли суть процесса. Ельцина слушали тысячи людей, защитники «Белого дома». Среди них я заметил своих соотечественников. Они подняли старое, историческое знамя демократической Грузии 20-х годов в знак единения с нарождающейся демократией. Это происходило 21 августа 1991 года на торжественном митинге в честь победы над путчем.

Из форосского плена Горбачев возвратился сломленным. Он производил впечатление человека, потерявшего ориентиры. Те, кто освобождал его, не испытывали к нему сочувствия. Было нелегко наблюдать за публичным осуждением, которое Ельцин и депутаты российского парламента устроили президенту СССР после его возвращения. Во время пресс-конференции по поводу его освобождения бросалось в глаза, как скверно было тогда Горбачеву.

Михаилу Сергеевичу пришлось получить тяжкий удар, после которого человеку трудно прийти в себя. Его трагедия состояла в том, что он угодил в ловушку, которую сам же – возможно, не ведая о том – расставил для других. Причиняло ли это мне боль? Конечно. Мы дружили с ним столько лет. Но существует власть факта.

Со стороны могло показаться, что это еще не конец. Горбачев собирался с силами, чтобы продолжить борьбу за «обновленный Союз». Но я понимал, что это напрасный труд. Он проиграл битву.

История наказывает тех, кто опоздал.

Крушение советской империи

Декабрьской ночью 1991 года недалеко от Минска, в Беловежской Пуще, главы трех союзных республик России, Украины и Белоруссии подвели окончательную черту под жизнью СССР: советская империя прекратила свое существование.

Один из главных участников этой встречи, тогдашний президент Украины Леонид Кравчук, так описывает события: «По предложению Украины местом встречи был избран Минск, самый маленький город из трех столиц. Вероятность, что мы сумеем сохранить нашу встречу в тайне, была здесь, предположительно, выше, чем где бы то ни было. И действительно, все получилось так, что весь мир удивился.

Ельцин привез с собой горбачевский текст проекта по основанию союза. Горбачев предлагал следующее: Украина будет иметь полное право вносить любые коррективы, переделывать целые куски текста и в случае необходимости полностью их переписывать – при одном-единственном условии, что сначала она подпишет предложенный договор. Ельцин положил текст на стол и передал нам вопрос Горбачева, президента СССР: «Вы готовы подписать – с изменениями или без изменений –

этот текст?” А сам он уж станет подписывать только после меня, добавил Ельцин. Судьба договора, таким образом, зависела от Украины. Мой ответ был “нет”.

Тогда встал вопрос о каком-то ином документе, и специалистам пришлось просидеть всю ночь, чтобы его написать. В шесть утра мы сели за стол вшестером: Борис Ельцин и Геннадий Бурбулис, Станислав Шушкевич и Вячеслав Кебич, Витольд Фокин и я. Последнюю редакцию документа мы формулировали сами. Наше волнение в тот момент вряд ли возможно описать. Мы еще раз перечитали документ и поняли, что в этот миг вершится история. Перед тем как проститься, мы отметили это событие, выпив по бокалу шампанского»*.

Достижение Ельцина и его коллег состояло в том, что они первыми объявили о независимости своих стран и таким образом – не привлекая особого внимания, без споров и без кровопролития – указали путь остальным. Но все же впоследствии кровопролития избежать не удалось.

* * *

Так закончился поединок между Горбачевым и Ельциным. Ельцин испробовал все методы, чтобы отнять у Горбачева каждую из его президентских функций. Он долго боролся и наконец получил всю полноту власти.

Провозгласив независимость России, Ельцин обеспечил себе совершенно особую роль. Этот факт предоставлял ему возможность устанавливать абсолютно новые отношения России с будущими независимыми государствами. Лучший сценарий едва ли можно вообразить.

Теперь в борьбе с Горбачевым Ельцин имел несомненное преимущество. Он обладал крупным политическим капиталом: победой над путчистами и идеей восстановления самостоятельного Российского государства. Ельцин был героем-победителем. Для народа это са-

* Источник цитаты автором не указан.

мое важное, потому что люди непроизвольно идентифицируют себя со своим предводителем.

Горбачев упустил момент. Если бы всего три месяца назад он отважился поставить на обсуждение идею конфедерации, ему удалось бы убедить даже Прибалтийские республики. Прибалты ожидали подобного хода событий. Я это точно знаю, потому что представители Прибалтийских республик доверяли мне и регулярно меня навещали. Конфедерация была тогда предметом для обсуждения и, пожалуй, даже пределом мечтаний.

Уже в 1988 году до Москвы дошли первые требования республик о новом союзном договоре и о необходимости национально-государственного преобразования Союза. Тогда впервые прозвучало слово «конфедерация», от которого большинство членов политбюро едва не лишилось сознания. Теперь, в 1991 году, эти требования стали приемлемыми для Горбачева. Он был согласен на все, что хоть немного было способно удержать от развала Советский Союз. Но после августовского путча 1991 года ситуация стала необратимой.

Лишь один человек теперь мог спасти идею обновленного Союза и вместе с ним реноме Горбачева – Борис Ельцин. Вопрос заключался лишь в том, хотел ли он этого. Ельцин ответил утвердительно. 14 ноября 1991 года в подмосковном Ново-Огареве перед миллионами телезрителей Ельцин твердым и убежденным голосом заявил: «Союз продолжит свое существование!»

Однако десять дней спустя, когда Горбачев объявил, что новый союзный договор готов к парафированию, Ельцин и белорусский президент Шушкевич выдвинули возражение, заключавшееся в том, что нельзя принимать проект договора, пока по нему не проголосовали в парламентах республик.

Горбачев вышел к телекамерам в одиночестве, бледный, и стал говорить о надежде, которую дает ему готовность президентов провести проект договора через каждый парламент. Украинский президент Леонид

Кравчук имел уважительную причину, чтобы не показываться рядом с Горбачевым на телевизионных экранах: ему срочно надо было в Киев, где 1 декабря должен был состояться всеукраинский референдум по вопросу о вступлении в новый союз. Предугадать результат референдума было, однако, несложно. В действительности надежд, о которых говорил Горбачев, не оставалось.

В это время у меня возникла возможность изменить свое положение пассивного наблюдателя за ходом событий (в роли телезрителя). 26 августа 1991 года в Москве открылся чрезвычайный съезд Верховного Совета СССР. Один из депутатов потребовал вернуть в правительство людей, которым «страна доверяет». Среди упомянутых имен было и мое имя. Спустя два дня в «убежище» – в бюро Ассоциации по внешнеполитическим связям – меня навестили мои бывшие сотрудники из министерства иностранных дел и передали коллективную просьбу вернуться на работу в министерство. К петиции прилагались семь тысяч подписей от служащих учреждения. Это тронуло меня до глубины души.

Но, несмотря на это, я должен был отказаться. Я объяснил, что у меня имеются обязательства перед уже существующими новыми организациями: Движением демократических реформ и Ассоциацией по внешнеполитическим связям. А помимо того просьба, хотя и отвечала желанию сотрудников МИДа, не отвечала желанию президента СССР. После всего, что произошло между нами, мне было бы трудно снова работать с ним вместе. Я являлся не единственным, кто предупреждал Горбачева о грозящей опасности. Ему называли даже имена участников заговора. Но он никого не хотел слушать. После этого в своих публичных выступлениях я стал к нему беспощаден. Я придерживался и придерживаюсь мнения, что Горбачев, и никто иной, несет главную, политическую и моральную, ответственность за августовский путч. Так я сказал своим посетителям.

В тот же день мне позвонил Горбачев. С тех пор как я ушел в отставку в декабре 1990 года, мы с ним практически не сказали друг другу ни слова. Между нами пролегла непреодолимая преграда – я не хотел перешагивать через нее, и он был не в состоянии пойти на уступку. Обстоятельства вынудили его совершить этот шаг. Но даже теперь, когда по сравнению с прошлым годом ситуация полностью изменилась, когда власть, влияние Горбачева, его роль и авторитет были уже не теми, что прежде, он остался верен своим правилам. Он проиграл игру, но вопреки всему делал вид, будто вокруг ничего не изменилось.

«Республики высказались за создание Совета безопасности. Мы хотим принять тебя в Совет, ты возьмешь на себя внешнеполитический комплекс. Надо встретиться, чтобы обсудить детали.

– Собственно, я не вполне понимаю, что это означает. Вы могли бы объяснить поподробнее, как вы это себе представляете?

– Хорошо, я тебе позвоню...»

Тем же вечером стало известно, что министром иностранных дел Советского Союза назначен Борис Панкин. По этому поводу один мой друг сделал следующее замечание: «Типично для Горбачева. Он думает не о деле, а о том, с кем ему будет удобнее».

В те дни я принимал много гостей из-за рубежа. Мои бывшие зарубежные коллеги спрашивали: с кем же им теперь – при очевидной дезинтеграции Советского Союза и его внешней политики – следует вести переговоры? Я отвечал, что каждая республика заинтересована в сохранении единого экономического и военно-стратегического пространства, а неконтролируемый распад будет иметь тяжелейшие последствия для республик и для всего мира. Я придерживался мнения, что на переходный период надо создать своего рода координационный центр, который на стадии роспуска Советского Союза должен позаботиться о минимизации вредных

последствий. Этот процесс должен быть контролируемым, последовательным и управляемым, говорил я, потому что иначе дело дойдет до сокрушительного обвала, который станет причиной возникновения новых внутренних, региональных и глобальных угроз.

Я знал, какие опасности нам угрожают. Незадолго до ухода в отставку в речи на Генеральной Ассамблее ООН я представил мировому сообществу анализ ситуации, возникшей в результате крушения тоталитарного режима в СССР. Я говорил о беспощадности грядущего экономического кризиса, которому новые независимые государства никаким образом не смогут противостоять. «По окончании холодной войны на мировую политическую арену выйдут новые зловещие фигуры, – говорил я. – Будут делаться попытки подавить стремление к демократии; разразятся территориальные конфликты и экономические войны, вновь проснется агрессивный сепаратизм, обострится внутренняя и межгосударственная конфронтация, оружие начнет бесследно исчезать, усилится терроризм и участится захват заложников, так что вновь образовавшиеся обширные зоны перманентной нестабильности будут источником постоянного беспокойства для сравнительно интегрированных регионов». Не называя конкретных адресов, я описал то, что в действительности произошло с нами позже.

Тоталитаризму наступал конец, однако в Советском Союзе была сделана попытка его спасти. И само собой разумеется, для этого были использованы привычные средства: заговор, нарушения законности, насилие.

Августовский путч 1991 года ускорил процесс дистанцирования республик от центра. Но этому процессу способствовали также шаги, предпринятые Россией после ликвидации путча. Одностороннее аннулирование всесоюзных актов, захват всесоюзной собственности и провозглашение в некоторых случаях пересмотра границ, а также вероятность территориальных претензий

повергали союзные республики в беспокойство и вынуждали их искать спасения вне тонущего корабля.

Ни одной из республик – считая Россию, где диктат Кремля все сильнее вытеснялся экспансией «Белого дома» (победитель получает все!) – не могло идти на пользу хаотичное разрушение огромного государства, его быстрый распад и искусственное ускорение агонии. Я повторяю: был необходим сравнительно безболезненный, регулируемый переход к новому состоянию, а для этих действий требовался регулирующий механизм.

30 августа 1991 года мне вновь позвонил Горбачев. Разговор складывался трудно с самого начала. «Немедленно приходи в Кремль!» – «Немедленно – невозможно, – отвечал я. – Так просто дело не пойдет. Нам надо поговорить». – «А разве сейчас мы не разговариваем?»

Что за разговор мог у нас состояться за пять минут? Горбачев требовал, чтобы я немедленно стал членом Совета безопасности. Я же, напротив, настаивал на предварительном прояснении целого ряда пунктов. Для меня было крайне важным получить ответы на некоторые непростые вопросы. Почему он пытается избежать серьезного разговора о самом существенном? Почему он сейчас так торопится, если именно в тот момент, когда быстрота действий была жизненно необходимой, он позволял себе транжирить время? Телефонный разговор закончился тем, что я сказал, что не смогу больше полностью ему доверять. Он взорвался: «Как это?» – «Могу объяснить, но не сейчас, не на скорую руку. Лучше в другой раз и при других обстоятельствах».

Наша встреча произошла немного позже. В ней принимал участие и Александр Яковлев, светлая голова и достойнейший человек, с которым меня многое связывало. Это был тяжелый разговор, при котором я не щадил ни себя, ни Горбачева. Я высказал ему все, что за долгие годы накопилось на душе: как он сам разрушил дело своей жизни и предал своих соратников, как он окружил себя бесцветными льстецами, которые в конце концов и свя-

зали ему руки. Я напомнил, как призывал его к компромиссу с Ельциным, как просил трезво взглянуть в лицо изменившейся реальности и действовать соответственно, как требовал ясности в борьбе против теневого правительства, уничтожавшего его политику и едва не отстранившего от руководства его самого. «Вы стали человеком, который – намеренно или непроизвольно, это неважно – спровоцировал путч, и у меня есть все основания предполагать, что Вы приняли участие в заговоре», – заявил я без всякого смущения. Яковлев тоже высказал все, что лежало на сердце. Превосходно образованный человек, достойный и одновременно верный своим принципам, Яковлев имел сходные с моими представления о перестройке и о ее последствиях.

История отношений между Михаилом Горбачевым и мной известна. Когда-то мы были близкими друзьями, он совершил много исторических деяний, и по-человечески я всегда относился к нему с уважением. Михаил Сергеевич – политик мирового масштаба. Но в некоторых ситуациях руководствоваться одними чувствами убийственно. Наш разговор был до крайности резким и серьезным, и я ни минуты не сомневаюсь, что он пошел на пользу. Нам было необходимо поговорить откровенно, чтобы остаться честными перед собственной совестью. В этом разговоре, как уже сказано, участвовали трое: Михаил Горбачев, Александр Яковлев и я.

Горбачев выслушал нас молча, не пытаясь, по своему обыкновению, перебивать. И наконец сказал, что готов все забыть и признать свои ошибки. О чем именно он хотел «забыть», я не понял, а до признания им своих ошибок до сих пор так и не дошло.

Горбачев опаздывает

Горбачев позвонил мне 5 ноября 1991 года и предложил возглавить министерство иностранных дел – а оно, ме-

жду тем, должно было быть реорганизовано – и немедленно заняться экономическими связями с зарубежными странами.

Горбачеву понадобилось три месяца, чтобы «все забыть» и преодолеть досаду. Слишком долго для такого периода, когда все вокруг менялось и развивалось невиданными доселе темпами. И на этот раз, как всегда, Горбачев опоздал. По сути, я уже не испытывал никакого желания гнаться за уходящим поездом. Более того, я видел, что поезд – если уж оставаться в рамках образа – мчится навстречу катастрофе, и близится большая беда. Единственное, ради чего еще стоило догонять состав, так это чтобы медленным торможением попытаться предотвратить крушение.

Я спросил Горбачева: имеет ли вообще смысл обсуждать его предложение, не зная, какого мнения по этому поводу придерживаются правительства республик – и особенно России, Украины и Казахстана? Горбачев отвечал, что они все согласны, и я сам могу в этом убедиться, если позвоню их представителям. Я позвонил. Они действительно были согласны.

20 ноября 1991 года в 14 часов я вошел в зал коллегии министерства иностранных дел, которое теперь называлось министерством внешних сношений Советского Союза. Все здесь, на первый взгляд, выглядело так, как в мои времена, кроме одного новшества: картину художника Дмитрия Налбандяна «Ленин на прогулке в Кремле» заменили живописной копией известной фотографии одной из работ Петра Оцупа*. На снимке отображен сверлящий взгляд явно недовольного Ленина. В этом было нечто символическое.

Аудитория выглядела изменившейся: на лицах сотрудников виднелись следы недавних переживаний. После августовских событий министерство иностран-

* Петр Оцуп – автор знаменитых фотографий Толстого, Чехова, Маяковского, в его наследии – 35 снимков Ленина.

ных дел сделалось козлом отпущения. Не проходило дня, чтобы не публиковалось как минимум одной статьи с острейшей критикой того или иного дипломата за поддержку путчистов. Наверное, некоторые сотрудники МИДа и впрямь скоропалительно солидаризировались с заговорщиками, но вообще у меня создалось впечатление, что большинству людей удалось в этой неразберихе действовать достойно. Игнорируя это, определенные силы пытались убедить общественность в том, что МИД недостойн доверия как политическое учреждение, что его репутация безнадежно испорчена и министерство нуждается в чистке. Не требуется большого ума, чтобы понять: эта кампания была частью стратегии, направленной на разрушение всесоюзных структур.

Я смотрел на моих бывших сотрудников и думал о том, как много меня с ними связывает. Я был перед ними в долгу. Прийти сюда стоило хотя бы ради того, чтобы вернуть этим людям чувство собственного достоинства, вселить в них оптимизм. Я понимал, что с моим возвращением у многих «смоленцев» (здание министерства иностранных дел находится на Смоленской площади) связаны большие надежды. Как писал в эти дни один журналист: «Если Эдуард Амвросиевич согласился, то наше дело еще не до конца потеряно». Кстати, у меня не создалось впечатления, будто энтузиазм мидовцев ограничивался лишь цеховыми или корпоративными интересами.

В те дни – как и после ухода в отставку в декабре 1990 года – я получил сотни телеграмм. Там были слова поддержки и добрые пожелания. Для меня имело особую ценность и важность, что многие телеграммы пришли из республик – в том числе и из Грузии. Неизвестность и непредсказуемость в развитии событий пугала людей. Люди ждали и надеялись: кто-то вмешается и сумеет хотя бы ослабить напряжение.

Я радовался словам поддержки, поступавшим от моих зарубежных друзей. Первыми, кто мне позвонил,

были Джеймс Бейкер и Ганс-Дитрих Геншер. Президент Джордж Буш-старший приветствовал мое новое назначение следующими словами: «У Шеварднадзе есть много друзей в нашей стране. Мы будем вместе работать в тесном контакте». Не меньшее значение имела для меня реакция политиков из республик бывшего Советского Союза. В общем и целом она оказалась положительной. Помимо согласия со стороны лидеров новых государств я был заинтересован и во мнении членов парламентов – особенно народных депутатов России. Но здесь все тоже было в порядке. «Если бы вместо Шеварднадзе поставили многоопытного дипломата, будь это даже Макиавелли, или Черчилль, или кто угодно, – говорил Михаил Толстой, член комитета по внешним делам российского парламента, – то и он никому бы не был нужен, если бы не обладал самым важным и самым святым – завоеванным доверием». Ему вторил председатель комитета Владимир Лукин: «Народные избранники понимают, что во времена нестабильности государственного права чрезвычайно возрастает роль личности в политике, и это особенно относится к международной арене». «Как много стоит хотя бы тот факт, что Шеварднадзе держится вдалеке от грызни между “Белым домом” и Кремлем! И никто не в силах его в это втянуть», – заявил Сергей Юшенков, председатель парламентской фракции «Радикальные демократы».

Одним словом, мандат, который я получил, служил убедительным и многообещающим пропуском в здание на Смоленской площади. Оставалось еще одно: получить благословение и добрые пожелания от Горбачева – это являлось неотъемлемой принадлежностью общепринятого ритуала по представлению нового министра. После этого можно было приниматься за работу.

Горбачев это сделал. Хотя и с небольшим опозданием, он назвал вещи своими именами: «Не хотел бы скрывать, как я отношусь к Шеварднадзе... Наши отношения подверглись суровому испытанию, но, вопреки

всему, мы оба остались верны великому делу, которое начинали вместе. И это – единственное, что имеет значение. Все остальное преходяще... Между нами состоялся сложный, долгий и тяжелый для нас обоих разговор. Мне понравилось, как он сказал: «При других, более спокойных обстоятельствах я, наверно, решил бы иначе, но сейчас не могу просто взять и ответить “нет”. Я высоко ценю такую установку и настоятельно прошу использовать потенциал этого человека, чтобы мы сохранили наше государство, важнейший стратегический гарант мира, и не допустили его хаотичного распада»*.

Сохранить стратегический гарант мира было уже невозможно, но немного смягчить силу удара при его крушении – это, наверно, мы действительно смогли бы сделать. Так я подумал, но вслух ничего не сказал, а поблагодарил, как положено, Горбачева за оказанное доверие.

Четверть часа спустя я уже располагался в высотке на Смоленской, в знакомом рабочем кабинете, покинутом мною одиннадцать месяцев назад. Предположительно новый срок на этом посту должен был стать очень коротким. Своим близким, как и себе самому, я сказал: «Даже если это продлится всего один день – я обязан вернуться сюда, потому что в нынешних обстоятельствах и один-единственный день может много значить».

Сегодня, читая российские и зарубежные публикации прессы тех дней, я вижу, что и решение Горбачева, и мое согласие вернуться в министерство иностранных дел встретили в целом положительный отклик.

Представим себе еще раз закулисную сторону происходивших в ту пору событий. Республики начали возводить собственную государственность практически в чистом поле, с чистого листа. В конце 1991 года экономический спад в тяжелой и легкой промышленности составил 40 процентов, а в сельском хозяйстве – 25 процен-

* Источник цитаты автором не указан.

тов. Потери главным образом объяснялись разрушением экономических связей между республиками и параличом общей инфраструктуры. От новых двусторонних экономических отношений, которыми республики пытались заменить налаженное внутри Союза разделение труда, спасения ждать не приходилось. Новые двусторонние связи, по сути, представляли собой не что иное, как бартерные сделки, натуральный обмен.

Команда Ельцина забрала под свой контроль практически все: от зданий бывшего Центрального Комитета партии – до экспортных сборов страны. Как разочарованно заметил Николай Травкин, председатель Демократической партии России: «Правительство России действует под лозунгом: “Смелей, ребята, не зевай!”. Число служебных автомобилей, обслуживающих победоносную элиту, стремительно увеличилось на семьсот машин». Еще Николай Травкин констатировал: «На приватизацию имущества КПСС понадобилось всего два дня, а чтобы вернуть собственность, которая полагается рабочим коллективам, не хватает даже двух месяцев».

Не осталось практически ни одного общесоюзного министерства, которое на себе не испытало бы необольшевистского напора победителей: одни министерства упразднили, другие были переведены под российскую юрисдикцию. Нечто похожее могло произойти и с министерством иностранных дел. С большим сожалением я наблюдал за деятельностью вылетевших из нашего «гнезда» «кукушат», молодых руководящих кадров российского министерства иностранных дел. Со страстью, непостижимой для меня, каждый пытался «урвать» для себя как можно больше, ничуть не заботясь о чувствах бывших коллег и не обращая внимания на своих менторов.

Помимо этических коллизий возникли и правовые проблемы. У Советского Союза имелось свыше пятнадцати тысяч подписанных соглашений и договоров. После роспуска Советского Союза Россия как субъект меж-

дународного права получила права и обязательства бывшего Союза, присвоив функции правопреемства с нарушением всех и всяческих норм. Создавалось впечатление, что люди в других республиках этого не осознавали или не решались открыто протестовать.

Слабость новых независимых государств с особой наглядностью обнаружилась в сфере внешней политики. На требования разделить имущество бывшего Советского Союза по справедливости представители политического руководства России отвечали туманными обещаниями или просто категорическим отказом. Новые государства испытывали нехватку во всем, у них не оказалось ноу-хау, кадров, технического оборудования. Они не имели доступа к архивам, к средствам связи и к обмену секретной информацией... Новый отсчет времени в республиках, «нулевой час», обернулся, по сути, нулевыми возможностями.

Первым пунктом в моей предполагаемой программе действий значился план активной поддержки республик в их стремлении выстраивать самостоятельную внешнюю политику. В соответствии с этим я предполагал в первую очередь посетить с визитами столицы республик.

Я рассуждал следующим образом: советская империя рухнула, количество супердержав уменьшилось вдвое, а число развивающихся стран возросло. Стрелка «барометра безопасности» резко упала. До сих пор еще ни одна империя не разрушалась бескровно, значит, и наша едва ли станет исключением, тем более если принять во внимание наше историческое наследие. Шансы для мирного разрешения региональных конфликтов уменьшились, и сложилась новая ситуация с конфликтами внутренними.

Почти все союзные республики некогда имели свою национальную государственность. С разной интенсивностью, но идея восстановления собственной государственности пробудилась в каждой республике. Колос-

сальная энергия, таящаяся в этой идее, несомненно, на начальной стадии явилась бы стимулятором изоляции и дезинтеграции и одновременно придушила бы в зародыше всякую мысль о сохранении общности в какой-либо форме.

Как можно было замедлить крушение монструозной постройки, чтобы не оказаться раздавленными под бетонными обломками? Обвал столь разрушительной силы не был нужен никому – ни в республиках, ни в России, ни на Западе.

«Последний аргумент центра», – так назвал мое возвращение на пост министра иностранных дел один журналист. Другой написал следующее: «Центробежный процесс зашел столь далеко, что демократии можно помочь, только сохранив государство как таковое, как бы оно там ни называлось в будущем». А третий высказался так: «Грузину Шеварднадзе будет легче признать независимость всех союзных республик, чем интернационалисту Горбачеву».

А теперь еще одна цитата, образно характеризующая угрозу, наметившуюся для мира: «Если бы на месте Советского Союза образовалось пятнадцать Швейцарий, то можно было бы даже поаплодировать. Но если вдруг возникает пятнадцать Ливанов, это означает не что иное, как геополитическую катастрофу». Так написал политолог Константин Плешаков. И это отвечало действительному положению вещей. Споры вокруг обладания ядерным оружием и обычными видами вооружения, оживление старых и появление новых территориальных претензий, смещение акцентов в геополитике – все это обрисовывало четкие контуры намечающегося кошмара: «ливанизации одной шестой части суши».

Не имелось ни нового «расписания движения», ни нового «диспетчерского центра», однако «поезда новых республик» уже отправились в путь в самых различных направлениях. Один поезд ехал в Бонн, другой – на восток. Тогда мне казалось, это происходит не потому, что

нацменьшинства выбрали именно такие пути, а просто из-за того, что задействованы центробежные механизмы, отличающиеся инерцией большой силы. Но очень скоро мне пришлось убедиться, что здесь возникла «сила инерции» другого сорта.

«Как нам теперь называть ваше государство?» – такой вопрос задал мне 25 ноября 1991 года мой иранский коллега Али Акбар Велаяти.

«Если бы я знал, то непременно бы вам поведал», – ответил я.

На самом деле нам было не до смеха. В тот день на последнем заседании государственного совета должен был обсуждаться проект нового союзного договора об образовании Содружества Независимых Государств (СНГ). По моим представлениям, речь шла о конфедеративно учреждаемом государстве с единым экономическим и военно-стратегическим пространством. Но я был вынужден отстаивать свои взгляды на внешнюю политику, причем, кроме президента России Бориса Ельцина, никто мне не возражал.

Дискуссия затянулась надолго. Казалось, мне удалось убедить Ельцина в том, что без четкой координации внешней политики будущих государств – членов Содружества мы столкнемся с большими трудностями.

Три дня спустя на мой рабочий стол приземлился новый документ: постановление Правительства Российской Федерации. Постановление во всей полноте отразило политический стиль того времени, так что имеет смысл привести его текст.

«Исходя из необходимости обеспечить непрерывное функционирование зарубежных учреждений бывшего Советского Союза в качестве межреспубликанских зарубежных учреждений, на период, в который будет произведена ликвидация всесоюзных министерств и ведомств, а также создание органов экономического сообщества, и далее, исходя из неясности условий их финансирования из средств всесоюзного бюджета, постановляю:

1. Существующее на территории РСФСР имущество, находящееся во владении или используемое Министерством внешних сношений СССР, передать для оперативного управления Министерству иностранных дел РСФСР, а также урегулировать вопрос о совместной собственности посольств, постоянных представительств и консульских служб СССР за рубежом...»*

Несмотря на традиционную туманность бюрократических выражений и оборотов, суть документа была ясной как Божий день: Россия решила игнорировать легитимные права и интересы других республик и захватить себе в единоличное владение все дипломатическое имущество бывшего Советского Союза. Пункт постановления, указывающий на необходимость совещаний с министерствами иностранных дел суверенных государств «относительно степени заинтересованности в продолжении деятельности определенных учреждений за границей, а также по другим вопросам, связанным с данным постановлением», был совершенно пустым и лишенным всякого значения. Туманом формулировок прикрывался очевидный и заслуживающий внимания факт: вопрос суверенитета республик был просто-напросто обойден.

В политике, да, впрочем, и в любой другой сфере человеческой деятельности, вопрос «как именно?» иногда становится не менее важным, чем вопрос «что именно?» Средства и методы, используемые для достижения цели, оказывают прямое и непосредственное воздействие на саму цель. И бывают такие средства и методы, которые, будучи примененными, уничтожают цель, обращают ее в пепел.

Постановление затрагивало и меня лично. Из этого документа следовало, что я сидел в «ненастоящем» рабочем кабинете. Позже мне рассказывали, что Ельцин, когда ему подали на подпись означенное постановле-

* Источник цитаты автором не указан.

ние, якобы спросил: согласован ли проект документа с Шеварднадзе? И, дескать, ему ответили: «Да, конечно! Шеварднадзе согласен. Он считает, что это – единственное средство прекратить разграбление нашего имущества за рубежом».

Не могу припомнить, чтобы мне докладывали о случаях разграбления наших посольств. И опять же, я почему-то не помню, чтобы когда-либо давал свое «согласие» на борьбу подобными методами с несуществующими грабежами. Зато я хорошо помню свои откровенные разговоры с Ельциным и Горбачевым. Ельцину я сказал: «Если вы не исключаете участия Горбачева в августовском заговоре, то воспользуйтесь принципом государственного правопреемства. Объединившись с другими республиками и приняв на себя руководство в новом союзном государстве, Россия предотвратит возникновение той лавины, которая представляет большую опасность и для России тоже». Ответ Ельцина: «Это невозможно!» Горбачеву я сказал: «Все-таки вам надо выяснить, чего хочет президент России. Если он хочет сохранить Союз в этой форме, тогда я за то, чтобы вы ушли». «Я готов это сделать», – отвечал Горбачев.

4 декабря 1991 года я снова говорил с Ельциным. Но этому разговору предшествовало нечто очень важное: 1 декабря 1991 года на всеукраинском референдуме 90 процентов избирателей проголосовало за независимость Украины. Президентом Республики Украины был избран Леонид Кравчук. Для Европы это означало рождение нового большого государства с населением 50 миллионов человек, с ядерным потенциалом, мощным комплексом армейских вооружений и с высокоразвитым производством современных видов вооружений, включая производство крупнейших стратегических ракет.

Для России независимость Украины означала внезапное перенесение западных рубежей на восток и потерю значительной части ядра славянского населения,

а также угрозу дальнейшего сокращения численности этого ядра – чего вполне можно было ожидать при отделении Белоруссии. На передний план выдвигались многочисленные проблемы, связанные с армией, флотом и с военно-политической стратегией, что уже не оставляло шансов для создания государства – преемника СССР. Другим республикам независимость Украины показала хорошим наглядным примером.

Для Горбачева это означало конец «новоогаревской мечты» о восстановлении «обновленного всесоюзного центра» и уход с политической сцены.

Для Ельцина и его команды, как и для других российских лидеров, это значило, что им надо самым спешным образом найти новую комбинацию, чтобы сделать претензии России на роль правопреемника Советского Союза более основательными.

А для меня? Что это значило для меня?

Взлет Бориса Ельцина

Различия в интересах и в целях стали причиной целого ряда разнообразных, не согласованных друг с другом шагов и действий.

Третьего декабря Горбачев направил свое «Обращение к парламентариям страны». Поскольку он понимал, что при такой формулировке адресат получался несколько неотчетливым (к парламентариям какой страны он обращается?), то сразу же, в первых строках, он обозначил свою аудиторию: народные депутаты Верховного Совета независимых государств. Горбачев нарисовал целостную картину опасностей, угрожающих нам вслед за наступающей дезинтеграцией общества, «которая, нарушив историческую логику существования огромной и целостной страны, перешла пределы разумного и зашла настолько далеко, что приобрела разрушительный характер».

В этом документе все было правильно: перечень возможных последствий дезинтеграции, их характеристика, требование придерживаться правовых норм, ссылка на интересы соседних государств и на весь остальной мир, просьба учесть личные обстоятельства тех людей, кто хотел бы и дальше жить в Союзе... Да, все было правильно, кроме одного: Горбачев обращался к публике, которая больше не хотела его слушать. Широко известная магия его речи утратила силу.

Ельцин реагировал иначе. Он созвонился со Станиславом Шушкевичем и предложил побеседовать – с ним самим и с Леонидом Кравчуком. Российский парламент бушевал. Возвысили голос те, чьи призывы очень напоминали предвыборные программы российских политических движений 1989 года: «Границы Советской России в двадцатые годы устанавливались произвольно, и в течение следующих десятилетий их самовластно меняли. В случае выхода республик из Советского Союза Россия установит свой суверенитет над всеми странами, где преобладающим населением являются русские...»

Тезис о произволе при установлении границ между республиками не был надуманным, однако подобного жребия не избежала ни одна республика, которую в свое время загоняли в «победоносный Союз». Гротескными выглядели и разглагольствования о древних российских землях: разве империалистическая Россия не завоевала эти земли и попросту не отобрала их у покоренных народов? Идея России вернуть земли себе попыхивала политическим авантюризмом.

В российском парламенте зазвучали требования к Украине о возвращении Крыма, того самого Крыма, который некогда был известен как Крымское ханство. Петр Великий начал завоевывать Крым для России, Сталин очистил его от туземного населения, а Никита Хрущев в 1954 году подарил Крым Украине.

Опасность, что подобные животрепещущие вопросы станут решаться в неких кабинетах одним росчерком

красного карандаша на карте, что политика «кройки и шитья» возродится, что историческими реалиями, правами человека, интересами наций и национальных меньшинств будут попросту пренебрегать, выдвинутась на передний план.

Закон об управлении и владении, который своей непонятной логикой, вызванной конфронтацией между Горбачевым и Ельциным («Центр и Россия»), подрывал безопасность Советского Союза, теперь, подобно бумерангу, возвращался обратно и ударял по России. Я считал важным не только предостеречь Ельцина относительно возможных последствий. Я хотел разобраться, почему он игнорирует элементарные нормы поведения.

Чего стоит дело, если оно базируется на двойных стандартах? Чего ждать от вождей, не уважающих Конституцию – будь это даже Конституция Советского Союза?

Ельцинский документ, указ о переводе владений Министерства иностранных дел Советского Союза под юрисдикцию России все еще стоял у меня перед глазами.

Я спрашивал себя: как это может быть? Мое возвращение в министерство иностранных дел* состоялось после согласования с Ельциным. Он меня знал и должен был понимать, что я не удовлетворюсь выполнением символических функций. Он принял мою аргументацию, обещал мне широкую поддержку. И вот не прошло и недели после моего назначения, как он принимает решение, оставляющее мне лишь одну возможность: уйти, хлопнув дверью. Что это такое? Отложенная до удобного момента месть – скажем, за октябрь 1988 года, когда я вместе с другими членами политбюро выступал против антигорбачевских демаршей Ельцина? Если так, то иметь дело с политиком, настроенным подобным образом, было бы просто недопустимой роскошью. Подчинять интересы дела, ин-

* Вероятно, имеется в виду тогдашнее Министерство внешних сношений СССР.

тересы огромного государства своим личным амбициям – значит обречь на провал не только дело и государство, но и себя самого.

Мой случай, конечно же, не был исключительным. Вся политика Советского Союза последних лет пала жертвой конфронтации между Ельциным и Горбачевым. Ни один из них не спешил подать другому руку в знак примирения. Когда они наконец это сделали, многие возможности оказались безнадежно потерянными.

И все же я не виню ни себя, ни Горбачева, ни Ельцина. Результат украинского референдума и провозглашение независимости Украины создали абсолютно новую ситуацию, новую геополитическую реальность. Внезапно мы обнаружили, что живем в необыкновенно изменчивом и чрезвычайно хрупком мире, где никакой силой невозможно обеспечить стабильность и безопасность. Ни одна страна, включая Россию, не застрахована от взрыва где-нибудь на краю или в самой центральной области, не застрахована от катастроф, разрушений или от раздробления. В ближайшем будущем нас ожидали новые угрозы: заметно возрастающее влияние других миров, находившихся по ту сторону границ, усиление некогда подавляемых духовных и идеологических приоритетов, вновь проснувшиеся запросы и амбиции у крупных соседних государств.

Борис Ельцин, скончавшийся 23 апреля 2007 года, мог бы подтвердить, что обо всем этом я говорил ему в ходе нашей беседы 4 декабря 1991 года. Судя по его виду, мои прогнозы и предостережения не особенно его тревожили. Как я заметил, гораздо сильнее его взволновало «славянское единство». Целью Ельцина являлось обеспечение России главенствующего положения в тройке Россия – Украина – Белоруссия. Подтверждением моему предположению относительно его «панславянских» замыслов стала последовавшая через несколько дней в Минске встреча тройки «Ельцин – Шушкевич – Кравчук». Ельцин был полностью сосредото-

точен на этих мыслях при нашей беседе 4 декабря, однако заверил, что по-прежнему меня поддерживает и вернется к вопросу о владениях министерства иностранных дел, как только прояснится судьба Союза.

Я возвратился в министерство и позвонил Горбачеву. Я слышал, как он пытался связаться с Ельциным и как секретарша российского президента сказала Горбачеву: «Борис Николаевич сейчас разговаривает по телефону с Андреем Козыревым. Он вам перезвонит, когда освободится».

У Ельцина больше не было времени для Горбачева. Своей политической бездеятельностью он способствовал сокращению активного периода своей работы. 3 декабря 1991 года я был у него в Ново-Огареве. Мы вместе смотрели выступление Горбачева по телевидению – обращение к парламентариям. Он хотел знать мое мнение. У меня не хватило духа сказать, что это «проповедь для не имеющих ушей, чтобы слышать».

В те дни мы проводили переговоры с Венгрией. Готовился к подписанию новый договор между Советским Союзом и Венгрией, один из первых договоров, где отразилась новая реальность в отношениях СССР со своими бывшими сателлитами. Йозеф Антал и Геза Есенски* просили внести в текст договора политическую оценку событий 1956 года. Горбачев старался этого избежать. Я передал ему записку: «Ельцин осудил ввод советских войск в Венгрию в 1956 году».

У Горбачева было много хороших качеств, но он не умел «играть на опережение». Он позволял событиям идти своим чередом, пока все не складывалось в определенную тенденцию, и лишь затем начинал ими заниматься. Именно такая манера и привела к тому, что в потоке событий он оказался отстраненным от дела, ставшим делом его жизни.

* Премьер-министр Венгерской Народной Республики и глава ее МИДа в 1991 году.

После декабря 1991 года, когда «беловежское трио» подписало соглашение об образовании Содружества Независимых Государств (СНГ) и ликвидировало Советский Союз, Горбачев оказался одинок, как никогда в жизни. Его телефон молчал. К проигравшему все повернулись спиной. На протяжении вечера, который я провел вместе с ним, не было слышно звонков от людей, желающих его подбодрить. Телефон зазвонил один-единственный раз. Это был Вадим Бакатин, тогдашний министр внутренних дел.

Распад Советского Союза

Первые вести из природного заповедника «Беловежская пуща» пришли к нам по западным каналам. Агентство Рейтер сообщало: «С момента подписания настоящего Соглашения на территории подписавших его стран не допускается применение норм третьих государств, в том числе бывшего Союза ССР...»

Мой ассистент пометил красным маркером следующие строчки Соглашения от 3 декабря 1991 года: «Деятельность органов власти бывшего Союза ССР прекращается» и «Официально сообщается, что СССР как субъект международного права и геополитическая реальность больше не существует».

Не комментируя этих строк, я хотел бы привести здесь слова московского мэра Гавриила Попова, некогда лояльного союзника Горбачева и Ельцина: «То, что называлось Советским Союзом, всегда представляло собой форму господства русского народа в государстве, где проживали миллионы людей других национальностей. Эта форма устарела, она должна быть разрушена. Россия не может спрятаться от миллионов русских, которые живут за пределами России. Точно так же она не может прятаться от десятков народов, проживающих на ее территории. Исходя из этого и следовало бы отве-

чать на вопрос о Союзе. У меня такое впечатление, что ненависть к центру, намерение разрушить старый центр затеняет все прочие соображения, хотя старого центра, собственно говоря, уже нет. Мне также непонятно следующее: с каких это пор Россия стала славянской республикой? И куда в таком случае деваться миллионам людей других национальностей, населяющим территорию РСФСР? Если не годится президент Союза и представляется необходимым его устранить, то ради этого все же нельзя уходить от основ Конституции! Если мы действительно намереваемся создать какое-то сообщество, то возникает вопрос: как три республики смеют брать на себя ответственность и решать за остальное большинство? Само собой разумеется, каждый имеет право на собственную точку зрения, но я думаю, что процесс должен идти в полном соответствии с Конституцией и с законом»*.

Я тоже тогда так думал и продолжаю думать сегодня. Даже те, кто придерживался иного мнения и не подчеркивал, что происходящее носит противоправный характер, отчетливо видели суть событий. По словам одного влиятельного московского политолога, «борьба между Россией Ельцина и Россией Горбачева фактически закончилась соглашением о ликвидации Советского Союза. Этим актом Ельцин и правительство России избавились от Горбачева и от старого центра. Украина избавилась от центра, от Горбачева и от России. Белоруссия против своей воли была де-юре изгнана из исторического государственного ядра России. Хирургическое вмешательство ради удаления Горбачева и центра давно уже стало насущной необходимостью, но в то же время придется признать, что Россия заплатила слишком высокую цену за борьбу Ельцина против Горбачева и за отстранение Горбачева». Не

* Источник цитаты или дата интервью Гавриила Попова автором не названы.

только Россия, добавлю я к вышесказанному, но и все остальные. И, к сожалению, эта цена со временем возрастет еще многократно.

16 декабря 1991 года в Москву прибыл Джеймс Бейкер. Он провел переговоры с Ельциным и Горбачевым. Затем повидался со мной. Это была прощальная встреча, откровенный разговор без протокола.

Бейкер сказал мне: «То, что сейчас происходит, должно было, по всем предварительным расчетам, иметь гораздо худшие последствия – в любом случае. У вас хватило мужества начать процесс, который непременно приведет народы этого государства к счастью и процветанию».

18 декабря Ельцин летел в Италию, предварительно подтвердив свое решение перевести собственность советского министерства иностранных дел под юрисдикцию России.

19 декабря 1991 года Георгий Кунадзе, заместитель Андрея Козырева, вошел в мой – собственно говоря, уже не мой – рабочий кабинет, чтобы ознакомить меня с проектом президентского указа.

«У меня поручение согласовать с вами этот проект». Я спросил, что требуется от меня. «Образовать комиссию для передачи имущества и дать нам разрешение на размещение наших людей в холлах». – «Вот, пожалуйста, – сказал я. – Единственная просьба, которую я к вам имею, касается сотрудников. Будьте, пожалуйста, к ним не слишком суровы».

«Мы учтем ваши советы относительно кадров». – «Разве это так уж необходимо? Вы всех знаете, и настолько же хорошо, как и я».

Историческое совпадение: 21 декабря, в день рождения Сталина, закончил свое существование созданный им Союз ССР – тот самый Советский Союз, которому год спустя, в 1992 году, исполнилось бы семьдесят лет. Руководители одиннадцати союзных республик бывшего СССР подписали Беловежское соглашение.

Советский Союз пережил несколько эпох, каждая из них имела свое имя – по определенному понятию или лозунгу, выдвинутому тем или иным вождем в тот или иной период времени. Так сложилась – окрашенная то горем, то радостью – историческая периодизация жизни страны: коллективизация, индустриализация, культурная революция, Великая Отечественная война, восстановление разрушенного войной народного хозяйства, культ личности, первые полеты в космос, волюнтаризм, застой, перестройка... И каждый раз смена эпох зависела от воли крошечной группы людей, от декретов «сверху». А те, ради кого это все происходило, выступали в роли безмолвствующей массы или восторженного хора.

Нечто подобное случилось и на сей раз. Я не был уверен, сумеет ли возникшее таким образом «Содружество Независимых Государств» стать настоящим содружеством – при его рождении слишком явно проявили себя гены алчности, свойственные сокрушенной империи.

Какое имя получит новая эпоха, я не знал. Только одно можно было сказать наверняка: подобно предыдущим периодам эта эпоха фактом схватки Горбачева и Ельцина тоже опровергала известный тезис научного марксизма о том, что роль личности в истории можно игнорировать и что на долю личности в лучшем случае выпадает только одна функция – выражать и осуществлять волю масс.

Так разрушилась последняя империя двадцатого века – Советский Союз, это кровавое, утопическое, возникшее наперекор Божьей воле и вопреки законам природы царство, «тюрьма народов» – если употребить знаменитое ленинское определение царской России, или «империя зла» – если согласиться с Рональдом Рейганом.

Трагедия имперского мышления

Двадцатый век завершил свою историческую миссию: ликвидацию империй – от британской до советской.

Каждая империя, раньше или позже, должна разрушиться. Об этой исторической закономерности знали все зарубежные советологи и официальные идеологи коммунистического государства. И я тоже об этом знал, но должен признать, что все-таки не ожидал столь быстрого развития процесса.

Я уже упоминал, что в организме Советского Союза насильно удерживались несовместимые и противоречивые силы. В конце концов они разрушили тело. Глубинные различия между наскоро собранными, абсолютно разными народами, государствами, культурами и религиями, игнорирование экономических законов, создание утопического и управляемого доктринами стиля жизни на одной шестой части суши, претензии на мировое господство, отказ от признания прав человека и от роли отдельной личности в истории, неспособность понимать и учитывать требования времени – все это долго накапливалось и создало взрывоопасную ситуацию. Непредсказуемость возможных путей развития этой ситуации вызывала озабоченность даже у тех западных политиков, для кого Советский Союз представлял собой «империю зла».

Историческая миссия горбачевской перестройки, как и моя собственная роль в политике, состояла в том, чтобы урегулировать этот сложнейший процесс и приспособить его к требованиям времени. Но мы регулярно опаздывали, а эти задержки имели тяжелые последствия. Мирный демонтаж системы удался нам только до некоторой степени. Для этого были субъективные и объективные причины.

Однако крушение империи не привело к разрушению имперского умонастроения России. Имперский дух продолжает жить в делах определенных людей и в конкретных решениях Российского государства. Это плачевным образом сказывается на народах бывшего Советского Союза, основавших независимые государства. В том числе на Грузии.

Зачатки внутренних конфликтов в Грузии следует искать именно в политике тех империалистических сил России, которые стремятся взять Кавказ под свой геостратегический контроль. По сравнению с началом двадцатых годов двадцатого века ничего не изменилось. Тогда сепаратизм в Абхазии и в регионе Шидкартли (Южная Осетия) стал поводом для «начала движения» (как любили говорить Серго Орджоникидзе и Сергей Киров) – с целью установления империалистического господства. С тех пор, стоит только России ощутить ослабление своего мощного влияния в регионе, она использует своих агентов.

Двадцатые годы как будто повторяются снова. Но в двадцать первом столетии мир стал другим. Имперские проекты могут одарить своих авторов кратковременным успехом, однако те же самые проекты могут обернуться большой бедой для России, если она не откажется от принципов политики силы.

Крушение Советского Союза не привело к исчезновению имперских проектов. По моему мнению, имперское мышление продолжает жить и работать в Российском государстве, и Россия все еще продолжает свою политику диктата. Конфликты в Абхазии и в так называемой Южной Осетии (как и в Молдавии, и в Азербайджане) стали результатом такого рода политики. Мы знали, что нас ожидает, у нас перед глазами был прецедент. И несмотря на это, мы не смогли избавиться от большого несчастья сотни тысяч людей. Мы не смогли избежать временного отделения от Грузии грузинских территорий, вынужденного бегства тысяч и тысяч грузин из родных мест, как и бегства этнических негрузин в другие страны, где они и сегодня живут в величайшей нужде. Умирающая империя все еще отравляет нам жизнь, но против хода времени все мы бессильны.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГРУЗИЮ

Обычным рейсовым самолетом 7 марта 1992 года я летел из Москвы в Тбилиси. Это был день рождения моей жены Нанули, и я, как всегда, поздравил ее.

«Сегодня и твой день рождения, – сказала она. – Сегодня ты все начнешь заново». – «Нет, у меня это только продолжение», – возразил я. Она со мной не согласилась: «Ты возвращаешься в другую Грузию. И сам ты другой, и жить тебе придется теперь по-другому, не так, как прежде».

Она была права. Прежняя жизнь, старое государство – все кануло в Лету. Да и сам я стал другим.

С 7 июля 1985 года, когда я покинул свою родину и отправился в Москву, прошла целая жизнь. За это время – всего за семь лет – случилось так запредельно много, что иногда мне казалось, что и нескольких жизней не хватило бы, чтобы все это пережить.

Помню, что в самолете было много цветов. И еще мне запомнилась молодежь – такой я ее еще не видел. Огромные крепкие парни, новое поколение, подросшее за прошедшие годы на рубеже эпох. Некоторые из них успели даже заглянуть в глаза смерти, они всякого видались, теряли друзей и близких, распрощались с беззаботностью юности. А, собственно, почему?

Семьдесят лет назад, в 1921 году, в день, когда наша Родина лишилась независимости, один мой земляк ска-

зал: «Демократическое правительство Грузии бежало за границу, свою трехлетнюю деятельность оно закончило катастрофой. И это в стране, которая своему правительству доверяла и доверилась полностью. Это правительство, эти люди и их ошибки будут преданы забвению. Но живая вода бессмертия окропит древнюю Грузию, и она восстанет из пепла, и только одним – маловерием ее детей – можно будет опять ее погубить».

Что предшествовало моему возвращению? Что случилось тут прежде, и куда я сейчас держал путь?

После потери независимости несколько поколений грузин пали жертвой в борьбе против всемогущей советской системы. В подполье возникало и действовало множество организаций, стремящихся к национальной независимости. Они были малочисленными, но, несмотря на это, называли себя политическими партиями. Их политические программы действительно имели много общего, а важнейшей целью была независимость Грузии.

Лишь немногие знали, что такие организации подпольно существовали даже в советские времена. Их преследовали советские правоохранительные органы – все с такой же секретностью, поскольку признавать факт существования враждебной режиму национальной оппозиции противоречило интересам советской власти, и поэтому судебные процессы над вождями таких организаций проходили тайком. Лишь в семидесятые годы, когда диссидентское движение в Советском Союзе стало более масштабным, эти организации смогли выйти из подполья.

При поддержке интеллигенции, учащейся молодежи, студентов и школьников вожди движения выдвигали требования, которые, вне всякого сомнения, были справедливыми: больше независимости от центра, больше свободы в реализации программ национального развития и поддержки национального языка, культуры и истории. Самые радикальные участники этих организаций хотели полной политической независимости, одна-

ко лишь после того, как началась перестройка, они получили возможность привлечь к своей деятельности широкие массы населения. Осенью 1988 года в Грузии массовое национальное движение окончательно сформировалось как важная антиимперская сила.

После апреля 1989 года, когда система объявила войну этим общественным устремлениям, когда для разгона массовой демонстрации в Тбилиси была использована военная сила, коммунистическая партия фактически потеряла власть. Кровь, пролившаяся в Тбилиси 9 апреля 1989 года, перекрыла тогдашним официальным вождям Грузии доступ к власти, лишив их любых полномочий для руководства страной. На выборах 28 октября 1990 года к власти пришел радикальный националистический партийный блок «Круглый стол – Свободная Грузия» во главе с Звиадом Гамсахурдиа, известным правозащитником и уважаемым вождем национального движения. Сын знаменитого грузинского писателя Константина Гамсахурдиа, он был большим патриотом, выдающимся ученым и высокообразованным человеком, но опыта управления государством он не имел. Этому обстоятельству, а также некоторым чертам его характера, трудной биографии диссидента и окружению из группы сомнительных личностей было суждено сыграть трагическую роль в его жизни и в жизни нашей страны.

К этому времени в национальном движении уже возник раскол. Несколько партий и групп бойкотировали выборы и образовали оппозицию новому правительству. В общественном мнении все громче раздавались голоса, обвинявшие правительство в национал-большевизме, антидемократичности, в поддержке имперских сил и кооперации с КГБ.

Московский путч 19–21 августа 1991 года эхом отозвался на сентябрьских событиях в Тбилиси. Дело в том, что в дни краткого августовского господства ГКЧП Гамсахурдиа занял непрозрачную, двойственную пози-

цию: по требованию Москвы он лишил официального статуса гвардию* и переподчинил ее министерству внутренних дел. Этим поступком он не только объявил вне закона идеалистически настроенных добровольцев гвардии, но одновременно сделал своим противником вооруженное формирование, которое следовало бы принимать всерьез. Значительная часть Национальной гвардии во главе с бывшим соратником Гамсахурдиа командиром гвардии Тенгизом Китовани покинула Тбилиси и встала лагерем в восточногрузинском Ркони**. Вслед за этим ушел в отставку премьер-министр Тенгиз Сигуа, он присоединился к гвардейцам в Ркони.

Ивлиан Хаиндрава, журналист запрещенной по приказу Гамсахурдиа газеты «Юность Грузии», так описывал эти дни: «На этот раз президенту отказало даже характерное для него обостренное чувство опасности, ибо он проглядел смертельную опасность, которую представлял собой тандем Сигуа – Китовани, опиравшийся на худо-бедно вооруженную военную силу... Вскоре к числу противников Гамсахурдиа прибавились вооруженные формирования из “Общества Мераба Коставы”***. Явные признаки раскола поразили блок “Круглый стол”. Становилось все более очевидным, что президент и его окружение окончательно потеряли связь с реальностью... Герметичная, замкнутая жизнь в окружении призрачных многочисленных врагов и мнимых друзей, последовательный курс на конфронтацию,

* Национальная гвардия Грузии создавалась в конце 80-х годов из мелких вооруженных группировок, где было немало добровольцев, борцов за свободу, но также и уголовников. В начале 1990 года она легализовалась в качестве организованной вооруженной силы под командованием Тенгиза Китовани и впервые заявила о себе в Южной Осетии.

** Вероятно, имеется в виду ущелье Ркони.

*** Этот уважаемый лидер национального движения незадолго до того погиб в автомобильной катастрофе при сомнительных обстоятельствах.

бескомпромиссность, упорное следование политике силы и постепенная, но неуклонная потеря этой силы – все это ускорило конец режима».

В сентябре 1991 года вооруженное противостояние выплеснулось на улицы. 3 сентября войска милицейского спецназа открыли огонь по участникам оппозиционной манифестации в тбилисском Доме кино. Были ранены. Режим, пришедший к власти на волне всеобщего гнева из-за советского насилия, сам применил насилие. На этот раз это были не «русские оккупанты», поднявшие руку на грузин, а сам президент, грузин, бывший диссидент. И это вызвало острейшую реакцию населения.

11 сентября двадцать семь политических организаций выступили с заявлением, в котором выдвигалось требование отставки президента. Глава «непокорной» гвардии Тенгиз Китовани сообщил, что гвардия не останется безучастной, если президент попытается удержать власть силой и повторится насильственная акция, подобная той, что имела место 3 сентября.

16 сентября на демонстрации в Тбилиси тысячи людей потребовали восстановления демократии и отставки Гамсахурдиа. Сторонники президента организовали встречную демонстрацию. В тот же день и в последующие несколько дней правительство арестовало некоторых лидеров оппозиции. На проспекте Руставели оппозиция воздвигла баррикады.

21 и 22 сентября 1991 года сторонники Гамсахурдиа ворвались в служебные помещения оппозиционных партий и избili десятки оппозиционеров. Части Национальной гвардии вошли маршем в город и поставили свой лагерь перед зданием Дома радио Грузии. Здание с самого начала было занято оппозицией. Целью гвардейцев являлась защита мирных демонстрантов. Идеологи режима в ответ на это пустили в ход версию «путча», который якобы организован из Москвы. Это подлило масла в огонь. Вооруженные нападения на оппозиционные си-

лы провоцировали ответные действия, хотя оппозиционеры требовали начать переговоры. И действительно, было сделано несколько попыток провести переговоры с президентом. Несколько раз казалось – вот-вот и переговоры состоятся. Но в последний миг все срывалось.

По призыву президента в Тбилиси подтянулись вооруженные отряды и группы граждан с разных концов страны, особенно из Западной Грузии. Под лозунгом о необходимости побороть агентов Москвы правительство проводило мобилизацию. На проспекте Руставели перед Домом правительства появились палатки – временный лагерь защитников Гамсахурдиа. Правительство начало распределять оружие между «товариществами», которые образовывались в окраинных областях страны. Разъяренные люди сбивались в банды и бродили по городу, они нападали на каждого, кто казался им «антизвиадином». 4 и 5 октября 1991 года по мирным демонстрантам вновь стреляли, вновь были раненые. Правительство обвинило в этом оппозицию.

В начале декабря ситуация до крайности обострилась. Разгорелась борьба за средства массовой информации. Во что бы то ни стало нужно было получить возможность убеждать народ в правильности собственной версии событий. Дело шло к столкновению.

Ситуация осложнялась еще одним обстоятельством: парламент абсолютным большинством принял закон, который практически перекрывал пути для начала нормальной процедуры импичмента. Это был конституционный тупик, не оставалось ничего иного, как надеяться на добрую волю президента. Если бы он сам, добровольно, объявил о своей отставке, можно было безболезненно избежать кризиса.

Доброй воли, однако, не наблюдалось. Ее запас исчерпался и у противников авторитарного режима. Можно сказать, что Гамсахурдиа своими руками создал оппозицию и сам позаботился о ее консолидации.

22 декабря 1991 года из Дома правительства открыли огонь по гвардейцам, которые шли к зданию, чтобы еще раз предложить переговоры. Тогда гвардия выдвинулась по направлению к Дому правительства и начала освобождать проспект Руставели, разбирая баррикады и отодвигая к обочине автомобили, нагроможденные на проезжей части проспекта. В ответ на это Гамсахурдиа обратился по телевидению к народу, он просил о поддержке, но никто не откликнулся. Трансляция велась из подвального помещения (его называли «бункером»), где когда-то располагались столовая и хозяйственные службы.

Двухнедельная война на проспекте Руставели привела к разрушению этой главной артерии города, она повлекла сотни убитых, раненых и закончилась бегством президента из Грузии. Из-за границы он призвал своих приверженцев к восстанию.

Звиад Гамсахурдиа, первый президент Грузии, кем он был? Чего достиг на высшем государственном посту и почему был вынужден отправиться в изгнание? Что стало причиной его головокружительного взлета и не менее стремительного падения? Что питает безграничную веру тысяч его приверженцев в своего изгнанного президента?

На эти вопросы есть много ответов. Одни называют Звиада Гамсахурдиа патриархом национального движения, другие – посланником Сатаны, некоторые рисуют его портрет в виде рыцаря Добра и Справедливости, а иные считают его символом трусости и коварства.

Полагаю, не имеет никакого значения, кто прав в этом споре. Бесспорным остается одно: Звиад Гамсахурдиа – феномен настолько сложный, что нельзя судить о нем поверхностно и односторонне. Я считаю недопустимыми попытки живописать портрет первого президента Грузии в черно-белых тонах.

Хочу повторить то, что однажды уже говорил: «Звиад Гамсахурдиа – в первую очередь фигура трагическая,

его личную трагедию можно сравнить с крупными трагедиями в мировой истории».

В восьмидесятые годы, когда в мире социализма впервые повеял ветер перемен, Звиад был вознесен наверх поднявшейся волной «бархатных революций». В Восточной Европе антикоммунистические коалиции, выражавшие волю масс, приобрели огромную популярность. В это время к власти пришли «Народный форум» в Чехословакии, «Солидарность» в Польше, «Саюдис» в Литве и «Народный фронт» в Эстонии и Латвии. В Грузии «рыцари» «Круглого стола» оказались у власти в результате октябрьских выборов 1990 года. Они отменили коммунистическую идеологию, заменив ее «национальной идеей». В своем стремлении к восстановлению национальной идентичности они обратились к истокам национального мышления. Но антикоммунистам не удалось создать новый стиль руководства; они были вынуждены двигаться прежним путем, воспроизводя старый стиль, при котором сформировались сами. Таким образом деятельность правительства Гамсахурдиа во многих отношениях приобрела «коммунистическую» окраску.

Звиад Гамсахурдиа мастерски использовал психологию масс, глубинные психологические комплексы массового сознания. По воле президента-«чудотворца» тысячи людей, бывших никем, получили возможность самоутвердиться – как иначе, ведь им выпала роль новой аристократии, которую создавал Гамсахурдиа. Звиад мог сделать преступника министром, ветеринара – юристом, певца и барабанщика – высшими государственными чиновниками, зубного врача или художника – гением военной науки. Вера в его сверхъестественные способности укреплялась среди простых людей. Президент-«чудотворец» стал гарантом новых жизненных перспектив. Звиадизм приобретал религиозные черты и становился чем-то вроде религиозного сектантства.

Звиад Гамсахурдиа и сегодня представляет собой проблему для нашего общества. Поэтому часть общества пытается вытеснить из своего сознания память о феномене Гамсахурдиа, не воспринимать его всерьез, преуменьшить или даже попросту отрицать факт существования такой проблемы. Они не подозревают, что хотят потушить огонь сухой соломой.

Объяснить феномен Гамсахурдиа не в состоянии ни звиадисты, ни антизвиадисты. Лишь общество, которое исцелится от этой болезни, сможет, наверное, трезво судить о событиях 1990 и 1991 годов и об их протажонисте, главном действующем лице, которому удалось войти в историю Грузии в качестве ее первого президента, несмотря на все ошибки и странности, настоящие или мнимые. Победоносно провозгласивший независимость своей страны, Гамсахурдиа был побежден потоком противоречивых событий и покончил жизнь самоубийством. Причины самоубийства все еще ждут расследования и разъяснения.

Раньше я не слишком хорошо знал Звиада Гамсахурдиа. Наверное, мы с ним пару раз встречались и точно разговаривали по телефону. Зато я хорошо знал его отца. Великий писатель и публичный человек, Константин Гамсахурдиа уже при жизни стал классиком грузинской литературы. На его романах выросло (и, надеюсь, еще вырастет) не одно поколение грузин. Он учился в одном из университетов Германии и принадлежал к числу непримиримых критиков коммунизма. В свое время он писал очень жесткие письма Ленину, а позднее вел переписку с Лаврентием Берия по поводу Сталинской премии по литературе – в премии ему отказали противники. Он пытался написать роман о Сталине («Вождь»), но настоящую славу ему принесла историческая проза, которая, собственно, и связана с его именем.

Однажды в ответ на мое новогоднее поздравление он написал мне письмо. Думаю, это письмо заслужива-

ет того, чтобы его процитировать. В связи с вышеописанными событиями оно кое-что объясняет:

«Глубокоуважаемый и лучший друг каждого грузина батоно¹ Эдуард!

Примите мою сердечную благодарность за поздравление.

Мы утверждаем: после Георгия Блистательного² и Баграта V³ в Грузии никогда не было столь отважного правительства.

Если судьба мне позволит, я еще раз докажу это на деле в этой стране.

Долгие годы мне грозили арестом и расстрелом секретари ЦК: С. Мамулия, Л. Гогоберидзе, Ф. Махарадзе, М. Кахиани, А. Мгеладзе.

Наконец, как мне стало известно позже, Сталин на них разгневался: «Оставьте же этого человека с его гончими и соколами⁴ в покое, – сказал он якобы. – Другого такого писателя, как он, у нас нет». Однажды, по возвращении из Москвы, А. Мгеладзе передо мной извинился. Его письмо есть в моем архиве.

Преданно склоняю свою голову перед Вами и желаю грузинскому народу, чтобы Вы долго были вождем нашей многострадальной Родины. Мое новогоднее пожелание: помогите Давид-Гареджи⁵ и грузинским манускриптам.

Навечно Вам преданный,

Константин Гамсахурдия, Колхская башня⁶, 7.1.1974.»

Когда во время правления Гамсахурдиа один из моих друзей в Тбилиси обнародовал это письмо, Звиад раз-

¹ Вежливая форма обращения в грузинском языке.

² Царь Грузии, годы правления 1314–1346.

³ Царь Грузии, годы правления 1360–1393.

⁴ Константин Гамсахурдия был страстным охотником.

⁵ Монастырский комплекс в Восточной Грузии.

⁶ Так К. Гамсахурдия называл свой дом в Тбилиси, который был построен в «колхском стиле», по образцу западногрузинских домов.

гневался. Он приказал, чтобы близкая к нему пресса опубликовала разъяснение, в котором он утверждал, что его отец поначалу действительно был настроен по отношению ко мне очень доброжелательно, но затем разочаровался в моей персоне и стал меня критиковать. Скажу честно: не могу припомнить ничего подобного.

Во времена своего правления и после бегства из Грузии Звиад Гамсахурдиа публиковал открытые письма – «обвинительный акт» по моему «делу» – и требовал от меня обозначить мою позицию по каждому из приведенных пунктов. Я ему не ответил. Эта попытка перенести в сферу личной конфронтации принципиальные политические разногласия между нами подталкивала меня к тому, чтобы обнародовать документы, которые повредили бы его репутации, его имени и еще сильнее осложнили и без того напряженную ситуацию в Грузии. В декабре 1991 года ему удалось уничтожить архивы КГБ, в том числе и архив КГБ Литературного музея. Но это не означает, что все следы и приметы прошлого оказались полностью вытравленными. И сейчас я не хочу упоминать о некоторых достаточно известных фактах его биографии. Для того чтобы в какой-то мере завершить картину, описание времени, в котором мы жили, расскажу лишь о двух телефонных разговорах.

Чтобы прояснить читателю суть нашего телефонного разговора от 12 марта 1991 года, предварительно опишу ситуацию. Из Грузии поступали тревожные вести. В декабре 1990 года руководство Юго-Осетинской автономной области приняло решение образовать Юго-Осетинскую Демократическую Республику внутри Советского Союза. Грузинский парламент отреагировал на это постановлением, в котором указывалось на противозаконность упомянутого акта и, в свою очередь, отменялась автономия данной области. Это была типичная для того времени «война законов», ею начинались или сопровождались конфликты. Как создание республики, так и отмена автономии, по моему разуме-

нию, были весьма необдуманными шагами: они могли стать причиной эскалации конфликта, применения военных акций и кровопролития. В Москве решался вопрос об отправке в конфликтную зону советских воинских частей. Несмотря на то, что к тому времени я уже отошел от обязанностей министра иностранных дел СССР, я сказал Горбачеву, что такие меры приведут к гражданской войне в Грузии и что какое бы решение ни было принято, его предварительно надо согласовать с грузинским руководством.

Так и было сделано. Анатолий Лукьянов, председатель Верховного Совета СССР с марта 1990 года, позвонил Гамсахурдиа и прочитал ему по телефону проект постановления, отменявшего решение руководства Юго-Осетинской Демократической Республики, чьей резиденцией был город Цхинвал, и решение грузинского парламента. Третий пункт предусматривал отправку в зону конфликта подразделений внутренних войск Советского Союза. Гамсахурдиа согласился.

И вот 12 марта 1991 года он попросил меня выступить с заявлением по поводу событий в Цхинвальском регионе. Я отказался: «Во-первых, подобное заявление оказало бы большую услугу тем людям, которые связывают мою отставку с событиями в Грузии. Во-вторых, это означало бы подлить масла в огонь. И, наконец, самое важное: вы хотите свалить на меня ответственность за решение, которое приняли вы сами. Я считаю ваше решение неправильным. Отмена автономии обойдется Грузии очень дорого».

Гамсахурдиа заговорил об указе Горбачева, он боялся, что отправка войск в зону конфликта драматически ухудшит ситуацию. «Указ был согласован с вами», – напомнил я ему. – «Это правда», – подтвердил Гамсахурдиа. – Но я не был согласен с третьим пунктом». – «Тогда вам следовало не давать согласия на указ в целом. Помимо этого вы должны были проин-

формировать общественность, что с вами обсуждался такой-то документ. Насколько я знаю, этого не произошло».

В завершение разговора Гамсахурдиа спросил, не могу ли я забрать обратно свое заявление об уходе в отставку и остаться министром иностранных дел Советского Союза. «На этом посту вы могли бы приносить пользу Грузии». – «Это невозможно, – ответил я. – Вы должны меня понять: я не могу взять обратно свое слово».

Некоторое время спустя Верховный Совет СССР потребовал от Горбачева подписать указ о введении в Цхинвале чрезвычайного положения. Я объяснил ему, что за этим должно последовать, и убедил ничего не подписывать. Но конфликт разрастался. Тысячи беженцев покидали цветущий край, превращенный политиками в поле битвы.

Гамсахурдиа вторично выразил желание поговорить со мной по телефону 6 апреля 1991 года, в субботу. Я давно уже был не у дел и больше не имел контакта с Горбачевым. Когда я поднял трубку и услышал голос Гамсахурдиа, мне показалось, что под действием его эмоций трубка раскаляется. Насколько я мог понять его крики, он хотел, чтобы я добился аннулирования того самого указа, который предусматривал ввод Советской армии в Грузию.

«Батоно Звиад! – Мне с трудом удалось вклиниться и взять слово. – Зачем вы звоните мне? Позвоните же Горбачеву! Я всего лишь пенсионер, я больше не имею отношения к каким бы то ни было высшим должностным лицам этого государства и ни на что не могу повлиять». – «Тогда выступите хотя бы с обращением к мировой общественности!» – «Чтобы отмывать вашу политику, которую я категорически отвергаю, и взять на себя ответственность за ваши действия?» – «Вы настроили против меня Бейкера и других иностранцев! В апреле 1989 года вы явились в Тбилиси, чтобы спа-

сти Горбачева! А когда в Лидзаве подожгли дом Гамсахурдиа, вы и пальцем не пошевелили!» – «Дайте же мне сказать!» – «Вы так много сделали для этого государства, а вас вон вышвырнули!» – «И все-таки все, что я сделал, пойдет на пользу нашему народу!» – «Если вы не добьетесь вывода войск из Грузии, то навсегда потеряете Грузию и ее народ! Мне будет трудно этому противостоять! До сих пор я сдерживал людей, но с этого момента больше не буду! Мы вышибем отсюда всех ваших близких!» – «Вы в доме хозяин, Звиад. Но знайте, что ни вы, и никто иной не сможет помешать моему возвращению на Родину».

* * *

Когда Гамсахурдиа пришел к власти в Грузии, я послал ему поздравительную телеграмму. Мне были известны о нем такие факты, которые могли бы удержать меня от этого жеста. Тем не менее я это сделал, потому что поздравление относилось не только к Гамсахурдиа, но и к народу, который впервые после 1921 года смог свободно выразить свою волю. «Народ должен сам разобраться: сделал он правильный выбор или нет», – думал я тогда. Не имело смысла говорить людям: «Вы совершили ошибку».

Что бы ни утверждала по моему поводу звиадистская пропаганда, я никогда не выступал против своего народа. Да, я не всегда был согласен с ним, но «агент Кремля номер один» никогда не игнорировал интересов грузин. Гамсахурдиа составил целый реестр обвинений против меня. Если бы я тогда с ним схлестнулся, мне не составило бы никакого труда доказать несостоятельность всей этой лжи. Но хуже всего тот факт, что он использовал эту ложь, чтобы манипулировать сознанием обманутых и отчаявшихся соотечественников.

15 декабря 1991 года, когда конфронтация в Тбилиси достигла наивысшей точки, он прислал ко мне в Моск-

ву группу грузинских беженцев из Цхинвала. В ходе конфликта многие из них потеряли родных, могилы предков. Кого им следовало в этом винить, если не того, кто натравил друг на друга грузинский и осетинский народы? Но нет. Им внушили, что во всем виноват я. И они пришли ко мне с длинным списком моих грехов, который им дал Гамсахурдиа. Беседуя с ними, я беседовал со своим народом.

Я знал, какой горькой ошибкой, каким непростительным и преступным было решение начать войну в Южной Осетии. Позже, вернувшись в Грузию, я принес свои извинения осетинам. Я думаю, что и осетины должны извиниться перед грузинами – потому что они спровоцировали эту войну. Пусть каждый признает свои ошибки.

В Москве, на переговорах и в частных беседах, мои партнеры часто спрашивали, что я думаю о Гамсахурдиа. Каждый из них может подтвердить, что я всегда отвечал одно: я уважаю выбор своего народа.

Лишь после 2 сентября 1991 года, когда с применением силы была разогнана мирная демонстрация в Тбилиси и пролилась кровь, когда арестовали лидеров оппозиции, когда правительство начало публиковать проскрипционные списки «предателей нации» (6 сентября мое имя стояло во главе этого списка), когда провинцию принялись натравливать на центр, деревенских жителей – на городских, рабочих и крестьян – на интеллигенцию, когда, скажем прямо, уже стало ясно, что грузинский президент, бывший борец за свободу, установил национал-фашистский режим, только тогда я позволил себе в телевизионном интервью сказать, что именно этого я и опасался.

Допускаю, меня можно упрекнуть – и такие упреки имели место – за то, что я не сказал об этом раньше. Некоторые делают далеко идущие выводы: дескать, Шеварднадзе молчал потому, что он знал, чем все это

закончится. Больше того: он, мол, позволил событиям развиваться в выгодном для него направлении. Все это замечательно сочетается с высказываниями Гамсахурдиа о том, что в Москве существовал некий антигрузинский штаб под моим руководством, о пресловутой «руке Москвы», которая свергла его с президентского кресла.

Боже мой, думаю я иной раз, что стоило бывшему президенту просто взять и опубликовать сведения, которыми он, по его словам, располагал? Предъявил бы хоть один-единственный факт, хотя бы одно доказательство, подтверждающее мою причастность к тому, что его политика потерпела крах – им же самым спровоцированный! Он отлично знал, что в Москве ко мне приходили самые разные люди – конечно, среди них были не только мои друзья, но и люди из его окружения, просившие оказать ему поддержку. И я им всем отвечал, что на мою поддержку можно рассчитывать лишь при одном условии: если политика Гамсахурдиа будет соответствовать нормам ответственного и цивилизованного управления государством. К сожалению, его политика была иной.

Несмотря на это, поддержка с моей стороны оказывалась. Я поддерживал не Гамсахурдиа, а свой народ. Всеми силами я старался защитить республики – и Грузию в том числе – от разрушительных последствий крушения Советского Союза. Но для этого было необходимо сотрудничать и придерживаться договоренностей. Новое руководство Грузии не имело такого желания. Печально было видеть, как люди с мистической страстью толкали страну к разрушению. При таких обстоятельствах не имело смысла обращаться к их разуму. Тому, кто приводит разумные доводы, в подобной ситуации просто не верят, а позже его наверняка обвинят в том, что он только мутит воду и содействовал эскалации конфликта.

«Если Гамсахурдиа придет к власти, я буду вынужден выступать против своего народа», – сказал Мераб Мамардашвили, мой соотечественник, великий мыслитель, ученый. И он мог позволить себе говорить такое: он философ, но не политик. Для философа открывать истину – не просто профессиональный долг, но и смысл существования. Он должен быть готов ради истины отдать жизнь. Мамардашвили именно это и сделал. Его здоровье к тому времени было уже подорвано, и он не смог выдержать сверхчеловеческого напряжения от необходимости противостоять своему собственному народу – точнее говоря, самой радикальной части народа. В ноябре 1990 года он летел из Парижа через Москву в Тбилиси, где Гамсахурдиа со своими сторонниками праздновал победу. Парализованный в результате сердечного приступа, Мераб Мамардашвили лежал в зале ожидания московского аэропорта и, наверно, гораздо сильнее, чем от сердечных болей, страдал от враждебности лиц и взглядов земляков. Эти люди поклонялись своему идолу, а Мамардашвили был его антиподом, человеком, который отважился бросить им перчатку с такими вызывающими словами: «Истина – превыше нации!» Он так и умер там, в аэропорту, окруженный ненавистью своих соплеменников, со своей истиной, которая никому, кроме него, нужна не была.

Я не философ и не готов умирать за свои идеи. Политик должен жить, чтобы иметь возможность претворять свои идеи в жизнь. По моему пониманию, политик обязан вновь и вновь – куда чаще, чем способен заметить чей-то незаинтересованный взгляд, – восставать из пепла, «воскресать после смерти», чтобы жить дальше – ради своих идей, в которые он глубоко уверовал. В чем состоит моя идея? От деклараций, громких заявлений я воздержусь. Вместо меня пусть скажет мой далекий друг.

«Раньше, беседуя с вами, я часто спрашивал о Грузии, о пути, по которому решила двигаться ваша стра-

на. В ваших немногословных ответах я не мог не почувствовать скрытую боль. Сейчас наступил момент, когда ваша ответственность в отношении этой страны многократно возрастает. Если страна зовет, нельзя ответить отказом».

Так сказал мне Ганс-Дитрих Геншер, министр иностранных дел Федеративной Республики Германии. Этот разговор происходил 21 февраля 1992 года в Вене, в немецком посольстве – за две недели до моего возвращения в Грузию.

Геншер был не единственным, с кем я тогда обсуждал свое решение. Моими собеседниками в те дни были Борис Ельцин, Нурсултан Назарбаев, Левон Тер-Петросян, Джеймс Бейкер, Ясухиро Накасонэ, Генри Киссинджер, Жак Ширак, Роберт Страусс и коллеги по Движению демократических реформ. Во избежание возможных обвинений со стороны моих соотечественников-патриотов в том, что я, дескать, не поинтересовался общественным мнением Грузии, считаю должным упомянуть, что мое решение о возвращении в Грузию было принято в первую очередь под мощным давлением со стороны грузинского общественного мнения. Меня посещали земляки (Отар Литанишвили, Рамаз Чхиквадзе, Ираклий Батиашвили и другие), среди них были и «предатели» – бывшие союзники Гамсахурдиа, – и те, кто вчера еще клеймил меня на митингах и демонстрациях. Почта из Грузии, весьма скудная еще в предыдущем месяце и состоявшая главным образом из оскорбительных тирад, стала внезапно обширной и содержала петиции, призывы, воззвания, требования и просьбы.

Я нуждался в политической и моральной поддержке со стороны своих друзей – и получил ее. Явный и недвусмысленный мандат от народа был необходим – и он тоже не заставил себя ждать. Опросы в Грузии также принесли для меня завидные благоприятные результаты. И все-таки я беспокоился.

Один американский писатель сказал, что в связи с моим возвращением в Грузию ему приходит на ум аналогия с возвращением к власти Шарля де Голля. Я поблагодарил его и заметил: «Да, французская история знает много случаев с возвращениями. Например, возвращение Наполеона...» – «Которое закончилось островом Святой Елены», – тут же дополнил фразу один из моих ассистентов, известный своим острым языком.

Но писатель, явившийся в Ассоциацию по внешней политике с предложением о совместном издании газеты, не хотел заканчивать разговор на печальной ноте. «Если бы генерал Жерар не пошел в обход, то Наполеон выиграл бы Ватерлоо», – сказал он. «Вы, наверно, хотели сказать: если бы маршал Груши пришел вовремя...», – не преминул заметить мой «деликатный» ассистент. «Так или иначе, от судьбы не уйдешь, – заключил я. – Моя судьба – Грузия, и если там меня ждет участь Наполеона, это станет тяжелым ударом для вашей газеты. Так будем же надеяться, что этого не случится».

Мой выбор был правильным, но на этом пути ожидалось так много тупиков и ловушек, что другой на моем месте ни за что не рискнул бы сделать шаг в этом направлении. Ни один трезвомыслящий человек, руководствуясь законами политики – а она есть искусство возможного, – не взвалил бы на себя такую тяжкую миссию. Я понимал, что миссия – в краткие сроки и без осложнений – невыполнима. Никто лучше меня не знал, что на этот раз риск очень высок. Можно было потерять все, включая собственную жизнь. «Почему я сделал такой выбор?» – спрашивал я себя и отвечал себе: «Я возвращаюсь, потому что не могу иначе». Это был ответ не политика, а человека, который любит свою Родину.

Я отчетливо помню полет: командир Серго Гахокидзе и его экипаж вели самолет твердой рукой, журналисты занимались своими делами, стюардессы готовили еду – грузинский хлеб, сыр сулугуни, травы, свежие огурцы и помидоры. И вдруг кто-то ставит на стол бу-

тылку вина и спрашивает: «Вы позволите выпить за ваше возвращение?» – «Почему бы и нет?»

Сегодня, когда прошло много лет и пророчество, высказанное американским писателем, для меня почти полностью сбылось, я говорю: мое решение вернуться было правильным, потому что своим возвращением я спас свою Родину от развала, от голода и других несчастий. Свой долг я выполнил – более или менее хорошо. Пусть новое поколение выполняет свой долг. Я очень хочу верить, что новому поколению это удастся лучше.

* * *

Жесткое приземление при посадке я воспринял так, словно моя страна физически прикоснулась ко мне. Через стекло иллюминатора виднелось множество людей, бегущих к нашему самолету.

За несколько дней до моего вылета из Москвы один из будущих коллег в интервью сказал: «Визит Шеварднадзе станет просто визитом частного лица». На просьбу московского журналиста прокомментировать эти слова я ответил: «Я думаю, Грузия не нуждается в визите частного лица». В чем она нуждалась, можно было с легкостью прочесть в глазах собравшихся людей. Нельзя было их разочаровать. Я невольно задавался вопросом: «Хватит ли у меня сил и способностей, чтобы соответствовать их ожиданиям?»

Один юный сотрудник запрещенной при Гамсахурдиа газеты прямо в аэропорту придумает такой заголовок для своей будущей публикации: «Hallo Shewi!» («Шеви» – так обычно на Западе сокращали мою фамилию.) Публикация содержит менее двадцати строк:

«Мне тяжело говорить», – таковы были первые слова Эдуарда Шеварднадзе, произнесенные им по возвращении в родную страну. Затем, однако, когда эмоции улеглись и говорить ему стало легче, он сказал довольно странную фразу: «Я сделал самый рискованный шаг в своей жизни». Хитрый лис Шеви всегда был гением

победоносных шахматных ходов в политике. Во всяком случае таково общее мнение о нем. Семь лет назад из Тбилиси в Москву улетел первый секретарь ЦК коммунистической партии Грузии товарищ Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. Сегодня в Грузию возвратился господин, к которому хочется обращаться “Мистер Шеварднадзе!” В своей политической карьере он всегда занимал высокие посты, но над ним всегда был как минимум один босс, так что, при всем своем свободомыслии, он всегда в своих действиях оказывался более или менее ограничен. Сегодня он не занимает никакого поста, и над ним никого нет. “Вы это выдержите, мистер Шеварднадзе?”»

Вопрос был не прост, и ответа у меня не было. Но я знал, что стану работать изо всех сил и не пощажу ни себя, ни свою команду. Впрочем, команды у меня тоже пока не имелось – лишь два ассистента, которые вместе со мной ушли в отставку и вместе со мной пустились в этот опасный путь. Я не состоял на официальной работе, не имел ни определенного положения, ни легальных оснований, чтобы начать действовать. Я явился с портфельчиком в руках, в то время как у одного члена Военного совета была вооруженная армия под названием «Мхедриони» («Всадники»), у другого – вооруженная гвардия, у третьего – в подчинении весь государственный аппарат.

Было необходимо как можно скорее провести выборы и известить людей о начале демократического курса, за который мы выступали. Без этого мы не могли вырваться из изоляции и добиться признания независимости Грузии. (До сих пор нашу независимость признавала только Украина.) Мы должны были остановить кровопролитие в Цхинвале и вялотекущий конфликт в Абхазии. Возродить производство и начать экономическую реформу. Для этого требовался целый пакет законов, а чтобы принять законы, нужен легитимный орган законодательной власти.

У самолета меня встречали Тенгиз Китовани и Джаба Иоселиани – члены Военного совета, образованного после падения Гамсахурдиа. Один был художником по керамике, другой – профессором театрального вуза. Первый – из некогда близкого окружения президента и глава Национальной гвардии, другой же, напротив, являлся непримиримым противником Гамсахурдиа, и ему на собственной шкуре довелось испытать, что означает репрессивный характер президентской власти.

Созданный Иоселиани спасательный корпус «Мхедриони» действовал в Иране и в Армении после произошедшего там землетрясения. Через некоторое время в Цхинвальском регионе эти люди встали стеной между двумя группами стреляющих друг в друга «бойцовых петухов». В них и в их предводителях Гамсахурдиа видел опасность непосредственно для себя, поэтому он объявил Иоселиани и весь корпус «Мхедриони» вне закона. Более того: он уничтожил с помощью размещенных в Тбилиси частей Советской армии базу «Мхедриони» на горе Шавнабада под Тбилиси, взял Иоселиани под арест, а его ближайших соратников отправил в тюрьму КГБ. Этим поступком Гамсахурдиа сильно испортил собственную репутацию. Во время «войны» на проспекте Руставели гвардейцы Китовани освободили предводителя «Мхедриони» и его людей. Освобожденные немедленно присоединились к тем, кто атаковал Дом правительства.

Иоселиани и Китовани имели непростые отношения с законом. Кроме этого, у них были непростые отношения со мной. Они, как и Тенгиз Сигуа, третий член Военного совета, поначалу были против моего возвращения. Но, оказавшись под сильным давлением со стороны интеллигенции, в конце концов были вынуждены уступить. Для такого решения им потребовалось немало времени. Первым решился Джаба Иоселиани и уговорил остальных. Однако если бы меня не попросило

большинство лидеров различных политических партий, если бы беспартийные граждане не обратились ко мне с той же просьбой, если бы не возникла реальная угроза гражданской войны, я бы не принял их предложения.

«Шеварднадзе не может по-настоящему оценить окружение, с которым ему придется работать», – написали в одной газете. Многие утверждали, что Совет нуждался во мне, чтобы приобрести более респектабельный вид. Возможно, так оно и было. Но для меня имело значение совсем другое окружение: люди, пришедшие в аэропорт, чтобы пожать мне руку и заверить в своей поддержке.

Я действительно был не в силах говорить. В горле стоял ком. Но потом я преодолел волнение и что-то сказал. Мне не пришлось подыскивать нужные слова, они сами меня нашли.

Через час я входил в кафедральный собор Сиони. «Как вы себя чувствуете после посещения церкви?» Вопрос был ироническим, и я его слышал с разных сторон. Что отвечать? В тот день в церковь пошел не политик, а человек, который в этой стране сильнее всего нуждался в духовной поддержке. И я нашел такую поддержку в беседе с Илией II, Католикосом-Патриархом всея Грузии.

Впоследствии он сам ответил любителям поиронизировать чудесными словами: «Я думаю, пост министра иностранных дел Советского Союза сыграл важную роль в жизни Эдуарда Шеварднадзе. Это было сопряжено с высочайшей и тяжелейшей ответственностью. Люди, исполняющие такие обязанности, часто попадают в ситуации, когда они чувствуют, что никто не может помочь – кроме Бога. Из России батоно Эдуард вернулся человеком, который не скрывает своей веры. По возвращении он первым делом пришел в кафедральный собор Сиони. Об этом он ни с кем не договаривался. Это было его спонтанное желание. Велик и исполнен чудес Божий промысел. Жизнь Эдуарда-Георгия есть тому явное доказательство. На него была возложена высокая миссия, и он устоял перед многими опасностями. Тот, кто возло-

жил на него сей тяжкий крест, непременно поможет ему нести свой крест и дальше. Главное, чтобы связь между личностью и Богом не обрывалась, чтобы личная воля не противилась Божьей воле. Только тогда все достигнутое будет угодно и Богу, и людям».

* * *

В те дни я побывал на крупнейшем тбилисском рынке. Я хотел своими глазами увидеть, что люди покупают, чем они кормятся. Увиденное ошеломило меня: на базаре не нашлось ни единого продукта, произведенного на грузинской земле – ни картофеля, ни капусты, ни яиц, ни мяса. Сплошь – импортный товар из Турции. Люди не работали, сельское хозяйство пребывало в разрухе. «Крестьяне вновь обратятся к земле, только если мы сделаем землю их собственностью», – подумал я. И впоследствии мы это сделали. Земельная реформа была проведена успешно.

1,2 миллиона семей – среди них и многие горожане – получили участки земли в собственность. В результате сегодняшний грузинский рынок полон сельскохозяйственной продукции, выращенной на полях Грузии. Промышленность тоже начала оживать. Снова действует железная дорога, возникла банковская система как основа рыночной экономики, закладываются новые предприятия и создаются новые рабочие места. Институт изотопов сохранил свой потенциал и может предлагать высокотехнологичную продукцию. Самолетостроение, виноделие и розлив минеральных вод были восстановлены, возобновилось производство сахара и консервов. Запущено производство кока-колы, открылись цементные заводы. Чрезвычайно оживилась строительная отрасль. Страна пришла в движение.

Джек Мэтлок, бывший посол США в Советском Союзе, писал об этом периоде:

«В результате отчасти восстановленного правопорядка и при выстраивании реформированного парла-

мента началось оживление разрушенной экономики. Правительство добилось снижения огромного дефицита бюджета (в 1994 году он составлял около половины валового внутреннего продукта), и в конце 1995 года, с помощью Международного валютного фонда, была введена новая денежная единица – лари. С тех пор национальная валюта сохраняет свою стоимость, а продавцы в Тбилиси больше не требуют доллары. Это в значительной мере способствовало как развитию торговли, так и инвестициям.

Новая Конституция Грузии установила баланс между президентско-исполнительной и законодательной ветвями власти, что является редкостью в бывших советских республиках. Во второй половине 1997 года грузинский парламент начал работу над законопроектом, подготавливающим судебную реформу и правовую защиту частной собственности и торговли. Председателями двух парламентских комитетов стали люди, которые не отягощены советским наследием, что сделалось обычным явлением в большинстве парламентов бывших советских республик, здесь это – двое выпускников Колумбийского университета.

Один из них, Саакашвили, сообщил нам, что Шеварднадзе никогда не пытался руководить парламентом или вмешиваться в детали, связанные с деятельностью правительства. “Он выдвигает предложения, но дает нам возможность решать самим”. Однако несмотря на это здесь бушует коррупция, и чиновники позволяют себя подкупить тому, кто желает получить госзаказ или лицензию или хотел бы освободиться от уплаты налогов. Безработица по-прежнему высока. Бросается в глаза вопиющая бедность, особенно среди беженцев из Абхазии. Будущее экономическое развитие по большей части связано с нефтепроводом между Каспийским и Черным морями, а также с другими транспортными возможностями, призванными дополнить и, в случае необходимости, заменить

транспортные пути, идущие через Россию. Имеются серьезные проблемы, включая те, что возникли на первом этапе приватизации. В результате бюджетных сокращений и в связи с недостатком горючего и электроэнергии мощный удар нанесен по системе образования. Судьи не блещут квалификацией и отнюдь не отличаются независимостью. Полиция практически представляет собой пережиток советского прошлого, и сообщения о нарушениях прав, вероятно, отражают действительное положение дел. Тем не менее вполне очевидно, что в Грузии 1997 года имеются две предпосылки для достижения прогресса, которые два года назад еще не наблюдались: политическая стабильность и нарастающая уверенность в собственных силах»¹.

Когда в 2003 году я уходил в отставку, разрушенный Тбилиси был уже восстановлен, стремление Грузии принять участие в европейском интеграционном процессе стало свершившимся политическим фактом, и при помощи США был заложен твердый фундамент для формирования грузинской армии по стандартам НАТО. Армия все это время успешно участвовала в международных программах.

Строительство нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан шло полным ходом. Постепенно реализовывалась и идея «шелкового пути». Как еще одно многообещающее и успешно начатое дело стоит упомянуть восстановление дороги, отвечающей международным стандартам, которая должна связать западногрузинский город-порт Потти с «Красным мостом» на грузино-азербайджанской границе. Таким образом, Грузия на тот момент уже исполняла определенные международные функции: политическую, экономическую и стратегическую.

¹ *Matlock J. Autopsy on an Empire. The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union. New York, 1997. P. 431.*

Вопреки экономическим нуждам Грузия в 2003 году обладала независимым парламентом и независимой реформированной судебной системой, свободной прессой и довольно широкой сетью неправительственных организаций. Страна была на пути к своей цели: построению демократического государства и гражданского общества. Достаточно вспомнить об успешной школьной реформе и о реформах в области здравоохранения, как и о многом другом, о чем, как мне кажется, сейчас стали забывать. Я не знаю ни одной сферы жизни, которую не затронул процесс обновления.

ГЛАВА IX

СТО ДНЕЙ
ОДИНОЧЕСТВА

«**В**илла в горах» – такими словами назвал один зарубежный журналист мое новое жилище. С марта 1992 года все, что имело хоть какое-то отношение к описанию моих бытовых условий, приобретало характер гиперболы. Так что «вилла в горах» по сравнению с другими журналистскими находками – просто святая невинность.

Я поселился в правительственном гостевом доме в Крцаниси, юго-восточном пригороде грузинской столицы, расположенном у подножья вулкана Телети.

Эта гора вызывала постоянную озабоченность у персонала охраны. Дом, где я жил, представлял собой идеальную цель для снайпера, которому ничего не стоило замаскироваться в колючих кустарниках на склоне горы. Мои телохранители без устали внушали мне, что гора предоставляет наилучшие возможности, чтобы установить миномет и одним метким выстрелом превратить дом в кучу развалин. Они все более настойчиво просили меня перенести кабинет в спальню или же, что, разумеется, было бы еще лучше, совсем уехать отсюда.

Крцаниси – своего рода грузинские Фермопилы. Здесь в сентябре 1795 года происходила битва между вольными грузинскими всадниками царя Ираклия II и армией персидского шаха Ага Мохаммед-хана. Персы

имели огромное численное превосходство над грузинами. Чтобы спасти армию, Ираклий решил увести ее к предгорьям Кавказа, он приказал всадникам встать у реки Арагви и защищать арьергард. Всадников было триста человек. Они все полегли в битве при Крцаниси – это один из примеров самопожертвования, которых немало в истории Грузии.

В то время никто не назвал бы меня одиноким. Напротив, меня чуть не накрыла лавина посетителей. Избежать этого не было никакой возможности. Естественно, я имел право выбора, но, просматривая список посетителей, не мог никому ответить отказом. И пусть это прозвучит патетически – устами моих посетителей сама Грузия говорила со мной. Это были лидеры партий и политических группировок – среди них и те люди, которые еще недавно являлись приверженцами Гамсахурдиа и моими противниками. Ко мне приходили писатели, люди искусства, чиновники новой и старой администрации, ученые, рабочие, грузинские, российские и западные журналисты, беженцы из зоны грузино-осетинского конфликта и жители Западной Грузии, обеспокоенные возможной эскалацией насилия в их родных краях. Они рассказывали о своих проблемах, задавали вопросы, делились мыслями и идеями, выдвигали претензии и предложения. В общем и целом – бесконечный ряд признаний и исповедей, крутившихся вокруг темы «спасение Грузии».

Признаюсь, для меня это означало сильную головную боль. «Хватит ли у меня сил, чтобы принять на себя весь этот груз надежд и ожиданий?» – с беспокойством спрашивал я себя, оказавшись на Центральном рынке Тбилиси в окружении толпы людей, называвших меня не иначе как «своей надеждой». Некоторые из них, особенно пожилые женщины, просили позаботиться о том, чтобы были обеспечены самые элементарные нужды: «Дайте детям молока!», «Хлеба пенсионерам!», «Защитите нас от грабителей!» Тяжко вспом-

нить, как некоторые падали передо мной на колени или порывались целовать мою руку.

Случались такие разговоры, от которых на душе становилось тепло и радостно. А иногда приходилось слышать обидные, больно ранящие слова и проклятия. Бывало и такое: люди, которых я прежде причислял к своим верным и надежным друзьям, теперь держались со мной холодно и отстраненно.

Первые дни после возвращения в Грузию вновь и вновь встают перед моими глазами. Да, то были дни моего обновления, второго рождения! И я снова вижу перед собой земляков, с их категорическим требованием: «Ты должен нам помочь, ты должен и обязан!» Люди, просившие меня о помощи и защите, конечно, не знали, как сильно я сам нуждался в их помощи и поддержке.

В горном селении под названием Череме одна женщина сказала, что я ясновидящий. И когда она объяснила, что имеет в виду, я был счастлив. Давным-давно, в пятидесятые годы, это селение объявили бесперспективным. Его жители должны были быстро собрать свои вещи и переехать в долину – таким было партийное решение. И в один далеко не прекрасный день жителей Череме собрали на сельской площади, рассадили по грузовикам и отвезли вниз, в долину.

Я всегда придерживался мнения, что экономика Грузии, и прежде всего ее сельское хозяйство, не может развиваться без развития высокогорья. В семидесятые годы мы начали строить дороги, культурные объекты и мачтовые антенны в горах. Мы предоставляли большие кредиты тем, кто захочет вернуться в свои покинутые дома в горных селеньях, настоятельно советуя людям решаться на такой шаг. Так вот, по словам этой женщины, я тогда сказал тем, кто сам вырос в Череме или чьи родители там выросли: «В местах, где жили ваши предки, великолепная земля. Это большое богатство. Земля даст вам радость. Возвращайтесь в свои дома, к своим корням».

И вот эта женщина напомнила мне тот давний разговор. Судя по тому, с какой уверенностью она говорила – причем ее родные и соседи согласно кивали и подтверждали ее правоту одобрительными возгласами, – тогдашнее наше решение, несомненно, было правильным. А какие большие и роскошные дома стоят теперь в Череди!..

Несколько иначе – в приказном тоне – звучали слова, услышанные мною в одной из долин Кахетии, в восточногрузинском селе Напареули: «Хватит тебе болтаться туда-сюда. Пора уже снова позаботиться о своей Родине. Начинай, а мы тебе в этом поможем!»

Но имелись и другие примеры. Актный зал в Тбилисском университете, рядом с сочувствующими, доброжелательными глазами, с выражением поддержки на лицах видны и совсем другие лица – смотрящие с недоверием, враждебностью и насмешкой. Выкрики со студенческого балкона: «Ну, каково самочувствие – в окружении «воров в законе»? Вы говорили, что располагаете всем необходимым, чтобы строить независимую Грузию. Но это не так! У вас нет любви нашего народа!»

Атака была хорошо организована. Удары наносились в самые болезненные места. И били точно в цель. Когда я начал отвечать на вопросы, то снял, как обычно, часы и положил их на пульт. И, вероятно, в тот момент заговорил тише. Из зала тут же раздалось очень громкое замечание: «Будьте любезны говорить так, чтобы все могли это услышать!» – «Не волнуйтесь, я уже начинаю наглеть!» – ответил я. Послышался хохот, аплодисменты. Мне стало легче.

Ответив на все вопросы, я протянул руку за своими часами. Часов не было! Их успели «увести» в качестве сувенира. (Два дня спустя я получил их обратно.) Вероятно, кому-то очень хотелось потрепать мне нервы, так же как и таким, например, замечанием: «Вы до сих пор ни слова не сказали о ребятах, погибших в декабре и январе».

Это было не так. В день приезда я побывал на кладбище и возложил цветы на могилы погибших молодых людей, не спрашивая, кто на чьей стороне боролся. Я действительно не выступил с траурной речью, но это не значит, будто я промолчал – разве посещение могил не говорит само за себя?

Собственно, я и раньше, еще в советские годы, был частым гостем в университете и в Академии наук. Все услышанное там – и критика, и похвала – помогало находить взвешенные решения. И я рекомендую моим преемникам никогда не пренебрегать этой традицией.

Частенько у нас с соотечественниками происходил, если можно так выразиться, беззвучный диалог – мы общались без слов. И очень часто у меня ныло сердце от несправедливых, сфабрикованных, необдуманных или наглых обвинений, которые разили не хуже настоящих ударов. В такие моменты хотелось кричать – так, чтобы вся Грузия слышала: «Бог с вами, мои милые! Да прекратите же, вам это ничего не даст!» Нередко при этом мне удавалось погасить собственное возмущение и успокоиться, хватаясь за одну и ту же спасительную мысль: «Ты вернулся в Грузию не за славой и почестями, не затем, чтобы обогатиться, а чтобы исполнить свой долг».

Множество глаз наблюдало за мной, и должен признать, что я в самом деле представлял собой интересный объект для наблюдений. Одни смотрели на меня, чтобы успокоиться, приободриться, преисполниться надежды, чтобы все-таки убедиться: выход – есть. Другие искали в моем поведении подтверждения своим мыслям. Для некоторых я был просто объектом анализа.

Один журналист так комментировал факт моего возвращения: «Пришедшее к власти после свержения Гамсахурдиа военно-штатское правительство пригласило Эдуарда Шеварднадзе, чтобы несколько облагородить свой внешний вид и хотя бы отчасти легитимизировать себя. У этого правительства кроме негативизма нет собственных политических аргументов, а в качестве идео-

логии оно опирается на антизвиадизм. Этого никак не достаточно для серьезной политики. Отсутствие какой-либо серьезной программы и замедленный темп реформ, вполне возможно, опять завели бы Грузию в тупик. Появление Шеварднадзе на политической сцене Грузии воспринималось как возрождение политики».

Обычно за подобными рассуждениями следовал пассаж о рискованности моего решения вернуться, шли сравнения с Наполеоном, лордом Палмерстоном, Уинстоном Черчиллем, Индирой Ганди и другими «возвращенцами», что непременно заканчивалось безрадостным выводом о невозможности дважды войти в одну и ту же реку.

В общем и целом это были трезвые, доброжелательные наблюдения, и одновременно они были выдержаны в духе строгой непреклонности. Конечно, я не сердился, а только радовался стремлению некоторых наблюдателей рассматривать мое возвращение в контексте судьбы всей нации. Но иногда сами выводы, к которым эти авторы приходили, я воспринимал болезненно – независимо от того, был я с ними согласен или нет. Почему? Потому что речь шла о моем народе, а я был, есть и буду плоть от плоти его.

«Звиад Гамсахурдиа покинул страну, Эдуард Шеварднадзе в страну возвратился. Можно долго спорить – считать ли это прогрессом. Но вот что не допускает никаких споров: с исчезновением Гамсахурдиа в Грузии отнюдь не исчез звиадизм, а с возвращением Шеварднадзе не вернулось коммунистическое прошлое. Две эти персоны становятся для грузинского народа двумя полюсами»*.

Я не хотел становиться «полюсом». Но грузинская общественность в самом деле оказалась сильно поляризованной в политическом отношении. И это было хуже всего.

* Источник цитаты автором не указан.

Общество, где люди в зависимости от своих ориентиров фиксируются на одном из лидеров и с болезненным недоверием противостоят всем и всему остальному, беззащитно и хрупко – его очень легко разрушить. Так я, например, немедленно столкнулся со стеной недоверия, как только заговорил о своих намерениях в отношении СНГ. Тут же посыпались утверждения, что я таким образом хочу вновь привести Грузию в лоно России. Дело дошло до того, что участие Грузии в летних Олимпийских играх в составе сборной команды СНГ стали называть государственной изменой. Подобного рода взрывы национализма вновь и вновь вынуждали меня задумываться о корнях и странностях звиадизма. Мераб Мамардашвили после парламентских выборов в октябре 1990 года сказал, что звиадизм – это «чистый большевизм, с которого снята марксистская оболочка». Звиадизмом пропитались до мозга костей не только мои непримиримые оппоненты, но и кое-кто из моих весьма влиятельных «союзников». Нельзя было оставлять это без внимания, так же как не было и возможности, выражаясь словами Тенгиза Гудавы, бывшего соратника Звиада Гамсахурдиа, этот самый звиадизм «отменить декретом или подавить насилием».

На кого и на что я должен был опираться? «Удивительно, с какой быстротой бывший коммунистический партийный руководитель Грузии, а затем министр иностранных дел Советского Союза был принят не только грузинским народом, но и множеством политических партий и группировок в Тбилиси», – написал один зарубежный наблюдатель. К сожалению, все проходило далеко не так просто. Я был очень одинок.

10 марта 1992 года – через три дня после моего прибытия в Тбилиси – Военный совет сложил с себя полномочия. Это произошло на заседании Координационного и совещательного совета, основанного деятелями оппозиции. Надо было создать временный орган парламентского образца, который взял бы на себя управление

страной до проведения выборов. Само собой разумеется, обсуждалась и моя роль, моя сфера компетенций. Сигуа предложил два варианта на выбор. Первый вариант: образовать Государственный совет под руководством президиума, куда войдут бывшие члены Военного совета – Китовани, Иоселиани, Сигуа – и я в качестве председателя Государственного совета. Вторым вариантом отличался от первого тем, что я должен был действовать как «координатор» президиума. Разгорелась жаркая дискуссия. Кто должен выбирать «председателя Госсовета» или «координатора президиума»?.. И сам Государственный совет и его президиум?.. Я понял, что единственный вопрос, который волновал всех участников этого заседания – и бывших коммунистов, и радикальных националистов, – состоял в том, не получит ли председатель Государственного совета неограниченную власть? Или, если выразиться короче, не сможет ли он стать диктатором? Само это слово пока не прозвучало. Лишь Тамрико Чхеидзе, председатель Общества Ильи Чавчавадзе, высказала вслух то, о чем, вероятно, думали все остальные: «Мы боролись не против Звиада Гамсахурдиа, а против его притязаний стать единственным вершителем судеб Грузии. Наш народ пережил тяжелые времена, и теперь мы – те, кто должен помочь ему преодолеть эту тяжкую болезнь, – возьмем и скажем народу, что один звиадизм мы заменим другим».

Через несколько месяцев Тамрико Чхеидзе – резко, несправедливо и оскорбительно – произнесла вслух то слово, которого избегала в марте: «Если у Шеварднадзе возникнет такое желание, он без всяких проблем сможет стать диктатором». Не скрою, было обидно. Разве я когда-нибудь этого хотел?

И в те сложные дни, и впоследствии я пытался убедить коллег: «Нет, мои глубокоуважаемые, я не хочу и не могу становиться диктатором». Трагикомичность ситуации усиливали обстоятельства, при которых я отказывался от своей «диктатуры»: война в Абхазии, грузино-

осетинский конфликт, террористические акты на улицах и на железных дорогах, взрывы на линиях электропередачи, захваты заложников. Попытки стабилизировать положение оказались безуспешными, требовались более строгие меры, однако шок, вызванный пережитым «синдромом Звиада», вынуждал отказываться от всего, что хотя бы отдаленно напоминало об авторитарном режиме. Мне это было ясно, и я пытался развеять сомнения своих коллег. Так, например, первоначальный вариант законопроекта не предусматривал никаких возможностей для официальных действий, направленных против главного должностного лица. Соответствующий демократическим нормам пассаж был введен только потому, что на этом настоял я. Закон отводил главе государства широкие полномочия – настолько широкие, что главе государства не требовалось одобрения парламента относительно своих решений. Я в своей практике ни одного решения не принял без согласия парламента.

Но это все происходило позже. А в тот день мы только начинали совместную работу, и Тамрико Чхеидзе имела полное право говорить о своих сомнениях. Конечно, ей – в прошлом правозащитнице, которая за свои убеждения и свою деятельность несколько лет была вынуждена провести в лагерях, – нелегко было согласиться с тем, что на высший пост «новорожденного» государства избирается человек, которого она всегда связывала с ненавистным для нее режимом. Она не единственная, кто так думал. Несмотря на это, меня практически единогласно выбрали председателем Государственного совета Грузии.

Перед самым началом голосования ко мне поступил вопрос от Г.-Д. Геншера о политической ориентации Грузии. Я ответил: «В ближайшем будущем состоятся парламентские выборы на демократической основе. Легитимные правительственные органы уже созданы». И подписался: «Председатель Государственного совета Республики Грузии».

Стабильность и признание Грузии

«Я хотел бы сделать все, чтобы моя страна обрела бы-
лую мощь, чтобы она не зависела от чужой помощи и
была полностью самостоятельной при войне и мире.
Но если мы в том или другом случае, с ходом времен
или при неудачном повороте судьбы ослабеем настоль-
ко, что будем вынуждены стать чьими-то подданными,
то я счел бы наиболее разумным зависеть от тех, кто
умерен и справедлив и поддерживает дружбу со своими
союзниками».

Эти слова в шестом веке произнес грузин по имени
Партадз (он был из Западной Грузии, из лазов*) на соб-
рании знати, когда обсуждался вопрос о политической
ориентации страны. Но такие слова вполне могли быть
сказаны и в наши дни, и в конце восемнадцатого века,
когда Грузия была вынуждена завязать политические
отношения с Российской империей, которая тогда вер-
шила судьбы народов.

Как только истекли мои первые сто дней, в Тбилиси
по моей просьбе прибыли делегации от Международ-
ного банка и от Международного валютного фонда.
В беседах с их руководителями я вновь подтвердил
свое намерение как можно скорее провести демокра-
тические выборы. Мы были едины во мнении, что для
осуществления долгосрочной программы экономиче-
ского развития Грузии необходима политическая ста-
бильность. И в то же время, по моему мнению, приня-
тие Грузии во Всемирный банк и в Международный
валютный фонд стало бы важным фактором полити-
ческой стабилизации.

Из-за несбывшихся в прошлом надежд – когда стра-
на не была принята в качестве равноправного члена в
международные организации – грузины сделались
чрезвычайно чувствительными к делам такого рода.

* Лазы – один из этносов, населяющих Грузию.

Режим Гамсахурдиа безуспешно пытался наводить мосты в международной политике, а поскольку это не удалось, он стал выступать с нападками на «гнилой Запад», обвиняя западные страны в предательстве идеалов демократии. Естественно, он утверждал, что главным препятствием на пути Грузии к международному признанию являюсь я и мои друзья. Моим «друзьям» доставалось не меньше, чем мне. Так, например, президент Буш-старший, не причисливший Грузию к числу стран, которые могут рассчитывать на американскую поддержку, был вместе со мной заклеен как «агент Кремля».

Ведущие страны мира рассматривали международное признание Грузии и установление дипломатических отношений с ней как фактор политической стабильности. Я никого не просил признать независимую Грузию: подобная просьба от не вполне легитимного – даже от вовсе нелегитимного – главы государства (уж если называть вещи своими именами) была бы неслыханной бестактностью.

По сути, мир ожидал от нас ясного и недвусмысленного подтверждения того, что мы признаем Хельсинкскую декларацию, Парижскую хартию новой Европы и международные принципы прав человека, а также нашего заявления о том, что мы готовы провести демократические выборы. Мы это сделали незамедлительно. И сейчас же, то есть в первой половине марта, сначала Дуглас Херд* по поручению Джона Мейджора**, затем Ролан Дюма*** и другие министры иностранных дел европейских государств сигнализировали мне, что они начали процесс установления дипломатических отношений с Грузией.

* Министр иностранных дел Великобритании.

** Премьер-министр Великобритании.

*** Министр иностранных дел Франции.

Немецкий и российский министры иностранных дел в Тбилиси

23 марта 1992 года Португалия, председательствовавшая тогда в Европейском сообществе, сообщила, что Грузия признана странами – членами Сообщества. Этот значительный шаг поставил точку в истории с изоляцией Грузии на международной арене, изоляцией, к которой страну привел прежний режим.

12 апреля 1992 года в Тбилиси прибыл Ганс-Дитрих Геншер, министр иностранных дел и вице-канцлер Германии.

Со времен Дизраэли принято утверждать, что в политике не бывает друзей и нет никаких личных связей, а есть только политические интересы государств. Мы оба, Геншер и я, придерживались этого принципа и представляли интересы своих стран. В процессе этой труднейшей, я бы сказал филигранной, работы – особенно на стадии воссоединения Германии – мы стали поддерживать и неформальные отношения, которые помогали нашим государствам найти общий язык.

Разумеется, Геншер приехал в Грузию не только потому, что испытывал ко мне дружеские чувства. Геншер не был бы выдающимся дипломатом и политиком, если бы своему визиту в Грузию – не совсем обычному шагу – он не придавал особого политического значения.

В ходе визита при нашем незабываемом для меня разговоре Геншер сказал, что Грузия занимает свое собственное место в общей мозаике стран Европы и всего мира. Потеря маленького грузинского фрагмента этой мозаики привела бы к серьезным неприятностям для Европы и всего мира.

Мы с Геншером и прежде неоднократно анализировали ситуацию, возникшую в посткоммунистические времена. Особое внимание мы уделяли внутренним конфликтам: по нашему общему мнению, они представляли угрозу безопасности и миру в международных

масштабах. Геншер приводил в пример некоторые европейские страны, а также страны СНГ, комментировал происходящее исходя из тезиса о неприкосновенности границ. Я хорошо помню его слова: «При любых обстоятельствах границы должны оставаться неприкосновенными. Мы в Европе можем поддерживать длительный мир только благодаря неукоснительному соблюдению этого принципа. Нет такой границы, ради которой стоило бы рисковать жизнью человека или подвергать опасности жизнь целого народа».

Более поздние события – в Европе, СНГ и Грузии – подтвердили правильность его слов. «Эффект домино», развивающийся при любых попытках ревизии и переноса границ, – большое потрясение для мира. Это разрушает основы сосуществования народов, уничтожает людей и саму человечность.

Некоторые мои соотечественники обращались ко мне с вопросом: «Что грузин Шеварднадзе сделал для своего отечества, для Грузии, пока он в Москве занимал пост министра иностранных дел?» Раньше я не отвечал на этот вопрос. Но на сей раз я воспользовался присутствием Геншера и сказал: «Когда я всеми силами способствовал воссоединению великого немецкого народа, уничтожению Берлинской стены, самоопределению восточноевропейских стран и развитию демократии в Советском Союзе, я тем самым служил своему народу. Это и грузинский народ, совместно с другими народами, принес Европе и целому миру обновление, Германии – воссоединение, а Грузии – самостоятельность».

Моя страна слаба и беззащитна, она подвержена множеству влияний изнутри и снаружи. Поэтому каждая моя идея связана с созданием обстоятельств и использованием тех факторов, которые могли бы гарантировать нашей стране возможность устойчивого развития. Геополитическое положение маленькой страны вынуждает нас поддерживать баланс и изыскивать любые стабильные силы, необходимые для поддержания

равновесия. Ориентироваться только на одно направление – это слишком большая роскошь для небольшой страны. Поэтому я пытался выстраивать добрососедские отношения с Россией. Из этого почти ничего не получалось. Но не по моей вине.

В начале апреля 1992 года в Тбилиси прибыл Андрей Козырев – российский министр иностранных дел, которого я очень ценил. Стояли теплые весенние дни, город был наполнен весенним настроением и радостью. Но общий фон, на котором происходил политический визит Козырева, оставался серьезным. Министр не скупился на комплименты вроде таких: «Мы все – воспитанники школы Шеварднадзе». Но когда речь зашла об установлении дипломатических отношений, он предложил нам всего лишь открыть представительства и начать представлять интересы Грузии в России. В то время в России Верховный Совет готовился к обсуждению так называемого осетинского вопроса. Я попросил министра при обсуждении этого вопроса стараться избегать излишней эмоциональности, хотя мне было ясно, что эмоциональный тон определяла нестабильность самой России. «Несмотря ни на что, нам необходимо создать правовую основу для договора по новым отношениям между нашими странами, – сказал я Козыреву. – Мы должны начать подготовку большого российско-грузинского договора».

Впоследствии я упорно и целеустремленно добивался таких отношений с Россией, которые можно было бы регулировать с помощью соответствующего договора. В то же время мы не могли смотреть исключительно только в сторону России. Времена меняются, возникают новые ситуации. Мы живем бок о бок со своими историческими соседями, с Турцией и Ираном. Нам следовало и там искать либо заново создавать поле для совместной работы. Заполнить лакуны, возникшие из-за того, что история поступила с нами несправедливо. Мы должны были восстановить нор-

мальные взаимоотношения с Западом, с Европой и завязать контакты с США.

Я сказал Геншеру: «Всякий раз, когда Европа поворачивалась спиной к Грузии, это навлекло большое политическое несчастье на нашу страну. В 1460 году грузины просили папу римского создать антиосманскую коалицию западных и восточных стран под знаменем “Нового Крестового похода”. Из этой идеи ничего не вышло. Затем грузинская миссия просила помощи у французского короля Карла VII – и снова напрасно. В конце пятнадцатого века грузинские посланники прибыли ко двору Фердинанда и Изабеллы Кастильской в Испании – безрезультатно. В 1713 году Сулхан-Саба Орбелиани, воспитатель царя Вахтанга VI, был принят в Ватикане папой Клементом XI – и это опять не дало никаких результатов. Годом позже Сулхан-Саба Орбелиани получил аудиенцию Людовика XVI в Версале. И опять все напрасно: “король-солнце” не захотел ничего предпринять в поддержку Грузии».

Краткий – но плодотворный – период немецко-грузинских политических отношений достиг своего пика в 1918 году, когда Германия признала Грузию и был подготовлен договор между обеими странами. И России пришлось с этим считаться.

Но после поражения Германии проект договора канул в Лету. Победители – государства Антанты, – в свою очередь, принялись переделывать мир на свой лад. Они поддерживали Антона Деникина, чья Добровольческая армия воевала с большевиками, но одновременно они стремились подавить движение за независимость в Грузии. Антанта долго отказывалась признавать независимую Грузию. Из уважения к России версальские победители воспользовались правом вето, когда рассматривался вопрос о вступлении Грузии в Лигу Наций. Когда же на конференции крупнейших государств было наконец решено де-юре признать Грузию, колесо истории опять повернулось и начались большевистские аннексии.

«Сегодня, когда наша государственность опять восстановлена, мы верим, что Запад больше не отвернется от нас. Ваш визит – лучшее тому доказательство», – сказал я Геншеру.

Визит Геншера не ограничился протоколом. Одновременно с установлением дипломатических отношений с Германией (а в состав немецкой делегации был включен и назначенный послом в Грузию Гюнтер Дальхофф) Грузия получала солидную политическую и экономическую поддержку. Геншер сообщил нам, что Европейское сообщество (ЕС) в виде экстренной помощи выделило Грузии 300 000 долларов. Это стало первым звеном в последовавшей цепи бескорыстных акций поддержки.

Мы объявили, что парламентские выборы состоятся до конца текущего года. Несколько позже мы назвали точную дату выборов: 11 октября 1992 года. Не следует забывать, что в стране бушевала гражданская война.

В Грузию начала поступать гуманитарная помощь – преимущественно из Германии, США и Турции. Мое воззвание «По эту сторону стены» от 2 апреля 1992 года, которое напечатали многие газеты в разных странах, вызвало позитивный отклик. Еще до начала холодной и голодной зимы гуманитарная помощь давала нам гарантию выживания.

«В эти дни, – так обратился я к людям всего мира, – мне пришлось у себя на Родине, в бывшей советской республике Грузии, заглянуть в глаза безнадежности. Меня одолевало отчаяние – отчаяние матерей, которые оказались не в состоянии купить своим детям немного молока, отчаяние стариков, почувствовавших, что они всеми брошены и забыты. Но сильнее всего меня мучила печаль в детских глазах, уныние детей, которые привыкли к постоянному страху и нужде.

Встречая таких людей, я вспоминаю обо всем, что мы вместе с вами пытались делать и делали, чтобы сломать Берлинскую стену, воссоединить Германию, освободить Восточную Европу и создать единую Европу – ради того,

чтобы вашей жизни никогда больше не угрожала война. Я думаю о цене, которую народы бывшего Советского Союза – а среди них и мой народ – платят за это.

Подумайте об этом и вы и помогите нам в преодолении нашей беды. Помогите – ради счастливого будущего ваших собственных детей – народам, сбросившим иго тоталитаризма. Дайте же им немного тепла, поддержите их хотя бы чуть-чуть, иными словами: внесите и вы свою лепту в дело прогресса и процветания человечества!

Сегодня, когда празднует победу идея единства человечества, когда люди строят мир без границ и стен, я призываю вас сломать и последнюю стену – стену равнодушия. Не проводите границу между собой и нами, посмотрите по ту сторону разрушенной стены. Лишь когда вы в самом деле увидите все, что там происходит – политический вакуум, коллапс экономики, неуверенность и необеспеченность человеческого существования, – лишь тогда мы сумеем общими силами сделать первый шаг к лучшему будущему для всех народов».

Мир услышал призыв отчаяния. Мы больше не были одинокими.

23 апреля 1992 года США открыли в Грузии свое посольство. 24 апреля в Тбилиси прибыл посол Германии Гюнтер Дальхофф. Через два дня, 26 апреля, британский посол сэр Родрик Брейтвейт вручил мне свои верительные грамоты. Запад проявил великодушную готовность поддержать Грузию. Впрочем, не только Запад показал, что открыт для нас. Делегация иранского государства, посетившая Тбилиси 15 мая, привезла новую тему для переговоров: «персидский транзит». «Посредник в торговых отношениях между Европой и Азией» – так, кажется, было написано об Иране в одном старинном грузинском путеводителе.

21 мая 1992 года Турция установила дипломатические отношения с Грузией. Я получил приглашение в Стамбул (с 25 по 27 июня 1992 года) на встречу в верхах Совета по кооперации стран Черноморского бас-

сейна, где должны были участвовать Россия, Турция, Болгария, Греция, Азербайджан, Армения, Украина, Молдавия, Румыния и Албания.

Этот каскад официальных визитов, произошедших всего в течение нескольких недель в знак моральной, политической и экономической поддержки моей страны, а вместе с тем и выход Грузии на международную сцену – все это мобилизовало мои силы. Во мне крепла надежда: выход из кризиса есть, политическая стабилизация не является чем-то недостижимым, подъем экономики – дело не столь уж невероятное. Конечно, при оценке реального состояния дел, касавшихся внутреннего положения в стране, я не строил иллюзий, но внешнеполитические успехи давали прекрасную мотивацию для разрешения внутренних проблем.

Грузия на краю пропасти

9 мая 1992 года произошло восстание в западногрузинском городе Зугдиди. Размещенный там батальон Национальной гвардии перешел на сторону Комитета национального неповиновения, который был образован приверженцами бывшего президента Звиада Гамсахурдиа. Восставшие напали на милицейский пост и на небольшое по численности армейское подразделение. Они убили шестерых солдат, сожгли их тела, а тех, кто остался в живых, захватили. Командующий Национальной гвардией Китовани и заместитель министра обороны поспешили в Зугдиди, но также были захвачены повстанцами.

Я отправил в Зугдиди делегацию. Профессиональный инстинкт, выработавшийся у меня за последние годы, подсказывал, что надо искать выход в мирном диалоге. Переговоры в Зугдиди закончились освобождением заложников. Подписанное соглашение полностью исключало повторение подобных случаев в буду-

щем, однако уже через несколько дней случилось то, что свидетельствовало о полном пренебрежении к достигнутым договоренностям. В тот день подожгли Музей Константина Гамсахурдиа. Многие из того, что удалось спасти от огня, было украдено.

Хищный зверь ненависти и мести вырвался из клетки. Этот зверь ринулся по следу и указал на виновника случившегося – поджигателя, грабителя и насильника: на меня. Теперь я был виновен во всем, что происходило после 7 марта. Тот, кто поджег дом Гамсахурдиа, фактически отдал меня на растерзание моим противникам.

В конце апреля специальный контингент Российской армии покинул зону грузино-осетинского конфликта. Против этого нечего было бы возразить – мы сами настаивали на выводе российских войск, – если бы российское военное командование действовало по общепринятым нормам и правилам. К сожалению, нас даже не поставили в известность об этом решении. Войска были выведены тайно. Их позиции заняли осетинские боевики. Теперь боевикам принадлежали наилучшим образом оборудованные защитные сооружения, что дало им возможность расширить свои боевые действия против беззащитного грузинского населения.

Примерно в это же время Государственный совет Грузии принял два указа: один относительно отправки милицейских частей для защиты грузинского населения, второй – о назначении парламентских выборов на 11 октября 1992 года. «Выборы – в условиях нарастающей дестабилизации?» – задавали риторический вопрос мои оппоненты. Я же решил для себя: выборы должны состояться любой ценой.

Нестабильность в самом деле нарастала с каждым днем. В начале мая к двум горячим точкам – Шида-Картли (сегодняшняя Южная Осетия) и Мегрелия – добавилась Абхазия. Опасное напряжение возникло здесь еще раньше, но теперь деятельность некоторых абхазских руководящих лиц приобрела недвусмысленный се-

паратистский характер. В отношениях между Абхазией и Грузией возникла глубокая пропасть. Внешне это выглядело как типичный конфликт на этнической почве, но причины – как и в грузино-осетинском конфликте – следовало искать в другом.

Оба процесса управлялись извне. До нас каждый день доходили сообщения из Абхазии, однозначно указывавшие, что цель отдельных абхазских лидеров – отделение от Грузии. К этому прибавилась забастовка машинистов железнодорожных локомотивов. Их протест был оправдан, поскольку риск подвергнуться нападению на мегрельском или абхазском отрезке Южно-Кавказской железнодорожной линии был очень велик.

Я обещал водителям локомотивов, что мы обеспечим им военную охрану и повысим заработную плату. Железнодорожники согласились продолжить работу, хотя из-за взорванных мостов и поврежденных кое-где рельсовых путей приходилось мириться с большими опозданиями поездов.

Ситуация, в которой я оказался, все больше напоминала положение начальника пожарной команды, имеющего в своем распоряжении одну-единственную пожарную машину с экипажем – и это на весь город. В городе стоит жара, сильный ветер разносит пожары, а пожарная команда мечется от одного очага возгорания к другому, и пока люди тушат огонь в одном месте, в другом огонь вспыхивает снова.

В мае запылало Шида-Картли (Южная Осетия). После того как осетинские боевики получили свободу действий, они атаковали грузинские деревни в зоне конфликта. Обследование раненых позволило установить: причина большинства ранений – обстрелы с воздуха. Дело в том, что в районе Цхинвала размещался вертолетный полк российских военно-воздушных сил. В распоряжении осетинских боевиков имелись четыре вертолета, которые внешне не отличались от вертолетов российского полка. Грузинские деревни обстрелива-

лись с вертолетов. Однако Торез Кулумбегов*, лидер осетинских экстремистов, выдвинул в Верховном Совете в Москве обвинения против Грузии и потребовал принять Юго-Осетинскую автономную республику в состав Российской Федерации.

13 мая 1992 года, около полудня, проспект Руставели в Тбилиси перекрыли беженцы из зоны конфликта. Сотни людей втиснулись в здание Госсовета, они требовали встречи со мной. Вид этих людей – женщин, стариков и детей – потрясал до глубины души. Многие были одеты в какие-то случайные вещи, в которых они, вероятно, в спешке выбегали из дома.

«Если правительство не может нас защитить, тогда пусть нам хотя бы дадут оружие, и мы будем сами себя защищать».

«Ваша самозащита приведет лишь к еще большему кровопролитию. Мы можем идти только мирным путем».

Я пообещал людям, что немедленно вылечу в Цхинвал и, если там не удастся добиться прекращения огня, дам приказ об отправке гвардии в грузинские деревни.

В пригороде Цхинвала нас, меня и Джабу Иоселиани, который был моим заместителем в Государственном совете, встретил тамошний предводитель Торез Кулумбегов.

«Я категорически против того, чтобы вы вошли в город, – сказал Кулумбегов. – Мы не можем гарантировать вашу безопасность». – «Это моя проблема, – отвечал я». – «Тогда, пожалуйста, без охраны и без оружия. Если вас увидят с оружием, могут возникнуть непредсказуемые последствия».

Мы вошли в Цхинвал с двумя сотрудниками безопасности и без оружия. Город невозможно было узнать: он был разрушен, люди стали другими. Мы шли по разоренным улицам, а позади нас ехали грузовики с боеви-

* 10 октября 1990 года Торез Кулумбегов был избран председателем Верховного совета Южной Осетии.

ками. Нас вели по развалинам, которые могли возникнуть только в результате артиллерийских и ракетных обстрелов. Все мои мысли были об одном: как это можно остановить?

Какая-то женщина сказала мне: «Все должны понимать, что война не выбирает своих жертв, она бьет по всем без разбору – перед лицом войны все равны. Мы страдаем точно так же, как и грузинские матери».

Несколько часов спустя такие же слова мне пришлось услышать от грузинских женщин в деревне Тамарашени.

В Цхинвале мы договорились о прекращении огня с 14 мая 1992 года, с 12 часов дня. Переговоры шли на территории российского вертолетного полка. Все в регионе знали, где мы находились и о чем говорили друг с другом. Мы согласились прекратить стрельбу, восстановить почтовое и транспортное сообщение города с другими районами Грузии, подготовить правдивое, соответствующее истине оповещение и распространить его через средства массовой информации. Этот последний пункт был не менее важным, чем соглашение о прекращении огня.

Российская пресса со всеми подробностями рассказывала о потерях осетин, а грузин представляла так, как будто они не несут никаких потерь. «Журналисты такого сорта, делая упор на национальную принадлежность убитых, сами становятся убийцами. Они попирают справедливость, мораль и человеческое достоинство. Как будто осетины не являются гражданами нашего государства, и как будто грузины тоже не погибают! Медийная война, апеллирующая не к разуму, а к голосу крови, разжигает конфликт и лишает нас шансов его уладить», – сказал я.

Наша беседа была прервана ракетным обстрелом. Мои партнеры по переговорам обменялись скептическими взглядами.

«Ваши люди стараются, – сказал мне командир полка. – Это они стреляют по нам».

Так оно и было. В самом деле, стреляли с грузинской стороны. Кто-то из моих земляков решил таким образом выразить свое несогласие с моей политикой. Цхинвальское соглашение было нарушено через три дня.

Когда люди по обе стороны фронта так долго живут в атмосфере ненависти, вызванной смертью близких и потерей имущества и разжигаемой вышеописанными сообщениями прессы, экстремизм – в результате обостренной чувствительности человека в экстремальных условиях – охватывает всех. Достаточно щелчка «с другой стороны», чтобы в ответ грянул выстрел.

Мы ожидали наблюдателей от ОБСЕ, когда неизвестными лицами было совершено нападение на автобус с осетинскими беженцами*. Это было ужасно. Убийство мирных беженцев вблизи деревни Кехви пополнило длинный список террористических актов: поджог школ, подрывы мостов, взятие заложников, запугивание мирного населения. Это была война против собственного народа, и те, кто начал эту войну, действовали в одной связке с враждебной нам силой.

Убийцы нарушили перемирие, уничтожив плоды Цхинвальского соглашения. На следующий день прекратилась подача газа из России. Нам объяснили, что газовая блокада – дело рук соседней Северо-Осетинской автономной республики, которая принадлежит к Российской Федерации и по территории которой проходит газопровод в Грузию. Я, во всяком случае, знал, что руководство Северной Осетии не может принимать такие решения самостоятельно. Блокада Грузии, а заодно и Армении, расширила зону конфликта, в конфликт оказались втянутыми, а значит попали в беду, миллионы людей. Рука, перекрывшая газовый кран в Северной Осетии, помогла – намеренно или нет – той, другой ру-

* 20 мая 1992 года на Зарской дороге были в упор расстреляны беженцы, ехавшие из Цхинвала. Убито на месте 36 человек от 11 до 76 лет.

ке, которая в Западной Грузии производила манипуляции со взрывчаткой.

Венцом в этой цепи событий стал грозный окрик генерала Александра Руцкого, вице-президента России, некогда моего хорошего друга и одного из основателей нашего Движения демократических реформ. «Я подвергну Тбилиси бомбардировкам с воздуха», – пригрозил он мне. Его прошлое, его взгляды бывшего «афганца» и «хозяина бомбардировщиков» взяли верх над дружескими чувствами, над прежними политическими симпатиями и мудростью политика.

И это было еще не все. По данным спецслужб и разведки, на 26 мая 1992 года были запланированы вооруженные выступления приверженцев экс-президента Гамсахурдиа.

Американский друг

Как я уже упоминал, в то же время произошел прорыв на дипломатической арене. Можно сказать, что именно в эти дни он достиг пика: в Тбилиси прибыл Джеймс Бейкер, государственный секретарь Соединенных Штатов Америки. Это было 25 мая 1992 года, в день накануне нашего национального праздника по случаю восстановления грузинской государственности. Джеймс Бейкер и его команда прибыли из Лиссабона, где Бейкер принимал участие в конференции по вопросам поддержки бывших советских республик. Он сделал большой крюк, чтобы приехать в Тбилиси. Никто лучше меня не мог должным образом оценить этот жест в его политическом и чисто человеческом значении.

В аэропорту собралось множество людей. Джеймс Бейкер произнес короткую речь. «Мы привезли свою политическую поддержку руководству вашей страны. Мы глубоко убеждены в том, что Грузия пойдет по пути демократических изменений», – сказал он.

Выступая перед моими коллегами, Бейкер высказался более подробно: «Мы приехали, чтобы послать политический сигнал всем тем, кто хочет и может поддержать нашего друга Эдуарда Шеварднадзе в возведении новой Грузии. Ваше государство получило признание США не так быстро, как другие постсоветские государства. В свое время я объяснил вашему премьер-министру Сигуа, почему так произошло. Америка вот уже две-сти лет твердо стоит на защите принципов демократии и свободы, и для Америки вовсе не безразлично, как относятся к этим принципам в других странах. Тогда мы не были убеждены, что в Грузии будут следовать этим принципам. Теперь же, когда здесь находится Эдуард, мы в это верим. Мы будем оказывать Грузии широкую поддержку, если здесь будут соблюдаться нормы и правила, признанные во всем мире, и если будут проведены свободные выборы, что считается самым трудным испытанием для любой демократии».

Эти слова были адресованы не мне лично. Мы оба отлично знали, к кому обращается Бейкер и почему он так говорит. Как только мы оказались наедине, он спросил: «Ну, как дела?» Вместо ответа я сказал: «Вы приехали в самый нужный момент».

Да, Бейкер действительно знал, когда надо приехать. Я всегда высоко ценил его интуицию и мужество, но сейчас эти качества вызвали во мне настоящее восхищение. Для меня было чрезвычайно важно, что он появился в Тбилиси именно в это время: 26 мая 1992 года Грузия праздновала 74-ю годовщину восстановления государственности.

Был прекрасный день, каким он и должен быть – светлый, солнечный, ясный. Я хотел рассказать своему американскому другу, что означает этот день для нас, грузин. Я бы с большим удовольствием повторил свой рассказ и сейчас и сообщил бы читателю некоторые интересные факты, поскольку это, наверно, помогло бы точнее понять наше поведение, склонности и наш вы-

бор. Но все же, по всей вероятности, будет лучше, если я предоставлю слово другому рассказчику – по возможности, непредубежденному нейтральному человеку, и даже не грузину, а просто человеку, хорошо знающему Грузию. Таким человеком является, например, Роберт Парсонс, радиожурналист, сотрудник Би-би-си, некогда изучавший грузинский язык и историю Грузии:

«Маленькая страна Грузия, окруженная могущественными соседями, пережила бесконечное множество вторжений. После каждого поражения Грузия – словно Феникс – вновь возрождалась из собственного пепла... как поется в грузинской песне: “Что разрушила вражда, вновь любовь отстроит...” Эта песня называется “Мравалжамиер” и относится к так называемому полихрониону*. Это одна из тех в высшей степени эмоциональных песен, которые составляют репертуар грузинского многоголосья. Но для грузин “Мравалжамиер” больше, чем просто песня: это прославление их исторического существования».

Мы ехали по Тбилиси, мимо руин домов, разрушенных прошлой зимой. Когда в отдалении послышался шум, наша колонна приближалась к площади Республики. Начальнику службы безопасности сообщили, что на площади собралось свыше 50 тысяч человек. В другом сообщении говорилось, что всего в нескольких кварталах от площади, перед зданием филармонии, проходит манифестация сторонников экс-президента Звиада Гамсахурдиа. Число участников было небольшим, около двух тысяч, однако их манифестацию следовало принимать всерьез. При мысли, что они попытаются продвинуться на площадь Республики, я встревожился.

Но когда я увидел заполненную людьми площадь Республики, все мое беспокойство исчезло. На сцене выступал танцевальный ансамбль: женщины в белом и

* Полихронион – вид духовного православного песнопения.

мужчины в красном исполняли страстный и темпераментный народный танец «Мтиулури». Наш автомобиль увяз в толпе. Дружелюбные лица заглядывали к нам в окна. Кто-то крикнул: «Это Шеварднадзе и Бейкер!» Я заметил, как забеспокоились телохранители госсекретаря. «Выйдем из машины?» – спросил я у нашего гостя. «Сделаем так, как вы считаете правильным», – отвечал он спокойно.

Мы прошли по плотному коридору, образовавшемуся в людской толпе, и подошли к сцене. Я слышал, как люди благословляют Бейкера. Поразительное чувство – слышать прекраснейшие слова на родном языке, обращенные к иностранцу. Я понимал чувства этих людей. Каждый, кто разделяет их радость, участвуя в их празднике, заслуживает симпатии. А этот гость был к тому же особенным – высокий гость, представитель великого государства, поддержавшего нашу страну, он приехал к нам в этот особый день, и ради этого он, чтобы доставить нам радость, подверг себя опасности, проигнорировав все положенные в данном случае меры предосторожности.

Нам помогли взобраться на сцену. Танцовщицы и танцоры предоставили ее в наше распоряжение. Джеймс Бейкер встал на самом краю сцены и произнес слова, которых мы, как и наши предки, так долго ждали. Госсекретарь США, представитель государства, более семидесяти лет считавшего нежелательным поддерживать Грузию в ее стремлении к независимости, поздравил нас с Днем независимости и отметил этот день вместе с нами.

Но Бейкер уехал, и все пошло своим чередом. Происходящее в Грузии снова напоминало детективный фильм: кто-то невидимый, но реально существующий, пытался запутать события, перетасовать их, словно игральные карты, и создать новый расклад.

Но теперь в игру вступили другие участники. В конце двадцатого века мир уже не был таким, как в его

первой четверти, и это наполняло меня надеждой. События 1921 года, когда Грузию захватили врасплох, больше не должны повториться. Ведущие политики мира ждали, что Грузия начнет строить демократическое государство. Для них было важно и то, что во главе этой страны в моем лице встал политик, которого они хорошо знали, с которым были дружны и не ждали с его стороны непредсказуемых вероломных действий.

Вернувшись в США, Бейкер сделал все, чтобы к нам незамедлительно поступила первая помощь – сто тысяч тонн зерна, – которую одобрил президент Джордж Буш-старший.

Я хотел бы упомянуть, что Соединенные Штаты Америки систематически поддерживали нас в политическом, экономическом, финансовом плане, а также посредством гуманитарных, социальных и оборонных программ при всех президентах – при Джордже Буше-старшем, при Билле Клинтоне и Джордже Буше-младшем. Они поддерживают нас и сейчас. При всех сложностях в отношениях с Россией США стали нашей защитой, щитом.

США являются одним из подписантов и гарантов проекта Баку – Тбилиси – Джейхан, обеспечивающего Грузии финансовый доход, нефть и газ. И что гораздо важнее – предоставляющего возможность исполнения важных международных функций в политико-экономическом пространстве, которые дают моей стране соответствующую защиту. То и дело раздаются голоса, утверждающие, что нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан и газопровод Баку – Тбилиси – Эрзерум якобы нерентабельны для Грузии. Это свидетельствует об абсолютном незнании ситуации. Не представляю, как можно было бы решить комплекс важнейших вопросов, если бы не дружеские отношения между азербайджанским президентом Гейдаром Алиевым и мной.

Я отлично помню, как на одной из встреч в Тбилиси Гейдар Алиев сообщил мне: «Чтобы нефтепровод Баку –

Тбилиси – Джейхан стал рентабельным для Грузии, Азербайджан отказывается от тарифных поступлений за транспортируемую по его территории нефть в пользу Грузии». Для нашего государственного бюджета это означало ежегодные поступления в размере от 40 до 50 миллионов долларов. Кроме того, планировалось, что Грузия будет получать шесть процентов транспортируемого газа бесплатно, а двенадцать процентов – по льготной цене, что даст ей возможность покупать любое количество газа по мировым ценам. Обобщая, можно сказать, что таким образом была создана реальная перспектива полного обеспечения страны газом. Не следует забывать, что это происходило в то время, когда Россия категорически настаивала на том, чтобы нефть и газ из Каспийского моря транспортировались исключительно по ее собственной территории.

США инвестировали миллионы долларов в создание и оснащение грузинской профессиональной армии. Этот процесс продолжается и сегодня.

Грузия сделалась одним из важнейших стратегических партнеров США и доказала это, поддерживая США во многих международных конфликтах.

При поддержке со стороны США и других своих друзей Грузия стала членом многих международных организаций. Сейчас страна находится на стадии подготовки к вступлению в НАТО.

Разработка и претворение в жизнь американской программы по военной поддержке Грузии в качестве страны-партнера началась после того, как в 2001 году я принял в Тбилиси Дональда Рамсфелда, американского министра обороны. Разложив перед собой большую карту страны, мы беседовали о геополитической роли Грузии.

Подобный разговор – правда, безуспешный – я однажды уже заводил с его предшественником на этом посту Уильямом Коэном. Тот, разумеется, слушал меня полтора часа с вежливой улыбкой, но этим дело и кончилось.

Рамсфелд мгновенно понял суть проблемы и очень скоро прислал в Грузию пятьдесят военных специалистов. Начало было положено. В результате сегодня мы имеем несколько батальонов и пограничные войска, получившие современное специальное образование и оснащенные согласно новейшим стандартам.

Позднее, когда был решен вопрос с приездом американских военных специалистов, я сообщил на саммите государств СНГ президенту России Владимиру Путину, что мы намерены создавать свои вооруженные силы с помощью США. «Мы бы тоже помогли», – сказал он. Было видно, что восторга он не испытывает.

В тот же день на пресс-конференции одна грузинская журналистка задала вопрос Путину, когда он уже собирался покинуть конференц-зал. Он шагнул за порог, когда услышал голос журналистки, срывающийся от отчаяния чуть ли не в крик: «Как вы относитесь к американскому участию в создании грузинских вооруженных сил?»

Путин остановился и обернулся. Все вокруг замерли, чтобы услышать его ответ: «Грузия самостоятельная страна и должна сама решать, с кем и как ей создавать свою армию».

Так закончился этот эпизод. Я вздохнул с облегчением. Создание армии стоит дороже, чем содержание армии. Хотя бы внешне Россия смирилась с тем, что больше не сможет с прежней легкостью вмешиваться в наши внутренние дела.

Российские интервенции

29 мая 1992 года в зоне грузино-осетинского конфликта вновь было нарушено соглашение о прекращении огня. В тот же день сторонники Гамсахурдиа захватили здание префектуры в Зугдиди и задержали весь тамошний персонал.

В начале июня в столице объявили забастовку сотрудники уголовной полиции. Они бастовали, потому что больше не могли выполнять свои профессиональные обязанности из-за произвола вооруженных группировок. Имелись в виду две важнейшие вооруженные группировки, «Мхедриони» и Национальная гвардия, которые к тому времени перестали повиноваться собственным предводителям. Один из предводителей, Джаба Иоселиани, был моим заместителем по Государственному совету, другой, Тенгиз Китовани, – вице-премьером и министром обороны, он стоял во главе вооруженных сил, полиции и секретных служб. Оба сконцентрировали в своих руках большую власть.

На вопрос Бейкера, следует ли ожидать попытки вооруженного переворота со стороны звиадистов или моих «союзников», я отвечал: «Хуже всего, что у меня связаны руки и я вынужден лавировать – кооперироваться именно с этим министром обороны, который может сказать решающее слово в вопросах войны и мира в Цхинвальском регионе».

12 июня 1992 года мне позвонил российский президент Борис Ельцин. Мы говорили об исторической необходимости заключить новый российско-грузинский договор, который создал бы основу для новых отношений между Россией и Грузией. Уже на следующий день в Тбилиси прибыла рабочая группа российского министерства иностранных дел. По поручению Ельцина она должна была обсудить механизм установления дипломатических отношений между нашими странами. Оставалось прояснить некоторые незначительные формальности. Но обрушилась лавина новых событий.

13 июня в центре Тбилиси, неподалеку от дома Джабы Иоселиани, был совершен террористический акт. Через несколько секунд после того, как по улице проехал замыкающий автомобиль из колонны заместителя председателя Госсовета, там взорвался «запорожец»,

начиненный взрывчаткой ТНТ (тринитротолуолом). Взрыв произвели с использованием дистанционного управления. Погибли пять человек, среди них – один ребенок, шесть человек были ранены, было разрушено несколько домов.

В тот же день в Гори, расположенном в нескольких километрах от Цхинвала, произошло столкновение между грузинскими гвардейцами и личным составом российского танкового полка. И там не обошлось без убитых. На улицах города появились танки.

15 июня 1992 года Руслан Хасбулатов (в то время он был председателем Верховного Совета Российской Федерации) выступил с заявлением, в котором фактически благословил нарушение территориальной целостности и суверенитета Грузии. История повторяется и сегодня – в российской Государственной думе некоторые депутаты выступают с подобными заявлениями.

18 июня три российских боевых вертолета атаковали позиции грузинских гвардейцев в районе Цхинвала. Как выяснилось позднее, это случилось по приказу заместителя российского министра обороны, который находился там по приглашению Тенгиза Китовани. Мне об этом ничего известно не было. Я расценил произошедшее как агрессию.

20 июня 1992 года российское правительство и вице-президент России Александр Руцкой почти одновременно выступили с заявлениями, в которых вновь прибегли к демонстрации силы и угрожали вмешательством во внутренние дела Грузии и Молдавии.

В то же время мы получили сообщение из Нью-Йорка: по предложению России откладывалось обсуждение грузинского заявления о приеме в ООН. Можно сказать, что крупная наступательная операция против моей страны была предпринята сразу на нескольких фронтах: экономическом (энергетическая и транспортная блокада), военном (участие российских вооруженных сил во внутренних конфликтах), дипломатическом

(воспрепятствование приему Грузии в ООН, попытка взаимообусловить развитие российско-грузинских отношений и урегулирование грузино-осетинского конфликта) и на медийном фронте (блокада грузинских сообщений в российской прессе и распространение недостоверной информации о Грузии).

24 июня мне предстояла поездка в Сочи на встречу с российским президентом, чтобы достичь согласия по урегулированию грузино-осетинского конфликта. В это время вооруженная группа сторонников Гамсахурдиа захватила оружейный склад, принадлежащий внутренним войскам, и пробилась в здание радиоцентра. По радио и телевидению они распространили сообщение о том, что «законное правительство» снова у власти. Эту информацию никто не принял всерьез. С попыткой путча было очень быстро покончено, что дало повод российской бульварной прессе и некоторым «серьезным» политологам обозначить эту выходку звиадистов как квазипутч, который, по их словам, был якобы организован самим грузинским руководством, чтобы решить следующие задачи:

а) симитировать перед российским руководством накануне сочинской встречи реальную угрозу демократии в Грузии;

б) добиться, чтобы мировое сообщество с пониманием отнеслось к возможным репрессиям против сторонников Звиада Гамсахурдиа;

в) стабилизировать положение в Тбилиси и добиться консолидации всех сил вокруг председателя Государственного совета.

Окончание моих ста дней сопровождалось взрывами «мини-бомб» разного рода и направлений: в отношениях с Россией, во внутренних конфликтах, на улицах и на железных дорогах в Западной Грузии, в газетных сообщениях и на телевидении.

Я не мог поверить, что все эти события не были связаны с эскалацией боевых действий в Цхинвале, как и с

многочисленными нарушениями принятых соглашений о прекращении огня, и не имели целью дестабилизировать положение в столице. В один и тот же день, 24 июня 1992 года, произошла масса событий – заявление высших российских должностных лиц в Москве, выступление звиадистов в Тбилиси и изгнание из Сухуми министра внутренних дел грузина Гиви Ломинадзе. Слишком много случайностей выпало на малый отрезок времени – это свидетельствовало о хорошо скоординированных действиях. Все это не могло быть простым совпадением.

Сторонники Гамсахурдиа, абхазские и осетинские сепаратисты и реакционные круги в России, без сомнения, сотрудничали между собой.

Как выяснилось, акция 24 июня была запланирована на начало июля. Ее специально перенесли на июнь, чтобы это произошло во время моей встречи с российским президентом в Сочи (Дагомыс).

Итогом встречи с Ельциным в Дагомысе стало соглашение о принципах урегулирования конфликтов и коммуника, в котором говорилось, что Россия и Грузия «признают суверенитет и независимость друг друга, территориальную целостность и неприкосновенность границ». Что «они не имеют взаимных территориальных претензий и обязуются разрешать любые спорные вопросы исключительно мирными средствами путем политических переговоров без использования силы или угрозы ее применения».

Кроме того, было заявлено, что Российская Федерация приветствует намерение Грузии стать членом ООН и что Россия в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН будет содействовать вступлению Грузии в Организацию Объединенных Наций.

Согласно второму пункту соглашения Россия брала на себя обязательство, что «в течение 20 дней с момента прекращения огня» она «выведет 37-й инженерно-саперный полк и 292-й отдельный боевой вертолетный

полк с подразделениями обеспечения и обслуживания, дислоцированные в районе Цхинвале».

Для обеспечения и поддержания мира мы хотели образовать так называемые смешанные силы, но это намерение осталось лишь на бумаге. Там, где были дислоцированы российские военные, сегодня стоят боевики сепаратистского региона, оснащенные гораздо лучшим вооружением. Для подвоза оружия есть один-единственный путь – Рокский туннель. Через этот туннель из России в Цхинвал может попасть что угодно и кто угодно: оружие, контрабандный товар, боевики, северокавказские наемники.

Традиционная российская политика по отношению к Грузии продолжается и по сей день.

Двойная игра в Грузии

И все же, несмотря ни на что, мы работали. Возник Государственный совет, прообраз парламента. Мы приняли Закон о выборах. Мы начали создавать национальные вооруженные силы. Понемногу укреплялась полиция. Буквально из ничего возникла секретная служба. Адвокатура ориентировалась на принципы правового государства. Мы начали земельную реформу – почти шестьдесят процентов всего земельного фонда должно было перейти в частную собственность.

Изменения шли не так быстро, как мне бы хотелось. Мы своевременно приняли много правильных решений, но не все они претворились в жизнь. Так, например, мы решили, что все вооруженные группировки, которые хотят принадлежать к национальным вооруженным силам, должны до определенного срока расселиться в казармах. А те, кто этого не сделает, поставят себя вне закона. Но по истечении срока оказалось, что ни «Мхедриони», ни гвардия все еще не в казармах, по-

сколько всякий раз, когда они собирались это сделать, как на заказ, случалось какое-то чрезвычайное происшествие: покушение, нападение на радиостанцию или еще что-нибудь. Вырисовывалась тенденция, определенная закономерность.

Мои вооруженные и невооруженные союзники исчезали именно в тот момент, когда я особенно в них нуждался. Это почти всегда совпадало со случаями нарушения заявленного Госсоветом курса на решение спорных вопросов и проблем мирными политическими средствами. Так, например, мне однажды сообщили, что в Цхинвале грузинские воинские соединения пришли в движение и перевели на высоты часть оборонительных сооружений. Я схватился за телефон в поисках премьер-министра и министра обороны, но их невозможно было найти. Позднее, когда опасность предотвратили, объявился Тенгиз Китовани. Он сказал, что не давал приказа атаковать. Кто тогда дал этот приказ? Выяснилось, что один местный офицер, не уполномоченный отдавать такие приказы. Кто-то должен был ему это позволить. Но кто?

Политические дефиниции иногда настолько непонятны, что в сути происходящего невозможно разобраться. И тем не менее прав тот автор, который утверждает, что мое возвращение создало «демократическую оболочку» и «облагородило военно-политическую верхушку, лишившую власти президента Звиада Гамсахурдиа и его администрацию».

Правда, остается вопрос: с какой целью я бы стал это делать? «Облагородить», создать «демократическую оболочку» – в мои планы не входила подобная благотворительность, и я уверен, что мои «союзники» тоже не питали иллюзий на этот счет. Джеймс Бейкер может подтвердить, что я говорю правду. В мае 1992 года мне было ясно, что как минимум два члена президиума Госсовета имели определенные тайные намерения. Об этом я и сказал моему американскому другу. На его за-

мечание, что один из них сообщил ему, Бейкеру, о своем желании видеть меня во главе государства, я недвусмысленно отвечал: «Двойная игра!»

В разговоре с американским госсекретарем я испытывал радость: «Я снова почувствую себя в своей стихии, я снова буду играть по известным мне правилам – без подленьких трюков. Нельзя, чтобы дело всей жизни разбилось вдребезги из-за коварства и провинциализма интриганов, чьи замыслы видно насквозь».

Должен признать, что и мне тогда приходилось двурушничать. Вынужденное партнерство с некоторыми «союзниками» было данью, которую надо было платить, чтобы помочь несчастной Родине. Моя ответственность перед Грузией прежде всего состояла в том, чтобы освободить ее от руководящих лиц, стремившихся составить капитал и обогатиться на несчастьях своей страны, выдававших такой вид «свободы» за подлинную свободу страны.

В первые сто дней своего «безвластного правления» я постоянно сталкивался с политической мелочностью, вероломством и ложью. У меня часто возникало желание покончить с этим, назвать вещи своими именами, бросить все и захлопнуть за собой дверь.

У меня была возможность отправиться в какое-то тихое место на спокойном Западе – в Германию, например. Меня туда приглашали. Я мог бы вести размеренную жизнь политика в отставке, а необходимые средства к существованию зарабатывал бы без проблем, выступая с докладами и публикуя свои мемуары. Но для меня это была бы не жизнь, а существование. За моей спиной осталось бы все, что я бросил: гражданская война, голод, безработица, длинные очереди за хлебом и горячим, разбой, мораль вооруженных орд полукриминальных «братков» и «товарищей по оружию». Некогда цветущую страну, в которой в коммунистические времена не было нищих и бездомных детей, я оставил бы в момент упадка в беде. Да, я часто испытывал жела-

ние уйти, как, например, в момент столкновений с Джабой Иоселиани. Но на кого бы я оставил страну? Разве тогда не потонуло бы все в кровавом хаосе? Нет, я ушел в отставку лишь тогда, когда Грузия стала настоящим государством и к руководству страной пришли продвигаемые мной молодые политики.

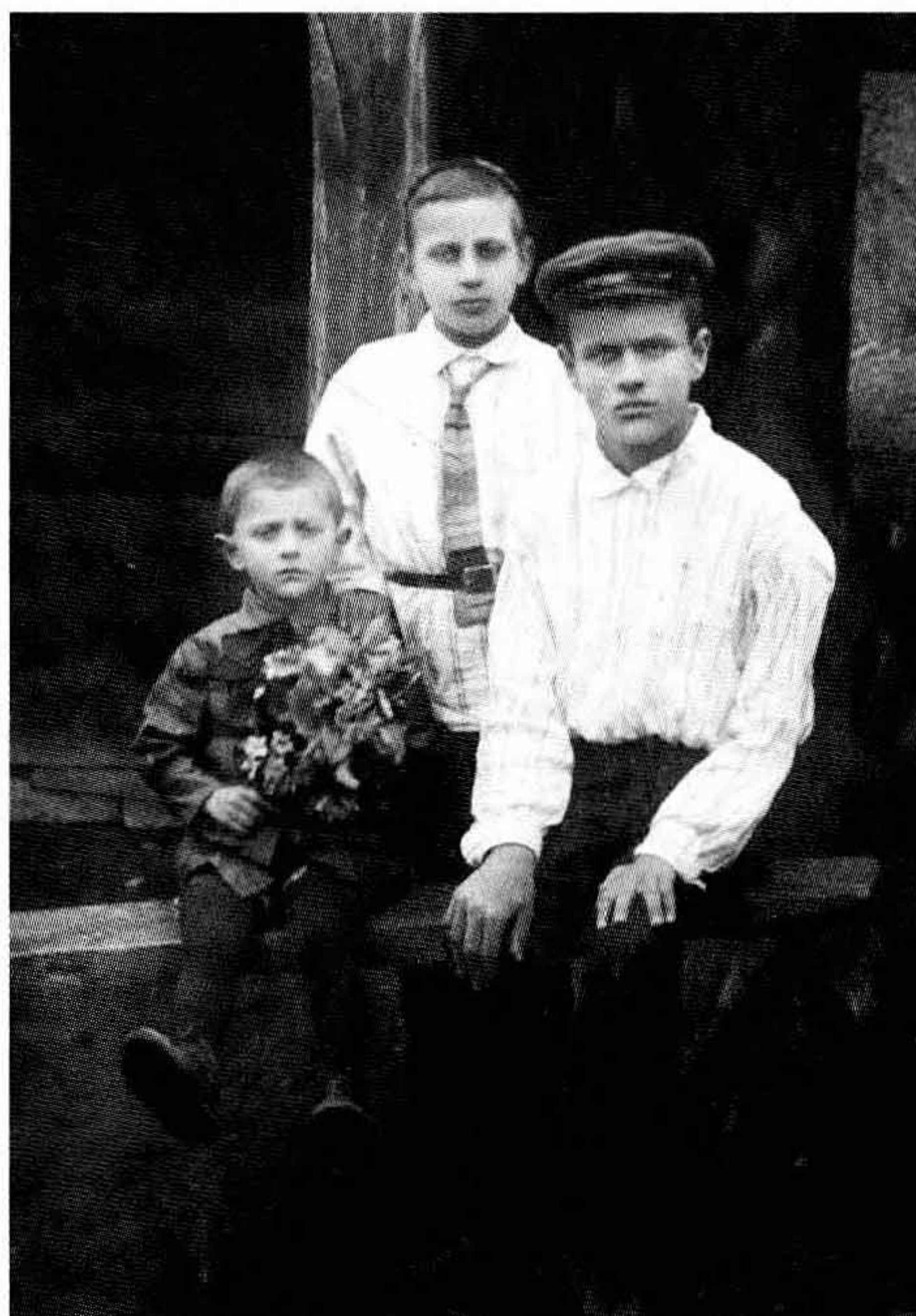
1. Дом семьи Шеварднадзе в Мамати, в западногрузинской Гурии

2. Родители: Софи Патеишвили и Амвросий Шеварднадзе

3. Амвросий Шеварднадзе в Мамати

4. Эдуард Шеварднадзе со старшими братьями Евграфием и Акакием (стоит сзади)

5. Нанули Цагарейшвили и Эдуард Шеварднадзе в юные годы

6. Эдуард Шеварднадзе и Нанули Цагарейшвили-Шеварднадзе в мае 1999 года

7. Семья Шеварднадзе (вверху слева направо): Нино Ахвледиани-Шеварднадзе, Гия Джохтаберидзе, Лаша Шеварднадзе, Паата Шеварднадзе; (внизу справа налево) Эдуард Шеварднадзе, Нанули Шеварднадзе, Тамуна Мосашвили-Шеварднадзе, Софи Шеварднадзе. Тбилиси, август 2007 года

8. Эдуард Шеварднадзе у могилы своей жены Нанули, скончавшейся в октябре 2004 года. Тбилиси, август 2007 года

9. Эдуард Шеварднадзе со своими грузинскими овчарками Бомборой и Батурой в Крцаниси, июнь 2007 года

10. Эдуард Шеварднадзе в соборе Святой Троицы (Самеба)

11. Эдуард Шеварднадзе – молодой политик и член комсомола Грузии

12. Эдуард Шеварднадзе с Индирой Ганди на аэродроме в Тбилиси

13. Шестидесятилетие советской Грузии: торжественное заседание в мае 1981 года.
Внизу слева направо: Леонид Брежнев, генеральный секретарь ЦК КПСС, Эдуард Шеварднадзе, первый секретарь ЦК Грузии, и Павел Гиладзе, председатель президиума Верховного Совета Грузии

14. Архитекторы перестройки: Михаил Горбачев, генеральный секретарь ЦК КПСС, Александр Яковлев, секретарь ЦК КПСС, Эдуард Шеварднадзе, министр иностранных дел Советского Союза

15. Министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе с американским президентом Рональдом Рейганом в сентябре 1985 года

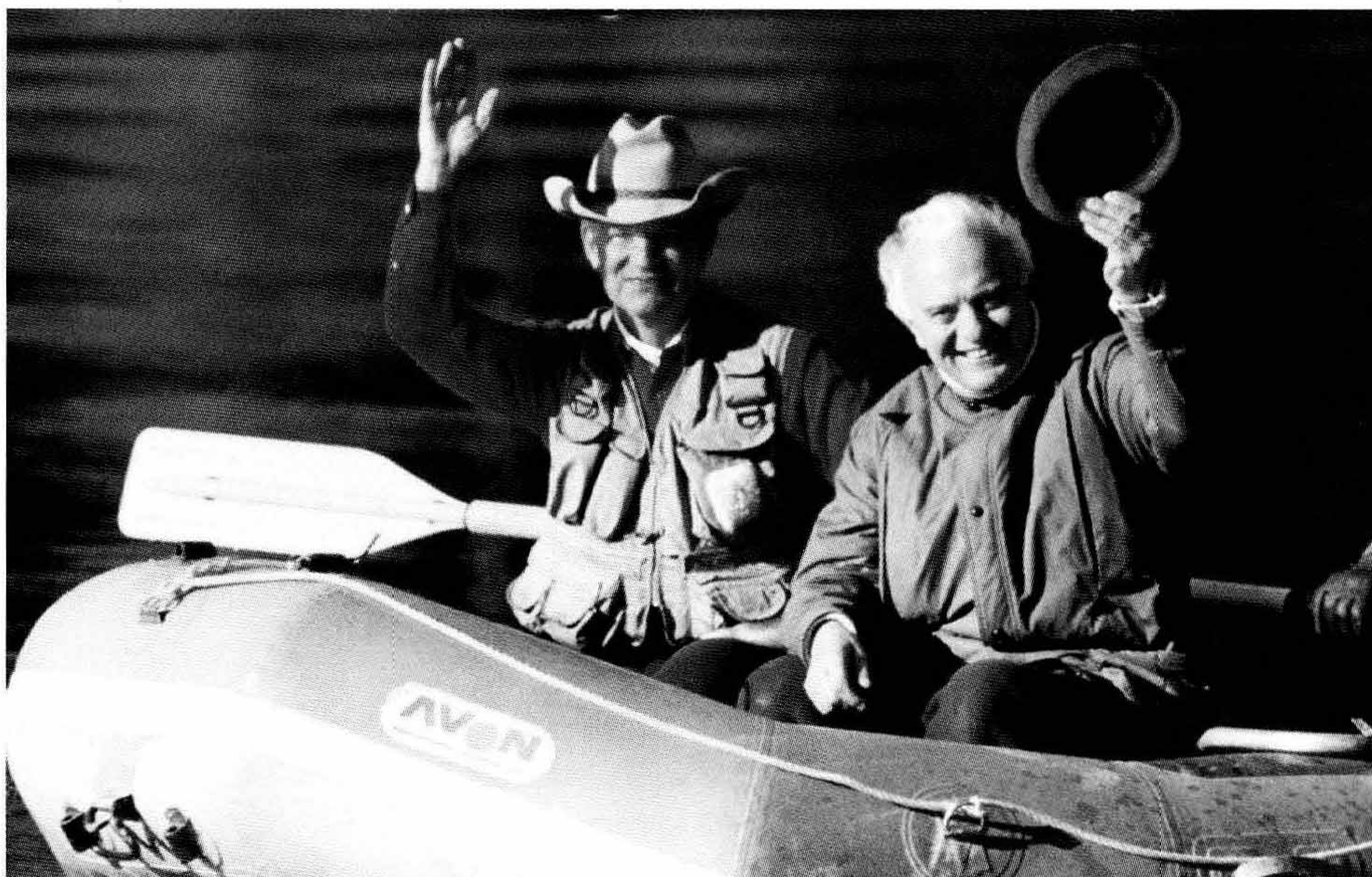
16. Нередко самолет становится рабочим кабинетом: ближний круг сотрудников министра иностранных дел, среди них Теймураз Степанов-Мамаладзе и Сергей Тарасенко, во время беседы

17. Встреча с британским премьер-министром госпожой Маргарет Тэтчер

18. Джордж У. Буш-старший, Эдуард Шеварднадзе и Джеймс Бейкер: лед начинает таять

19. Вайоминг-1989: американский госсекретарь Джеймс Бейкер и Эдуард Шеварднадзе после переговоров

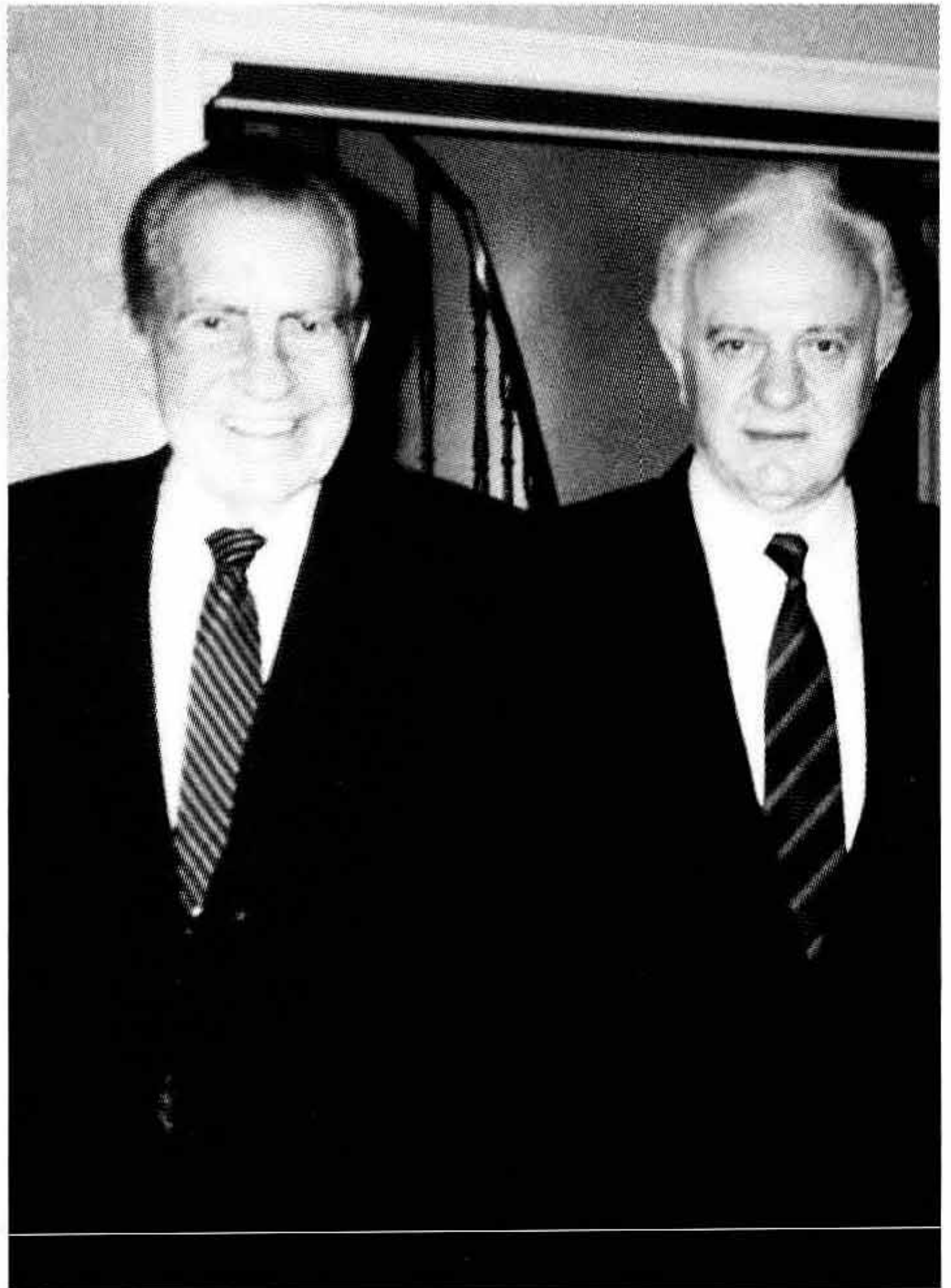
20. Два министра иностранных дел, которые понимают друг друга: Ганс-Дитрих Геншер и Эдуард Шеварднадзе. Бонн, май 1990 года

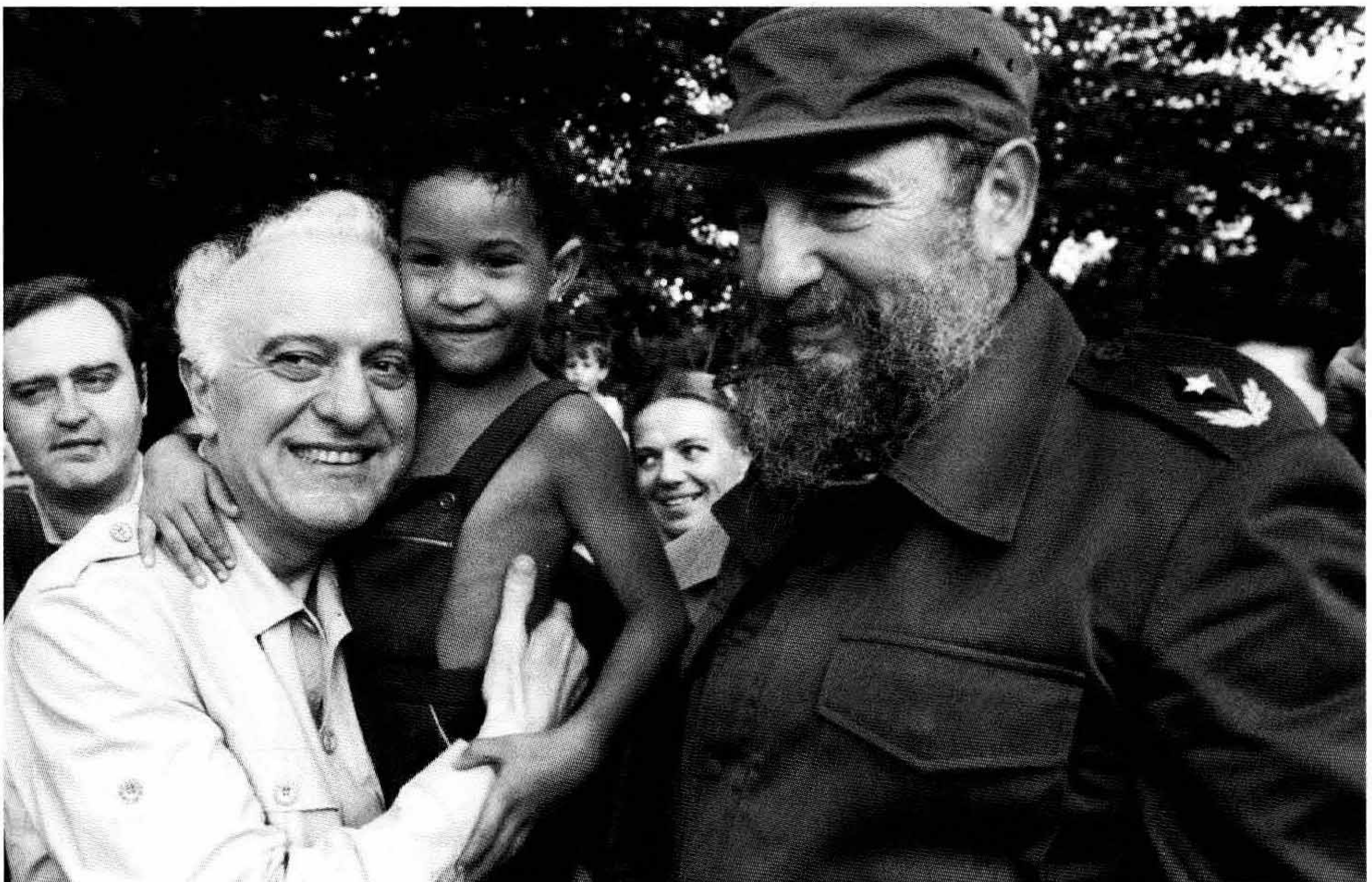
21. Совместный путь к воссоединению Германии: встреча между канцлером ФРГ Гельмутом Коелем и генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачевым в Архызе на Кавказе, 15 июля 1990 года

22. Подписание договора по формуле «два плюс четыре» в Москве, 12 сентября 1990 года: (слева направо) Джеймс Бейкер, Дуглас Херд, Эдуард Шеварднадзе, Ролан Дюма, Лотар де Мезьер, Ганс-Дитрих Геншер

23. Встреча между Ричардом Никсоном
и Эдуардом Шеварднадзе

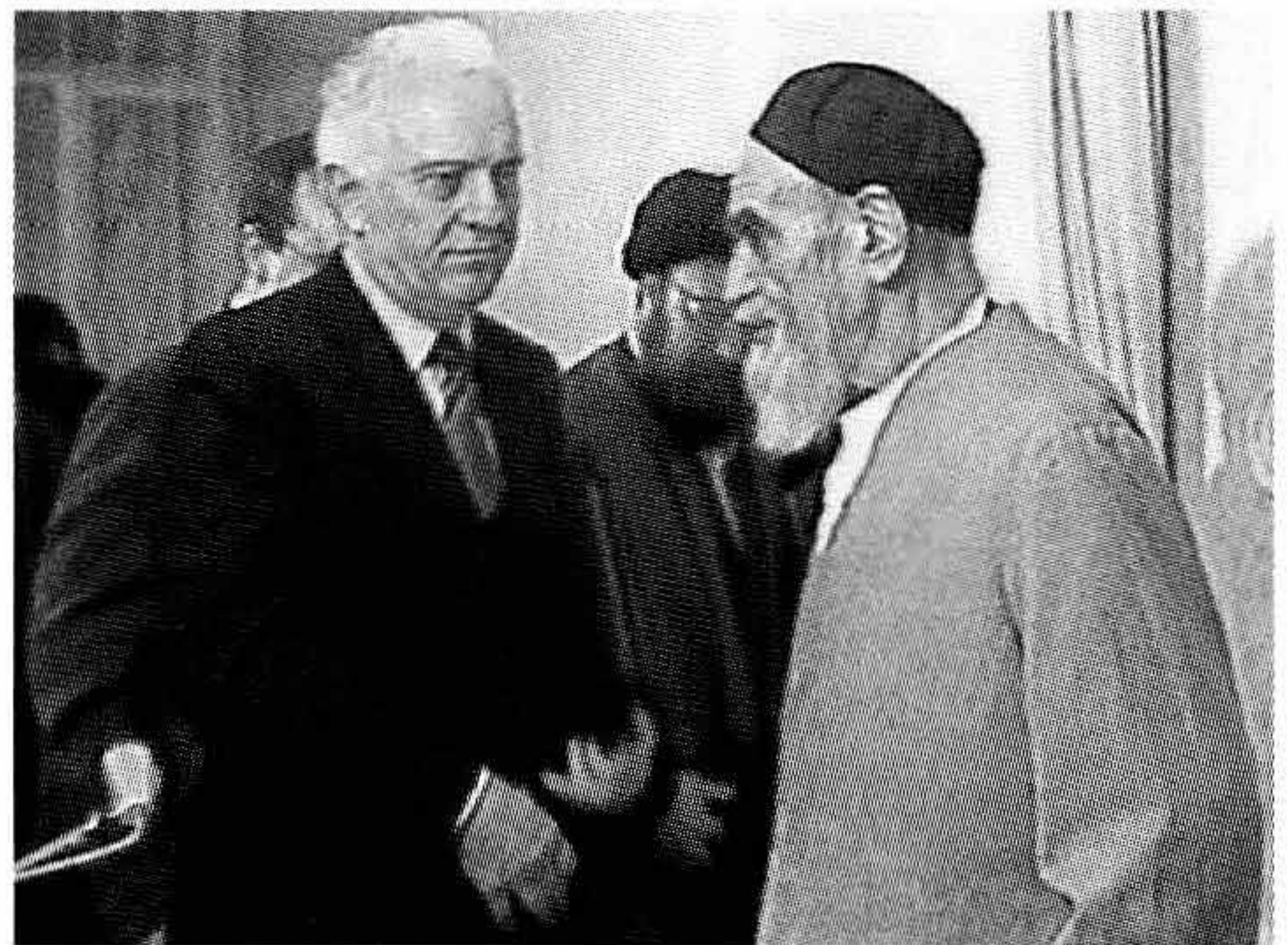
24. С Фиделем Кастро на Кубе

25. 1989 год: встреча с главой афганского государства Наджибуллой и его семьей. Слева на снимке Владимир Крючков – в то время председатель КГБ СССР

26. С Саддамом Хусейном в Ираке

27. Конец февраля 1989 года: в Иране в гостях у аятоллы Хомейни

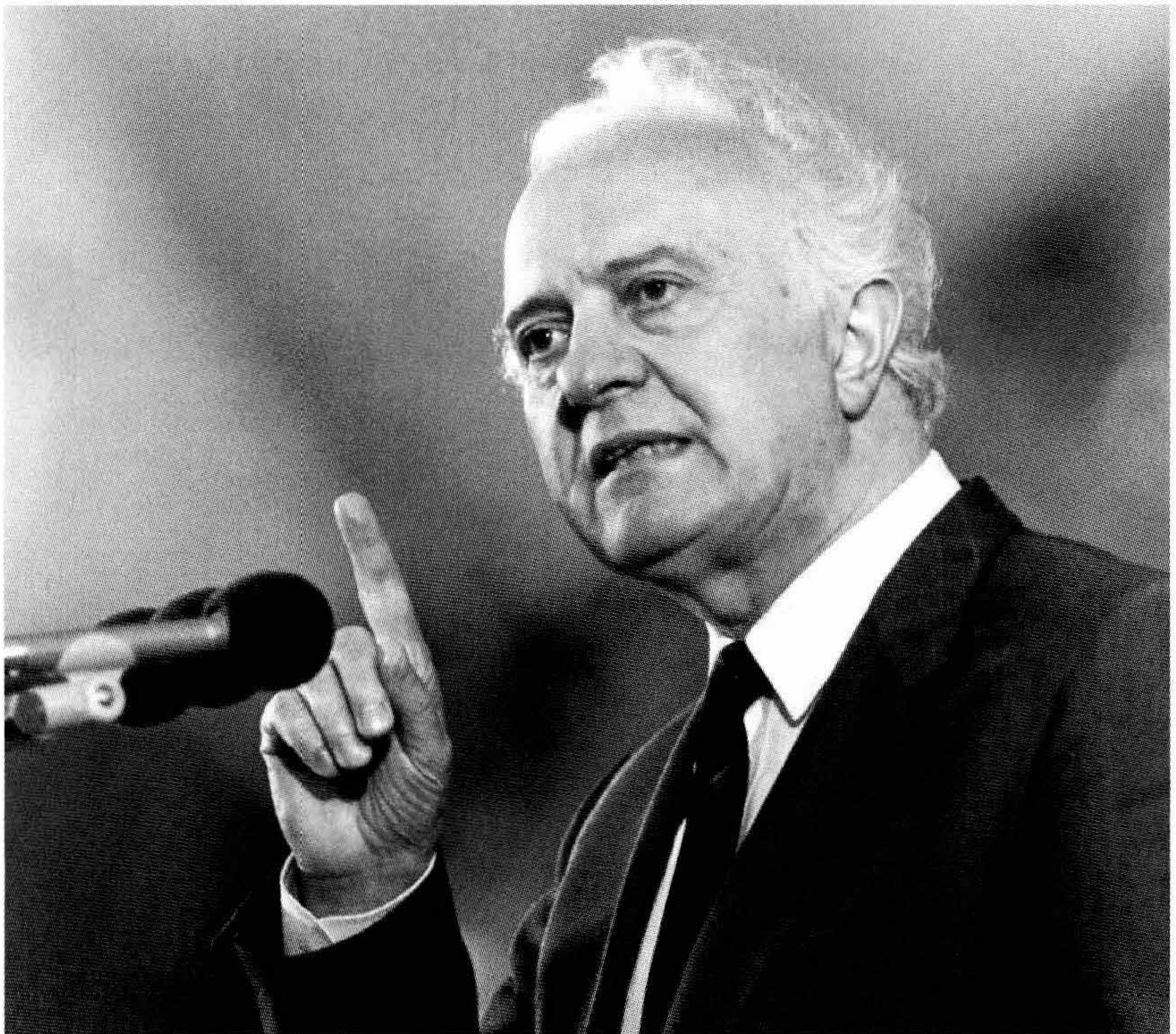
28. Встреча с Дэн Сяопином в связи с визитом в Китайскую Народную Республику в феврале 1989 года

29. Встреча с руководителем Корейской Народно-Демократической Республики Ким Ир Сеном в декабре 1988 года

30. Декабрь 1988 года: встреча с президентом Республики Филиппины госпожой Корасон Акино

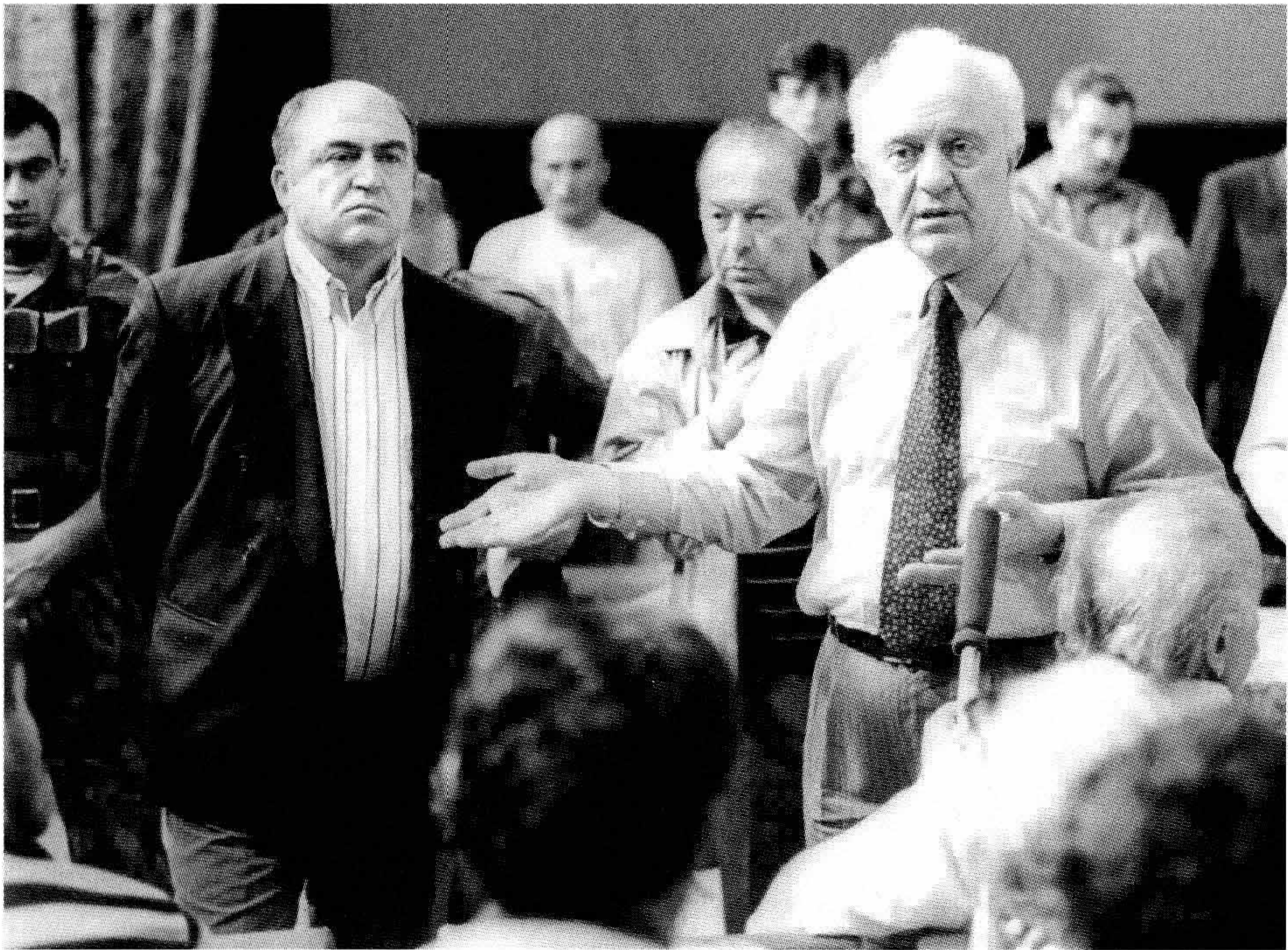
31. 20 декабря 1990 года: в знак протеста перед возможным установлением диктатуры Эдуард Шеварднадзе заявляет о своем уходе в отставку с поста министра иностранных дел Советского Союза

32. 7 марта 1992 года Эдуард Шеварднадзе возвращается в Грузию. Его сопровождает Джаба Иоселиани (справа, рядом с Шеварднадзе). Аэропорт в Тбилиси

33. Центр Тбилиси после гражданской войны: разрушенный старый город, 1991 год

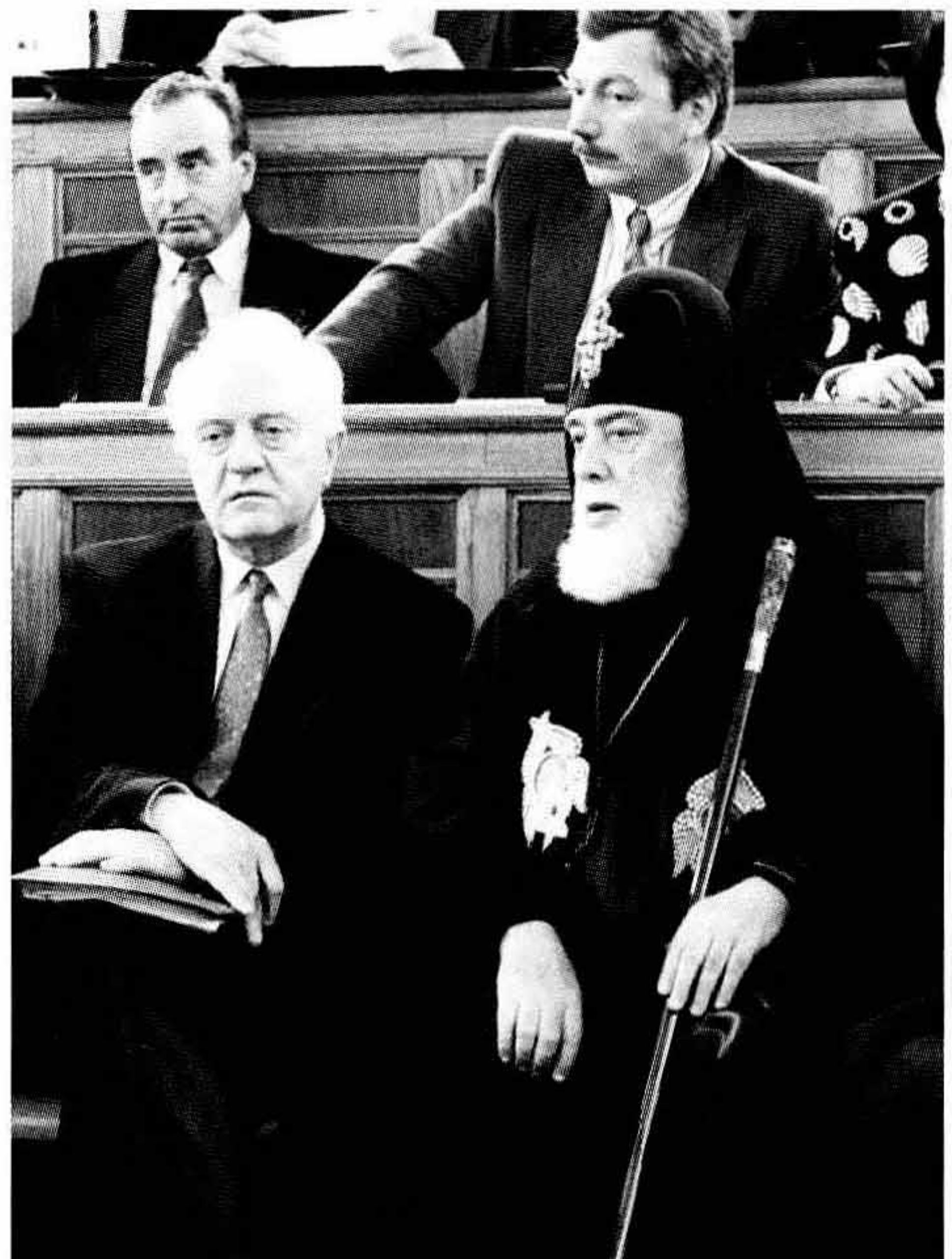
34. Июль 1992 года. Эдуард Шеварднадзе и Тенгиз Китовани в окрестностях Цхинвали в Южной Осетии встречаются с грузинским населением: попытка смягчить конфликтную ситуацию

35. 1992 год: в Абхазии разгорается кровавый конфликт. Эдуард Шеварднадзе, прибыв в Сухуми, лично знакомится с положением

36. 3 сентября 1992 года: Владислав Ардзинба, Борис Ельцин и Эдуард Шеварднадзе подписывают в Москве соглашение о прекращении огня

37. Эдуард Шеварднадзе, председатель парламента Грузии, и Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II на первом заседании грузинского парламента 4 ноября 1992 года

38. Апрель 1992 года: министр иностранных дел Германии Ганс-Дитрих Геншер и его жена Барбара с визитом в Тбилиси

39. Американский госсекретарь Джеймс Бейкер 25 мая 1992 года посещает с визитом своего бывшего коллегу в Тбилиси. В правительственной резиденции Крцаниси Эдуард Шеварднадзе преподносит в дар Бейкеру грузинский кинжал и бурку

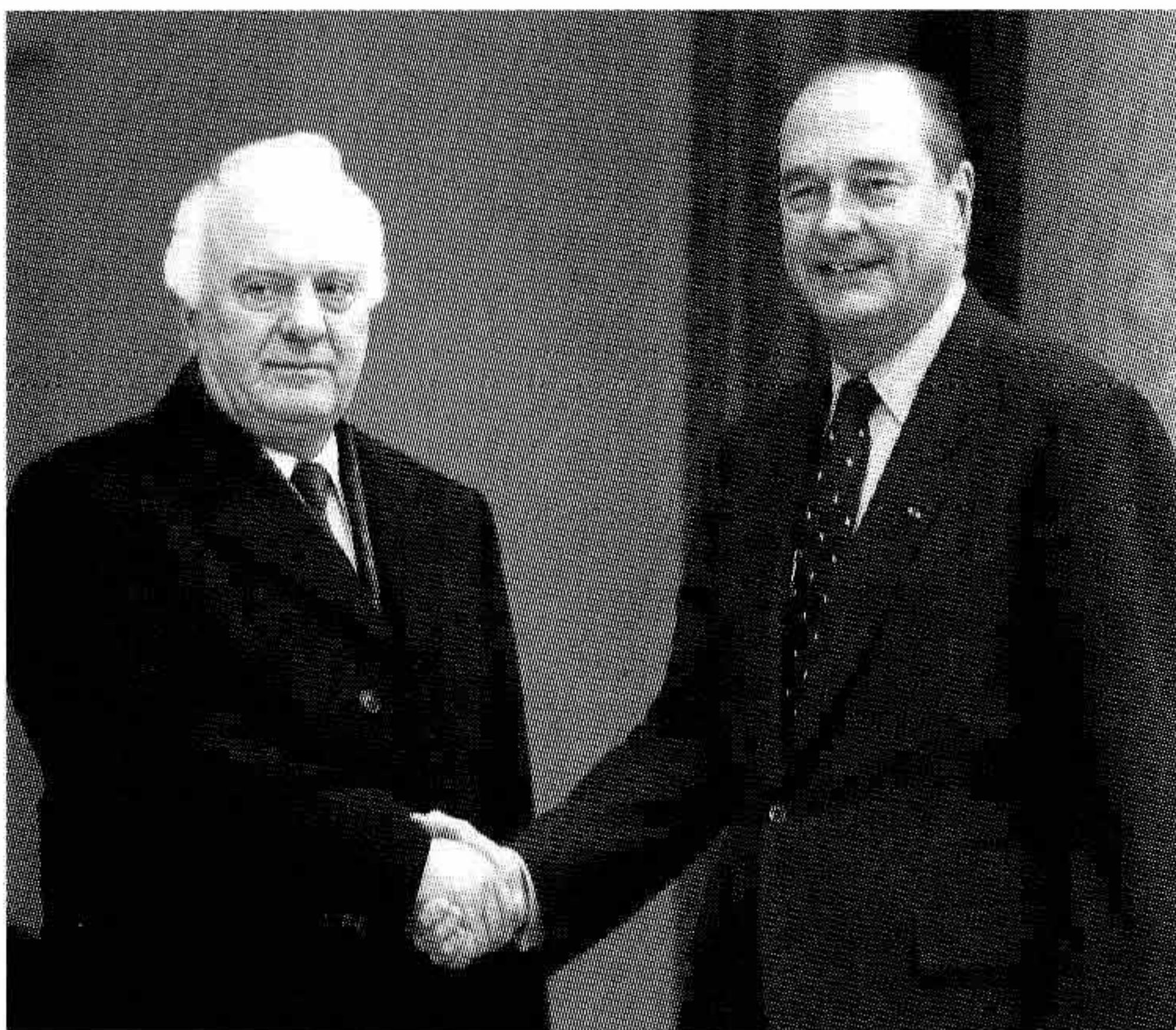
40. Эдуард Шеварднадзе во время своего второго визита в Израиль, в Ашкелоне. Встреча с представителями грузинской диаспоры 6 января 2000 года

41. В Израиле, в январе 2000 года, Эдуард Шеварднадзе встречается с президентом Израиля Эзером Вайцманном

42. 14 января 1998 года Эдуард Шеварднадзе получает в Израиле награду за вклад в демократическое развитие Грузии и за поддержку выезжающих в Израиль. В церемонии награждения принимает участие Джордж Шульц с супругой

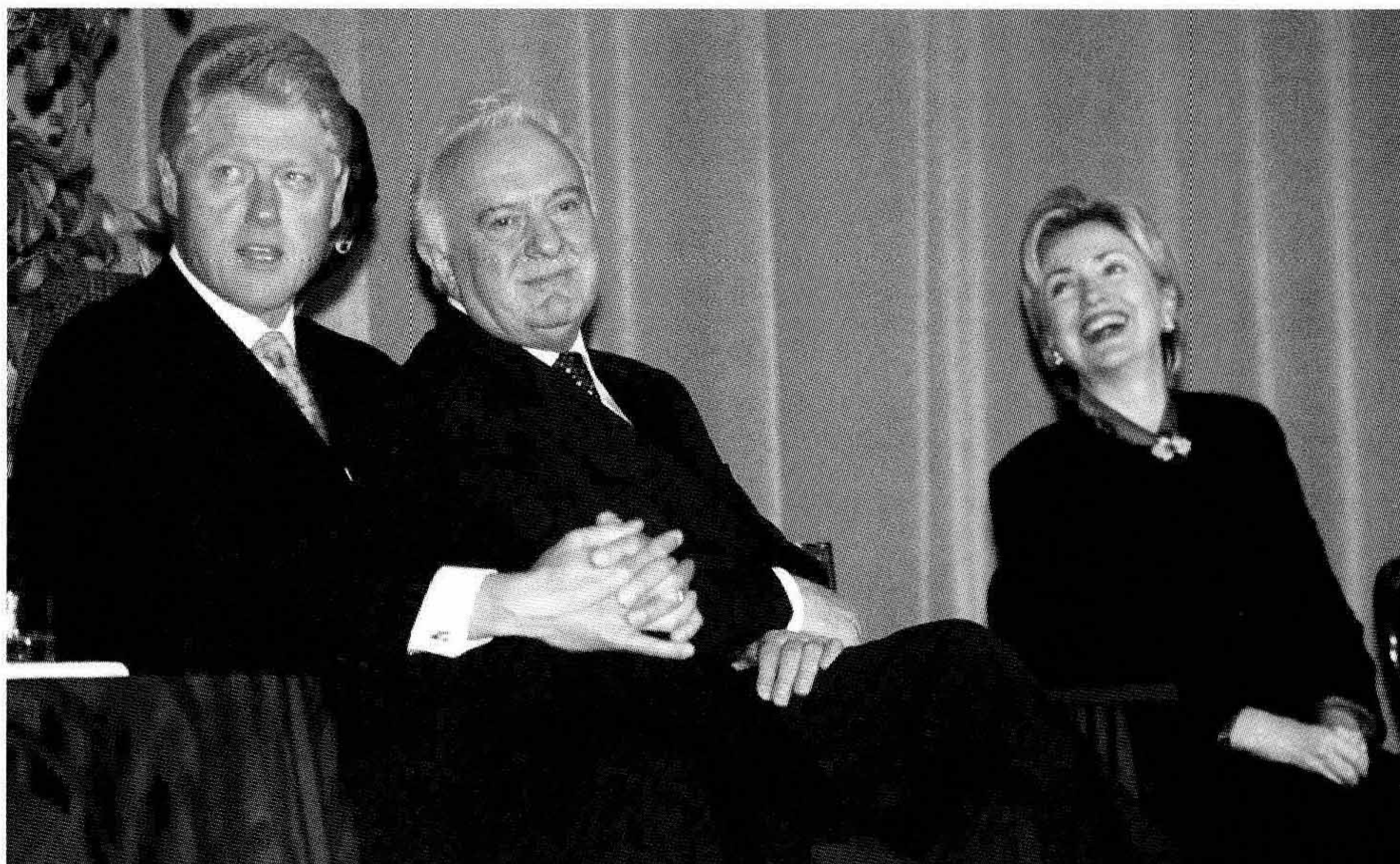
43. 3 февраля 1997 года: Эдуард Шеварднадзе с французским президентом Жаком Шираком в Париже

44. Эдуард Шеварднадзе и британский премьер-министр Джон Мейджор в 1995 году в Лондоне

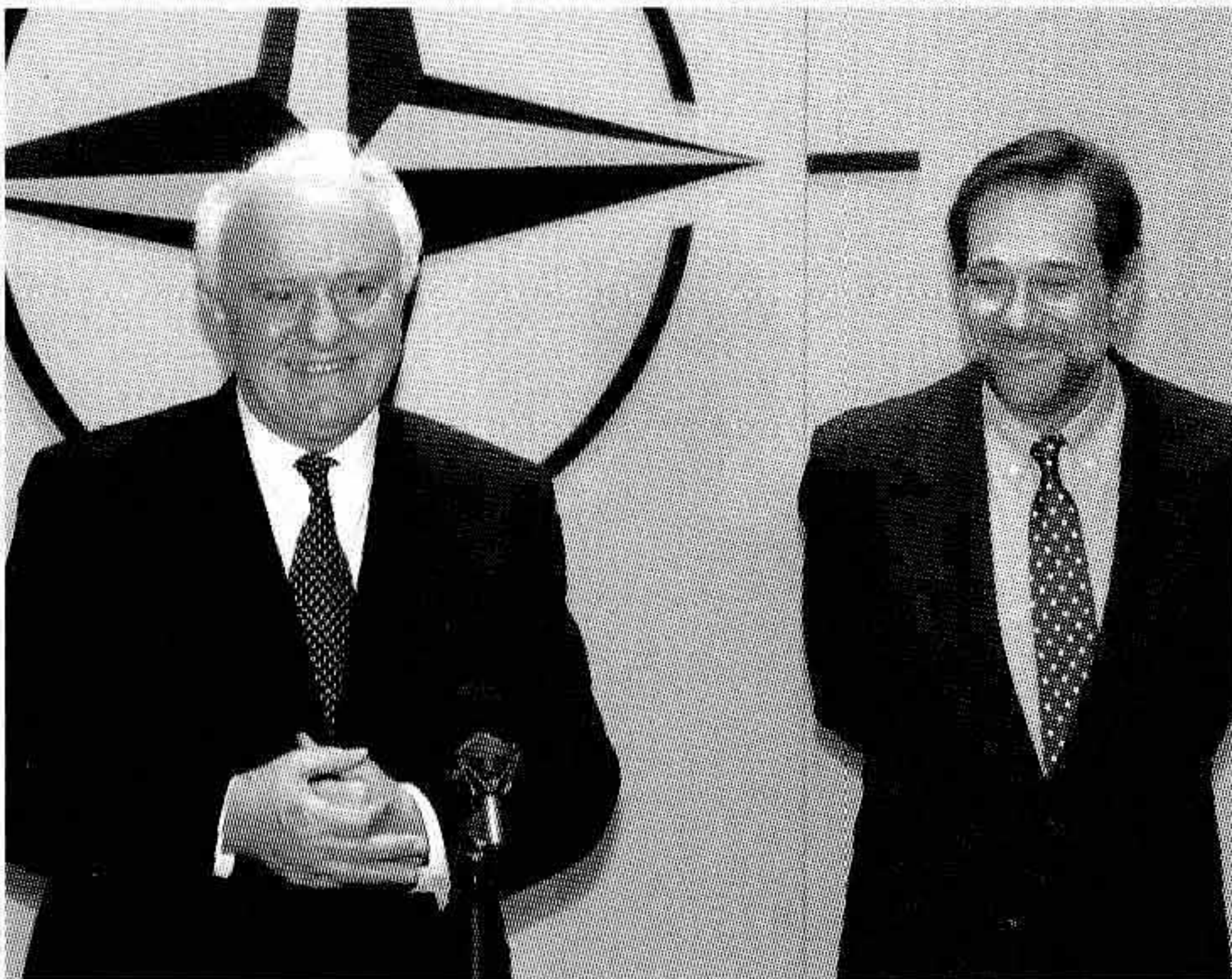
45. Официальный визит в Федеративную Республику Германию в октябре 1999 года: президент ФРГ Йоханнес Рау, Эдуард Шеварднадзе, Нанули Загареишвили-Шеварднадзе, Кристина Рау

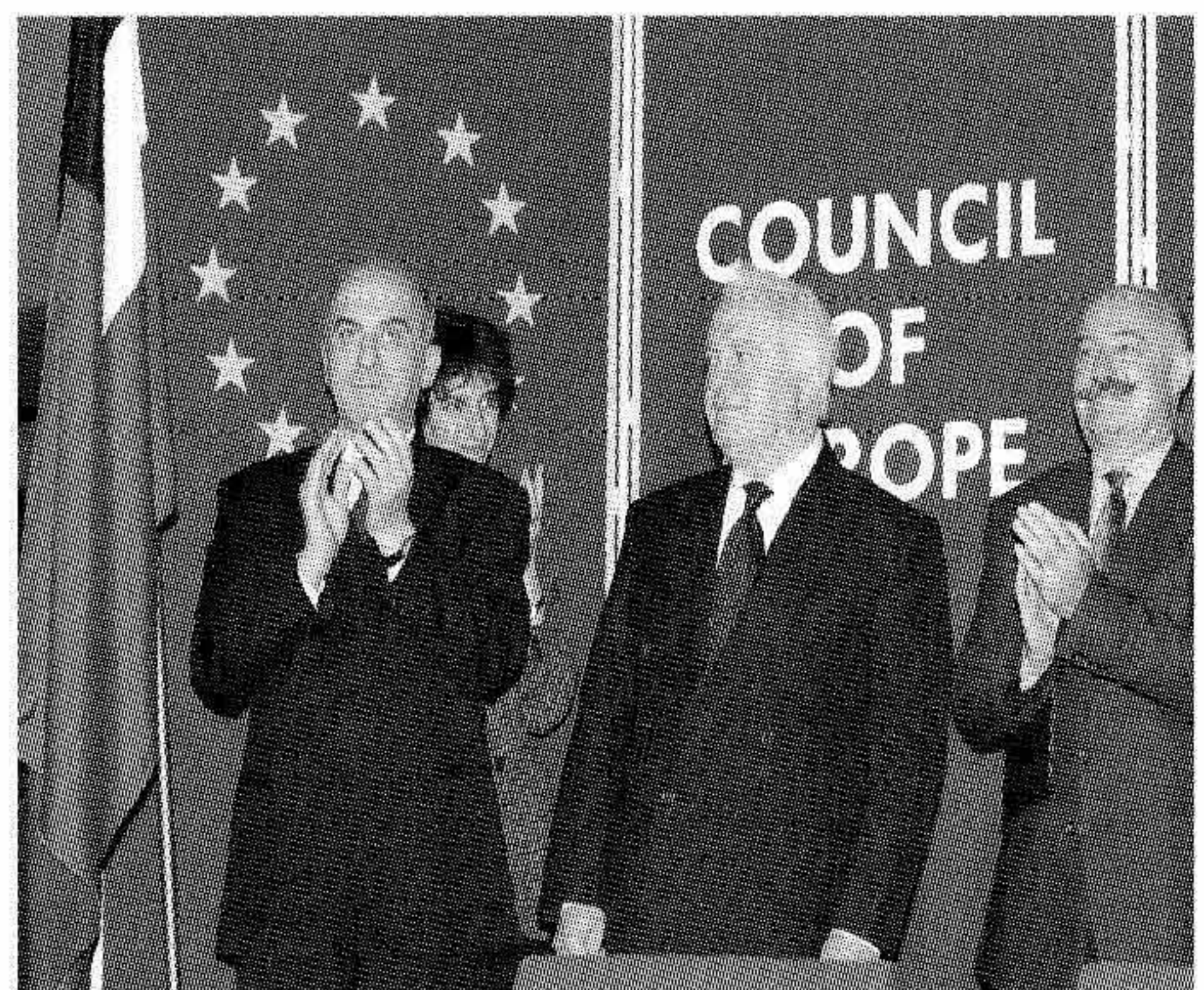
46. Американский президент Билл Клинтон и его супруга Хиллари Клинтон в Вашингтоне 23 сентября 1999 года на вручении Эдуарду Шеварднадзе премии Аверелла Харримана американского Национального Демократического Института (NDI) за вклад в развитие демократии

47. Эдуард Шеварднадзе во время визита в США в октябре 2001 года: встреча в Белом доме с американским президентом Джорджем У. Бушем-младшим

48. Сближение с НАТО: Эдуард Шеварднадзе и генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана в Брюсселе в апреле 1996 года

49. 27 апреля 1999 года в Страсбурге: Грузия становится сорок первым членом Евросовета

50. 9 мая 1998 года в Баку: Эдуард Шеварднадзе с визитом у президента Азербайджана Гейдара Алиева по случаю его дня рождения

51. С визитом в Иране в 1996 году: встреча с президентом Рафсанжани

52. Эдуард Шеварднадзе в гостях у Ясира Арафата в январе 2000 года

53. 1999 год – в гостях в Японии: Эдуард Шеварднадзе и Мичико, супруга японского императора

54. Нанули Цагарейшвили-Шеварднадзе и японский император Акихито

55. Эдуард Шеварднадзе во время официального визита в Китайскую Народную Республику: глава китайского государства Дзянь Дземинь принимает гостя из Грузии в июне 1993 года

56. Саммит в Стамбуле: (слева направо в первом ряду) Гейдар Алиев, Нурсултан Назарбаев, Билл Клинтон, Сулейман Демирель, Эдуард Шеварднадзе, Сапармурад Ниязов. Происходит подписание соглашения о выводе российских войск из Грузии. Помимо того, утверждается проект «Баку – Тбилиси – Джейхан» и проект транскаспийского трубопровода. Ноябрь 1999 года

57. Визит Папы Римского в Грузию: президент Эдуард Шеварднадзе и Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II встречают Иоанна Павла II в Тбилиси, 8 ноября 1999 года

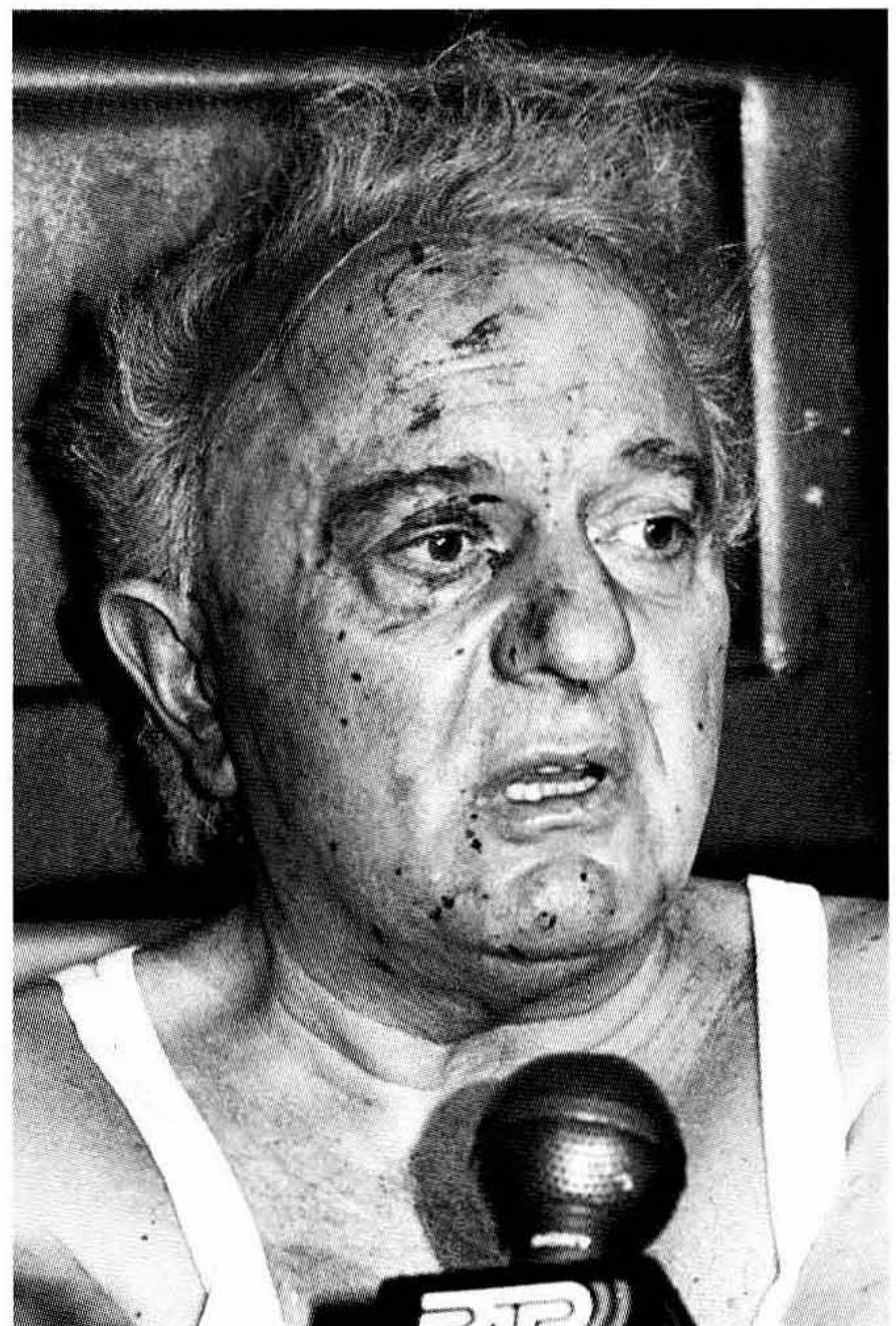
58. Праздничная церемония инаугурации 30 апреля 2000 года: президент Грузии Эдуард Шеварднадзе с семьей и Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II

59. После инаугурации президента

60. 29 августа 1995 года в Тбилиси совершено второе покушение на Эдуарда Шеварднадзе

61. Эдуард Шеварднадзе после покушения
в тбилисской больнице, где ему
оказывают медицинскую помощь

62. Ночью 9 февраля 1998 года на Эдуарда Шеварднадзе совершено третье покушение, когда его жизнь висела на волоске

63. Этот «мерседес» спас жизнь Эдуарду Шеварднадзе: «Мы должны сказать спасибо и автомобилю, черному бронированному «мерседесу», за то, что он, словно живое существо, буквально проглотил три ракеты, устоял под штурмом гранатометов и сдерживал пламя внутри себя, так что мы не погибли»

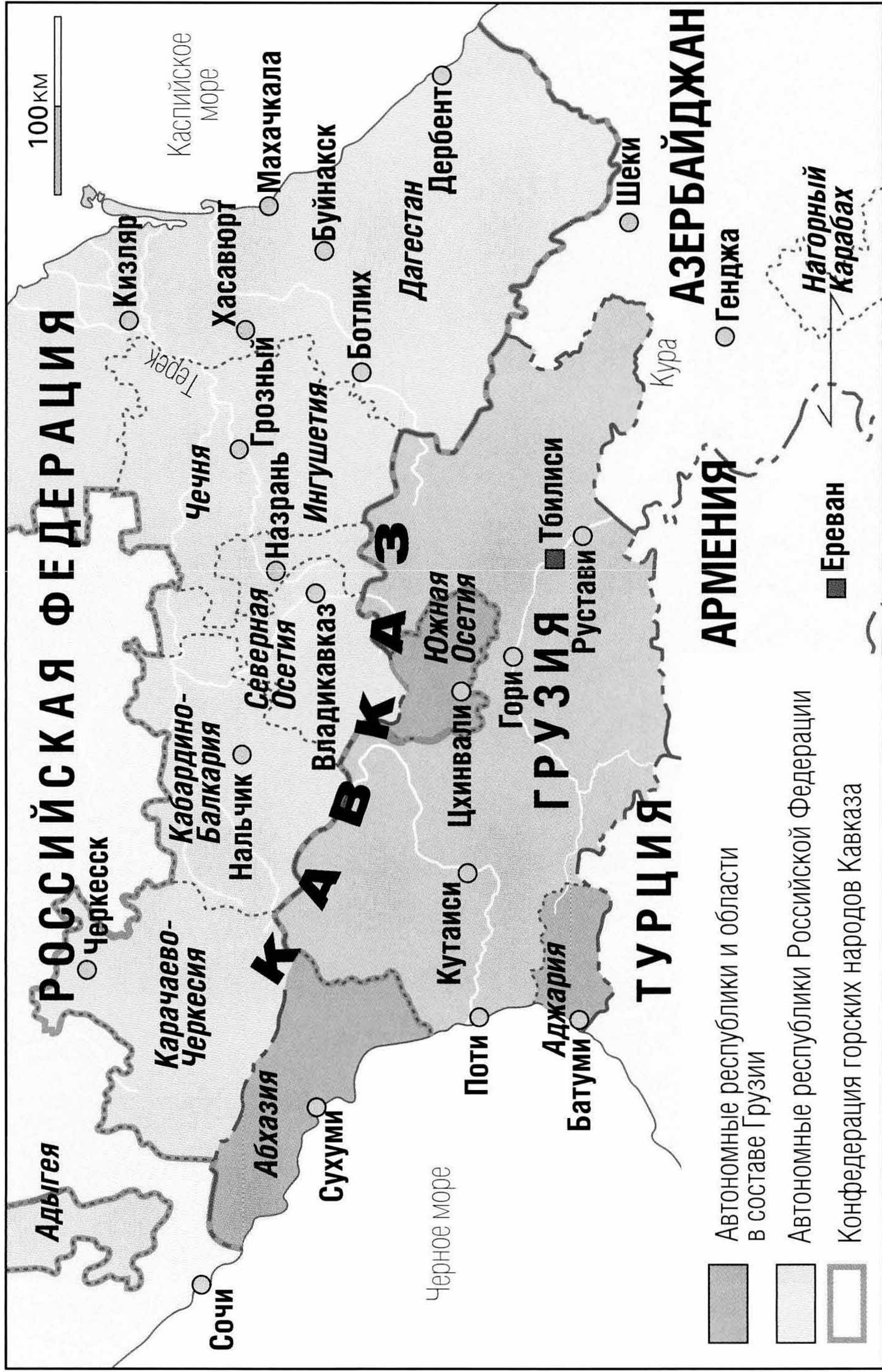
64. Собор Святой Троицы (Самеба) в Тбилиси, май 2007 года

65. Эдуард Шеварднадзе и его крестный отец, Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II

66. Эдуард Шеварднадзе во время визита в Германию в 1999 году

67. Карта Грузии, 1995 год

ГЛАВА X

РОССИЯ –

КАВКАЗ –

ГРУЗИЯ

Все, что сегодня происходит на Кавказе, в России и Грузии, по сути является продолжением и отзвуком событий, записанных в анналы истории или укорененных в нашей памяти.

С великой болью я вынужден констатировать, что проходивший столетия процесс экспансии и «коллекционирования» чужой земли со стороны России продолжается и в двадцать первом веке. Если Европа и Америка, если весь мир будут и дальше молча взирать на агрессивные действия России, грузинская трагедия может превратиться в трагедию мирового масштаба.

На протяжении нескольких столетий экспансия России становилась причиной массовых переселений народов в Европе, Азии и на Кавказе. Население, теснимое Российской империей, спасалось бегством в Кавказских горах, служивших естественной границей для грузинской земли. Во время зимы эту границу преодолеть невозможно, однако в другие времена года в Грузию стекались беженцы – один человек за другим, одна семья за другой. Они – аланы (осетины), кисты (чеченцы) и другие народы гор – пытались таким образом спастись от российских военных и экономических нужд. Эти народы расселялись на территориях от берега Черного моря и до Шида Картли (сегодняшняя Южная Осетия), занимали Панкийскую долину. Часть из

них смешивалась с грузинским населением, другие оставались «несмешиваемыми» и селились в разных районах Грузии. Эти последние и использовались Россией с целью обеспечения ее интересов в Грузии. Это происходило как в самом начале существования независимого грузинского государства (1918), так и впоследствии, после развала Советского Союза. Кроме уже выделенных привилегий некоторые «несмешавшиеся» пришлые этнические группы претендовали и претендуют на собственную территорию: одни для того, чтобы присоединиться к России, другие – чтобы образовать государство – сателлит России.

Согласно имперской российской логике, чеченцы, являющиеся коренным населением Северного Кавказа, независимости не заслуживают. Зато собственного независимого государства достойны те осетины, которые приходили в Грузию в разные времена. Несмотря на то, что осетины даже по переписи, проведенной в Российской империи в конце девятнадцатого века, были занесены в графу «беженцы». Следуя этой же логике, судьба всей Абхазии должна решаться тем меньшинством, которое Россия декларативно называет своими гражданами. И напротив, изгнанное в результате этнических чисток большинство (около 300 000 грузин) учитываться не должно. Этим людям нельзя вернуться в свои дома, им нельзя приходить на могилы предков и посещать свои церкви – памятники древней многовековой культуры, стены которых украшены надписями исключительно на грузинском языке.

Разве не парадокс, что мир безмолвно взирает на все это только из страха перед Россией! Если следовать упомянутой логике, то в США итальянцы и армяне, а в Германии – турки тоже могли бы заявить о своей независимости. Россия могла бы дать свое гражданство жителям Аляски, а потом защищать этих людей с оружием в руках. В России сейчас проживают миллионы китайцев. Они могли бы основать независимую республику в

Сибири, а Китай стал бы силой оружия ее защищать. Абсурд, не правда ли? Но в Грузии такой абсурд практически стал реальностью.

Все, чего Россия добивалась и будет добиваться в Грузии – как в негативном, так и в позитивном аспекте, – является частью политики России на Кавказе. Иначе говоря, все, что происходит в Грузии – планируемое и претворяемое в жизнь, – в прошлом, настоящем и будущем определяется этой самой политикой.

Покорение Кавказа Российской империей происходило на протяжении веков, и «кавказские войны» с характерной для того времени жестокостью и беспощадностью, длились почти полвека: с 1817 по 1864 год. Та же жестокость проявилась в двадцатом веке, сначала в сороковые годы при депортации чеченцев, затем на чеченской войне в девяностые.

Завоевательные войны на Кавказе дорого обошлись России. Десятки тысяч русских солдат погибли. (Жителей Кавказа погибло еще больше.) На военные операции и снабжение армии, дислоцированной на Кавказе, Россия расходовала свыше двух миллиардов рублей ежегодно. Но кому бы пришло в голову обратить внимание на денежные потери, когда Кавказ и Грузия представляли для России регион особой важности?

Кто только не участвовал в тех страшных войнах! Русские солдаты считали Кавказ гиблым местом. Отправка на Кавказ означала для них почти то же самое, что и смертный приговор.

Впрочем, покорение Кавказа и Грузии в девятнадцатом веке происходило не только по воле царей, полководцев и офицеров: в то время оно отвечало настроению большинства высшего общества России. Достаточно упомянуть, что великий мыслитель и писатель Лев Толстой, служивший в молодые годы офицером в невысоких чинах, участвовал в набегах на два аула. Впоследствии, тщательно все осмыслив, Толстой написал бессмертную повесть «Хаджи-Му-

рат». Читая это произведение, мир узнает о трагичности покорения Кавказа.

Творчество Льва Толстого оставило глубокий след и в моей душе. Мой отец, преподававший в школе русский язык и литературу, был одним из первых в Грузии, кто еще до русской революции получал произведения Толстого по подписке. Так что я смог прочесть эти книги довольно рано и стал почитателем таланта этого писателя. Многие удивлялись, когда я, советский министр иностранных дел, выступал за мир во всем мире и пытался гасить вспышки ненависти, разгоравшиеся в разных точках планеты. Раздумывая об этом сегодня, я прихожу к выводу, что именно литература, прочитанная в детстве и юности, зародила во мне ростки человеколюбия, способность к состраданию и стремление к гармонии в отношениях между людьми. Кроме Толстого этому способствовали и грузинские самоцианели¹, и конечно, свою лепту внесли самоцианели двадцатого века, так называемые цискрели². Последние были моими друзьями и союзниками, и не сомневаюсь, что мы оказали друг на друга положительное влияние. Ведь в конце концов человек есть не что иное, как сумма его отношений с предшественниками и современниками.

Но я отвлекся от темы.

В девятнадцатом веке подверглись гонениям кавказские мусульмане, им пришлось покинуть родные места. Кроме северокавказского населения тысячи абхазских и грузинских мусульман стали жертвой антиисламских преследований и превратились в беженцев. К этому времени относится объявление абхазов «преступной нацией» – так отозвался о них русский царь Александр II

¹ Самоцианели – букв.: шестидесятники, группа грузинских писателей, образовавшаяся в 1960-е годы XIX века вокруг основанного Ильей Чавчавадзе (1837–1907) журнала «Иберия».

² Цискрели – букв.: относящиеся к «Цискари», литературному журналу, основанному молодыми грузинскими литераторами в 1960 году.

(1855–1881). Северокавказские диаспоры в Турции, Иордании, Сирии, Ираке и странах Европы – это широко распространившееся эхо того времени. Так же как и грузины, живущие в Турции, они по большей части являются потомками тех мусульман, которые во времена русско-турецких войн были вынуждены переселиться в Турцию из грузинской провинции Месхетия. В то же самое время в Месхетии расселили 30 000 армян, спасавшихся бегством из Турции. (До 1828 года свыше 90 процентов населения здесь составляли грузины, а в 1830 году большинство уже были армяне.) Так в Грузии возник еще один очаг напряженности. Это был очередной этап в истории русско-грузинских отношений, начавшихся в одиннадцатом веке с банальной ссоры: предание гласит, что в 1021 году случилась какая-то драка из-за корма для лошадей между грузинами и дружинниками киевского князя Ярослава, союзника Византии. Затем стали устанавливаться более серьезные связи: в начале двенадцатого века русский князь Владимир Мономах завязал дружеские отношения с грузинским царем Давидом Строителем (1089–1125). В том же столетии русский князь Изяслав женился на внучке Давида, дочери царя Деметре I (1125–1156). В 1185 году – в «золотом веке» Грузии – грузинская царица Тамара сочеталась браком с Юрием Боголюбским, сыном русского князя. Этот брак оказался коротким и несчастливым.

Отношения между Русью и Грузией – двумя православными странами – усиливались по мере того, как кольцо исламских стран все теснее смыкалось вокруг Грузии. Христианская Византия пала, ее место заняла мусульманская Турция. Еще раньше пала христианская Армения, находившаяся под защитой Грузии. Отправляемые в Европу письма с просьбой о помощи и миссии, искавшие поддержку у европейских монархов, не принесли результата.

В качестве примера таких воззваний о помощи приведу послание царя восточногрузинского Картлийско-

Кахетинского царства Ираклия II (1744–1798) французскому королю Людовику XVI:

«Блистательному, великому и добросердечному Королю Франции. Нам тяжело обращаться к Вам с этой просьбой. Как сообщалось в последнем послании, мы позволим себе сообщить Вам, что мы просим о средствах, необходимых для содержания двух легионов, чтобы можно было призвать солдат и создать армию по европейскому образцу, с тем, чтобы наши враги – лишь услышав о том – не отважились больше на нас нападать.

Ерекле, Царь Картли и Кахетии»¹

Ираклий (по-грузински Ерекле) II и стал тем правителем, кто был вынужден призвать на помощь Россию, несмотря на то, что Россия не выглядела надежным партнером. Сначала Петр I (1682–1725) обманул грузинского царя Вахтанга VI и оставил его в одиночку биться с армией персов. Затем другие русские цари отказывали в уже обещанной помощи и царю Картли-Кахети Теймуразу II (1744–1762), и царю западногрузинской Имеретии Александру (1720–1752), и уже упомянутому Вахтангу VI, который эмигрировал в Россию, и Ираклию II. При этом Грузии приходилось терпеть все больше притеснений со стороны Турции и Персии, которые наказывали ее за усиливающиеся отношения с Россией. Наконец, Ираклий II вновь обратился к России за помощью – незадолго до начала очередной штрафной акции персидского шаха Ага Мохаммед-Хана против Грузии. Несмотря на подписанный в 1783 году договор*, по которому Россия обязывалась оказывать Грузии помощь, Ираклий II так и не получил поддержки. Напротив, граф Гудович, главнокомандующий кав-

¹ Ланг Давид М.: Последние годы грузинского царства. Тбилиси, 2003. С. 194.

* Во избежание путаницы уточним: видимо, автор имеет в виду подписанный в 1783 году Георгиевский трактат.

казскими войсками, получил из Санкт-Петербурга следующие указания:

«В случае если Ага Мохаммед-Хан вознамерится вторгнуться в Грузию, “заверить” Ираклия в помощи. Только “заверить”, и ничего более!»

В 1795 году Ага Мохаммед-Хан разрушил город Тифлис. К этому времени уже существовал договор между Восточной Грузией и Россией, так называемый Георгиевский трактат, по которому императрица Екатерина Великая объявила, что от своего лица и лица своих наследников обязуется защищать права Грузии и ее правителей, уважать законы и судопроизводство в стране и права автокефальной Грузинской церкви. Кроме того, Грузия должна была сохранить свою денежную систему и собственную армию. Согласно параграфу 20 трактата договор заключался на длительный срок и вносить в него какие-либо изменения можно было только при обоюдном согласии сторон. Договор был нарушен Россией, когда в 1801 году Грузинское царство было отменено манифестом*. Страна в качестве губернии присоединялась к России. Превращение Грузии в две российские губернии закончилось в 1810 году присоединением Абхазского княжества.

Так, при большом кровопролитии, был покорен Кавказ. В результате откровенного коварства Грузинское царство было ослаблено, разделено, а затем упразднено окончательно. Царскую династию уничтожили. Автокефальность Грузинской церкви отменили, грузинское судопроизводство на родном языке, как и преподавание в школе на грузинском языке, поставили под запрет.

Начался долгий насильственный процесс русификации, который периодически сопровождался восстаниями. Восстания кровавым образом подавлялись. Сепаратистские движения поддерживались всеми средствами,

* Имеется в виду Высочайший манифест 12 сентября 1801 года Александра I.

чтобы и дальше раскалывать страну или совсем отделить от нее некоторые территории – как, например, Абхазию.

В 1918 году последствия Первой мировой войны, крах Российской империи и поддержка со стороны Германии дали возможность восстановить государственную независимость Грузии.

Россия признала ее независимость и подписала в 1920 году договор о дружбе с демократической Грузией. Впрочем, как выяснилось в очередной раз, Россия и на этот раз не собиралась придерживаться содержащихся в договоре обязательств. Это были лишь пустые обещания. России этот договор был нужен ради одной-единственной цели: для того, чтобы легально действовать внутри Грузии против самой Грузии через русское посольство и его агентов.

26 апреля 1921 года генерал Павел Сытин, военный атташе русского посольства в Грузии, писал в правительство большевистской России:

«Границу РСФСР следует незамедлительно перенести до правого берега реки Бзыбь, то есть до непосредственного соседства с Абхазией. Эта акция имела бы не только огромное политическое и стратегическое значение, это предоставило бы в наше распоряжение важнейшие природные ископаемые.

Отделить Абхазию от Грузии необходимо во всех отношениях, и промедление с этим перемещением привело бы к нежелательным последствиям.

Путь расчленения Грузинской Республики на ряд автономных единиц – тем сильнее подчиненных влиянию РСФСР, чем эти единицы будут меньше, – заслуживает большого внимания»*.

Итак, 25 февраля 1921 года вслед за независимой Арменией и независимым Азербайджаном Советская Россия аннексировала независимую Грузинскую Демократическую Республику. Советская Россия продолжи-

* Источник цитаты автором не указан.

ла имперскую российскую традицию разделения Грузии. На ее территории создали Абхазскую автономную республику, Аджарскую автономную республику и Юго-Осетинскую автономную область. Россия дислоцировала в стране свои воинские части, грубо расправилась с антисоветским восстанием 1924 года и нанесла репрессиями 1937, 1944, 1950, 1956 и 1989 годов грузинскому населению невосполнимый вред.

К этому добавились потери в войне Советского Союза против Германии, когда погибли 300 000 грузин (почти 10 процентов населения), а те, кто попал в плен, выжил и возвратился домой, оказались депортированными в Сибирь, откуда вернуться удалось немногим.

Известно, что Грузия и Кавказ всегда были «головной болью» как для самодержавной, так и для Советской России.

Этот небольшой регион (население Кавказа в целом составляет не более 11 миллионов человек) был, если можно так сказать, самой милитаризованной зоной в мире. По данным российских спецслужб, для войск на Кавказе была создана сильнейшая инфраструктура и внушительные резервы – Транскавказские войсковые группировки, Каспийский пограничный флот и другие специализированные воинские части. Раньше об этом нельзя было писать. Значит, мы не имеем права молчать об этом сегодня. Такая большая масса войск и военной техники, разумеется, предназначалась для обеспечения безопасности в отношении соседствующих с нами государств. Но дислокация войск происходила в Грузии, на Кавказе, и среди прочего представляла собой также страховку на случай нежелательного развития событий в регионе. Эти войска не один раз использовались для «умиротворения» Грузии.

Народу пришлось пережить много горя. Тем не менее дух свободы подавить не удалось, поэтому в 1991 году Грузия смогла восстановить политическую независимость собственного государства.

* * *

Так, в общих чертах, обстоят дела с нашими отношениями в прошлом, о которых хотелось бы забыть. Тем не менее в долгой истории наших стран было много хорошего. Были дружба, любовь и уважение. Мне кажется, что именно на дружбе и уважении следовало бы строить нынешние и будущие отношения между нашими народами. Мы также не должны забывать, что Грузия как часть Российской империи вернула себе часть утраченных территорий – с помощью этой империи и для ее блага.

Благодаря России Грузия стала ближе к Европе. При помощи России в Грузии сформировалась европейская система образования и науки, научных исследований. Многие грузины получили высшее образование в российских вузах и стали высококвалифицированными специалистами. Их знания и способности сослужили Грузии великую службу. Россия восполняла и сейчас восполняет энергетический дефицит и дефицит горючего в Грузии. Без энергоресурсов мы не смогли бы развивать свое производство, да и вряд ли смогли бы существовать. И, наконец, Россия была – и, надеюсь, останется впредь – гигантским рынком, где грузинская продукция всегда находила сбыт без всяких ограничений.

Я хотел бы упомянуть, что грузины всегда активно и честно участвовали во всех сферах жизни и в Российской, и в Советской империи – в политике, науке, искусстве, медицине, военном деле и высоких технологиях. Грузины повсюду оставили зримый след. Они участвовали во всех решающих схватках – достаточно вспомнить грузинских героев российских войн 1812, 1828–1829, 1877–1878 и 1941–1945 годов. Поэтому нам остается единственный и выгодный для обоих государств путь: учитывать взаимные интересы и честно сотрудничать друг с другом.

Грузия никогда не станет колонией России. Но Грузия может быть верным партнером и добрым соседом.

ГЛАВА XI

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА РОССИИ ПРОТИВ ГРУЗИИ

Я был в Москве, когда в советских республиках, особенно активно стремившихся к независимости, начались внутренние конфликты. Складывалось впечатление, будто в Молдавии, в Абхазии и Южной Осетии (Грузия) одновременно получили приказ начать восстание. Некоторые из предводителей восставших, члены фракции «Союз» в Верховном Совете Советского Союза, подчинялись руководящим указаниям из Москвы.

Сегодня, упорядочивая и анализируя факты, я ясно вижу взаимосвязь между событиями, которые во времени и в пространстве не так уж близки. Что касается Грузии, то при ближайшем рассмотрении не составит труда понять: здесь уже некоторое время велась целенаправленная работа по запугиванию грузинского населения, по разделу их родной страны. Также намеренно разжигались сепаратистские настроения среди армян, азербайджанцев, абхазов и осетин.

Конфликты в Абхазии и Южной Осетии

17 июня 1988 года абхазский писатель Алекси Гогоа и другие представители абхазской интеллигенции обратились с письмом к XIX конференции КПСС. Они требо-

вали выхода Абхазской автономной республики из состава Грузинской Советской Республики и ее превращения в отдельную самостоятельную советскую республику.

18 марта 1989 года абхазская организация «Айдгылара» при поддержке местных партийных и советских функционеров организовала многолюдную манифестацию в абхазском селе Лыхны.

Тысячи людей обратились к Горбачеву с просьбой о том, чтобы Абхазия получила статус советской республики и чтобы в этой вновь созданной республике было введено «собственное центральное управление». Хотя в манифестации принимали участие несколько тысяч человек, ни 300 000 грузин, ни люди других народностей, которые также проживают в Абхазии, там представлены не были. Мнение остального населения Грузии тоже никого не интересовало. Это была точно просчитанная провокация, приведшая позднее к кровопролитию.

С 20 марта по 8 апреля 1989 года на всей территории Грузии проходили митинги и демонстрации против «лыхненских требований». Должностные лица в Грузии не одобрили уличных акций протеста, так что демонстрации были несанкционированными. Вскоре эти выступления приобрели характер массовой голодной забастовки. Они превратились в мирные антисоветские акции протеста, завершившиеся известной трагедией 9 апреля: показательной акцией по разгону демонстрантов – с убитыми, ранеными и отравленными ядовитым газом.

После кровавого 9 апреля усилились атаки на грузинские окраины. В Абхазской автономной республике и в Юго-Осетинской автономной области, а также в районах компактного проживания армян и азербайджанцев последовали вспышки сепаратизма. Тогда же произошел погром в Фергане – небольшом городе Узбекистана. Погром был направлен против тех мусульман,

которые в сороковые годы двадцатого века были депортированы из Грузии*. Этим людям выдворили из Ферганы и отправили обратно в Грузию – в Абхазию. Их неупорядоченное возвращение давало все основания ожидать новых коллизий.

8 июля 1989 года абхазский Народный форум «Айдгылара» обратился к Председателю Верховного Совета СССР с просьбой о незамедлительном введении чрезвычайного положения и о переподчинении Абхазии непосредственно руководству из центра (из Москвы).

В ночь с 14 на 15 июля 1989 года в абхазской столице Сухуми была демонтирована памятная доска, установленная в знак скорби и памяти о грузинах, погибших 9 апреля в Тбилиси. Это был вызывающий шаг, оскорбляющий память мертвых. С 15 по 18 июля «Айдгылара» устроила бесчинства в знак протеста против открытия филиала Тбилисского университета в Сухуми. (Русскоязычный абхазский университет в Сухуми основан в 1975 году.) Столкновения закончились трагически: 17 погибших (одиннадцать грузин, пять абхазов, один грек) и 448 раненых. Тогда властям Грузии и предводителям неформальных организаций удалось избежать разрастания конфликта. Эту провокацию можно рассматривать как своего рода генеральную репетицию будущей войны 1992 года.

25 и 26 августа 1989 года в Сухуми состоялся первый Форум кавказских народов. В форуме приняли участие представители неформальных организаций абазин, абхазов, адыгейцев, ингушей, кабардинцев, черкесов и чеченцев. Было решено созвать Конференцию горских народов Кавказа, которой предстояло основать собственное государство. Столицей нового государства должен был стать город Сухуми. Это являлось прямым требованием аннексировать часть территории суверенного государства Грузии.

* Вероятно, имеются в виду так называемые турки-месхетинцы.

Тем временем, после предварительной соответствующей идеологической обработки, проведенной с помощью прессы, Совет депутатов Юго-Осетинской автономной области постановил превратить автономную область в автономную республику. Тем же постановлением автономная область прекращала свое существование. Верховный Совет Грузинской ССР отреагировал на это, объявив, что постановление не имеет законной силы.

По призыву Звиада Гамсахурдиа десятки неформальных организаций со всех концов Грузии поспешили в Цхинвал, столицу Юго-Осетинской автономной области, чтобы поддержать проживающих там грузин. В пригородах Цхинвала их ожидали осетинские боевики и российские войска...

Я не буду описывать некоторые события, но хочу упомянуть, что 20 сентября 1990 года Южная Осетия провозгласила себя самостоятельной – отделившейся от Грузии – Юго-Осетинской республикой. 10 декабря 1990 года грузинский Верховный Совет аннулировал югоосетинскую автономию. А Верховный Совет СССР аннулировал оба постановления. Возможно, таким образом в центре хотели прекратить войну указов и постановлений. Но получилось наоборот: дело дошло до кровавого конфликта. Для защиты населения, восстановления закона и порядка 5 и 6 января 1991 года в регион Цхинвала направили грузинскую милицию и части Национальной гвардии. Против них тут же были мобилизованы местные и северокавказские боевики. Российские военные поддержали их оружием и амуницией. Россия все интенсивнее участвовала в конфликте. Грузинское и осетинское население в массовом порядке стало покидать регион. Все это происходило во времена правления Гамсахурдиа. Я тогда находился в Москве.

Конфликт надо было остановить как можно скорее. Когда в марте 1992 года я вернулся в Грузию, то первым делом начал принимать меры к прекращению военных

действий и возвращению беженцев. Страна находилась в хаосе и разрухе. Шаг за шагом привести регион к спокойствию было делом первой необходимости. В июне 1992 года намечалась встреча между мной и Борисом Ельциным. Встречу планировали провести на черноморском побережье, в Дагомысе, на юге России. Главную задачу встречи мы видели в том, чтобы добиться прекращения огня в регионе Цхинвала. Мы подписали соответствующий договор и образовали тройственную комиссию для контроля над выполнением соглашений. Осетины были согласны. Огонь прекратился, но комиссии не удалось блокировать проникновение в регион боевиков и систематическое поступление оружия. Этот регион и по сей день остается главным источником нестабильности. Изгнанные из своих домов грузинские беженцы все еще не могут вернуться к родному очагу.

Обратимся назад, к 1990-му году. 31 мая состоялась широкая манифестация горских народов Кавказа. Они требовали отделения Абхазии от Грузии.

25 августа 1990 года Верховный Совет Абхазской автономной республики принял Декларацию о государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики и постановление «О правовых гарантиях для защиты государственности Абхазии». Это произошло с нарушением кворума при голосовании, так как в голосовании приняли участие только 68 из 138 депутатов.

26 августа 1990 года Президиум Верховного Совета Грузинской ССР аннулировал акты Верховного Совета Абхазской автономной республики от предыдущего дня с замечанием, что они направлены против Конституции Грузии и нарушают ее территориальную целостность. Как видно, машина войны внутри Грузии и вокруг нее находилась в полной боевой готовности. Это было только начало.

9 июля 1991 года Верховный Совет Абхазской автономной республики при поддержке (это важно!) гру-

зинских властей принял избирательный закон, сформулированный по принципу апартеида. Согласно этому закону абхазам, составлявшим 17 процентов населения Абхазской автономной республики, полагалось иметь большинство в Верховном Совете. Так и вышло: после декабрьских выборов 1991 года грузины, русские, украинцы, армяне, греки, евреи, осетины и эстонцы – все неабхазское население в целом (83 процента) – имело меньше представителей в Верховном Совете, чем этнические абхазы (17 процентов населения).

С помощью этого механизма Верховный Совет Абхазской автономной республики, президиум которого состоял, по большей части, из абхазов и тех, кто их поддерживал, стал принимать законы, постановления и указы, которые делали недействительными законы Грузинской Республики в Абхазии. Политико-правовые и военные предпосылки для войны 1992–1993 годов к этому времени уже были тщательно подготовлены.

Личностный фактор тоже сыграл свою роль в постепенном отходе Абхазии от грузинской государственной системы. В Грузии к власти пришел диссидент без малейшего опыта управленческой работы – Звиад Гамсахурдиа, получивший к тому же в 1991 году посвящение в президенты. 4 декабря 1990 года в Абхазии – по уговору с Гамсахурдиа – депутат Верховного Совета СССР и один из лидеров реакционного блока «Союз» Владислав Ардзинба был избран Председателем Верховного Совета Абхазской АССР.

Постановлением Верховного Совета Абхазии от 29 декабря 1991 года «О создании при Председателе Верховного Совета Абхазской Автономной Республики Временного Совета по координации деятельности дислоцированных на абхазской территории воинских частей, учреждений, пограничных и внутренних войск и сил ВМФ и внесении изменений в порядок их функционирования» в распоряжение Ардзинбы отдавались вооруженные силы, принадлежавшие бывшему Советско-

му Союзу и дислоцированные в Абхазии. Это была огромная власть.

Одновременно с консолидацией сепаратистских сил внутри Грузии усиливались политические противоречия. Правящее политическое объединение «Круглый стол – Свободная Грузия» распалось, Национальная гвардия дистанцировалась от президента и пошла против него. Российские военные поддерживали недовольных, и дело дошло до кровопролитного восстания. Звиад Гамсахурдиа был вынужден покинуть страну, охваченную хаосом гражданской войны. Грузия оказалась на краю пропасти, впереди виднелись распад и разорение. Мечта врагов страны воплощалась в жизнь.

С глубокой озабоченностью я наблюдал из Москвы за развитием событий. Я видел, как страну пытались столкнуть в кровавую трясиину.

В феврале 1992 года Грузия позволила себе шаг, эмоциональный и необдуманный – я смог вздохнуть спокойно, только когда узнал, что марш-бросок грузинского воинского соединения до реки Псоу на севере Абхазии, на русско-грузинской границе, прошел без кровопролития*. Тогда в Москве ко мне в гости приходили абхазы. Они не скрывали беспокойства: было видно, как все происходящее постепенно приобретает фатальный характер.

Как я уже упоминал, Грузия оказалась в полнейшей изоляции от всего мира. Только с Украиной еще имелись контакты, однако они касались совсем незначительных вопросов.

Когда я вернулся в Грузию, разрушения были ужасными. Центр Тбилиси лежал в руинах. Самопровозглашенные дружины стали хозяевами города и слонялись повсюду. Порт в западногрузинском Поти и железная

* Политическая напряженность в Абхазии на тот момент обострилась в связи с тем, что сюда вошли подразделения Национальной гвардии Грузии для борьбы со сторонниками свергнутого президента Гамсахурдиа.

дорога оказались заблокированными. Транспорты в Абхазию и по Абхазии – с юга на север в направлении России и с севера на юг в направлении Грузии, Армении и Азербайджана – подвергались систематическому и целенаправленному разграблению. Ущерб достигал одиннадцати миллиардов рублей. Стране грозил голод. К этому прибавлялись массовые похищения людей, причем невозможно было понять, кто за этим стоит: приверженцы бывшего президента или абхазы. Абхазия превратилась в эльдорадо криминального мира, в место сбора террористов и разбойников. Необходимо было принять быстрые и решительные меры.

С огромным трудом нам удалось погасить огонь гражданской войны и установить порядок. Разумеется, это относилось и к Абхазии. Руководство Абхазии избегало любых переговоров. «Айдгылара», в частности, придерживалась мнения, что «между Абхазией и Грузией могут быть только такие отношения, какие бывают между суверенными государствами». Если же, несмотря на всевозможные затруднения, нам иногда удавалось о чем-то договориться, то эти договоренности просто не соблюдались – так было перед войной, во время войны и после войны. А затем подоспело и новое осложнение положения в Тбилиси. Это стало следующим звеном в цепи событий, выстроенных по общему преступному плану.

24 июня 1992 года группа приверженцев Звиада Гамсахурдиа штурмом захватила казармы внутренних войск, получив один танк и сотни единиц автоматического оружия, пересекла, не встретив сопротивления, половину города и заняла здание департамента радио и телевидения. Предводители мятежа обратились по телевидению к населению с призывом восстановить «легитимную власть» и свергнуть «кровавую хунту Шеварднадзе».

В тот день, 24 июня, я собирался лететь в Сочи, чтобы встретиться с российским президентом Борисом Ельциным. Темой встречи было урегулирование грузи-

но-осетинского конфликта. После беседы мы планировали вместе лететь в Стамбул, чтобы принять участие в саммите государств, имеющих выход к Черному морю.

Накануне встречи с Ельциным поступило сообщение о том, что Россия наложила вето на прием Грузии в ООН. Вставал вопрос, надо ли мне теперь лететь в Сочи, или целесообразнее подождать? Звонок из Сочи прояснил ситуацию. «Похоже, кто-то очень старается сделать так, чтобы предстоящая встреча в Сочи не состоялась», – сказал Андрей Козырев своему грузинскому коллеге.

Предвосхищая события еще раз, я хотел бы упомянуть, что во время сочинских переговоров было заметно стремление России связать прием Грузии в ООН с урегулированием грузино-осетинского конфликта. Но это к слову. Вернемся к происшествиям, затруднившим мою поездку.

В Тбилиси от мятежников потребовали немедленно прекратить сопротивление и сдаться. Требование предъявили в ультимативной форме. Однако к назначенному времени ответа не последовало. Мне не оставалось ничего иного, как прибегнуть к решительным действиям.

В этот момент поступило сообщение, что моноэтническая абхазская гвардия в Сухуми готовит штурм здания абхазского министерства внутренних дел, чтобы «изгнать» (по выражению Ардзинбы) министра Гиви Ломинадзе. Согласно самовластному решению, правителя Ломинадзе собирались убрать с занимаемой должности лишь потому, что он был по национальности грузином. Между бесчинствами звиадистов в Тбилиси и акцией в Сухуми снова просматривалась взаимосвязь. Но ситуация была напряженной и не совсем понятной. Я связался с Ардзинбой по телефону и сказал следующее:

«Вы наверняка знаете, что творится в Тбилиси. Здесь многое – если не все – висит на шелковой нитке. Я обращаюсь к вам как человек к человеку и прошу не реализовывать сейчас ваше намерение. Отмените

свой приказ. Мы с вами все обсудим и сумеем вместе найти выход».

Ардзинба отвечал туманными фразами. Его расчет был прост: звиадисты добьются успеха, и тогда уже можно будет не обращать особого внимания на Тбилиси, а нынешнее правительство, так или иначе, обречено.

Позднее я узнал, что приказ Ардзинбы был приведен в исполнение еще до нашего с ним разговора. Здание МВД взяли штурмом. «Неподходящего», даже недопустимого министра-грузина изгнали. Его сильно избили. В тот же день в Сухуми распространились слухи о том, что тбилисское правительство свергнуто, а «Шеварднадзе исчез – с какими-то неизвестными целями».

Интриги, беспорядки, гражданская война

После того как попытка государственного переворота оказалась очень быстро пресечена, я вылетел в Сочи. Побеседовав в Дагомысе, мы с Ельциным подписали соглашение об отправке тройственных миротворческих войск в зону грузино-осетинского конфликта. Казалось, со стороны России это была честная игра. Россия обязывалась поддержать просьбу Грузии о членстве в ООН. На сердце у меня стало легче, будто камень упал с души. И тем не менее мне не давала покоя смутная тревога. Я чувствовал, что инцидент в Сухуми, произошедший явно по договоренности со звиадистами, не будет последним. Чутье меня не обмануло. Меньше чем через месяц последовали крайне неприятные события. И на этот раз они произошли в одно и то же время.

9 июля 1992 года звиадисты похитили грузинского вице-премьера Александра Кавсадзе. Чтобы добиться его освобождения, мне надо было отправиться в западногрузинскую Мегрелию. 22 июля я сообщил об этом по телевидению.

Ровно на следующий день, 23 июля 1992 года, парламент Абхазской автономной республики объявил Конституцию 1978 года недействующей. На практике это означало выход Абхазии из состава Грузии.

Это постановление «О прекращении действия Конституции Абхазской АССР 1978 года», аналогичное конституционному, восстанавливало Конституцию Абхазской Советской Социалистической Республики 1921 года. Таким образом, де-юре Абхазия выходила из состава Грузии, однако именно с юридической точки зрения тут не все было в порядке. За это постановление проголосовало простое большинство депутатов (36 человек), но не квалифицированное большинство (43 человека), необходимое для принятия решений подобного рода. Я немедленно возвратился в Тбилиси. 25 июля 1992 года Государственный совет Грузии аннулировал означенное постановление.

После моего возвращения в Тбилиси в Мегрелии продолжались переговоры между приверженцами Гамсахурдиа и моими доверенными лицами. И все они – министр внутренних дел, его заместитель, мой советник и другие очень важные люди в правительстве, всего одиннадцать человек, – были взяты в заложники 11 августа 1992 года. Их увезли в Абхазию, в село Кочара.

13 и 14 августа неподалеку от западногрузинской станции Ингури взорвали железнодорожный мост. Таким образом, единственной магистралью осталось автомобильное шоссе, связующее Западную и Восточную Грузию. Если бы взорвали еще и автомаост на этой дороге, это окончательно разделило бы страну на две части. Восточная Грузия пострадала бы в этом случае особенно сильно, поскольку потеряла бы всякую связь с портовыми городами на Черном море. В таком случае ей угрожал бы настоящий голод. Предпринимались любые попытки, чтобы устроить в стране неразбериху и вырвать Абхазию из грузинского государственного формирования, неважно – мирным путем или силой.

Недаром еще в 1990-м году будущий председатель «Кавказского парламента» Юсуп Сосланбеков ставил следующую задачу: «...Мы пойдем на все, чтобы вернуть Абхазию в лоно Кавказской Федерации, а Кавказской Федерации вернуть ее столицу – город Сухум»¹.

Эта цель оказалась бы недостижимой, если бы грузины сохранили единство и если бы в расположенной по соседству с Абхазией провинции – Мегрелии – царили покой и порядок. Поэтому летом 1992 года в Мегрелии постоянно гремели взрывы. В абхазских населенных пунктах Очамчире и Гали были оборудованы базы, где готовились и диверсионные акты в Мегрелии. Каждый раз, когда грузинские правительственные войска обнаруживали в Мегрелии диверсантов и начинали их преследовать, те искали спасения в Абхазии. Дело в том, что существовал приказ, запрещающий правительственным войскам вступать в любого рода столкновения с абхазскими боевиками. Несколько раз я звонил Ардзинбе, предлагая ему совместными усилиями ликвидировать эти базы. Он отвечал, что абхазское руководство справится с этим самостоятельно. Вооруженные банды грабили товарные поезда в Мегрелии и Абхазии: на железнодорожных станциях Гагра, Бзыпь, Гантиади, Гудаута, Дранда, Гали, Ачигвара, Салхино, Сухуми, Эшера, Очамчире, Ингири, Зугдиди, и т. д. Только в первом полугодии 1992 года было зарегистрировано 1142 нападения и взрыва. Грабили и пассажирские поезда, несколько раз совершались нападения на транспорт Международного Красного Креста. Население наших промышленных центров испытывало недостаток в главных продуктах питания. Мука, сахар, пищевое масло, детское питание и медикаменты, тоннами поступавшие в Грузию в виде гуманитарной помощи, попадали в руки бандитов. Они были

¹ Сосланбеков Ю. Несколько затянувшаяся прогулка по краю пропасти. Кавказ. Октябрь, 1990.

хорошо вооружены и располагали разветвленной цепью коммуникаций.

Задолго до начала боевых операций с Северного Кавказа в Абхазию были засланы «добровольцы» – хорошо обученные и вооруженные отряды боевиков. Они приезжали туда под разными предлогами: участие в фольклорном празднике или дружеская встреча, туристическая экскурсия, частная поездка. Их принимали в абхазских семьях, здесь они и жили, чтобы в случае конфликта с самого первого дня включиться в военные действия.

Саботаж и диверсии планировались самым тщательным образом. Так, получили известность документы о «возмездии» одной «группы мстителей», содержащие перечень имен абхазов и грузин, подлежащих уничтожению за «предательство абхазского народа». Большинство названных людей действительно были убиты. Судя по листовкам, отпечатанным в Гудауте, главной целью вдохновителей и предводителей войны являлось уничтожение грузин: «Уничтожение врага будет неизбежным».

В последние годы внутри Абхазии и за ее пределами шел интенсивный сбор денег на проведение мощной пропагандистской кампании и покупку оружия. На специальных базах в Абхазии и на Северном Кавказе готовили боевиков. Некоторые из них, как, например, Шамиль Басаев – «герой» абхазской войны, – впоследствии производили диверсии и теракты против своих отцов-воспитателей, русских.

В июне 1992 года Верховный Совет Абхазии подписал договор с одной иностранной фирмой на изготовление паспортов для граждан Абхазской Республики. В договоре было записано: «Тираж продукции составит от одной тысячи пятисот до одного миллиона экземпляров и будет уточнен позже». Почему так много? Ведь общая численность населения Абхазии гораздо ниже! Объяснение этому несоответствию можно найти в заголовке проекта постановления Верховного Совета Абхазской Республики: «О праве граждан по желанию изменить свое имя и наци-

ональную принадлежность». Изменение общей демографической картины являлось составной частью общего плана. После изгнания и уничтожения грузин их места проживания собирались передать иностранцам. План колонизации Абхазии и изгнания оттуда грузин был рассчитан на длительный срок. Уточнение заказываемого тиража паспортов планировали провести после того, как с помощью военной силы будет расчищено жизненное пространство для тех, кто захочет иметь в паспорте абхазскую национальность. Для реализации этого замысла требовалась долгая предварительная работа, предшествовавшая началу этнических чисток. С 1990 по 1992 год на территории автономной республики планомерно расселяли приезжих из разных стран. «Добровольцам» с Северного Кавказа и с юга России предлагали участки земли. На кого же при этом ссылались? Иными словами: по чьему указанию все это было сделано?

В 1992 году партия войны в Абхазии была готова к борьбе – у нее имелись оружие, деньги и бойцы, а также поддержка России и Северного Кавказа. В частных разговорах никто не делал из этого тайны. Так, например, российской исследовательнице Светлане Червонной было сказано: «Не беспокойтесь, у нас уже все готово. Мы за полчаса поставим под ружье весь народ. Наши арсеналы полны вашим же, российским, оружием, в любой момент мы можем их удвоить и утроить. У нас налажены связи с казачеством, вы сами всё скоро увидите: как только здесь начнется война, весь Кавказ придет в движение, а за ним и вся Россия. У нас свои эмиссары за рубежом – в Турции, в арабских странах. Нас поддержит весь мир. Ну а кто не захочет быть с нами, с тем поступим по законам военного времени»¹.

Все было подготовлено, и все были готовы начать войну, чтобы разрушить целостность Грузии. По рус-

¹ Червонная С. Абхазия-1992. Посткоммунистическая грузинская Ванда. Москва, 1993. С. 9.

скому плану, и время было самое подходящее: гражданская война достигла пика, о стабильном государстве не могло быть и речи, а собственной армии, как и поддержки извне, у Грузии не имелось.

Очевидно, наступил момент, когда можно было реализовать планы, сформулированные еще генералом Антоном Деникиным в 1919 году: территорию вокруг Сухуми отделить от Грузии и присоединить к «единой и неделимой России».

Война в Абхазии

Третьего апреля 1992 года, за несколько месяцев до кровавого столкновения, мой ассистент протянул мне какую-то телеграмму из большой стопки ежедневной почты. Эту телеграмму сотрудники посчитали нелепостью, курьезом и отложили в сторонку. Однако моя интуиция почему-то потребовала не просто принять к сведению эту телеграмму, но и прочесть ее с особым вниманием.

«Тбилиси. Дом правительства. Председателю Госсовета Грузинской Республики Шеварднадзе. Требуем решительных действий по прекращению возможных провокаций против Абхазской Республики. Ожидаем от Ельцина, Верховного Совета СНГ и главнокомандующего армией принятия срочных мер по обеспечению стабильности. Координатор фракции “Россия” Бабурин».

Имя отправителя было слишком хорошо известно, чтобы посчитать его «произведение» простой случайностью: Сергей Бабурин, один из лидеров красно-коричневых в Верховном Совете Российской Федерации, был непримиримым противником Ельцина.

Автор телеграммы явно испытывал затруднения с логикой. Он требовал прекращения возможных – то есть еще не случившихся – провокаций, вместо того чтобы требовать их предотвращения, о котором мог бы говорить, если бы располагал доказательствами, что

провокация готовится. В своей телеграмме он назвал республику, которая под этим именем существовала только в ее собственном конституционном проекте. И, наконец, Бабурин совершил очевидную ошибку в выборе адресата и в общей тональности телеграммы: он вмешивался во внутренние дела другого государства и грозил, что вмешательство будет усилено благодаря участию высшего должностного лица Российского государства и его вооруженных сил.

К моменту поступления этой телеграммы у нас не имелось никаких сигналов и даже намеков на скорое осложнение ситуации, которая и так была далеко не простой. Мы предприняли все возможное, чтобы избежать нарастания конфликта. Я регулярно поддерживал контакт с Владиславом Ардзинбой и другими абхазскими лидерами. Правда, всякий раз, когда я предлагал Ардзинбе встретиться, он находил предлог, чтобы отложить переговоры. Но некоторые люди из его окружения часто приезжали в Тбилиси. Мы с ними быстро находили общий язык, и обе стороны неизменно приходили к выводу, что нам ни в коем случае нельзя допустить конфронтации. Делегация высших представителей грузинского Госсовета посетила Сухуми и провела переговоры с руководителями грузинских и абхазских политических группировок. Нас заверили в том, что все стремятся исключительно к миру и гармонии, хотя действительность, вероятно, свидетельствовала об обратном. Тем не менее мы очень надеялись, что сможем найти компромисс. И тут вдруг эта телеграмма от Бабурина...

Сегодня Сергей Бабурин – вице-спикер российской Госдумы*. Он относится к числу лиц, обладающих пре-

* Сергей Бабурин занимал пост вице-спикера российской Госдумы с марта 2004 по декабрь 2007 года. С декабря 2007 года (после избрания нового состава Государственной Думы РФ, к участию в выборах которой его партия не была допущена Избиркомом РФ) вернулся на должность ректора Российского государственного торгово-экономического университета.

зидентскими полномочиями, открыто и активно вмешивающихся во внутренние дела Абхазии и Грузии.

Я знал, какие силы стоят за этой телеграммой: к ней как к своеобразному ультиматуму надо было относиться серьезно. Это был сигнал атаки, посланный перед тем, как острие абхазского копья, направляемого русскими реакционерами, будет открыто направлено в нашу сторону.

* * *

Подготовка к войне в Абхазии включала несколько стадий: каждая из них – со своей особой целью и содержанием.

Первая и самая длинная стадия продолжалась несколько десятков лет. Ее целью была психологическая обработка коллективного сознания абхазов: во что бы то ни стало создать четкий образ врага и твердые стереотипы «чужих». Почву, куда должны были пасть семена картвелофобии¹, хорошо обработали. Попытаюсь пояснить, что я имею в виду.

В двадцатые и тридцатые годы прошлого века советские люди подвергались жесточайшим репрессиям, которые были отчасти делом рук Лаврентия Берии – выросшего в Абхазии грузина. Репрессии обрушились на все народы, в том числе и на абхазский народ. Чтобы вызвать агрессию и конфликт, достаточно было немного исказить картину и представить абхазам дело рук грузина Берии как выражение специфически грузинского национализма. Создавая образ врага, следует основательно продумать формулировки. Не только в отношении жертв («Бедные абхазы – злой грузин, то есть злые грузины причинили им столько горя!»), но и в отношении злодеев. Поэтому лидеры абхазского сепаратизма просили защиты от Грузии у России, ни словом

¹ Ненависть к грузинам (на грузинском языке «картвели» означает «грузин»).

не обмолвившись о том, что в свое время именно русский царь объявил абхазов «преступной нацией». Тысячи абхазов изгнали с родины в Турцию за то, что во время Кавказской войны они воевали на стороне имама Шамиля – против России. Остается добавить, что в ходе репрессий советского времени грузинскому народу досталось не меньше, а возможно и больше, чем любому другому народу Советского Союза: горя хлебнули все – и с избытком.

Следующая стадия была посвящена разработке псевдоправовой аргументации для выхода Абхазии из состава Грузии. Тогда готовились «правовые основания» для конфронтации двух народов и натравливания их друг на друга.

И, наконец, третья стадия. Материально-техническая, организационная, военно-политическая и пропагандистская подготовка к вооруженному внутреннему конфликту, в который самым активным образом должны были включиться те внешние силы, которые были заинтересованы в нарушении исторической территориальной целостности Грузии и единства ее народов. Идея создания Конфедерации горских народов Кавказа (надо отдать должное ее разработчикам) была реализована абсолютно профессионально и на самом высоком уровне. Оставалось дожидаться повода, чтобы спровоцировать конфронтацию.

Грузия, мучимая жесточайшим экономическим, политическим и морально-духовным кризисом – такой я по возвращении и нашел страну, – была вынуждена одновременно бороться на всех фронтах: разбираться с террористами внутри страны и с влияниями извне, добиваться урегулирования конфликта в Цхинвале, преодолевать изоляцию на международной арене. Собственно, все мое время по возвращении на родину было посвящено только этим проблемам.

Мы были вынуждены всеми средствами защищать железную дорогу в Абхазию и порт в Поти. В противном

случае нам грозил самый настоящий, реальный голод. Решить эту задачу должен был Военный совет. Как уже упоминалось, Военный совет состоял из четырех человек: Тенгиза Сигуа (премьер-министр), Тенгиза Китовани (министр обороны), Джабы Иоселиани (командующий военизированной организацией «Мхедриони») и меня. Но, будучи председателем Военного совета, я не был главнокомандующим. Поэтому мои возможности контролировать вооруженные силы оказывались сильно ограниченными. Позже это привело к ряду недоразумений, и еще хуже – это привело нас к беде.

10 августа 1992 года было принято постановление Президиума Государственного совета Грузинской Республики «О введении чрезвычайных мер на железнодорожном транспорте». Речь шла о вооруженной охране магистральных железнодорожных и автомобильных путей от нападений и хищений грузов.

Хочу еще раз подчеркнуть: я запретил вооруженным силам входить в города и населенные пункты на абхазской территории. Для концентрации вооруженной охраны транспорта были определены три места: а) у Самтредиа, важного железнодорожного узла в Западной Грузии, б) под Сухуми (вне города) и в) около Леселидзе на границе с Россией. Все члены Военного совета согласились с такой дислокацией.

Я позвонил Ардзинбе и сообщил, что Россия, Армения и Азербайджан выступили с вполне правомерными претензиями к Грузии из-за грабежей на железных дорогах. Я сказал ему, что Грузия тоже терпит существенный ущерб и мы вынуждены взять под охрану железнодорожный транспорт. «Давайте вести охрану вместе, – сказал я ему. – Если мы отправим свою армию и вы дадите соответствующий приказ своей гвардии, мы сможем вместе сопровождать транспорт от Самтредиа до Леселидзе».

Ардзинба согласился и добавил, что кто-то от нас мог бы приехать в Сухуми для обсуждения всех подроб-

ностей договора. Я сказал, что к нему приедут Сигуа и Китовани. Именно это и стало моей крупной ошибкой: мне следовало немедленно поехать туда самому. Но в Тбилиси тогда сложилась настолько напряженная ситуация, что я не хотел покидать столицу.

Миновал день, и до меня дошло известие о том, что в Галийском районе Абхазии произошла перестрелка. Там действительно вышло столкновение между грузинской полицией и абхазами. Да, но кто отправил туда грузинские полицейские части? Возможно, Китовани? Или кто-то другой? Выяснить это мне не удалось. Время было такое: никакой дисциплины и полный произвол. Каждый творил что хотел, и до упорядоченных действий было еще очень далеко.

На следующий день Китовани и Сигуа должны были прибыть в Сухуми, однако они туда не поехали. Не хочу обвинять Китовани: он находился на юге Грузии в Ахалцыхе, чтобы принять вооружение от 16-го российского дивизиона – среди прочего там были и танки. Он заверил меня, что немедленно выедет в Сухуми, как только завершится передача оружия и техники.

Сигуа приехал в Сухуми лишь на третий день. Ардзинба воспользовался этим опозданием, чтобы избежать встречи с Сигуа, и спрятался у российских пограничников. Несмотря на все старания, Сигуа так и не смог увидеться и переговорить с Ардзинбой. Он, правда, разговаривал с другими руководящими лицами, такими как Сергей Багапш, Тамаз Надареишвили и Александр Анкваб, но без Ардзинбы какие-либо серьезные решения принять было невозможно.

Позже по приказу Китовани наша армия маршем вошла в Абхазию. Она встала лагерем поблизости от Сухуми. Это было нарушением моих договоренностей с Ардзинбой.

В это время Ельцин проводил отпуск в Сочи. Он позвонил мне и сказал: «Ваша армия не должна входить в Сухуми. Вас хотят заманить в ловушку. Ни в коем слу-

чае не поддавайтесь. Там дислоцирована и российская военная часть, и если дело дойдет до столкновения, возникнет такая лавина, которую никто и ничем не сможет остановить».

Я полностью разделял его мнение. Я объяснил ему, что я против вступления армии в Сухуми и что я приказал разместить одно соединение под Сухуми, другое под Леселидзе и третье у Самтредиа, и все это – для охраны железнодорожного транспорта.

По словам Тенгиза Китовани, движение грузинских армейских частей в Абхазии 14 августа 1992 года происходило неупорядоченно, указания Госсовета не исполнялись.

«Перед нами ехала полиция на “ладах” и на других легковушках, – вспоминал Китовани. – В Самтредиа я встретился с шефом местной полиции Сейкидзе и сказал ему прямо, что в этом эскорте нет нужды. Все равно они ехали перед нами. Из Цхинвала я отозвал один батальон под командованием Сосо Ахалая и поставил его во главе колонны. Шеварднадзе звонил непрерывно и каждого предупреждал, что весь мир будет против нас, если мы со своим оружием станем двигаться дальше».

Не было сделано ни единого выстрела, и тем не менее Верховный Совет Абхазской автономной республики под руководством Ардзинбы заговорил об «агрессии» и о «попытке покорения абхазской страны». Он призвал Абхазию подняться на отечественную войну и 14 августа объявил о всеобщей мобилизации. 15 августа газета «Правда» продемонстрировала поразительную расторопность, опубликовав телеграммы от Владислава Ардзинбы и Важи Зарандия. По словам Светланы Червонной, «их публикация была бы невозможна, если бы они не пришли раньше»¹.

Как раз 15 августа 1992 года была образована комиссия с участием конфликтующих сторон. Но абхазы мед-

¹ Червонная С. Указ. соч. С. 133.

лили с началом ее работы. Они подготовились к войне – теперь это стало очевидным. Наша – и лично моя – слабость проявилась в том, что нам не удалось избежать этой войны.

Темур Ломая, один из членов комиссии, позднее писал: «14 июня* мы были на правительственной даче в Сухуми. Позвонил Шеварднадзе. Китовани сказал, что не хочет с ним разговаривать. Гога Хаиндрава, государственный министр, подошел к аппарату. Закончив телефонный разговор, он сказал нам, что Шеварднадзе приказал остановить продвижение армии. Китовани ответил: “Я все равно пойду дальше”. Другие – и я в том числе – считали, что Шеварднадзе прав».

Примерно о том же вспоминает Отар Бенидзе, министр юстиции Абхазской автономной республики: «С 10 часов утра Шеварднадзе звонил через каждые четверть часа и требовал остановить правительственные войска, чтобы ни одна воинская часть не вошла в Сухуми... Это вообще было бы смертельным, непоправимым шагом – так он считал».

Сегодня мне ясно: Китовани тогда хотел выждать день или два – в надежде, что я разрешу ему ввести армию в Сухуми. Но убедившись, что моего согласия он не получит, сам отдал приказ и вошел с армией в Сухуми.

Когда абхазы узнали, что грузинская армия направляется в Сухуми, они покинули город и бежали в Гудауту, к северу от Сухуми. В Сухуми осталась лишь малая часть абхазских семейств: те, кто поддерживал территориальную целостность Грузии.

Грузинская армия, оставленная без контроля, вошла в город и принялась мародерствовать. Многие семьи – как абхазские, так и грузинские – подверглись разграблению.

* Видимо, здесь вкралась опечатка: речь, вероятно, идет о 14 августа или о 14 часах дня.

Вскоре после этого грузинские батальоны разбили свой лагерь на реке Гумиста. Это были батальоны звядистов. Впоследствии эти молодые люди мужественно сражались, пока Звиад Гамсахурдиа не вернулся из Чечни и не запретил им участвовать в войне.

Итак, армия вошла в Сухуми, заняла правительственное здание и спустила абхазский флаг.

– Сухуми покорен, – доложил мне Китовани.

– Да, но что это значит? Что дальше? – спросил я.

– Не беспокойтесь. Ребята – великолепные бойцы. Все будет хорошо.

«Ничего хорошего не будет, – подумал я. – Теперь это война, это больше не охрана железной дороги».

К чему-то подобному в Абхазии готовились очень давно – еще с советских времен. Я помню один эпизод, о котором узнал со слов Василия Мжаванадзе, моего предшественника на посту первого секретаря компартии Грузии. Еще в 1956 году Никита Хрущев, рассердившись после трагедии в Тбилиси*, грозил, что он натравит абхазов на грузин, если они и дальше будут проявлять «строптивость». Силами московских спецслужб была разработана специальная долговременная программа по подготовке псевдонаучных идеологических и психологических предпосылок для создания у абхазов образа врага-грузина. Грузины изображались как завоеватели и насильники. Собирались деньги и оружие, но главная задача состояла в том, чтобы разжечь ненависть к грузинам. С этой целью создавалась и распространялась особая мифология.

Например, существовал миф о том, что грузины поселились в Абхазии гораздо позже, чем это произошло на самом деле. Порой доходило до настоящих курьезов.

* 9 марта 1956 года в Тбилиси для разгона огромного числа демонстрантов, возмущенных развенчанием культа личности Сталина и тем, что Хрущев назвал Сталина врагом народа, была использована армия и применено огнестрельное оружие. При этом погибло очень много людей.

Так, в 1924 году появилась брошюра какого-то русского автора, где утверждалось, будто грузины украли абхазский алфавит. Уже в 1926 году тогдашний министр образования Абхазии не раз повторял эту сказку в своих публикациях. И никто не задавался вопросом: как это возможно – украсть у народа алфавит? И как могло получиться, что в истории не сохранилось ни строчки, написанной этими «абхазскими» буквами на абхазском языке, но существует бесчисленное количество надписей и манускриптов, написанных на грузинском языке? Это всего лишь деталь в целом ряду абсурдных вымыслов, которые использовала Россия, разжигая в Абхазии антигрузинские настроения.

Я прилетел в Сухуми, но так и не смог побеседовать с Ардзинбой – он всеми способами избегал встречи. За это время абхазы провели мобилизацию. Первые бои начались, когда я еще был в Абхазии.

С военной точки зрения, наше положение поначалу складывалось совсем неплохо: на реке Гумиста стояло пять батальонов, и один из наиболее сильных имел под своим контролем так называемый фуникулер* – фактически городские ворота.

Каждую ночь я проводил совещания. Часто на них присутствовал Китовани. Он вел себя весьма своеобразно. Однажды он покинул поле боя и направился в соседний Очамчирский район, чтобы, как он сказал, призвать под знамена своих партизан и вернуться сюда со свежими силами. Конечно, не он один своевольничал и был чужд дисциплины. Его окружение вело себя точно так же. Кстати говоря, в январе 1995 года, когда война была закончена, Китовани со своими ближайшими соратниками – среди них был один из вице-премьеров – решили силами небольшого вооруженного формирования, для

* Местное название сухумской горы с обзорной площадкой – здесь находится наивысшая точка над уровнем моря и господствующая над городом высота.

перевозки которого хватило нескольких автобусов, покорить и вернуть Абхазию. Я был вынужден с помощью тогдашнего министра госбезопасности Игоря Гиоргадзе пресечь это намерение и арестовать предводителей. Но это было после войны. Во время войны у меня не было ни полномочий, ни реальной власти, чтобы требовать беспрекословного исполнения моих приказов.

Среди военачальников я хочу особенно выделить Гию Каркарашвили – настоящего патриота и образцового воина. Министр безопасности Ираклий Батиашвили, не щадя своих сил, тоже был нашей опорой и поддержкой. Гено Адамия, отважный и мужественный офицер, служил командиром Сухумского гарнизона* и воевал, не щадя себя. Его прошлое чем-то напоминало прежнюю жизнь Джабы Иоселиани, он был таким же мужественным и отважным. Оставаясь верным мне до конца, в боях за Сухуми он последним покинул город и в одиночку пробирался домой. По дороге его убили.

2 сентября 1992 года мне позвонил из Москвы Борис Ельцин. «Мы хотим встретиться в Москве и положить конец этой войне. Пожалуйста, приезжайте в Москву. Я приглашу кавказских лидеров, и мы сможем все вместе обсудить, как взять ситуацию под контроль», – сказал он.

Я приехал в Москву. Ардзинба тоже прибыл. Обсуждение длилось долго. Ардзинба со многим был не согласен. По одному вопросу он заартачился, и Ельцин пригласил его в соседнюю комнату. Я не знаю, что он сказал Ардзинбе с глазу на глаз, но тот уступил. Наконец мы пришли к соглашению об окончании войны и о начале процесса примирения. Наша армия в этот момент была уже в Гагре, к северо-западу от Сухуми, и в Леселидзе, на грузино-российской границе. Я решительно возражал против того, чтобы армия входила в Гудауту:

* Имеется в виду более поздний период абхазской войны, когда грузинская армия уже заняла Сухуми, но не смогла удержать город, осажденный противником.

Гудаута являлась центром абхазского сопротивления и ее штурм привел бы к большому количеству жертв. Никому не нужна была еще одна печальная глава в истории грузино-абхазских отношений.

В Москве мы объявили войну законченной. Соглашение скрепили подписями Ельцина, Ардзинбы и моей, а также торжественным публичным рукопожатием. Это произошло 3 сентября 1992 года. Грузия ликовала. Но, к сожалению, именно 3 сентября начался трагический поворот в войне, пора заката для Грузии.

Едва лишь стало известно об окончании войны, многие грузинские воинские формирования покинули Гагру, внутреннюю часть города и пригороды. Пока в Гагре находился Джаба Иоселиани, дела шли неплохо. Но вот он заявил, что теперь, когда война кончена, ему больше нечего тут делать.

Большая часть армии покинула город. Остались только местные вооруженные добровольцы. Оставленные грузинами позиции – с явным нарушением наших договоренностей – немедленно заняли абхазы.

Договор 3 сентября не предусматривал вывода наших войск из Абхазии. Армия не должна была покидать регион. Но ребята, по собственному усмотрению и без всякого разрешения, оставили позиции. Последствия того, что Грузия не имела регулярной армии, проявились снова. К этому времени Грузия оказалась в информационной, экономической и военной блокаде. Чтобы прорвать блокаду, 25 сентября я вылетел в Нью-Йорк на сорок седьмую сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Я хотел, чтобы весь мир непосредственно от меня узнал, что творится в Грузии. У нас создалось крайне тяжелое положение, но я не мог оставаться дома, лишая тем самым свою страну единственного шанса на то, что мир узнает правду. Я должен был рассказать всему мировому сообществу о заговоре, по которому мою страну вновь хотят разбить на куски и обратить в рабство, о надеждах, которые питает моя страна, об идеях, кото-

рые мы вынашиваем, о том, на чьей стороне правда и где ложь. Я должен был со всей определенностью оповестить всех людей, что терроризм, сепаратизм, взятие заложников и диверсии – средства, применяемые сейчас против Грузии, – угрожают не только Грузии, чью целостность и государственность они подрывают, но и представляют опасность для всей земли. Если своевременно не разработать соразмерные правовые нормы, если не сделать надлежащих шагов, то опасные флюиды, проявившиеся в маленьком кавказском государстве, могли, на мой взгляд, подобно эпидемии, охватить мир. «Наша общая ответственность за мир и безопасность требует, чтобы мы, с одной стороны, согласовывали и координировали свои действия в политике, экономике, военной сфере, в финансах и в защите окружающей среды, и, с другой стороны, чтобы мы регулировали процессы на четырех уровнях: на региональном и межрегиональном, на национальном и международном», – говорил я.

Моя речь привлекла всеобщее внимание. Представители разных делегаций приходили ко мне и выражали свою благодарность за это выступление. Юрий Петровский, заместитель Генерального секретаря ООН, посетил меня, чтобы от имени Генерального секретаря сообщить, что «тезисы (моего доклада) оказали решающее воздействие на весь ход дальнейшей работы сессии».

Тем не менее меня не покидало беспокойство. У меня создалось очень неприятное ощущение, что большие государства просто не в состоянии полностью осознать тот факт, что события в Грузии представляют собой первые проявления угрозы мирового масштаба – это был как бы зародыш событий, последовавших 11 сентября 2001 года, и той варварской акции, которая случилась в Беслане в сентябре 2004 года. Вирус терроризма и сепаратизма достиг крупных государств только несколько лет спустя. А до той поры он свирепствовал в маленьких государствах, таких как Грузия, например.

Россия внесла свой вклад в распространение эпидемии. Имперские планы, имевшие целью расчленение Грузии и присвоение ее территории, вновь проявились на пятой сессии Верховного Совета Российской Федерации, проходившей с 20 по 25 сентября 1992 года и созванной по инициативе депутата Сергея Бабурин. Депутаты обсуждали вопрос «О положении на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии» и приняли постановление в форме заявления, которое стало прямым свидетельством наглого вмешательства во внутренние дела суверенного государства Грузии. (Это не могло немного позднее не вернуться бумерангом в Россию.)

Я преждевременно покинул Ассамблею ООН и отправился в Москву, чтобы встретиться с президентом Российской Федерации Борисом Ельциным. Наш доверительный часовой разговор, в ходе которого Ельцин еще раз подтвердил, что Россия поддерживает территориальную целостность Грузии, придал мне уверенности. Но скоро выяснилось: иногда хорошие слова сочетаются с плохими делами. На передний план снова вышла двойная мораль, которую Россия всегда применяла в своей политике по отношению к Грузии.

Но почему я должен обвинять русских, если сами грузины – приверженцы бывшего президента – сделали все, что только можно было придумать, чтобы раздробить страну и облегчить русским реализацию их планов?

1 октября 1992 года сторонники Гамсахурдиа – вместе с русскими и северокавказцами – заняли западногрузинский городок Хоби в Мегрелии.

2 и 3 октября абхазская сторона нарушила договор от 3 сентября. Объединенные войска абхазов, русских и северокавказцев, вооруженные новым российским оружием, танками и боевыми самолетами, атаковали Гагру. С моря город блокировали российские военные корабли. В штурме Гагры принимали участие россий-

ские корабли СКР «Безукоризненный», «КИЛ-25», «ВТН-38», «ВМ-66», «ГА Головин», а также 345-й морской батальон, 529-й полк ВВС (боевые самолеты Су-25, Су-27, Ми-8*) и 643-й зенитно-ракетный полк под командованием заместителя министра обороны генерал-полковника Геннадия Колесникова**.

Противник значительно превосходил нас в силе. Несмотря на проявленное бойцами мужество, грузины не могли устоять. Гагра пала. Началась резня грузинского населения – не щадили ни старых ни малых. В конце концов по футбольному стадиону в Гагре покатались отрубленные грузинские головы. Позже за это ужасное дело, в котором принимали участие чеченцы, приносил свои извинения бывший президент Чечни Аслан Масхадов. Перед лицом мировой общественности он признал, что глубоко сожалеет о том, что его соотечественники стали участниками этого преступления.

В 1995 году в Санкт-Петербурге вышла книга Юлия Калинина под названием «Распятая Грузия»***. В этой книге автор пишет: «Абхазия начинала войну, имея два БТРа и один БМП. Летчик у них был один, квалифицированных артиллеристов вообще не было. Через месяц, 1 октября 1992 года, они штурмовали Гагры с множеством танков, гаубиц и БМП. Личный уполномоченный российского президента в зоне грузино-абхазского конфликта Борис Николаевич Пастухов в тот же день в приватной беседе поведал о том, что у абхазов уже появились установки “Игла” и “Град”. На вопрос “Откуда?” Пастухов отвечал, что это – не проблема, были бы

* Вероятно, имеется в виду вертолет «Ми-8».

** Возможны неточности: есть упоминания о присутствии в это время в указанном месте вспомогательного судна Черноморского флота «Василий Головин», в том же контексте упоминается 345-й гвардейский парашютно-десантный полк.

*** Здесь допущена ошибка: Юлия Калинина, а не Юлий Калинин, является автором работы под названием «Теракт в масштабе государства», которая вошла в сборник под общим названием «Распятая Грузия».

деньги. Но откуда они взяли деньги? Мы же знаем бюджет Абхазии, там не было перед войной ни копейки»¹.

В этой же книге сообщается следующее: в заявлении от 25 сентября 1992 года Верховный Совет России обещал Абхазии свою полную поддержку. В то самое время, когда президент Борис Ельцин встречался в Москве с Шеварднадзе, там же, в Москве, встречались председатель Совета безопасности России Юрий Скоков и Владислав Ардзинба. В результате этой встречи абхазы вновь получили вооружение, тяжелую военную технику и деньги. «Россия предоставила Абхазии кредит на 14 миллиардов рублей. В Москве даже был открыт специальный банк»².

Во время войны было много абхазов, которые прятали грузин, точно так же, как было и много грузин, защищавших абхазов. В атмосфере жестокости такие поступки являлись настоящим подвигом. Надеюсь, когда-нибудь мы узнаем имена этих героев. Но, к сожалению, было и очень много абхазов, которые травили грузин – ради жилья, имущества или просто потому, что они – грузины. Подлинная цель всего этого варварства – искоренение грузин в Абхазии посредством запугивания, террора, оскорблений, пыток, изгнания и убийств мирных граждан – кажется в самом деле достигнутой. Но хуже то, что семена, посеянные насильем, дадут такие всходы, которые приведут к еще более ужасным последствиям в жизни детей и внуков нынешних грузин и абхазов.

У нас общая Родина. Инстинкт возвращения на Родину никогда не угаснет. Наш долг – отвести беду от наших потомков, а для этого надо мирными средствами предотвращать кровавые столкновения. Если абхазы защищают свои права на жизнь в Абхазии, то и грузины имеют такие же права.

¹ Калинин Ю. Распятая Грузия. С.-Петербург, 1995. С. 175.

² Там же. Цитируется по: Надареишвили Т. Геноцид в Абхазии. Тбилиси, 1998. С. 98.

Ни в коем случае не хочу, чтобы люди подумали, будто я утверждаю, что все грузины, воевавшие в Абхазии, были святыми. Многие из них участвовали в грабежах местного населения – грабили абхазов, грузин и армян. Многие совершали другие преступления, а мы были не в состоянии их удержать. К несчастью, преступления с обеих сторон являются неотъемлемой частью этой абсурдной войны, и мои старания эффективно противодействовать этому не всегда оказывались успешными.

Бомбардировки Сухуми*

Штурму Сухуми предшествовали систематические бомбардировки 5 и 9 декабря 1992 года. 9 декабря русские – это были русские, потому что у абхазов не было ни бомб, ни собственных военных летчиков – сбросили бомбы на городской рынок. При этом погибли тринадцать человек, трое из них по национальности были русскими.

10 декабря русские сбросили бомбы на деревню Ахалдаба Очамчирского района, где ни разу не отмечалось каких-либо боевых действий. Погибло одиннадцать деревенских жителей.

13 марта 1993 года Сухуми дважды подвергся бомбардировкам с самолета Су-25.

14 марта опять последовала бомбардировка Сухуми. Разрушили двадцать многоэтажных домов, убили двух человек. Двенадцать человек, среди них двое детей, были ранены.

16 марта, под руководством российского спецназа (войска специального назначения), Сухуми был атакован со всех сторон. Артиллерийский и авиационный обстрел продолжался всю ночь. Десятки убитых и раненых, бесчисленное множество разрушенных домов.

* Имеется в виду тот период, когда в Сухуми находилась грузинская армия.

17 марта грузинский парламент обратился с воззванием к ООН, к Европейскому парламенту, к парламентам всех стран мира и к Верховному Совету Российской Федерации. В этом обращении подчеркивалось, что главным действующим лицом в атаке 16 марта были российские вооруженные силы, предпринявшие таким образом попытку отделить Абхазию от Грузии. Грузинский парламент потребовал вывода российских войск из зоны конфликта.

17 марта 1993 года два боевых самолета Су-25 устроили над городом Сухуми ковровую бомбардировку осветительными ракетами. По освещенным целям ударили пятидесятикилограммовыми бомбами. Одна из бомб взорвалась в нескольких сотнях метров от здания, служившего мне укрытием в эту ночь.

Это трехэтажное здание с готической башней и исполненным в духе классицизма фасадом было когда-то построено для Николая Смызского, русского предпринимателя, выдающегося человека с большой фантазией. При советской власти народ окрестил этот дом «дачей Сталина».

Смызский выстроил себе дом на холме, посреди им же разбитого парка, в окружении мандариновых деревьев и веерообразных пальм. Из окон и с балконов здания открывается великолепный вид на бухту Черного моря, на берегах которого – у двуглавой горы – расположен тот город, который древние греки называли «Диоскурия»*, а древние грузины – «Цхуми», или «Сухуми».

В 1948 году, в большой спешке, дом принялись перестраивать. Внутренние стены в просторных залах и

* Согласно древнегреческим мифам, после того как Ясон похитил у царя Колхиды золотое руно и увез царскую дочь Медею, два его спутника-аргонавта, братья Кастор и Полидевк (Поллукс), высадились в районе нынешнего Сухуми и основали город Диоскурию (Город Близнецов). Археологи подтверждают, что около 2000 лет назад в результате изменения береговой линии древний город полностью или частично поглотило море.

спальнях* облицевали драгоценными сортами дерева, а весь дом нашпиговали сигнализацией и оборудовали средствами связи. Когда все было готово, об этом доложили в Москву и стали ждать «хозяина».

Сталин побывал здесь дважды, в 1949 и в 1952 годах. Но этих двух кратковременных посещений оказалось достаточно, чтобы навсегда связать его имя со зданием.

Бомба взорвалась неподалеку от этого дома. Несмотря на драматичность ситуации, я не мог удержаться от смеха. Разве не было иронии в том, что русские боевые самолеты пытались разбомбить цель, которую они связывали с именем Сталина, создателя российской коммунистической империи? Они закидывали бомбами столицу автономной республики – одной из тех республик, которые сами являлись «бомбами с часовым механизмом», или, как минимум, мыслились таковыми их горячо любимым товарищем Сталиным, создавшим и зарядившим эти «бомбы замедленного действия». Вся созданная им империя была такой бомбой. Бомбардировки Сухуми были лишь частью большого взрыва, охватившего рухнувшую империю. Впрочем, от этого наше положение легче не становилось.

Российские военные оспаривают факт своего участия в бомбардировках Сухуми. Руководство абхазской группировки российских вооруженных сил, находившееся на базе ВВС у Бомборы, ответило отказом на мое приглашение прибыть в Сухуми и обсудить с нами создавшуюся ситуацию. Мне хотелось задать генералам Бомборы один простой вопрос: «Кому, если не вам, принадлежат боевые самолеты?» Ведь некоторое время тому назад один из генералов заявил: «Они не нам принадлежат, сбивайте их, и всё!» Сбить самолет, конечно, недолго, однако это означало бы не просто грузино-российский инцидент, а грузино-российскую войну.

* Сталин боялся ночных покушений, поэтому в доме было предусмотрено множество спален.

Руководство российских военно-воздушных сил в Бомборе установило зону безопасности – в радиусе пятидесяти километров вокруг базы и в девять километров высотой. Любая атака на российские самолеты в этой зоне стала бы поводом к войне с государством, которое практически не утратило военной мощи и великодержавных амбиций. С этим государством не пожелает воевать ни одна страна в мире – не только потому, что у него есть ядерное оружие, но из-за того, что оно, как во время Второй мировой войны, просто не станет считать собственные жертвы.

«Хорошо, предположим, что это не российские военные самолеты, что они принадлежат абхазам, – сказал бы я генералам Бомборы. – Тем не менее трудно предположить, что у абхазов есть пилоты, умеющие управлять такой сложной машиной, как Су-25. По нашим сведениям, там в кабинах сидят русские наемники, бывшие и действующие кадровые военные. Но предположим, мы даже поверим, что абхазы заблокировали автодорогу к Бомборе и превратили ее во взлетно-посадочную полосу. А как вы тогда объясните факт, что абхазские самолеты появляются в вашей зоне безопасности? Почему вы препятствуете грузинским ВВС свободно передвигаться в грузинском воздушном пространстве и в то же время позволяете творить что угодно абхазским сепаратистам, которые бомбят мирное население в Сухуми?»

Кроме того, мне хотелось показать им городские кварталы, разрушенные ночными налетами, отвести их в семьи, где были погибшие и раненые, дать послушать рассказы горожан, звучащие, как ночной кошмар.

17 марта я получил ответ, что генерал Сигуткин и генерал Сорокин сейчас в Гудауте. А командующий оперативной группой российских вооруженных сил в Абхазии генерал-лейтенант Чиндарев находится в непосредственном подчинении у Москвы и не может без разрешения центра явиться в Сухуми.

Полагаю, генералу Чиндареву не составило бы большого труда связаться с Москвой и испросить разрешения на встречу со мной. Для Москвы тоже не представляло проблемы разрешить генералу встретиться с главой суверенного государства для обсуждения вопросов, от решения которых зависели жизни многих людей.

К сожалению, из Москвы не последовало требования доложить о создавшейся обстановке. Соответственно никто не думал запрашивать какое-то разрешение и, соответственно, никто никаких разрешений и не давал. Таково правило больших империй: делай что хочешь, главное – не попадайся.

В тот день я дважды пытался созвониться с Ельциным. Напрасно! Мне отвечали, что он занят. Раньше такими словами отваживали секретарей партийных обкомов, если те хотели поговорить с генеральным секретарем. Конечно, вполне вероятно, что Ельцин действительно был очень занят. Для него наступил трудный период: массу проблем создавало большинство Верховного Совета под руководством спикера Руслана Хасбулатова. В те дни Ельцину приходилось решать огромное число вопросов. Возможно, что у него действительно не нашлось для меня времени. Однако никто не убедит меня в том, что российский президент не мог выкроить время для того, чтобы разобраться в российско-грузинских отношениях.

Ельцин молчал. Генералы не отвечали. Без них я отправился в разрушенные городские кварталы.

«Когда я услышала самолеты, то отнесла детей в подвал. Утром мы вылезли наружу. А нашего дома нет, его снесло взрывной волной», – рассказывала молодая грузинка. Она смотрела на меня полными слез глазами и потерянно спрашивала: «Что же нам теперь делать?» Я и сам задавал себе тот же самый вопрос.

«Мне шестьдесят два года, – говорила другая женщина. – Всю жизнь я работала, чтобы построить дом, и вот – смотрите: нет больше моего дома. Сделайте же что-нибудь, чтобы это прекратилось!»

В тот день прошли похороны сорока трех жителей Сухуми. Все они погибли от ночных налетов. В общей сложности было сто одиннадцать жертв ночных бомбардировок: грузины, русские, армяне, абхазы, греки.

Тягостно говорить слова соболезнования людям, которые потеряли близких не на поле боя, а под руинами собственных домов. Нет ничего хуже, чем смотреть кому-то в глаза и читать во взгляде вопрос: «Почему ты не защитил нас от этого горя?» Как утешить несчастных? Не станешь же пытаться им объяснить, что они пали жертвой – и уже которой по счету? – большой политической игры Российской империи.

* * *

Когда 20 февраля 1993 года на Сухуми обрушились бомбы, российская сторона на наш протест отвечала сообщением, что это реванш за артиллерийский обстрел 24-й военной лаборатории в деревне Эшера. Лаборатория – секретный военный объект, служащий для регистрации ядерных взрывов, – была построена еще во времена глобального противостояния между Востоком и Западом. Теперь она исполняла роль сразу двух троянских коней: оправдывала присутствие здесь российского 901-го морского специального батальона, а заодно служила защитным щитом для позиций сепаратистов. Сепаратисты сконцентрировали свою тяжелую военную технику поблизости от лаборатории и оттуда обстреливали грузинские боевые позиции и жилые дома в городе. Но каждый наш выстрел в направлении этой лаборатории не исключал случайного «контакта» с 901-м батальоном, после чего незамедлительно следовало появление русских военных самолетов над беззащитным Сухуми.

На первый взгляд, решить эту проблему было не так уж трудно: достаточно вывести русский батальон из деревни Квемо-Эшера*. Чтобы обеспечить такую возмож-

* Нижняя Эшера.

ность, мы несколько раз договаривались о прекращении огня. Наша сторона каждый раз строго соблюдала соглашение, но батальон так и не покинул своих позиций: он не столько защищал подземные сооружения лаборатории, сколько нужен был для оправдания воздушного и артиллерийского пиратства российской стороны. Российскому государству, наследнику Советского Союза, очень трудно проститься со своими стратегическими объектами и со своими стратегическими интересами.

Через двадцать четыре часа, 22 февраля 1993 года – накануне Дня Советской армии и флота, который в сегодняшней России празднуется как День защитника Отечества, – министр обороны Российской Федерации Павел Грачев заявил, что намерен проинспектировать российские воинские части, дислоцированные в абхазской Гудауте и в аджарском Батуми.

Я удивился. «Доля означенных воинских частей в российском военном бюджете слишком скромна, – подумал я, – чтобы столь высокопоставленное должностное лицо, каким является министр обороны в этом все еще очень милитаризованном государстве, приезжало с инспекцией». Получив документацию, я сначала решил, что, наверно, она неполная, поскольку в ней ни слова не упоминалось о том, что Грачев собирается встретиться с политическим руководством Республики Грузия. Нет, оказывается, все было на месте, и все было точно рассчитано. Готовясь к поездке в Гудауту и Батуми, Грачев не ограничивал цель своего визита инспектированием нескольких батальонов и одной дивизии. Он запланировал встречи с гудаутским режимом и с руководством Аджарской автономной республики. Мне все стало ясно: речь шла не об инспекционной поездке, а о военно-политическом демарше. Более того, чтобы польстить «партии войны», Павел Грачев сказал журналистам: «Что касается наших воинских соединений в Грузии, в Батуми, Гудауте и в других местах, то это имеет стратегическое значение для России. Иначе мы можем потерять Черное море».

На рассвете 28 марта 1993 года грузинскими силами противовоздушной обороны недалеко от Сухуми был сбит российский боевой самолет Су-27. Пилот, Вацлав Шийко, при этом погиб. Российская сторона заявила, что он выполнял плановый полет, не связанный с боевым заданием.

Я лично посетил место падения самолета на заснеженной горе Марухи. Я могу подтвердить, что семь из десяти ракет класса воздух – воздух были выпущены из этого самолета. И несколько бомб также были сброшены им.

Я дал указание переправить тело Шийко в Бомбору и передать мои соболезнования семье погибшего. На следующий день по одному из московских телеканалов объявили, что пилот был еще жив, когда катапультировался, а, дескать, убили его уже после приземления. Еще одна ложь – ради имперских стратегических интересов, ради демонстрации силы и сомнительной славы считаться «жандармом ближнего зарубежья». Агрессия нарастала, а вместе с тем возрастал масштаб лжи. И число людей, замешанных в ней, становилось все больше. Можно сказать, что между нами встала стена обмана.

Сегодня я еще сильнее убежден в том, что Россия готова испробовать все средства ради того, чтобы удержать Абхазию, настолько велики амбиции и российские стратегические интересы на Черном море.

Где же выход? Вероятно, в том, что грузины и в первую очередь абхазы должны позаботиться о выживании своих этносов. В том числе о выживании психическом и духовном. Это не отвечает империалистическим интересам России. Она предпримет все, чтобы не дать конфликту угаснуть. И это значит, что Россия не годится на роль посредника и миротворца.

Особо важное значение имеет выстраивание разносторонних связей между абхазами и грузинами. Тут первым делом надо решать две самые насущные проблемы: экономическую и гуманитарную.

Экономические связи между абхазами и грузинами должны быть восстановлены и нормализованы. Параллельно этому процессу следует постепенно возвращать беженцев, причем не только из Галийского района, но и из всей Абхазии. Беженцам следует обеспечить гарантии на грузино-абхазском и на международном уровнях.

После этого настанет время и для разрешения политических проблем. И тогда станет ясно, какой путь следует избрать, чтобы двигаться дальше. Отношения между людьми будут складываться по-другому. Доверие постепенно восстановится, и обе стороны станут более бережно обходиться с хрупким и неустойчивым состоянием мира, потому что новая война грозит гибелью обеим сторонам. В ней могут одержать победу только те, кто мечтает об Абхазии без грузин и без абхазов. Не надо оказывать им такую любезность!

Мировое сообщество тоже должно изменить свое отношение к подобным конфликтам. Сегодня является неоспоримым фактом, что каждый замороженный конфликт завтра может обернуться международной войной. Превратившись в войну, абхазский конфликт может постучаться в двери к тем людям, которые, вполне вероятно, пока не знают, где находится Абхазия.

* * *

Окна рабочего кабинета на «даче Сталина» занавешены черной фотобумагой – затемнение, как во времена Второй мировой войны. В Сухуми не хватает электричества и воды, население города голодает, нам грозят эпидемии.

В те дни, в марте 1993 года, я принимал лорда Никола Бетелла, руководителя еврокавказской региональной рабочей группы Европейского парламента. Мы говорили об Абхазии, и он сказал: «На Западе почти ничего не известно об этой войне. У нас никто не может в полной мере оценить ее опасность, и в частности ее опасность для Грузии. Вокруг этого конфликта возник

информационный вакуум, а вакуум легко заполняется всякой ложью».

Не могу точно сказать, как обстоят дела на Западе, но в России все происходит именно так. Что угодно можно поставить с ног на голову, исказив картину до неузнаваемости. Истинные причины и корни этого конфликта, его зачинщики и инспираторы остаются в тени. Если почитать прессу, послушать радио, посмотреть телевизор, можно заметить, как вроде бы далеко отстоящие друг от друга политические течения сливаются в мощный единый поток – например, когда ультралевые и правые либералы начинают судить о бывших советских республиках. Все, что не уместается в рамки стереотипов имперского мышления, объявляется ненормальным.

Один мой соотечественник, политолог, утверждает, что демократам в России не удалось разработать национальную модель самосознания, поэтому к традиции имперского мышления там относятся некритично. Но в конце концов это проблема России и русских. А нам нужно одно: чтобы они оставили нас в покое.

«Чего хотят от нас эти русские?» – спросила меня в Сухуми плачущая русская женщина перед развалинами, прежде бывшими ее домом. «А разве вы сами не русская?» – вырвалось у меня. «Я сказала “эти”! Вы не слышите разницы?» Разница очевидна. Всегда и везде находятся «злые», «плохие», которые противостоят «хорошим». Эта женщина привыкла с детства жить в многонациональном государстве, которое таким образом учит «детей разных народов» толерантности и взаимному уважению в отношениях между различными этносами.

* * *

24 июня 1993 года грузинский парламент обратился с воззванием к Генеральному секретарю ООН Бутросу Бутросу-Гали, к президенту России Борису Ельцину и к Верховному Совету Российской Федерации. В воззва-

нии говорилось о том, что российская сторона нарушила российско-грузинские соглашения.

6 июля Совет Безопасности ООН принял резолюцию об отправке пятидесяти военных наблюдателей в зону конфликта. Владислав Ардзинба негативно воспринял это решение, о чем он сообщил в своем ответном письме.

Разумеется, для абхазской стороны нейтральные и объективные международные наблюдатели оказывались крайне неудобными, потому что они могли зарегистрировать нарушение Абхазией всех подписанных ранее конвенций.

Вопреки всему 27 июля 1993 года в Сочи было подписано соглашение о «прекращении огня и выработке механизма контроля». Россия выступала гарантом и подписала этот документ. С 1 по 20 августа, в соответствии с достигнутым соглашением, грузинская сторона сократила до двух число наблюдательных пунктов на линии фронта по реке Гумиста. Началось расформирование батальонов и перемещение тяжелой военной техники на предписанное расстояние от линии фронта.

24 августа Ардзинба встретился с Ельциным в Москве.

28 августа Лоти Кобалия, командующий войсками Гамсахурдиа, захватил западногрузинские населенные пункты Сенаки и Хоби, фактически открыв здесь второй фронт.

7 сентября Кобалия предпринял попытку взять под свой контроль Галийский район.

15 сентября Кобалия приблизился к западногрузинской области Гурия.

18 сентября я обратился с воззванием «Ко всем друзьям моей страны»: «Я хочу, чтобы мир узнал, что абхазский конфликт – это кровавый реванш со стороны гибнущей империи. Это пороховая бочка, готовая взорвать не только шеварднадзевскую Грузию, но и ельцинскую Россию. При виде развернувшегося сегодня ада можно выстроить все события в логическую цепочку. 3 сентября 1992 года мы подписали договор об оконча-

нии войны. Еще не просохли чернила на бумаге, как договор был растоптан сапогами наемников, предпринявших штурм разоружившейся Гагры. 14 мая 1993 года мы достигли соглашения о прекращении огня. Несмотря на это город Сухуми вновь стал мишенью для мощных обстрелов с суши, с моря и с воздуха, а вооруженное до зубов спецподразделение морских десантников было переброшено в Очамчиру. Сухуми оказался в блокаде. Наконец, мы – в который раз? – проявили доверие к русской миссии мира и к российскому посредничеству, и 27 июля 1993 года опять подписали соглашение. Наше доверие опять “вознаградили” предательством».

Люди действительно отнеслись к этому договору с доверием. Массы беженцев стали возвращаться в Абхазию, и особенно в Сухуми. Это стало для нас великой национальной трагедией. В этом была и наша ошибка: не следовало разрешать беженцам возвращаться в беспокойный город. Но и остановить их оказалось невозможно.

Нарушение договора было столь очевидным, что Россия была вынуждена дистанцироваться от всего происходящего посредством указа премьер-министра Виктора Черномырдина «О мерах в связи с нарушением сочинских соглашений со стороны Абхазии». В указе говорилось: «Если абхазская сторона и впредь не будет придерживаться сочинских соглашений, против нее должны быть применены санкции, предусмотренные международным правом, и в частности будет прекращено энергетическое снабжение Абхазии с российской стороны»¹.

Но это были только слова, слова, и не более – против танков, бомб, самолетов, кораблей и профессиональных убийц, покорявших Абхазию и убивавших грузин.

Россия – на этот раз Россия президента Ельцина – продолжала коварную и вероломную политику, ту самую, что всегда применяла в отношении Грузии Россия царей и генеральных секретарей.

¹ Абхазский лабиринт. Тбилиси, 2000. С. 134.

3 сентября 1992 года для Грузии настал роковой момент. Мы им верили – они нас обманули. Вернее сказать: они обманули меня. Честно соблюдая правила игры на международном уровне, я привык, что соглашения и договоры следует выполнять, тем более если они подписаны главой государства, который считается одновременно инициатором и гарантом этого договора.

Мне и сегодня трудно поверить, что Ельцин мог просто лгать или что он не хотел мирного окончания войны. Но поскольку именно он инициировал начало переговоров, поскольку его армия и граждане его страны участвовали в войне, поскольку он был главнокомандующим армией и главой государства, то он и нес ответственность за тот злой обман. Мне трудно это писать, но таковы факты.

В российской политике столетиями ничего не менялось. Стиль русской политики, основанной на нарушениях данного обещания, на презрении к договоренностям, на коварстве, остается прежним.

Россия потеряла Крым, Одессу и Севастополь и смирилась с этим. Россия потеряла гавани на Балтийском море и смирилась с этим. Но с потерей Абхазии, принадлежащей Грузии, и Черного моря Россия не может смириться, потому что они нужны для владычества на Северном Кавказе. Кроме того, потомки хранят верность предкам: нельзя отдать страну, которую некогда русский солдат ощутил под подошвой своего сапога!

Тогда в Сухуми нашим председателем Военного совета Абхазии* был Тамаз Надареишвили – потомок абхазского князя Шервашидзе. Он, современный представитель династии, находился в оппозиции к Ардзинбе. К несчастью, у этого хорошего бойца были проблемы с

* Заняв Сухуми, откуда бежало правительство Ардзинбы, центральная власть назначила своих людей на руководящие посты.

сердцем. Я отправил Надареишвили на лечение в Тбилиси. По моему предложению его место занял Георгий Хаиндрава. Он приехал сюда из Тбилиси вместе со своим отцом и братом. Георгий Хаиндрава отличился 9 апреля 1989 года: он снимал на свою камеру печально известную бойню в Тбилиси. В определенном смысле это стало для меня решающим фактором, чтобы остановить на нем свой выбор.

Сначала он с большой самоотверженностью руководил обороной Сухуми. Но потом ситуация резко ухудшилась: в Грузию возвратился Гамсахурдиа, и оказалось, что нам придется воевать на два фронта – против абхазо-русско-чеченских войск и против звиадистов.

Я не уверен, стоит ли об этом писать, но история есть история.

Аслан Абашидзе, Председатель Верховного Совета Аджарской автономной республики, был близок со Звиадом Гамсахурдиа. Он говорил мне следующее: «Я просил Звиада не делать этого, но несмотря ни на что он приехал». Его возвращение привело к тому, что все звиадисты нас покинули, они оставили фронт.

Ночью я проводил совещание. Присутствовали все батальонные командиры. Среди них был и Векуа, командир «фуникулерного батальона», незаурядный боец, уже, к сожалению, погибший. Он заверял меня, что не пропустит в город врага. Но буквально на следующее утро, он, как и остальные звиадисты, был отозван Гамсахурдиа в Очамчиру.

Обычно я по утрам обходил боевые посты и осматривал город. В то утро я обнаружил, что город почти совсем пуст. Женщины собирали вещи. Я спросил: что они хотят делать? «Надо бежать из города, – отвечали они. – Что нам еще остается? Военных в городе больше нет».

Еще до того как положение обострилось, я многократно просил находившегося в Гудауте Павла Грачева о встрече, но до этого так и не дошло. Позже, когда ситуация стала критической, он сам позвонил мне и со-

общил, что сейчас находится в Адлере, на юге России, и предложил встретиться. Мы отправились в Адлер втроем: министр обороны Гия Каркарашвили, руководитель службы безопасности Ираклий Батиашвили и я. Мы считали необходимым сказать следующее: «Если российские воинские соединения, которые сейчас присутствуют в Абхазии в большом количестве, не хотят нам помочь, то они должны как минимум сохранять нейтралитет». На это Грачев отвечал с большим нажимом: «Мы освободим вас от абхазской проблемы, нам нужно только задействовать еще два дополнительных дивизиона».

Когда Каркарашвили и Батиашвили это услышали, то оба в знак протеста ушли в отставку*. Они правильно разгадали планы Грачева: если он задействует два дополнительных дивизиона, это даст ему возможность взять под контроль и Мегрелию. Мы таким образом потеряем Поти, Зугдиди и Сенаки. Согласиться на это означало бы обречь себя на тотальную блокаду.

К этому времени председателем легитимного правительства Абхазии был уже Жиули Шартава. Я сам назначал его на эту должность. Он представлял собой не просто надежного, опытного и очень способного руководителя – он имел много друзей и знакомых среди абхазов. В прошлом он занимал пост первого секретаря ЦК грузинской комсомольской организации и вырастил молодую смену в этих краях. Я совершенно не мог себе представить, что его ожидает такое ужасное будущее: я имею в виду его зверское убийство. Мне и сегодня трудно понять, как это можно – нарушать древнюю кавказскую традицию братства и дружбы...

Увидев, что наши батальоны исчезли и город остался без всякой защиты, я отправился в здание Совмина. Жиули там не было. Ему позвонили и сообщили, что я пришел. Через пять минут он появился. Ему уже все бы-

* Очевидно, они только пригрозили уходом в отставку.

ло известно. Я очень хорошо помню (сохранилась и видеосъемка этого эпизода), как он позвонил Акакию Элиаве, командиру вооруженных формирований Сенаки, звиадисту. Жиули говорил: «Я знаю, у тебя есть славные бойцы. У нас тоже есть кое-кто. Кроме того, я знаю, что некоторые охотно придут к нам из Очамчиры. Может быть, ты решишься и присоединишься к нам? Мы это посчитаем за честь для себя. Сейчас, когда я с тобой говорю, тут в комнате присутствует глава нашего государства».

Элиава не согласился. Он и не мог согласиться. «Без приказа президента я ничего не могу сделать», – отвечал он, имея в виду Звиада Гамсахурдиа.

Не только Элиава не появился со своими людьми, но даже те, кто был с нами в Сухуми, должны были уйти.

Это означало, что еще накануне вечером, когда командир батальона Векуа заверял меня в том, что можно не беспокоиться по поводу «фуникулера», мы уже находились в ловушке.

Ираклий Батиашвили собрал около двадцати человек и предпринял попытку овладеть «фуникулером». Ему не удалось этого сделать. Оставленные звиадистами позиции уже были заняты нашими противниками. Они теперь заняли господствующую высоту, получили отличный обзор местности и могли вести прицельный обстрел практически по любым целям. Батиашвили в этом бою потерял нескольких бойцов. А «фуникулер», господствующая высота и ворота города, оказался для нас безвозвратно потерянным.

Жиули Шартава и его ближайшее окружение оставались в доме Совмина. Я передал им приказ: немедленно покинуть здание и уходить из зоны боевых действий. «Я не могу уйти. Они уже в городе», – ответил он.

По нашим предположениям, в городе находился еще один батальон, в школе номер 52. Если бы батальон не покинул своих позиций, это спасло бы Жиули, но было поздно, бойцы батальона ушли.

В штабе нас находилось пятнадцать человек, в том числе Гия Каркарашвили. Перед домом стояло три танка. Гия сказал: «Я возьму танк, пробьюсь к дому Совмина и вытащу Жиули».

Он попытался это сделать, но потерпел неудачу. К этому времени в городе находилось уже очень много наших противников, по танкам стреляли с воздуха, к тому же, чтобы добраться до цели, танку надо было преодолеть полуразрушенный мост.

Жиули Шартава не покинул здание Совмина. Он и его товарищи погибли там героической смертью. Лишь немногим посчастливилось уйти оттуда живыми.

Хотя телефонный разговор с Элиавой оказался безрезультатным, в Очамчире оставалось еще три-четыре тысячи бойцов, правда, в основном звиядисты.

Мы звонили им, мы их умоляли: «Приходите сюда, спасем все вместе Сухуми!» Бесполезно. Партийные или личные интересы возобладали над интересами государства. Если бы они пришли к нам на помощь и если бы наши батальоны не оставили Сухуми, то город не был бы сдан.

За несколько дней до 27 сентября 1993 года командующий штабом Российской армии генерал Колесников заявил на заседании Госдумы в Москве: «Через несколько дней Сухуми падет». Он назвал даже точную дату. Сухуми действительно пал. Правда, не в означенный день, а на три дня позже. Колесников не ошибся. Неудивительно. Операция была спланирована его штабом.

Гия Каркарашвили предпринял все возможное, чтобы спасти ситуацию. Ему удалось перебраться через опасную горную реку Кодори, найти триста мужчин-добровольцев – друзей, знакомых и всех, кто готов был прийти на помощь, – и вернуться к нам с подкреплением. Но триста бойцов не слишком много способны сделать против тысяч и тысяч противников.

Это было не поражение, а катастрофа. Мы все, грузины, были отданы на произвол тем, кто безжалостно уничтожал нас, невзирая на пол и возраст.

Меня увезли в последний момент.

С 25 по 28 сентября 1993 года люди уходили из города в двух направлениях. Часть мирного населения доставляли на кораблях в Сочи. Последнее спасательное судно принадлежало специальному соединению российского ВМФ – корабль ушел с 200 беженцами на борту. Имелся и воздушный мост: последний самолет улетел из Дранды (под Сухуми) в Тбилиси, имея на борту 120 детей, женщин и стариков. Основная масса беженцев устремилась в Кодорское ущелье. Этот путь через высокогорный перевал (Мерхеули – Цебельда – Лата – Ажара – Генцвиши – Чхалта – Сакени) стал для многих Голгофой: на перевале погибло около четырехсот человек. Стояли холода, а люди не имели ни теплой одежды, ни питья. Это была гуманитарная катастрофа, и грузинское правительство обратилось с мольбой о помощи к мировому сообществу. Украина и Армения прислали нам вертолеты, на которых мы смогли привезти беженцам теплую одежду, хлеб и консервы.

Этой операцией – переходом через Чуберский перевал – руководил вице-премьер Отар Пацация. Он сделал все, что было в его силах. На обратном пути мы остановились в деревне Агудзера, где стоял со своим вооруженным отрядом Джаба Иоселиани. Пробыв там всего два часа, мы получили радиосообщение о том, что противник приближается к аэропорту. А в аэропорту меня ждал самолет главы государства, Як-40.

27 сентября грузинский парламент потребовал, чтобы я возвращался в Тбилиси – во избежание дальнейшего кровопролития и гражданской войны. Джаба Иоселиани согласился: «Мы тут сами обо всем позаботимся, но Грузия состоит не из одной Абхазии. Страной надо руководить, вы должны лететь в Тбилиси».

Я не противился. Мы поехали на машине в аэропорт. Самолет был готов, но экипаж отсутствовал, потому что кто-то распустил слух, что я будто бы добрался до Тбилиси через Сванетию.

«Должен же где-нибудь быть еще один экипаж!» – сказал начальник аэропорта Заур Хаиндрава. Он очень старался нам помочь и действительно нашел летчика и экипаж – люди спали, пришлось их разбудить. Их самолет – Ту-134 – тоже стоял на аэродроме. Летчики выглядели озабоченными, они боялись, что керосина до Тбилиси не хватит. «Давайте попробуем долететь до Хони», – сказал я в надежде, что мы сумеем добраться хотя бы до этого городка в Западной Грузии с его маленьким аэродромом. Нет, и до Хони не хватит горючего – максимум, на что можно было отважиться, это попытаться дотянуть до Батуми.

Нас было около пятнадцати пассажиров: Авто Иоселиани – шеф военной разведки, Ираклий Батиашвили, Котэ Габашвили – мэр Тбилиси, Сандро Кавсадзе – вице-премьер, Авто Джорбенадзе – министр здравоохранения, Резо Эгадзе, один журналист, сотрудники службы безопасности и беженцы. С моря по нашему самолету открыли огонь, но пилот держался молодцом. Мы выбрались целыми и невредимыми.

Горючего хватило до Батуми. Когда же мы приземлились в столице Аджарской автономной республики, то увидели, что на летном поле собрались люди, около сорока человек. Они недоверчиво смотрели на нашу машину, словно хотели спросить: кто это тут произвел посадку? Из нашего самолета вышли несколько человек и сказали: у нас на борту есть раненые и самолет непременно должен сегодня вылететь дальше, в Тбилиси. О том, что я находился в самолете, они предпочли умолчать. Но люди на аэродроме продолжали кружить вокруг, словно в чем-то нас подозревая. Наконец я отодвинул в сторону занавеску, чтобы они увидели меня сквозь стекло иллюминатора. Они это заметили, явно узнали меня и тут же, все разом, исчезли. Вероятно, побежали докладывать Аслану Абашидзе, главе Аджарской автономной республики. Аслан не появился, однако нам немедленно дали

достаточно керосина, так что мы смогли без приключений долететь до Тбилиси.

Я приехал домой совершенно разбитый и несчастный. В это время, оказывается, парламент уже собрался и ждал меня. Ведь я был главой государства и одновременно председателем парламента.

Моя жена Нанули ждала меня дома. Я ей сказал: «Живым я туда не пойду – пусть лучше меня убьют».

Но парламент прислал ко мне нескольких депутатов: нет, пожалуйста, приходите, весь парламент собрался и ждет. Ну что было делать? «Да и какая разница: состоится ли суд надо мной в отсутствие или в присутствии обвиняемого?» – подумалось мне.

Я вошел в зал парламентских заседаний. И вижу: все поднялись мне навстречу и начали аплодировать. Видимо, потому, что я исполнил их требование, и потому что я жив, а это, возможно, давало проблеск надежды.

Они сжалились надо мной. Они почувствовали, что мне было бы легче вернуться сюда мертвым, нежели живым.

Политика России

Война с Россией в Абхазии была грязной, беспощадной и бесчеловечной. Людей подвергали пыткам, их убивали, их дома жгли, у них отнимали имущество, их гнали из Абхазии только за то, что они грузины. И меня тоже гнали вон, но об этом не стоит и говорить, если вспомнить, что десятки тысяч людей – дети, женщины, старики – были убиты и искалечены во время этой войны или насмерть замерзли в отчаянном и голодном броске через заснеженный горный перевал, погибли или бесследно исчезли.

Это была очевидная, ничем не прикрытая этническая чистка, материалы по ней уже представлены на рассмотрение Гаагского трибунала.

Этническая чистка грузинского населения в Абхазии проводилась последовательно, в несколько приемов.

1. С 17 марта 1991 по 14 августа 1992 года – выселение грузин, бойкотировавших референдум о независимости Абхазии, из Гудаутского района (из сел Ахалсопели, Отхара, Абгархук); изгнание грузинских специалистов из Физико-технического института в Сухуми, где грузины составляли большинство сотрудников; изгнание грузинского населения из угодий Сельскохозяйственного института субтропических культур в Сухуми и расквартирование в освободившихся домах личного состава моноэтнической абхазской гвардии.

2. С 14 августа по 2 октября завершено изгнание грузин из района Гудауты.

3. Со 2 октября 1992 по 16 сентября 1993 года производилась этническая чистка грузин в районе Гагры.

4. С 16 по 30 сентября 1993 года проходило изгнание грузин из города Сухуми и из Сухумского района, из районов Гульрипш, Очамчира и из городской зоны Ткварчели.

5. С сентября 1993 года и по сей день продолжается этническая чистка грузин в Галийском районе, где уже после окончания войны было убито более тысячи человек и еще более того было похищено.

А вот данные по количеству погибших или застреленных в разных районах Абхазии: Гагра и курортная зона Гагры – 442, Гудаута – 134, Сухуми – 897, Ткварчели – 25, Гали – 1025 человек. В общей сложности, по неполным данным, речь идет о 4465 представителях мирного гражданского населения. Пропавшими без вести по сей день числятся 147 человек. Конечно, тяжелые потери понесла и противоположная сторона.

«Грузины больше не могут жить в Абхазии, в Абхазии они могут только умереть»¹, – сказал один абхаз-

¹ Комсомольская правда, 19 декабря 1992 года.

ский экстремист. Это возмутительное высказывание стало реальностью.

К тому времени, когда моя книга выйдет в свет, станут известны еще и другие факты об этом геноциде – не проходит и дня без того, чтобы грузин не убивали, не грабили или не оскорбляли. Сегодня в Абхазии быть грузином – значит быть гражданином второго сорта, у которого нет человеческих прав.

Какой ущерб причинен Абхазии и Грузии в целом? Неужели нам вместе стоило пройти через это – ради того, чтобы вот таким образом способствовать империалистическим целям России, известным, бывшим всегда? Неужели Абхазии столь желанна и дорога такая «свобода», при которой судьбу Абхазии решает Бабурин?

И наконец: сколько крови еще потребуется пролить, если и в будущем люди станут отказываться от мирного решения этой проблемы?

* * *

После падения Сухуми ситуация в Западной Грузии осложнилась еще сильнее. Вооруженные группировки приверженцев бывшего президента Гамсахурдиа вместе с наемниками заняли портовый город Поти, установив тем самым контроль над снабжением страны продовольствием – прежде всего зерном. Запасов зерна в Грузии хватило бы всего на два-три дня. Восставшие грозили задушить нас голодной блокадой. Почти все крупные населенные пункты в Западной Грузии, как и значительная часть Южно-Кавказской железной дороги, связывающей Грузию с Арменией и Россией, попали под контроль противника. Ввозить зерно и продовольствие через Батумский порт тоже оказалось невозможно, поскольку там возникли почти такие же проблемы, как и в Поти.

Захватывая Поти, грузинские звиадисты действовали не в одиночку: с ними были русские, чеченцы, казаки – все, кто воевал против нас в Абхазии, довольно крупные военные силы.

Безвыходное положение! Россия добилась своей цели – наша страна оказалась на пороге катастрофы. Я не видел альтернативы, и мне пришлось пойти на компромисс: Грузия должна была вступить в Содружество Независимых Государств, которое, как известно, находилось под контролем России. (Мои друзья, президенты независимых государств, тоже советовали мне это сделать, потому что тогда у них было бы больше возможностей для поддержки моей страны.)

Я вылетел в Москву, на встречу глав государств СНГ. У Ельцина была такая манера: после заседаний он приглашал лидеров кавказских республик остаться на совещание. Таким образом, мы совещались сепаратно – Борис Ельцин, Гейдар Алиев, Левон Тер-Петросян и я.

Я сказал Ельцину, что нам нужна помощь, потому что Грузия фактически пребывает в блокаде: «Помогите нам освободить Поти и восстановить безопасность на железной дороге! Для сопровождения поездов нужны военные, чтобы железную дорогу не использовали во вред. Это в ваших же интересах, равно как и в интересах Азербайджана и Армении».

В некотором отдалении от нас сидел министр обороны Грачев. «Можно мне карту?» – спросил его Ельцин. Грачев подошел к нашему столу, разложил карту и показал на ней Грузию. Посередине – прямо через туннель, соединяющий Восточную и Западную Грузию, – страну вертикально пересекала красная линия, деля ее сверху донизу на две части. «Других возможностей нет, – сказал Ельцин. – Пусть Звиад сидит в Западной Грузии, а вы останетесь в столице».

– Неужели вы это всерьез? – удивился и возмутился я.

– Я говорю совершенно серьезно. Другого выхода я не вижу.

– Но это вовсе не помощь!

– Хороший совет – тоже помощь, – резко ответил он.

Я не мог больше сдерживаться. Вышел вон, хлопнув дверью, и помчался в аэропорт.

Я немедленно вернулся в Грузию. Положение час от часу становилось все хуже. Мой самолет приземлился в Копитнари, на аэродроме около западногрузинского города Кутаиси. Оттуда я поехал на машине в западном направлении, на Абашу, где был подготовлен специальный железнодорожный вагон с телефоном и всевозможными средствами связи.

Я был в отчаянии. Ломая голову в попытках отыскать ключ к решению проблемы, я вдруг подумал об Украине. Украина могла реально помочь нам. К тому же это устроило бы чрезвычайно политизированную грузинскую общественность. Грузия с десятого века развивала особые отношения с Украиной. И разве не Украина первой признала независимость Грузии? У меня лично с украинским президентом Леонидом Кравчуком отношения были достаточно дружеские. Я позвонил ему прямо из вагона.

– Я попал в трудное положение, – сказал я. – Поти блокирован. В Грузии скоро начнется голод. Вы не могли бы помочь нам своим флотом? Если бы у меня был выбор, я бы на вас не давил. Но я не вижу никакой другой возможности. Что касается гуманитарной помощи, то если даже вы отправите нам что-то сейчас, мы не сможем это получить.

– А вы Ельцину звонили? Иначе говоря, вы могли бы с ним созвониться? – спросил Кравчук, поскольку Черноморский флот был тогда под двойным командованием: российским и украинским.

Я сказал, что это невозможно, и объяснил, почему:

– Ельцин посоветовал мне поделить Грузию. Вы можете себе представить, что вам кто-то по-дружески рекомендует поделить Украину пополам?

– Я вас очень хорошо понимаю, и не надо никому звонить, – отвечал он. – Я сам отдам приказ, а при необходимости переговорю лично с Ельциным. Но лучше пусть флот побудет у вас несколько дней. Пока Ельцин об этом узнает, дело будет сделано.

Через короткое время он перезвонил: «Я отдал приказ. Скоро военные корабли подойдут к Поти».

Авто Маргиани, наш вице-премьер, немедленно отправился к адмиралу Балтину и сделал все, чтобы корабли без промедления отправились в путь. Я никогда не забуду этого поступка Маргиани.

И действительно, через полтора дня в гавани Поти уже находились двадцать военных кораблей с артиллерией на борту. Они выставили посты на важнейших точках. Не прозвучало ни единого выстрела. Мы заняли Сенаки, а Зугдиди остался звиадистам. Но поскольку и Поти, и Сенаки были освобождены, путь на Зугдиди тоже стал гораздо свободнее.

Джаба Иоселиани и я находились тогда в Самтредиа, в Западной Грузии, и вскоре после полуночи – около половины первого – Джаба вдруг обратился к Гии Каркарашвили: «Зугдиди никто не сможет взять, кроме тебя». «Мне туда нельзя, – отвечал Гия. – Я в Зугдиди троих человек убил, это были убийцы трех моих лучших друзей. Если меня увидят в Зугдиди, может случиться беда».

И тут подал голос Давид Тевзадзе, наш будущий министр обороны и, кстати, отличный боец: «Я думаю, будет лучше, если на Зугдиди пойду я, а не Гия».

Я обнял его и поблагодарил.

У Давида Тевзадзе было около трехсот бойцов. Всю ночь они шли по лесам, по незнакомой местности и ранним утром, на рассвете, неожиданно для всех вошли в Зугдиди. Противник затаился, а потом исчез из города. Все закончилось мирно.

* * *

В сентябре 1992 года я призвал мировую общественность поддержать не только Грузию, но и новую демократическую Россию с ее демократическими реформами: наша безопасность – в настоящем и в будущем – мыслима только в том случае, если Россия станет демократической страной. И в тот же самый день российский парламент

принял заявление «Об Абхазии», направленное как против Грузии, так и против правительства Ельцина.

Своими действиями российские депутаты благословляли интервенцию – под миротворческими знаменами. Решения, принимаемые Госдумой, являлись мандатом, открывающим дорогу сепаратизму и поощряющим экстремистов и террористов. Это позволяло маскировать истинные причины конфликта и оставить в тени настоящих инспираторов и подстрекателей.

Российский парламент этим решением подтвердил, что поддерживает империалистическую политику под девизом «Разделяй и властвуй». Такая политика стимулирует агрессивный национализм и обеспечивает возможности для манипуляции им в собственных интересах.

Скажу конкретнее: войну в Абхазии против Грузии вели военно-политические силы, хотевшие имперского реванша. Впоследствии они угрожали самой России «захватом власти» и реставрацией тоталитарной системы.

Я надеюсь, что это уточнение позволит правильно понять и интерпретировать все приведенные мною доказательства российского участия в этой войне.

Так, один из полевых командиров, сражавшийся на стороне сепаратистов, в разговоре с корреспондентом газеты «Известия» откровенно заявил: «В Абхазию меня послала Националистическая партия России. Партия активно работает не только на разных территориях, но и в Российской армии, в министерстве внутренних дел и в секретных службах. Мы добиваемся власти в России. Мы отлично понимаем, что Россия сейчас на пороге больших перемен, и гражданская война может начаться уже в этом году. Поэтому мы организуем новые боевые отряды, набираемся опыта, и когда придет время, наша партия будет единственной, кто обладает знаниями о ведении гражданской войны. Мы защищаем славян повсюду, где им угрожает опасность. Наши люди были в Дубоссарах, исполняли свой долг и в Сербии. И я здесь – по решению партии».

Я позволю себе одно дополнение: в начале 90-х годов прошлого века две тысячи граждан России сражались в Боснии и Герцеговине, чтобы, по их словам, защищать своих славянских братьев от мусульман. Тридцать тысяч добровольцев из Российской Федерации отправлялись в горячие точки бывшего Советского Союза, и каждый из них утверждал – во многих случаях совершенно искренне: он будет бороться за идею.

Войны в Абхазии и в Южной Осетии – это лишь отдельные эпизоды в российско-грузинских отношениях. Они относятся к ряду российских попыток раздробить единую Грузию и вернуть ее в то состояние, в котором она, будучи разделенной на семь княжеств, пребывала в том далеком прошлом, когда присоединилась к России.

Недвусмысленным доказательством тому являлись листовки, распространяемые во время абхазской войны в Мегрелии. В листовках содержался «доказательный материал» об угнетении мегрелов грузинами и велась пропаганда выхода Мегрелии из состава грузинского государства. Нечто подобное было предпринято и в Аджарии. Здесь производились попытки разрушить изнутри не только грузинскую государственность, но и грузинское национальное самосознание – чувство единства нации.

После этой коварной войны, в которой многое делалось исподтишка, Грузия была вынуждена вступить в СНГ. Я, конечно, понимал, что у этого объединения нет будущего и оно не имеет особого значения, но мои грузинские оппоненты представляли себе СНГ чуть ли не новым Советским Союзом. Поэтому наше вступление в Содружество вызвало сильнейшую реакцию в обществе.

Принимая это решение, я руководствовался единственным соображением: членами СНГ стали почти все бывшие советские республики, а их президенты были моими друзьями. Как уже упоминалось, они советовали мне вступить в Содружество: «Если вы будете с нами, нам будет легче влиять на Россию».

Я вспоминаю последнюю встречу глав государств СНГ, где еще принимал участие Ельцин. Мое выступление вызвало дискуссию по абхазскому вопросу. Все президенты категорически требовали от Ельцина решить эту проблему. Дискуссия была острой, мы проявили настойчивость. Ельцин поднялся и произнес: «Я обещаю вам, что абхазский вопрос мы решим в самом ближайшем будущем». Я поверил ему, хотя он меня однажды уже обманул – 3 сентября 1992 года. И снова меня ждало разочарование.

Вопрос об Абхазии много раз обсуждался на наших заседаниях, однако без результата. Я даже сказал своим коллегам: боюсь, как бы завтра с такой же проблемой не столкнулась и какая-то другая страна из нашего Содружества. Тем не менее я не думаю, что вступление Грузии в СНГ было ошибкой. Кто знает, какой еще агрессии со стороны России нам, возможно, удалось избежать? Ведь намерения России этим не ограничивались, она предполагала достичь гораздо большего.

Если бы Россия, вступая в СНГ, смогла отказаться от имперских устремлений, то Содружество действительно имело бы шанс превратиться в дееспособную структуру, с помощью которой можно было бы смягчить негативные последствия от разрушения единого экономического пространства Советского Союза. Но для великодержавного менталитета немислима такая вещь, как партнерство равноправных. Это претит великодержавным понятиям о собственном достоинстве. Однако сейчас на дворе двадцать первый век, и сегодня «партнерство» – это единственно мыслимая форма отношений между государствами.

У абхазской войны много причин. Наше поражение тоже имеет свои причины: двойная игра русских, пополняемые человеческие ресурсы у северокавказских боевиков, непрекращающиеся поставки российского оружия и финансов, участие российских военных в боевых действиях, их открытая и тайная поддержка сепар-

ратистов, работа Генерального штаба Российской армии по планированию и руководству боевыми действиями против грузинских государственных вооруженных сил, постоянные нарушения подписанных договоров и вызывающая глубокое сожаление разобщенность грузин – вплоть до предательства. Но важнейшая причина заключалась в том, что среди абхазов была выпестована национальная идея, согласно которой сначала требовалось основать самостоятельное абхазское государство, а затем и «Конфедерацию кавказских горских народов», причем помехой в осуществлении этой задачи были грузинский народ и грузинское государство. Эта проблема настолько остра, что в скором будущем она может привести к кровопролитию и существенному изменению демографической ситуации на Кавказе.

Из создавшегося положения есть мирный выход: надо восстанавливать экономические связи и возвращать беженцев в Абхазию – без всяких ограничений и при совместном обеспечении гарантий безопасности. Сама же Абхазия, получив гарантии, необходимые для развития абхазского этноса, должна вернуться в правовые рамки грузинского государства и активно участвовать в построении единого государства. Нужно восстановить ту модель, при которой эта область на протяжении веков являлась одной из важнейших составляющих единого и неделимого грузинского государства.

Я не вижу перспектив в каком-либо ином решении проблемы. В этом моя логика справедливости, мое нереализованное желание и мое завещание потомкам.

В конце концов каждая нация, большая и маленькая, имеет равные права на существование и на защиту своей территории, своей культуры и своих традиций, на свое прошлое и будущее.

Грузины тоже имеют такие права.

ГЛАВА XII

ПОКУШЕНИЯ И ТЕРРОРИЗМ

На меня было совершено три покушения. Первое – 3 октября 1992 года в Абхазии во время необъявленной войны. Второе – 29 августа 1995 года перед началом церемонии подписания новой Конституции. Третье – 9 февраля 1998 года – незадолго до того, как было принято окончательное решение о нефтепроводе Баку – Тбилиси – Джейхан, проходящем по территории Грузии.

Все попытки устранить меня физически совпадали с важными судьбоносными моментами в истории грузинского государства. Это были, если так можно сказать, покушения глобального характера, направленные внутренними или внешними силами не против отдельного государственного лица, а против всего государства. По крайней мере в то время складывалось именно такое впечатление. И я до сих пор не готов изменить свое мнение по этому вопросу.

Первое покушение

Третьего октября 1992 года я летел из Сухуми на север страны, куда отступили наши правительственные войска. Они должны были покинуть Гагру, потому что противник нарушил договор о прекращении огня. Вместо этого абхазские и северокавказские добровольцы не-

ожиданно перешли в наступление. Вместе с правительственными войсками уходили тысячи мирных жителей – грузины, абхазы, русские, армяне – они покидали город и близлежащие поселки. Все двигались в направлении к Гантиади и Леселидзе, где проходит северо-западная граница Грузии и России.

Наш вертолет Ми-8 был уже готов к вылету, когда начальник местной разведки доложил, что командование российской воздушно-десантной части, расположенной неподалеку от военного аэродрома Бомборы, не советует производить полет из-за недостаточной безопасности.

Это звучало абсурдно и не могло не вызвать вопросов. Когда глава независимого государства использует для полета воздушное пространство своей страны, о его безопасности должны позаботиться соответствующие службы его собственного государства. Чем же я заслужил такое внимание со стороны российских военных?

Накануне, 2 октября, у меня состоялся неприятный разговор с заместителем министра обороны России Георгием Кондратьевым. Я упрекнул его, что трагедия Гагры – на совести российской части Контрольной комиссии по мирному урегулированию конфликта в Абхазии. Комиссию образовали 3 сентября 1992 года для обеспечения исполнения принятых решений в соответствии с документом, подписанным в Москве Ельциным, Ардзинбой и мной. Во время этих переговоров Кондратьев и его сотрудники были извещены о том, что готовится наступление на Гагру. Тем не менее они не предприняли ничего для его предотвращения и для урегулирования конфликта политическими средствами.

Это был тот самый Кондратьев, который несколькими месяцами ранее отдал приказ атаковать вертолетами российских военно-воздушных сил позиции грузинских гвардейцев в югоосетинском Цхинвале.

Само собой, у меня имелись весьма основательные причины не доверять ему и некоторым его коллегам.

Вместе со мной на борту вертолета находились около двадцати человек: члены правительственной делегации, мои ассистенты, журналисты и служба безопасности.

Еще по пути в Леселидзе наши пилоты заметили в Черном море четыре российских военных корабля с высокоточными ракетами на борту.

В Гантиади и Леселидзе мы провели несколько часов. Беседа с защитниками Гагры и с беженцами была тягостной, можно сказать убийственной. В вертолет я возвратился с тяжелым сердцем.

Мы долго не могли взлететь. Более получаса мы пытались связаться с Сухуми, чтобы вызвать вертолеты сопровождения, ожидавшие нашего сигнала. Российские военные корабли, находившиеся в море у берегов Гагры, мешали радиосвязи и лишали нас всякой возможности поддерживать контакт. Примерно в это же время к нам поступило предупреждение: русские будут атаковать каждый грузинский самолет, независимо от того, военный он или гражданский, в случае если он не будет соблюдать дистанцию по отношению к кораблям. А именно – пять километров днем и пятнадцать ночью. Что это было – угроза? Запугивание? Не только. Нас вынуждали сделать огромный крюк над морем.

Мы знали, что у абхазов уже имелись зенитные ракеты. По направлению к этим ракетам нас и подталкивали российские соседи.

Наконец прибыли вертолеты сопровождения, и мы смогли взлететь.

Неожиданно я почувствовал удар и толчок. Мы падали в «яму». Вертолет терял высоту. Кто-то из моих спутников лежал на полу. Оператор телеканала «Ибервиэа» Амиран Мурванидзе стоял на ногах, прислонив камеру к иллюминатору, и снимал.

Темный силуэт чужого вертолета приблизился к нам со стороны Гагры. Это был Ми-24, в те времена – главная боевая машина российских военно-воздушных сил. Вертолет летел без опознавательных знаков, лишь с

прожекторами на носу и на хвосте. Когда до нас ему оставалось каких-то пятьдесят метров, пилот выключил огни и нырнул под наш вертолет. Он прошел под нами. Что это было? Эксперты потом объяснили мне: при таком маневре под брюхом у нашей машины должен был образоваться вакуум, который и стал бы причиной нашего падения в море.

Но прежде чем вертолет противника выполнил свой маневр, экипаж нашего вертолета успел получить и исполнить приказ немедленно резко взять вверх. Приказ поступил от пилота из группы машин сопровождения. Нам нужно было подняться как можно выше. Счет шел на секунды, и эти секунды позволили нам выжить. Имя пилота, который нас спас, Джимми Майсурадзе. Позже он погиб на войне. Я считаю его настоящим героем.

Это было коварной и хладнокровной попыткой убийства, откровенным покушением на человеческую жизнь. Если бы преступление удалось, убийцы не оставили бы следов: в лучшем случае наши трупы и вертолет отыскали бы на морском дне. Своей жизнью, спасением, тем, что мы не рухнули в море, мы обязаны нашим пилотам.

Впоследствии я узнал от экспертов еще кое-какие детали о пилоте того таинственного вертолета. Сомнений быть не могло – летчик, управлявший вертолетом-убийцей, имел высочайшую квалификацию. Иначе он не сумел бы произвести такой сложный маневр. У абхазов, конечно, не было таких летчиков, не было и таких вертолетов.

Что же случилось в тот день в абхазском небе? Пытаясь проанализировать это происшествие, я вспоминаю о предупреждении одного московского политолога: «Гнев высших офицеров направлен лично на Шеварднадзе». Не надо долго ломать голову, чтобы понять: этот случай являлся мстью националистически настроенных российских патриотов. Они сами выдали себя своими откровениями: «Шеварднадзе разрушил Советский Союз, так пусть же рухнет и его Грузия».

Возвращаясь в Тбилиси 7 марта 1992 года, я точно знал, какова моя главная политическая цель: принятие Конституции и проведение выборов.

И вот парламентские выборы состоялись. Народ выбирал парламент и председателя парламента. Им стал я, и вскоре парламент избрал меня и главой государства. Таким образом, легитимность была обретена. Однако без отвечающей духу времени Конституции любая мысль о построении государства оказывалась пустышкой.

16 февраля 1993 года грузинский парламент по моему предложению образовал Конституционную комиссию в составе 118 человек. Перед комиссией стояла задача подготовить в новой современной редакции текст Конституции 1921 года. Председателем комиссии выбрали меня.

Состав комиссии оказался таким же пестрым, как и состав парламента, и работать в ней было очень сложно. Как и в парламенте, здесь собрались люди разных убеждений и взглядов, преследующие собственные цели. Среди депутатов и членов комиссии оказались многие известные деятели науки и ученые: например, профессор Гиви Инцкирвели (член Академии наук), профессор Вахтанг Гогуадзе (спикер парламента), госпожа Русудан Беридзе (вице-спикер парламента) и Автандил Деметрашвили*, писатели Чабуа Амирэджиби и Джансуг Чарквиани, театральный и кинорежиссер Гига Лордкипанидзе и другие. Они старались сделать все, чтобы мы выполнили свою задачу как можно скорее. Но как и в парламенте, среди нас находилось несколько не особенно компетентных людей. Их присутствие затрудняло процесс выполнения нашей задачи, и дело затягивалось. Проект Конституции был завершён в мае 1995 года после трех-

* Впоследствии – председатель Конституционного суда Грузии.

летней выматывающей работы. 2 июля его представили парламенту. 24 августа 1995 года парламент принял Конституцию Грузии.

Оставалась лишь заключительная формальность: праздничная церемония по случаю подписания Конституции должна была состояться в 16 часов 29 августа во Дворце молодежи на проспекте Руставели, в здании бывшей резиденции царского наместника на Кавказе, где позднее разместилась резиденция правительства Демократической Республики Грузии. Мой кабинет, как и сам парламент, временно находились в здании бывшего Института марксизма-ленинизма, которое тоже располагалось на проспекте Руставели, примерно в пятистах метрах от Дворца молодежи. Эти пятьсот метров едва не стали для меня роковыми.

Дело всей моей жизни приближалось к завершению. Я испытывал великую радость. Но вместе с тем меня терзало какое-то смутное предчувствие, от которого я не мог избавиться целый день.

За десять или пятнадцать минут до начала торжественной церемонии я закончил дела, вышел из кабинета и двинулся, как обычно, вниз по лестнице. Во внутреннем дворе я заметил незнакомый автомобиль, внедорожник, какую-то «Ниву», но не обратил на нее особого внимания. Служба безопасности, скорее всего, решила, что это одна из машин «Мхедриони» или она просто принадлежит кому-то из наших сотрудников. Я сел в свой автомобиль. Со мной ехали вице-спикер парламента Вахтанг Рчеулишвили и шеф аппарата госканцелярии Петр Мамрадзе. Наша машина тронулась с места, и как раз в тот миг, когда мы проезжали мимо этой «Нивы», раздался оглушительный взрыв. Багажник нашего автомобиля загорелся. Взрывом разрушило часть здания, сверху прямо на нас полетели камни, мне поранило лицо. Мы пытались выбраться из машины, но дверь заклинило. Не теряя присутствия духа, наш водитель Гела Тандашвили и вице-спикер Вахтанг Рчеули-

швили быстро выломали дверь, и мы выбрались наружу. И тут нашу машину охватило пламя.

Значительно позже я выяснил, что нас спасло. В некой машине, которую мы не видели, сидели двое мужчин и, наблюдая за движением нашего автомобиля, ждали, когда взорвать «Ниву». Один из них сидел за рулем, у другого был пульт дистанционного управления. «Нива» должна была взорваться в момент, когда взрывная волна накрыла бы нас точно сбоку. Тогда ничто не смогло бы нам помочь и мы бы погибли. Но, по видимому, молодой человек, который должен был нажать кнопку на пульте, занервничал или испугался – и упустил нужный момент. Вместо него на кнопку нажал водитель. Он опоздал на какую-то долю секунды, но она спасла нам жизнь: мы успели миновать критическую зону. Взрывная волна разнесла только багажник. От машины до улицы оставалось всего несколько метров. Чудо, что никто по нам не стрелял, когда мы, обливаясь кровью, побежали обратно к дому. Нас отвезли в больницу.

Поскольку все опасались, что покушение может повториться, нас доставили не в правительственную больницу, а в обычную. Врачи республиканской больницы были ошеломлены нашим «необъявленным визитом» и окровавленными лицами. Мне быстро промыли и обработали раны. Вскоре появилась моя жена. Многие сотрудники и соратники тоже поспешили приехать. Чтобы избежать паники среди населения, к нам было допущено телевидение. Так телевизионщики и застали меня – в майке и с порезами на лице. Именно в этот момент я и высказался с горькой иронией по поводу участников покушения: «Даже такое дело эти бедняги не могут сделать как следует». Позже я узнал, что сам того не подозревая, почти в точности повторил слова Шарля де Голля. «Эти парни даже стрелять не умеют!» – так якобы сказал де Голль после неудавшегося на него покушения.

В ходе следствия выяснилось, что в этом заговоре участвовали высокие должностные лица¹. По данным следствия, покушение было совершено с молчаливого благословения Джабы Иоселиани: того самого человека, который сделал все, чтобы я возвратился в Грузию, который с полной самоотдачей сражался в Абхазии. Но после парламентских выборов он не смог смириться с ограничением своей власти в госаппарате. Он привык, что буквально все им сказанное исполнялось беспрекословно. Отравленный властью, Иоселиани возомнил, что государство – это он. А я оказался лишним препятствием у него на пути, кроме того, я ему уже был не нужен. Нелегко противостоять наркотику власти. Многие полностью попадают под его действие и, одурманенные, как правило, приходят к печальному концу.

Возвращаясь в Грузию, я понимал: если я хочу строить правовое государство, то для этого будет необходимо либо удалить из правительства Тенгиза Китовани и Джабу Иоселиани, либо ограничить присущий им обоим анархический стиль действий и образ мыслей строгими рамками закона.

Между Джабой и мной сложились особые отношения, но, тем не менее, оставаться в одной упряжке стало невозможно. И вот он одним кивком головы согласился с планом моей ликвидации. Еще за два года до этих событий я был готов уйти в отставку из-за серьезнейших разногласий с Джабой, однако по настоятельной просьбе народных масс, то есть уличных демонстрантов, я не ушел. Слава Богу, что я остался! Потому что иначе – под руководством Тенгиза Кито-

¹ Непосредственным исполнителем, к моему удивлению, был член «Мхедриони», отважно и самоотверженно сражавшийся в Абхазии. За участие в покушении суд отправил его в тюрьму. После того как он отсидел определенный срок, я его помиловал. А в 2003 году, после моей отставки, он даже пришел ко мне в гости – еще одна типичная черта грузинского характера.

вани и Джабы Иоселиани – наша страна оказалась бы в полной изоляции, стала изгоем и захлебнулась бы в хаосе насилия.

Для расследования дела о покушении образовали комиссию под председательством министра госбезопасности Игоря Гиоргадзе. Казалось, они вышли на след какой-то группы. Но вскоре обстоятельства вынудили меня отстранить ветерана афганской войны и доверенное лицо России Гиоргадзе от занимаемой должности. Многие указывало на то, что он сам был замешан в покушении. Гиоргадзе скрылся от следствия. Его тайно вывезли из Грузии на самолете с российской военной базы Васиани под Тбилиси.

Третье покушение

Свой рассказ об этом эпизоде я хочу предварить небольшим введением.

Главная цель моего возвращения в Грузию состояла не только в том, чтобы разрешать повседневные проблемы, такие как разгул преступности, дефицит энергоресурсов и зерна, отсутствие необходимых государственных структур, проведение рыночно ориентированных реформ и т. п., но и в том, чтобы наделить Грузию некой функцией, которая сделала бы страну полезной для всего мирового сообщества.

Особо важной мне представлялась идея восстановления «шелкового пути», о чем я говорил еще во Владивостоке, будучи министром иностранных дел. Однако в то время мы представляли себе эту трассу в рамках советского пространства. Грузия принадлежала к этому пространству, и нефтепровод или газопровод через Грузию имел точно такое же значение, как и любая другая трасса через Советский Союз. Когда в Каспийском море обнаружили большие запасы нефти, идея «шелкового пути» стала для меня приоритетной.

Моя страна получила такой исторический шанс, который никак нельзя было упустить. Если Грузии удастся занять свое место в данном международном сегменте, это будет означать, что она принесет пользу многим государствам на Западе и Востоке.

В этом проекте моей стране выпадала чрезвычайно важная функция. Государства, заинтересованные в получении нефти и газа, стали бы рассматривать Грузию, наряду с Азербайджаном, как своего партнера. Со временем функция Азербайджана и Грузии проявилась бы еще более четко. В конечном результате это должно было привести не только к усилению политической значимости, но и к росту бюджета страны.

Решающую роль во всем, что касалось этого проекта, играл тогдашний президент Азербайджана Гейдар Алиев. Он вошел в историю Азербайджана как великий государственный деятель, сумевший поставить родную страну на собственные ноги. В свое время назначение Гейдара Алиева первым секретарем Коммунистической партии Азербайджана, и особенно его деятельность на этом посту, вызывали в Советском Союзе сильное раздражение. Он стал известен прежде всего благодаря своей беспощадной борьбе с «негативными явлениями»: с подкупом, вымогательством, с присвоением государственных средств и с другими преступлениями. В сонной атмосфере позднего СССР, когда почти каждое руководящее лицо было вполне довольное собой и не желало лишних проблем, поступки Алиева произвели эффект разорвавшейся бомбы.

Деятельность Алиева, его публичные выступления и громкие судебные процессы по преступлениям, раскрытым во время руководства республикой, вызвали беспокойство у многих, однако большинство населения приветствовало его активность. В те времена я был министром внутренних дел Грузии и тоже активно боролся с нарушениями законности, хотя полномочия и возможности у Алиева, без сомнения, были гораздо шире, чем у меня.

Алиев уделял особое внимание работам по изысканию нефтяных и газовых запасов в стране. Позже, когда мы с ним познакомились, в разговорах он часто упоминал о том, что в Каспийском море есть богатые месторождения нефти и газа. Но тогда он не мог убедить в этом советское руководство. В Советском Союзе, а в особенности в России, имелось достаточно нефти и газа. Это служило основным источником для получения валюты. Бытовало мнение, что раз того и другого хватает, то больше и не нужно. Руководство Советского Союза не считало этот вопрос актуальным.

Период, когда мы синхронно руководили каждый своей страной (Алиев – Азербайджаном, а я – Грузией), продлился десять лет. За эти годы между нами возникла крепкая дружба. Позднее, в наши московские времена*, подружился и наши семьи. Моя жена Нанули очень любила Фатиму, жену Алиева. Фатима была врачом, профессором и замечательным человеком.

Читателям, наверное, будет интересно узнать, что Гейдар Алиев иногда выполнял поручения, связанные с внешнеполитическими делами в различных, по большей мере исламских, регионах. К этим задачам он всегда подходил с полной ответственностью и в большинстве случаев добивался успеха. Он обладал необходимыми знаниями и большой выдержкой. Его авторитет в Советском Союзе рос быстро.

Через некоторое время Гейдар Алиев возвратился в Азербайджан. Сначала он жил и работал в своих родных местах, в Нахичевани. Затем переехал в Баку и возглавил азербайджанское государство. Как только он счел, что обстоятельства складываются благоприятно,

* Гейдар Алиев с декабря 1982 года был членом Политбюро ЦК КПСС и заместителем Председателя Совета Министров СССР, на этих постах он проработал пять лет, затем еще несколько лет жил в Москве. В июле 1990 года он возвратился в Азербайджан, в 1993 и 1998 годах был избран президентом Азербайджана.

то сразу поставил на повестку дня нефтегазовую проблематику и пригласил зарубежных экспертов и представителей компаний, которые подтвердили: в Каспийском море имеются крупные месторождения нефти и газа. С этого момента нефть и газ стали главной темой в наших с ним беседах. Алиев сделал все, чтобы трубопровод для транспортировки энергоносителей проходил через Грузию.

Первый, пробный, нефтепровод Баку – Супса был проведен за семь месяцев. На праздничной церемонии по случаю его открытия присутствовали Гейдар Алиев, президент Украины Леонид Кучма и я.

Строительство нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, ставшее объектом внимания широкой международной общественности и получившее активную поддержку со стороны США и Турции, предопределило чрезвычайно важную международную функцию Грузии как энергетического моста.

Сегодня проекты Гейдара Алиева продолжают воплощаться в жизнь. Дружественные отношения с Грузией поддерживает его сын Ильхам Алиев. Огромный вклад в осуществление проекта Баку – Тбилиси – Джейхан, как и в улучшение турецко-грузинских отношений, своей поддержкой внесли бывший премьер-министр, а позднее президент Турции Сулейман Демирель, а также его преемница на посту премьер-министра госпожа Тансу Чиллер.

Сулейман Демирель впервые посетил Грузию с визитом в июле 1992 года, тогда еще в качестве премьер-министра. Он привез с собой представительную делегацию: министры, депутаты, предприниматели, известные деятели. Некоторые из них происходили из Грузии и знали грузинский язык.

В ходе встречи мы подписали базовый договор между нашими странами. Всего я побывал в Турции одиннадцать раз (в 1994, 1995, 1997 и 2000 годах). Госпожа Тансу Чиллер, присутствовавшая вместе с президентом Су-

лейманом Демирелем на праздничном открытии таможенной станции Ахалцих-Ардаган, позже посетила Тбилиси с официальным визитом. С тех пор встречи турецких и грузинских правительственных делегаций и представителей общественности происходили регулярно. Сулейман Демирель, будучи уже на посту президента, неоднократно посещал Грузию. Все это придавало развитию наших отношений небывалую интенсивность.

Мирная идея, столь важная для моей страны, и возникший на ее основе проект подтвердили свою жизнеспособность, но привели к тому, что у меня появилось много врагов. Для России наш проект был категорически неприемлем. Поэтому Россия, тайно и явно, предприняла все, чтобы воспрепятствовать его реализации. В окончательном виде проект представили общественности в 1998 году. Тогда же сообщили, что сторонниками проекта являются президент Азербайджана Гейдар Алиев, президент США Билл Клинтон и президент Турции Сулейман Демирель. Среди инициаторов проекта называлось и мое имя. К его активным сторонникам принадлежал президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Казалось, все складывалось неплохо. И вдруг, совершенно неожиданно, снова было предпринято покушение, чтобы уничтожить меня и мое дело.

* * *

Тот день – понедельник 9 февраля 1998 года – я запомнил в деталях. Как обычно, я покинул здание госканцелярии довольно поздно, в 23.20 (время точно установило следствие), и отправился домой, в правительственную резиденцию Крцаниси. Мой эскорт состоял из нескольких автомобилей, впереди ехали полиция и машина охраны, еще одна машина охраны двигалась в арьергарде. Согласно инструкции мы ехали с высокой и непостоянной скоростью.

Когда мы приблизились к обелиску, установленному в память о подвиге трехсот героев в долине реки Араг-

ви*, я услышал очень громкий хлопок. Две ракеты попали в мой бронированный «мерседес», в мотор, чуть пониже ветрового стекла. Броня перехватила ракеты, приняв удар на себя. Это нас спасло. Мы услышали выстрелы из гранатометов, и в этот миг в машину попала третья ракета, на этот раз она ударила в багажник. Motor заглох, тормозная жидкость полилась на дорогу, но под действием силы инерции и большого собственного веса машина продолжала катиться вперед, и мы проехали еще метров сто. Водитель управлял вслепую, ветровое стекло пошло трещинами и ничего не было видно. Шофер безуспешно пытался завести мотор. Но как он мог это сделать, если двигатель, как потом выяснилось, был вдребезги разбит?

В машине нас было трое: водитель Гиви Элизбарашвили, начальник службы госбезопасности Вахтанг Кутателадзе и я.

Бойцы службы охраны приняли бой и открыли огонь. Это отвлекло исполнителей теракта, и они оставили без внимания наш удаляющийся автомобиль. Если бы хоть один из них стоял в отдалении, там, где остановилась наша машина, мы бы оказались легкой мишенью. Нас расстреляли бы на месте. Наш «мерседес» загорелся, но покидать салон горячей машины было опасно: мы не знали, кто находится снаружи. По машине не стреляли, но вроде бы издалека. Позади полным ходом шел тяжелый бой. Подкрепление, вызванное из центра, подошло вовремя, потому что у нашей службы охраны заканчивались патроны. Теперь уже террористам пришлось бороться за собственную жизнь.

Когда наш «мерседес» остановился, Вахтанг Кутателадзе, шеф госбезопасности, связался с постовым полицейским, находившимся поблизости со своим автомобилем. При виде происходящего этот человек едва не потерял дар речи – он был совсем ошарашен, но тем не менее

* Вероятно, речь идет о трехстах «грузинских спартанцах» – см. с. ...

сработал очень быстро и ловко. Он поставил свою машину под таким углом, чтобы я смог перебраться к нему, миная линию огня. Как только все пересели, он надавил на газ, и мы помчались в Крцаниси. Гарик Симонян, так звали этого полицейского, армянина, выросшего в Тбилиси.

И по сей день я с болью вспоминаю о том, что двое бойцов охраны пали жертвами покушения: Каха Шварденидзе и Давид Кокаури – двое совсем еще молодых людей. Тяжелые ранения получили еще два сотрудника, Ладо Кахетелидзе и Арчил Сабедашвили. Если бы не они, никто из нас не смог бы остаться в живых.

Один из нападавших погиб. Это был российский гражданин, который, как выяснилось позднее, проходил обучение на российской военной базе в Чечне. Остальные скрылись с места преступления. Есть основания предполагать, что им удалось бежать при помощи российских военных.

Конечно, невозможно переоценить роль, которую с присущим ему спокойствием, рассудительностью и компетентностью сыграл в нашем спасении водитель Гиви Элибарашвили. Но мы должны сказать спасибо и нашему черному бронированному «мерседесу» за то, что он, как живое существо, буквально «проглотил» три ракеты, устоял под штурмом гранатометов и сдержал пламя, так что мы не погибли. Только наш водитель получил легкие ранения.

«Мерседес» и еще несколько машин службы безопасности были подарком американцев. Президент США приказал оплатить все расходы, необходимые для моей охраны. После покушения эксперты фирмы «Даймлер-Бенц» обследовали автомобиль. Я тоже его осмотрел и был поражен. Я не понимал, как могло получиться, что мы, находясь внутри, остались в живых? В моем сердце до сих пор живо теплое чувство к этому искореженному автомобилю. Он и сейчас стоит у меня в гараже – свидетель хорошо спланированного, но не увенчавшегося успехом покушения, которое, как было установлено впоследствии, целых шесть месяцев готовилось на российских военных базах в Чечне.

Между прочим, покушение, по-видимому, предполагалось произвести за день до того, как это случилось на самом деле. Однако в назначенный день я по каким-то причинам ушел с работы неожиданно рано, так что участники теракта, несмотря на полученный ими сигнал, не успели вовремя занять намеченные позиции.

После этого покушения прошло не так много времени, когда премьер-министр Российской Федерации Евгений Примаков, родившийся и выросший в Тбилиси, осматривая военную технику, раздраженно спросил: «Если эти минометы способны уничтожить танк, то почему же они не могут взорвать бронированный “мерседес”?»

Что тут скажешь? Вот стоит расстрелянная машина, а вот я – живой! Бог меня спас.

Несколько дней спустя, 13 февраля 1998 года, я сказал одному журналисту из газеты «Сакартвелос Республика» (Грузинская Республика): «Теракт такой мощности, такого уровня техники исполнения, такого качества и профессионализма возможен только как акция международных террористических сил. Эти силы обладают огромной мощностью, а нас слишком мало, и пока еще мы не в состоянии их победить. Все планируется в таких сферах, что понадобится немало времени, чтобы до них добраться».

Хотя нам удалось задержать некоторых участников покушения и отдать их под суд, тем не менее фигуры, руководившие покушением из-за кулис, остались неизвестными. Также до сих пор неизвестны заказчики убийства Карена Демирчяна, выдающегося государственного деятеля, председателя армянского парламента, и Вазгена Саркисяна, премьер-министра Армении. Вместе с другими депутатами, известными своим независимым мышлением и самостоятельностью в поступках, 27 октября 1999 года они были расстреляны из автоматов убийцами, ворвавшимися в зал парламента Армении.

Еще во времена Советского Союза у меня были очень теплые отношения с Кареном Демирчяном, который тогда являлся главным руководителем Армении.

Это был человек высокой культуры, получивший хорошее образование. После развала Советского Союза он на короткое время вернулся к своей профессии (он был инженером), но вскоре его избрали в парламент. Его смерть стала тяжелой утратой для братского нам народа. В день похорон Карена Демирчяна в Грузии проходили выборы. Я оставил все дела и вылетел в Ереван, чтобы проститься со своим другом.

Я знаю: сегодняшней президент Армении Роберт Кочарян делает все, чтобы это ужасное убийство не осталось нераскрытым. От всей души хочу пожелать ему успеха.

На следующий день после покушения я находился на заседании, когда помощник попросил меня подойти к телефону. Я спустился в свой кабинет. Звонил Ельцин. Он поздравил меня с тем, что я жив и здоров после такого теракта. Я поблагодарил. В его звонке не было ничего удивительного – по-человечески нас многое связывало, да и как политик он кое-чем был мне обязан. Разговор получился сердечным, душевным, а когда я хотел попрощаться, Ельцин сказал: «Подождите, не так быстро, мне еще надо кое-что с вами обсудить!»

Ельцин хотел обсудить каспийские энергетические ресурсы. Он сказал: «Я знаю, что вы заинтересованы в транспортировке каспийской нефти и газа на Запад. Вы должны знать, что транспортировка не будет проводиться через Грузию». – «Почему?» – спросил я.

«Потому что энергоносители через Россию – а не через Грузию – транспортируются», – отвечал он. Мои позиции были надежными: очень скоро должен был состояться запуск нефтепровода Баку – Супса. По строительству магистрали Баку – Тбилиси – Джейхан решение тоже было принято. Полным ходом шло проектирование газопровода Баку – Тбилиси – Эрзерум. Так что я не стал ввязываться в дискуссию с Ельциным, ограничившись кратким замечанием о том, что у Грузии нет ни нефти, ни газа, и поэтому, если кто-нибудь хочет построить на нашей территории трубопровод, нам трудно

ответить «нет». При этом я подумал: «Вы гигантская страна с необозримым транспортным потенциалом. Вы продаете неисчислимы количества нефти и газа, вы понятия не имеете о таких проблемах, как дефицит энергии – не говоря уже о прочих проблемах, таких, например, как нехватка зерна и тому подобное. По какой причине вас так сильно волнует наша крошечная Грузия?» Но ничего такого я не сказал. Я понял, что дело так или иначе уже решено. Кроме того, надвигалась война России с Чечней, и это вычеркивало любые обсуждения российского предложения из повестки дня.

Самым важным, однако, было то, что я – вопреки всем угрозам с российской стороны – не мог предать интересы Грузии. Как я мог нарушить слово, данное Алиеву, или повернуться спиной к США и Турции, которые так нас поддерживали?

К сожалению, Ельцин тогда говорил со мной в стиле первого секретаря ЦК партии, точно так, как если бы он сообщал партсекретарю маленькой республики о генеральной линии партии, давая общие указания. А ведь к тому времени между нами, собственно говоря, были совсем другие отношения. И во времена величайшей опасности я рискнул жизнью и встал на его сторону.

Но Ельцин был не единственным, кто повел себя подобным образом. Российские демократы, которые, кажется, всей душой стояли за демократию, моментально превращались в великорусских шовинистов, как только дело касалось интересов Российской империи. Русская демократия иногда похожа на маску, надеваемую специально, чтобы ввести в заблуждение иностранцев.

Я не хочу пускаться в рассуждения о том, насколько Россия была заинтересована в произведенных на меня покушениях. Я воспринимаю эти атаки в более широком и тревожном контексте. Мне кажется, что в данном случае речь идет об атаке террористов на современную цивилизацию.

ГЛАВА 'ТТТ

ТЕРРОРИЗМ – БИЧ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Сегодня мир болен терроризмом^{1*}. Фактически это объявление новой мировой войны, в которой нет видимой линии фронта, как нет и явного врага, и где каждый может стать жертвой. Террорист нарушает религиозные догмы и нормы этики, он не щадит никого – ни себя ни других.

Борьба против террористов жизненно необходима. Однако столь же необходимо преодолеть социальные и политические причины, порождающие терроризм и лишаящие людей возможности найти свое жизненное призвание по иную сторону от убийства и самоубийства. Были времена, когда чеченцы и другие народы Северного Кавказа, которых в царской России называли «дикими», населяли плодороднейшие земли в долинах, простирающихся вплоть до побережья Черного моря. Россия вытеснила эти народы из долин в горы. Кавказские войны продолжались десятилетиями, их вели самые прославленные российские полко-

¹ Лекция от 20 октября 2004 года – Международная конференция ИФБ (Баварский Ипо-унд-Ферейнсбанк АГ, Мюнхен).

* На конференцию «Где начинается и кончается Европа» Э.А. Шеварднадзе был приглашен как частное лицо. Выступить с лекцией и дать пресс-конференцию он прилетел в Мюнхен, однако в связи со смертью жены срочно вернулся в Тбилиси.

водцы, в том числе Александр Суворов и генерал Алексей Ермолов.

Пока одни генералы занимались покорением Кавказа, другие усмиряли непокорную Польшу. Однако в России не происходило ничего такого, чего не происходило бы в других странах и регионах планеты. Такое уж было время – эпоха завоевания и присоединения земель. Но то, что творилось в России, пугало проявлениями жестокости и нетерпимости.

Именно в ходе русско-турецкой войны возникло такое явление, как кавказский моджахеддизм. Оно явилось результатом вытеснения из империи мусульманской части северокавказского, абхазского и грузинского населения и превращения их в беженцев. Вследствие войн и «перетасовки» народов полностью угас северокавказский народ убыхи* и другие народы восточных просторов России (Сибирь).

Дело царей продолжил Сталин. По его приказу чеченцы и другие северокавказские народы в течение одной ночи были депортированы в Казахстан и в среднеазиатские степи только потому, что власть усомнилась в лояльности этих народов. Вернувшись домой после смерти Сталина, чеченцы обнаружили, что их дома и земельные участки заняты чужими людьми. Обо всем этом мало знают в Европе. Кавказ нечасто становится целью туристических поездок. Историю Кавказа не принято считать частью истории Запада, с которой среднестатистического европейца знакомят в школе. Для Западной Европы Кавказ далек и чужд.

Между тем в чеченской среде, скрыто или явно, пульсирует боль, вызванная исторической несправедливостью. Почти в каждой семье жива память об убитых и арестованных, во многих семьях есть инвалиды. Для будущего Чечни и России необходимо, чтобы обе

* Народность, выселенная в середине XIX века в Турцию и полностью исчезнувшая, возможно ассимилированная.

стороны освободились от кошмарного прошлого. Но возможно ли это? Я убежден: это было бы возможно при последовательном и неуклонном проведении политики, которая на Западе известна под названием «гласность».

В основе этой политики заложена сознательная установка – не пренебрегать другими людьми. Это не просто политика, но и жизненная позиция. Неважно, что представляет из себя «другой»: для меня будет лучше, если я попытаюсь познакомиться с ним и узнать о нем больше. Воспитать в себе такое отношение к людям очень нелегко, однако в отличие от стратегии насилия и запугивания оно может дать гарантию сохранения стойкого мира. Гласность – не что иное как изучение истории, диалог с другими, поиск ответов на вопросы, считающиеся запретными, освещение потайных уголков сознания, мужественное признание ответственности – и все это ради прочного долгого мира.

Только дипломатией и переговорами можно было достигнуть такого развития событий, когда боль прошедших лет, нанесенная чеченцам русскими при этнических чистках, не вызывала бы более ни желания отомстить, ни самих актов отмщения. Но вместо этого в дело пошли имперские расчеты России, для которых потребовалось разжечь сепаратистское движение и агрессию, а также наращивать вооружение. Когда ведешь себя таким образом, нужно изменить лишь одно – направление ответной агрессии. Не Россия, другая страна должна была стать мишенью, а именно Грузия. Эта маленькая страна на юге Кавказа с древней культурой, которая только что, после семидесяти лет российской аннексии, вновь обрела политическую независимость и освободилась от навязанного ей российского диктата.

С помощью российских спецслужб была создана Конфедерация горских народов Северного Кавказа, то есть народов, входящих в состав Российской Федерации. А вот столицей этой конфедерации был объявлен – как

это можно объяснить? – город другого государства, а именно Сухуми, столица Абхазии, входящей в состав Грузии. Конфедерации для полного успеха оставалась лишь мелкая незначительная деталь: завоевать названный город в названной стране. Одновременно с созданием конфедерации российские спецслужбы всеми доступными средствами разжигали сепаратистские настроения среди этнических абхазов. В качестве вознаграждения за выход из состава Грузии абхазам была обещана гегемония в Конфедерации горских народов Северного Кавказа. Так началась необъявленная война России против Грузии, вошедшая в историю под названием «абхазская война». В этой войне Россия использовала своих солдат и снабжала оружием абхазских повстанцев и чеченские группировки.

Видимо, Россия предполагала таким образом убить двух зайцев:

- 1) устранить вооруженные группировки северокавказцев, наиболее активной безработной части населения;
- 2) создать предпосылки для завоевания Абхазии и таким образом получить выход к Черному морю.

Обе цели оказались достигнутыми. Но то, что произошло в Абхазии, являлось государственным террором против Грузии, спланированным и профинансированным на высочайшем уровне. России удалось фактически отделить Абхазию от остальной Грузии. Проведением акции по распространению в Абхазии российских паспортов, открытием железнодорожной линии и кампанией по скупке недвижимости Россия сделала свои намерения абсолютно понятными.

300 000 человек изгнали с исконно грузинских земель лишь потому, что они были грузинами. Десятки тысяч, спасаясь бегством горными тропами, погибли от холода и голода. Таков результат войны, которая велась с использованием армии, военно-воздушных и военно-морских сил России.

Обо всем этом я говорил на Генеральной Ассамблее ООН еще в 1992 году. Это было первым выступлением в этой знаменитой международной организации политического главы новой, хотя и наполовину разрушенной Грузии. По моему запросу дважды проводились заседания Совета Безопасности, на которых я поднимал вопрос о беженцах. Не могу сказать, что Совет Безопасности не реагировал на мои заявления. Он принял двадцать восемь резолюций, однако ни одна из них не была реализована.

Мировая история учит нас, что каждое большое событие сопровождается противоположно направленной – и, по сути, неприемлемой для человечества тенденцией.

После завершения холодной войны мы пережили, наряду с возникновением независимых государств, распространение сепаратистских движений и терроризма, никогда прежде не имевших места в таком масштабе. К сожалению, современный мир еще не успел убедиться в том, что между этими двумя явлениями есть явная взаимосвязь. До тех пор, пока агрессивный сепаратизм существует как явление, мы не застрахованы от терроризма. И самой большой опасности подвержены в первую очередь те народы и государства, которые поддерживают сепаратизм.

В сентябре 2004 года в ООН выступал уже новый президент Грузии. Все упомянутые мною проблемы он изложил предельно четко и ясно. Посмотрим, к каким результатам это приведет.

Возможно, что раньше, в 1992 году, некоторые усматривали образцовый пример политической гибкости в том, как Россия использует чеченцев против Грузии. Но мне недостатки такого маневра были видны изначально. Любая аморальная политика обречена на неудачу. Историческую несправедливость прошлого, когда Россия производила этнические чистки Чечни от чеченцев, нельзя заглаживать новой несправедливостью, когда чеченцы участвуют в чистках Абхазии от этнических грузин.

Поэтому в 1993 году я предостерегал Россию: «Все это бумерангом вернется обратно к вам». Мои слова слышал весь мир. Так и произошло: началась русско-чеченская война.

Несмотря на то что террористы чеченской национальности накопили опыт, совершая массовые убийства грузин в Абхазии, ни я, ни грузинский народ не поставили знак равенства между Чечней и терроризмом. Это дало нам возможность предоставить убежище примерно 10 000 чеченских беженцев после того, как Российская армия погнала их в сторону Грузии. Стояла зима. У нас царила нужда, но никому не пришло в голову захлопнуть дверь перед беженцами, ранеными, детьми, женщинами и стариками, не поделиться с ними своей скудной пищей. Я должен упомянуть еще об одном факте: когда Россия обвинила нас в том, что мы даем убежище террористам, все чеченские мужчины, способные передвигаться на собственных ногах, сами покинули Грузию, чтобы не создавать нам лишних проблем.

Боюсь, что о Грузии в Европе знают недостаточно. У меня это вызывает большое сожаление, потому что Грузия всегда ощущала себя частью Европы.

В процесс борьбы с терроризмом каждая страна должна внести свой вклад. Но Европе и Соединенным Штатам Америки выпадает особая роль. Мое предложение состоит в том, чтобы организовать Центр по борьбе с международным терроризмом в Европе с филиалами во всех странах, включая Грузию, которые, хотя и не являются членами ЕС, выражают желание стать частью единой системы по преодолению терроризма. При содействии США эта организация может стать сильной структурой, решения которой будут обязательными для всех стран – членов этой организации. Организация должна разработать широкую программу по исследованию разных форм проявления терроризма, его очагов и причин возникновения. Существование такой организации имеет смысл как минимум по двум причинам.

Она могла бы:

1) координировать действия стран ЕС против терроризма и

2) ускорять распространение знаний о главных аспектах культуры, традициях и истории тех стран, которые не являются (или пока не являются) членами ЕС.

Не сомневаюсь, что основательные исследования заинтересованных людей привели бы нас к пониманию того, что все чуждое нам считается таким же чуждым и неприемлемым также и для тех людей, чьей национальностью и религией прикрываются террористы. Ислам отличается от христианства, но в процессе диалога мы смогли бы узнать, что убийственный и ужасающий фанатизм, проявившийся 11 сентября 2001 года, воспринимается не только христианами, но и мусульманами как нечто отталкивающее и недопустимое. Агрессивный фанатизм и фундаментализм так же чужды исламу, как и христианству.

Гнусное преступление в Беслане в сентябре 2004 года является кошмаром не только для нас, но и для того народа, чьи представители подозреваются в совершении этого террористического акта: ведь ребенок – это высочайшая и неприкосновенная ценность в кодексе чести кавказских гор.

Каждая отдельная страна в объединенной Европе своеобразна и не похожа на остальные страны. И все-таки несхожее похоже. Многие народы и государства не так уж далеки друг от друга, как может показаться на первый взгляд. Европейские страны преодолели не «инакость», не разнородность – они преодолели отчуждение. Я считаю это великим достижением новой Европы, к которому нужно стремиться всем. С таким же именно великодушным импульсом миролюбия новая Европа должна относиться к главному вызову нового столетия, к проблеме преодоления международного терроризма.

Очевидно, что новая Европа в данное время занята собой. В Германии, например, активно проводятся ре-

формы. Каждому ясно, что Европа «ушла в себя». Но очень скоро она «распахнется».

Мой друг Ганс-Дитрих Геншер, выдающийся политик и государственный деятель, подтвердит: когда мы совместно с другими коллегами открывали границы, когда мы вызывали к жизни доктрину нового миропорядка с объединенной Германией и с утверждением западных ценностей в восточноевропейских странах, никто из нас не стремился к тому, чтобы Европа погрузилась в себя и «благодушно дремала»*. Поставив перед собой цель – преодоление холодной войны, – мы добились ее окончания, но вовсе не для того, чтобы передвинуть линию фронта.

Я хотел бы еще раз подчеркнуть: мир ждет от Европы, что она примет на себя руководящую роль в деле борьбы с терроризмом. А дорога к установлению безопасного мира может идти только через диалог.

Таковы убеждения человека, который чудом остался жив после трех покушений и в течение долгих лет представлял собой мишень для разного рода измышлений и клеветы. Такое отношение ко мне я называю моральным террором и горд тем, что в критических ситуациях мне всегда удавалось урегулировать сложные события в жизни народов таким образом, чтобы не пролилась кровь. Таковы мои убеждения. Убеждения человека, который несмотря ни на что не чувствует, что он проиграл. Наоборот – он ощущает себя победителем. Не только в плане частной морали, но и в плане профессиональной политики, потому что знает: те цели, к коим он стремился вместе со своими коллегами и единомышленниками, снова превратятся в идеалы для многих людей и будут определять многое в международной политической жизни наступившего столетия.

* Вероятно, аллюзия на Артура Конан Дойла: в одном из рассказов о Шерлоке Холмсе немецкий шпион говорит, что миссис Хадсон напоминает ему самую старую Англию – «погружена в себя и благодушно дремлет».

ЭПИЛОГ

ПИСЬМО ПОТОМКАМ

Это письмо, обращенное к моим современникам и читателям из отдаленного будущего, я пишу в начале двадцать первого века, в моей резиденции в грузинском Крцаниси. Сейчас раннее утро, оно наполнено теплом и светом осени, обычных для Тбилиси. Стоит поразительная тишина. Можно услышать, как шепчутся листья. Хочется задержать дыхание и вслушиваться в молчание природы – в эти огромные, тихие мировые думы, идущие из глубины времени и безразличные к его течению. Нам, кому позволено лишь недолго побыть в этом мире, не остается ничего большего, как застыть на один краткий миг и воспринять его величие.

Но мне хочется, чтобы читатель узнал, какие события происходили раньше и как они происходили. Ибо без исторической памяти не бывает ни настоящего ни будущего.

Было время, когда я верил, что окончание холодной войны, преодоление конфронтации между военными блоками, налаживание отношений между Советским Союзом и Западом и другими регионами мира, воссоединение Германии, вывод войск из Афганистана принесут с собой долгий устойчивый мир – пусть не вечный, но все-таки продолжительный. Мне казалось, что были все основания в это верить, но все обернулось кратким быстротечным затишьем. На смену тем конфликтам

явились конфликты иного рода. Правда, «империя зла» рухнула, но заложенные ею мины замедленного действия стали взрываться одна за другой в определенное время, в определенных местах, по преимуществу в странах, возникших на территории бывшего Советского Союза. Всего пятнадцать стран, и все они имеют свое представление о демократии, ищут собственный путь к построению самостоятельного государства.

Моя Грузия принадлежит к этим пятнадцати государствам. При мысли о ее настоящем и будущем мне становится больно и горько. Именно это ощущение делает мой возраст почти невыносимым, поскольку я уже ничего не могу изменить, не могу отвести беду и предотвратить опасность. Новому времени нужны новые люди.

Надеюсь, что эта книга вынудит задуматься будущих руководителей нашего государства. Завтра они – создатели новой страны, избранные представители народа, лучшие представители своего времени и своей страны, носители общепринятого между народами мировоззрения – должны будут взять ответственность на себя. Чтобы суметь управлять настоящим и верно оценивать будущее, им придется хорошенько обдумать прошлую историю нашего народа. Тот, кто получит власть, должен знать, что часть проблем и опасностей имеет локальный характер, что они важны лишь для нашей страны и нашего народа. Но существуют и глобальные проблемы, угрожающие всему миру. К сожалению, мы уже знаем о реальных катастрофах, отнявших и продолжающих отнимать жизни сотен тысяч людей в развивающихся и в развитых странах.

Что с нами станет лет через пятьдесят или сто? Каким станет мир? Как он будет выглядеть с точки зрения демографии и политики? Каким станет человек? Что скажут потомки о нас и о прошлом?

Многое, что сейчас вызывает у нас эйфорию, им, наверное, будет безразлично. Что-то из важных событий, происходящих сегодня, уместится в две-три строки

учебника по истории или станет сухой статистикой. (Например: в 2005 году цунами, торнадо и наводнения в Азии и в Северной Америке унесли сотни тысяч человеческих жизней и причинили миллиардный ущерб конкретным странам в этих регионах и всей мировой экономике.) Вызванные потеплением климата личные человеческие трагедии будут пережиты и забыты. Катастрофы прошлого никого по-настоящему не потрясут. Впрочем, если и дальше все будет продолжаться так, как в начале двадцать первого века, то к упомянутому времени не останется читателей, чтобы прочесть в учебнике истории и эти две-три строчки. Природные катастрофы 2005 года – это самые серьезные предупреждения из всех, которые человечество получило от природы, точно так же, как террористическая атака 11 сентября 2001 года стала самой ужасной угрозой, которую люди могли получить от людей.

Однако эти предостережения сегодняшний мир не хочет воспринимать с полной мерой ответственности. Человечество в слепом упрямстве продолжает с нарастающей интенсивностью совершать именно то, от чего эффект глобального потепления может стать еще более разрушительным и необратимым, и не задумывается над тем, что это грозит смертельными последствиями для мужчин и женщин всех возрастных групп и религий, для добрых и злых людей, для террористов и анти-террористов, для больных и здоровых.

Есть один-единственный выход. Для каждого человека, для каждого государства, для мирового сообщества и всех международных организаций проблема всемирного потепления и предотвращение изменений мирового климата должны стать приоритетными. Считаю, что нам следует задействовать все возможные ресурсы ради того, чтобы сдержать это явление.

Создание всемирной программы, обоснованной с научной, экономической и финансовой точек зрения, тоже кажется мне своевременной. Наш образ жизни

должен измениться. Отчуждение по отношению к природе следует заменить разумным чувством сопереживания, единения с природой. Мы забыли многое, о чем знали наши предки, надо вернуть то, что мы потеряли.

Считаю, что это – проблема проблем. Поколениям двадцать первого века, людям с другим менталитетом, другими возможностями и с совершенно другой степенью ответственности предстоит с нею справиться.

Будущее мирового сообщества зависит от еще одного судьбоносного вопроса – демографии. Уже сегодня демографические проблемы вносят свои коррективы в общемировой порядок. Нерегулируемые процессы рождения и смерти среди населения взорвут изнутри человеческую цивилизацию. В мире будущего определяющим станет процент рождаемости. Не будет иметь значения, кто и какой вклад внес в историю человечества, кто обладает наибольшим интеллектуальным или технологическим потенциалом, кто сильнее, богаче других. Европе, России, Соединенным Штатам, Японии и некоторым другим государствам угрожает демографическая катастрофа. Культуре этих стран, так же как и репрезентантам этих разнообразных культур, грозит опасность исчезновения, в случае если не возникнет какого-то принципиального новшества, которое радикальным образом сможет изменить развитие событий.

Грузии и грузинской культуре грозит та же опасность. По последним данным, население Грузии составляет четыре миллиона человек. Во времена Советского Союза это число превышало пять миллионов. По прогнозам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в 2025 году население Грузии составит 3,75 миллиона человек, а в 2050 году – всего 2,76 миллиона. И что тогда будет в 3000 году? Останемся ли мы еще на Земле?

Население России с сегодняшних 147 миллионов человек сократится в 2050 году до 114 миллионов. Население российского соседа Китая, напротив, вырастет на

250 миллионов. Значительный прирост населения прогнозируется и в других азиатских государствах.

Каждой нации нужна уверенность в том, что ее существование, ее культура и территория не подвергнутся внутренней или внешней агрессии. При защите собственных прав каждая нация желала бы, если позволите так сказать, надеяться на поддержку международного сообщества.

Этносы, которые не могут ужиться с автохтонными этносами и их культурой, рано или поздно начинают с ними борьбу – при этом речь идет о том, чтобы в истории занять место получше, а в настоящем – наиболее удобную территорию. Таким образом история аборигенных народов начинает свой путь к забвению...

Столкновения иммигрантов и их потомков с местной культурой – одно из проявлений «войны цивилизаций», которая уже разразилась и интенсивность которой в начавшемся веке будет только нарастать.

Если не произойдет никаких принципиальных изменений, если процессы сближения местных и пришедших этносов и культур не будут целенаправленно регулироваться; если не стимулировать процесс поиска и обретения ценностей, которые все народы без исключения могли бы воспринять как свое общее дело; если при выработке общественного сознания забыть об общих целях, то очень скоро высокоразвитые европейские нации превратятся в национальные меньшинства и потерпят фиаско. «Огненный» ноябрь 2005 года в Париже был в этом смысле вызовом, который Европе следовало бы принять во внимание и начать незамедлительный поиск адекватной модели поведения.

Вот о чем нужно думать поколениям двадцать первого века, вот на что следует обратить внимание!

Подумайте также, как можно сохранить национальные традиции – в семье, в любви, в дружбе и в отношениях между людьми. Не пренебрегайте своими национальными особенностями – именно в них окружающий

мир черпает своей интерес к вам. Будьте толерантны и одновременно не теряйте чувства собственного достоинства, не пренебрегайте достижениями мировой цивилизации!

Вам на долю выпало большое счастье, поскольку по воле Господа вы явились в этот чудесный мир. Поэтому надо стараться развить в себе все свои дарования. С честью представляйте свою страну, учитесь любить свой народ и другие народы, научите своих потомков этой любви.

Любовь к людям часто начинается с любви к конкретному человеку, заботы о мире начинаются с забот о собственной стране, спасение человечества начинается со спасения собственной нации. Это старые истины, и пренебрежение ими не приносит человечеству ничего кроме бед и несчастий.

Лишь таким образом вы сможете защитить свою нацию и культуру от еще одной, следующей опасности, которая называется глобализацией.

Процесс глобализации оказывает мощное влияние на сегодняшний мир. В основе своей это положительное влияние, но в нем есть и отрицательные черты. Глобализация может принести много хорошего и причинить зло: все зависит от того, как к ней приспособиться, где и как найти свое место при сложной экономической, финансовой и политической динамике. Из-за глобализации государства могут обогащаться или беднеть, их экономика может быть усилена или ослаблена. Национальные культуры либо развиваются благодаря ей, либо ею уничтожаются, поскольку глобализация воздействует на глубины политики, морали и общественного сознания. У нас много забот. И много дел.

Международным организациям, которые в большей или меньшей степени вмешиваются в развитие нашего государства, следовало бы всякий раз принимать в расчет наши национальные традиции, особенности и возможности.

Каждой стране нужно найти свой собственный путь. Для Грузии и грузин сохранение себя как нации в эпоху глобализации возможно только при сохранении и усилении научного, культурного и технологического потенциала, которым Грузия всегда отличалась.

Мы должны сохранить учебные заведения, заслужившие международное признание, крепкую научную базу и культурные центры. Нельзя допускать потери традиций, и наша молодежь должна с детства получать мотивацию к обретению знаний.

В нашей стране решение перечисленных выше проблем должно стать комплексной государственной программой культурного, научного, образовательного, экономического и финансового развития. При этом нужно учитывать особенности каждого поколения, чтобы избежать конфликта между отцами и детьми. Наша страна имеет традицию уважения к старшим, и ее тоже нужно непременно сохранить.

Одной из негативных черт глобализации является то, что развитые в экономическом и технологическом отношении страны своими технологиями – иногда и непреднамеренно – причиняют вред культуре стран, менее развитых технологически. Этот процесс необходимо взять под постоянный контроль, забота о сохранении ценностей, определяющих самобытность той или иной страны, должна быть объявлена приоритетной. Нельзя допустить, чтобы технология наносила вред культуре.

Технологическое, экономическое или военное превосходство не имеет ничего общего с превосходством развитой культуры. Это не сравнимые вещи.

Желание с уважением и готовностью понять культуру другого народа приведет к исчезновению причин для возникновения ответной агрессии и не оставит места для терроризма, который в настоящее время вызывает в нашем сознании поток страшных мыслей о третьей мировой войне.

Война уже началась. Если она не прекратится в самое ближайшее время, победителей в ней не будет. Ареал войны расширяется, масштабы растут, число жертв увеличивается, а наносимый материальный и моральный ущерб становится все крупнее. Человечество приближается к грани, за которой угроза применения ядерного и биологического оружия делается все более реальной. В этом случае нас ждет катастрофа.

Никому не дозволено навязывать другим свой стиль жизни, никто не имеет права решать, какие ценности должны быть у других людей. Мы все свободны в своем выборе, однако лишь до тех пор, пока наша свобода не вредит другим людям, народам и странам. Сейчас наступила пора, когда представители разных цивилизаций, обладающих уважением и влиянием, должны будут собраться за столом переговоров и вместе найти путь к спасению нашего общего будущего – будущего тех, кому непосредственно предназначается эта книга.

На повестке дня непременно окажется тематика, связанная с агрессией и сепаратизмом, представляющим собой питательную среду для активного взращивания терроризма и возникновения межнациональных конфликтов.

К сожалению, сегодня ни международным объединениям (мои слова относятся и к ООН), ни большим государствам (про малые даже можно и не упоминать) не удастся противостоять терроризму и сепаратизму и держать под контролем обстоятельства их возникновения.

Вероятно, я старомоден – что не удивительно, поскольку в моем возрасте легко сделаться консервативным, – но я убежден, что непрерывный поиск пути к Богу, религиозная толерантность и желание понять людей другой веры должны стать высочайшим принципом совместной жизни людей на нашей планете. Ни одна религия не призывает убивать людей, не требует массового убийства иноверцев. Мы живем не в средние века и, надеюсь, создадим механизмы, которые не позволят нам

вернуться в Средневековье. Двадцать первый век должен научить нас охранять различия в вероисповедании.

Высочайшие общечеловеческие ценности были прославлены под религиозными знаменами. Под теми же знаменами затевались войны и уничтожались целые народы. Сегодня мы живем в эпоху, когда религиозные различия следует сделать средством для сохранения мира. Религиозные помрачения сознания не имеют ничего общего с Богом.

И, наконец, мне хотелось бы, чтобы мои потомки знали, что грузинская нация была воспитана на поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Ее корни – в грузинских традициях и в семье: в семье из трех поколений, где дитя или внук, родители и родители родителей – все имеют свое законное место и пользуются уважением, где каждый, как положено, окружен заботой и любовью, где все имеют свои права и свободы.

Я уверен, что благодаря этой семье Грузия смогла выжить и имеет возможность существовать сегодня.

Семья создана Богом для продолжения рода и для сохранения нации. Такой семье и ее чести следует воздать должное уважение.

На этом я хотел бы закончить. Перед вами, читатели, вся моя жизнь. Все мое время, со всем, что было в нем доброго и плохого. В этой книге описываются мои неудачи и мои победы.

Следуя способностям, данным мне от рождения, я добился того, чего мне позволили добиться время и сложившиеся обстоятельства. Желаю вам добиться большего, принести пользу миру и человечеству.

С надеждой на это я и написал свою книгу.

Алфавитный указатель упомянутых лиц

А

Абашидзе Аслан 32, 33, 362, 367
Абашидзе Мемед 33
Абуладзе Тенгиз 8, 54–58, 61
Ага Мохаммед-хан 267, 312, 313
Адамия Гено 343
Акино Бенинго 138
Акино Корасон 137, 138
Александр 312
Александр I 180, 313
Александр II 310
Алиев Гейдар 294, 371, 390–393, 398
Алиев Ильхам 392
Алиева Фатима 391
Андриадзе Ираклий 62
Андропов Юрий 68, 69, 199
Анкваб Александр 338
Антал Йозеф 227
Амирэджиби Чабуа 385
Ардзинба Владислав 324, 327, 328, 334,
337–339, 342–344, 348, 359, 361, 382
Ахалая Сосо 339
Ахледиани-Шеварнадзе Нино 21, 22,
43–45, 55, 62, 64, 202, 203
Ахромеев Сергей 164

Б

Бабурин Сергей 333, 334, 346
Багапш Сергей 338
Баграт V 246
Бакатин Вадим 228
Балтин Эдуард 373
Барак Эхуд 29
Басаев Шамиль 331
Батиашвили Ираклий 254, 343, 363, 364,
367
Бейкер Джеймс 29, 33, 73, 84, 109–111,
121, 122, 154–156, 166, 194, 197–199, 215,
230, 249, 254, 290, 291, 293, 297, 302, 303
Бенедикт XVI 173
Беридзе Отар 340
Беридзе Русудан 385
Берия Лаврентий 245, 335
Бессмертных Александр 13, 75, 167, 168
Бетелл Никола 357
Брежнев Леонид 68, 79, 133, 134
Брейтвейт Родрик 283
Бурбулис Геннадий 206
Бурджанадзе Нино 31
Бутрос-Гали Бутрос 358
Буш-младший Джордж 12, 37, 39, 294

Буш-старший Джордж 73, 78, 85, 90, 110, 111, 119, 120, 160, 215, 277, 294

В

Валенса Лех 169

Вахтанг VI 281, 312

Векуа 362, 364

Велаяти Али Акбар 104, 106–108, 220

Владимир Мономах 311

Войтыла Кароль см. Иоанн Павел II

Вольский Аркадий 201

Г

Габашвили Котэ 367

Гамсахурдиа Звиад 239–245, 247–253, 255, 256, 258, 268, 272–275, 277, 284, 290, 292, 296, 299, 300, 302, 322, 324–326, 341, 346, 359, 362, 364, 370

Гамсахурдиа Константин 239, 245, 285

Ганди Индира 52–54, 272

Ганди Санджай 53

Гахокидзе Серго 255

Гebbельс Йозеф 86, 157

Геншер Ганс-Дитрих 11, 17, 76, 77, 86, 148, 150–155, 157–164, 166, 167, 194, 197, 215, 254, 275, 278, 279, 281, 282, 408

Георгий Блистательный 246

Гeфтер Михаил 185

Гилашвили Павел 53

Гиоргадзе Игорь 343, 389

Гитлер Адольф 110, 183

Гогоберидзе Л. 246

Гогуа Алексии 319

Гогуадзе Вахтанг 385

Голь Шарль де 255, 387

Горбачев Михаил 8, 9, 11, 12, 15, 16, 58–60, 67–74, 78, 84–93, 95, 98, 103, 104, 106–108, 110, 112, 113, 117, 119, 120, 123, 138, 142, 143,

146, 147, 152–154, 156–160, 163–165, 167, 169–171, 181, 182–185, 189–194, 196, 198–209, 211–213, 215, 216, 219, 222–231, 248–250, 320

Горбачева Раиса 59, 72, 88

Грачев Павел 355, 362, 363, 371

Гришин Виктор 70

Громыко Андрей 69–71, 81, 91, 182, 195, 196

Груши Эммануил Робер де 255

Гудава Тенгиз 273

Гудович Иван 312

Д

Давид Строитель 311

Давиташвили Марина 20

Дальхофф Гюнтер 282, 283

Дауд Мухаммед 96

Деметра I 311

Деметрашвили Автандил 385

Демирель Сулейман 392, 393

Демирчан Карен 396, 397

Деникин Антон 281, 333

Джавади-Амоли аятолла 103

Джереджан Эдвард 147

Джобернадзе Авьл 367

Джохтаберидзе Гия 45

Джохтаберидзе Манана 45

Дзянь Дземинь 143

Дизраэли Бенджамин 278

Дионисий Ареопагит 52

Дипген Эберхард 168

Добрынин Анатолий 78, 93

Дэн Сяопин 11, 115, 142, 143

Дюма Ролан 155, 194, 277

Е

Екатерина Великая 313

Ельцин Борис 8, 183–185, 193, 201–203, 205–207, 212, 217, 220–231, 254, 300, 323,

326–328, 333, 338, 343, 344, 346, 348, 353,
358–361, 371, 372, 374, 376, 382, 397, 398
Ермаш Филипп 57, 60
Ермолов Алексей 402
Есенски Геза 227

Ж

Жвания Зураб 36
Жерар Этьен Морис 255

З

Зайков Лев 192
Зарандия Важа 339
Захир-шах 96, 97

И

Ибери Петре 52
Ибериели Антимос 170
Иванишвили Бидзина 63
Иванов Игорь 20, 82
Ивериану Антим см. Ибериели Антимос
Изабелла Кастильская 281
Изяслав 311
Илиеску Ион 170
Илия II 62, 172, 259
Ильичев Леонид 182, 183
Имедашвили Коба 20
Инцкирвели Гиви 385
Иоанн Павел II 169–173
Иоселиани Авто 367
Иоселиани Джаба 258, 274, 287, 297, 304,
337, 343, 344, 366, 373, 388, 389
Иракий II 267, 268, 312

К

Кавсадзе Александр 328, 367
Какуэй Танака 133
Калинина Юлия 347, 348

Кант Иммануил 168
Каркарашвили Гия 343, 363, 365, 373
Карл VII 281
Кармаль Бабрак 91
Картоциа Александр 21
Кастор (миф.) 350
Кастро Фидель 122–124
Кахетелидзе Ладо 395
Кахиани М. 246
Квицинский Юрий 163
Кебич Вячеслав 206
Ким Ир Сен 140, 141
Ким Чен Ир 140
Киров Сергей 233
Китовани Тенгиз 240, 241, 258, 274, 284,
297, 298, 302, 338–342, 388
Киссинджер Генри 113, 195–198, 254
Киштманд Султан Али 93
Клемент XI 281
Клинтон Билл 102, 294, 393
Кобалия Лоти 359
Ковалев Анатолий 182
Козырев Андрей 227, 230, 280, 327
Кокаури Давид 395
Колесников Геннадий 347, 365
Конан Дойл Артур 408
Кондратьев Георгий 382
Коль Гельмут 86, 153, 157, 160, 161, 163, 164
Костава Мераб 240
Кочарян Роберт 397
Коэн Уильям 295
Кравчук Леонид 185, 202, 205, 208, 219,
224, 226, 372
Крючков Владимир 93, 203
Кулумбегов Торез 287
Кунадзе Георгий 230
Куталадзе Вахтанг 394
Кучма Леонид 392

Л

Лази Иоанэ 52
Лапин Сергей 56
Лаптев Иван 201
Ленг Сари 127
Ленин Владимир 203, 245
Лигачев Егор 59, 60, 83, 85, 165
Литанишвили Отар 254
Лихачев Дмитрий 193
Ломая Темур 340
Ломинадзе Гиви 300, 327
Лордкипанидзе Гига 385
Лукин Владимир 215
Лукьянов Анатолий 248
Людовик XVI 281, 312

М

Майсурадзе Джимми 384
Макиавелли Николо 215
Мамардашвили Мераб 253, 273
Мамрадзе Петр 386
Мамулия С. 246
Маргиани Авто 373
Маркос Фердинанд 138
Масхадов Аслан 347
Махарадзе Ф. 246
Мгеладзе А. 246
Мгеладзе Гурам 203
Мжаванадзе Василий 341
Медея (миф.) 350
Меир Голда 49
Мейджор Джон 150, 277
Миндиашвили Арчил 62
Миттеран Франсуа 155
Митцлер Петер В. 20
Млечин Леонид 68, 167, 168
Молотов Вячеслав 179–182
Мурванидзе Амиран 383

Мусави Мир-Хоссейн 104
Мэтлок Джек Ф. 8, 85, 181, 260
Мюссо Мирей 194, 195

Н

Надареишвили Тамаз 338, 348, 361, 362
Наджибулла Мухаммед 91, 93, 95–97
Назарбаев Нурсултан 254, 393
Налбандян Дмитрий 213
Наполеон Бонапарт 255, 272
Нгуен Кот Тага 129
Неру Джавахарлал 54
Нессельроде Карл 68
Нетаньяху Биньямин 51
Николай святой 62
Никсон Ричард 101, 102
Нобору Такэсита 135, 136
Ноубари Хейрани 107
Нуцубидзе Ш. 52

О

Орбелиани Сулхан-Саба 172, 173, 281
Орджоникидзе Серго 233
Ортега Даниэль 124
Оцуп Петр 213

П

Павлов Валентин 203
Пальмерстон Генри Джон Темпл 272
Панкин Борис 209
Партадз 276
Парсонс Роберт 292
Пастухов Борис 347
Патаридзе Зураб 53
Патиашвили Джумбер 59
Пацация Отар 366
Петровский Юрий 345
Перес Шимон 50, 51

Петр Великий 224, 312
Петр святой 52
Пехлеви Реза 103
Плешаков Константин 219
Пол Пот 127, 130
Полидевк (миф.) 350
Попов Гавриил 201, 228, 229
Попхадзе Нугзар 56, 203
Примаков Евгений 110, 396
Путо Борис 203
Путин Владимир 115, 296

Р

Рабин Ицхак 51
Раймон Жан-Бернар 86
Рамсфелд Дональд 295, 296
Рафсанджани см. Хашеми Рафсанджани
Али Акбар
Рейган Рональд 73, 77–79, 81, 86–90, 147,
153, 231
Риббентроп Иоахим 179–181
Ростропович Мстислав 204
Руцкой Александр 201, 290, 298
Руставели Шота 52
Рчеулишвили Вахтанг 386

С

Саакашвили Михаил 31, 36, 261
Советсила Сиддха 128
Саджая Нугзар 29, 30
Саркисян Вазген 396
Себедашвили Арчил 395
Сейкидзе 339
Сигуа Тенгиз 240, 258, 274, 337, 338
Сигуткин 352
Симонян Гарик 395
Скоков Юрий 348
Смызский Николай 350

Собчак Анатолий 201, 202
Сологашвили Нино 21
Сосланбеков Юсуп 330
Сорокин 352
Сорос Джордж 27
Сосуке Уно 134, 136
Сталин Иосиф 105, 140, 151, 168, 183,
224, 245, 341, 350, 351, 357, 402
Старовойтова Галина 190
Степанов-Мамаладзе Теймураз 9, 20, 75,
201, 203
Страус Роберт 195, 198, 254
Суворов Александр 402
Сытин Павел 314

Т

Тамара 311
Тандашвили Гела 386
Тарасенко Сергей 20, 75
Тевсадзе Давид 373
Теймураз II 312
Тер-Петросян Левон 254, 371
Толстой Лев 309, 310
Толстой Михаил 215
Травкин Николай 217
Тэтчер Маргарет 78, 79, 145–150, 155

У

Устинов Дмитрий 79

Ф

Фердинанд Кастильский 281
Фокин Витольд 206

Х

Хаиндрава Георгий 340, 362, 367
Хаиндрава Ивлиан 240
Хаменеи Али аятолла 104, 107

Хасбулатов Руслан 298, 353
Хатами Мохаммад 107
Хау Джеффри 86, 145, 146, 148, 149, 194
Хашеми Рафсанджани Али Акбар 104, 107, 108
Хемингуэй Эрнест 124
Херд Дуглас 155, 277
Хирохито 134
Хогниман Э. 52
Хомейни аятолла 102–108
Хрущев Никита 123, 182, 224, 341
Хусейн Садам 109–112

Ц

Цициашвили А. 50
Цогарешвили-Шеварднадзе Нанули 21, 22, 43–45, 55, 62, 64, 202, 203, 237, 368, 391

Ч

Чарквиани Джансуг 385
Чаушеску Елена 170
Чаушеску Николае 170
Червонная Светлана 332, 339
Черненко Константин 68, 69
Черномырдин Виктор 360
Черчилль Уинстон 215, 272
Чиллер Тансу 392
Чиндарев 352, 353
Чихладзе Цицо 20
Чхеидзе Тамрико 274, 275
Чхеидзе Резо 56, 57
Чхихвадзе Рамаз 254

Ш

Шамиль имам 336
Шарон Ариэль 51, 52

Шартава Жиули 363–365
Шауро Василий 57
Шеварднадзе Акакий 151
Шеварднадзе Лаша 46
Шеварднадзе Паата 35, 45
Шеварднадзе Софи 46
Шеварднадзе Эдуард 7–13, 15–17, 21, 27, 39, 50, 57, 67, 76, 77, 81, 83, 84, 111, 120, 138, 139, 164, 166–169, 191, 193, 195, 199, 203, 214, 215, 219, 222, 246, 251, 256, 257, 259, 271, 272, 274, 279, 280, 291, 293, 326, 328, 333, 339, 340, 348, 384, 401
Шеварденидзе Каха 395
Шийко Вацлав 356
Ширак Жак 194, 254
Шульц Джордж 50, 73, 77–82, 84–89, 147, 197, 200
Шушкевич Станислав 185, 202, 206, 207, 224, 225

Э

Эгадзе Гезо 367
Элиава Акакий 364, 365
Элизбарашвили Гиви 394, 395
Юрий Боголюбский 311
Юшенков Сергей 215

Я

Язов Дмитрий 203
Яковлев Александр 60, 90, 159, 181–183, 190, 191, 193, 201, 202, 211, 212
Ясон (миф.) 350
Ярослав 311
Ярузельский Войцех 169, 170
Янаев Геннадий 192, 203
Ясухиро Накасонэ 254

Эдуард Шеварднадзе

КОГДА РУХНУЛ ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС
Встречи и воспоминания

Директор *В. Глазычев*
Главный редактор *Г. Павловский*
Ответственный за выпуск *Т. Рапопорт*
Художественный редактор *С. Захаров*
Технический редактор *А. Монахов*
Верстка *О. Павловский*
Корректор *В. Кинша*

Подписано в печать 15.09.2009. Формат 70×90 1/16. Гарнитура Charter.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 31,3.
Тираж 5000 экз.

Издательство «Европа»
119180, г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1.
Тел. 745-52-25, факс 725-78-67
e-mail: info@europublish.ru
Отпечатано с оригинал-макета
в «Типографии Момент»

Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе диктатором никогда не был. И поэтому у нас вызывает законную озабоченность, что смена власти в Грузии произошла на фоне силового давления. Те, кто организует подобные акции, и те, кто их поощряет, берут на себя огромную ответственность перед народом. В данном случае – перед грузинским народом, народом, с которым у России всегда были традиционные многовековые братские отношения.

Читателю мемуаров нужно быть готовым пройти через полосу «мертвого дождя» – антироссийских высказываний, которых немало на страницах книги. Автор со странной настойчивостью пытается обвинить СССР и Россию фактически во всех страданиях Грузии и грузинской нации... И это, на мой взгляд, вторая сторона трагедии, ибо в российской душе продолжают храниться теплые чувства к Грузии и ее народу.

Бесспорно, многие из наших скоропалительных суждений будут откорректированы при чтении книги Шеварднадзе. События, казавшиеся нам хорошо изученными и знакомыми, мы увидим в новом свете. Тот, кто захочет написать об истории того периода, о 80-х и 90-х годах прошлого века – этих «решающих десятилетиях», – не сможет обойти стороной эту книгу.

ISBN 978-5-9739-0188-2

9 785973 901882